

Российский
Межрегиональный
Союз
писателей

Академия Русской
словесности
и изящных искусств
им. Г.Е. Державина

ЗОЛОТОЕ СЛОВО

Литературно-художественный
журнал
ВЫПУСК 9

*По благословению о. Николая Епишева,
настоятеля храма Покрова Божией Матери
с.Борисово Старорусского района Новгородской
области*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
"ГАММА"
2014

3 79

*Литературно-художественный
журнал
Российского межрегионального
Союза писателей
при участии
Академии Русской словесности и
изящных искусств им. Г.Р. Державина*

Под общей редакцией Е.П. РАЕВСКОГО

Шеф-редактор: Н.А. Веселова

Редактор отдела поэзии: Е.П. Раевский

**Редколлегия: Л.Б. Ильина, С.Н. Скакун,
А.Н.Молоканов, А.М. Губаревская, Л.П. Кизик,
Е.В.Сакс, Ю.В.Бондарев (почетный член)**

При перепечатке ссылка на журнал «Золотое слово» обязательна

Официальный сайт
Российского Межрегионального союза писателей:
www.rmssp.pro

Официальный сайт АРСИИ им. Г.Р.Державина
www.arsii.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

*Журнал «Золотое слово» признан Президиумом Международного
Сообщества Писательских Союзов лучшим
литературным изданием по итогам 2013 года*

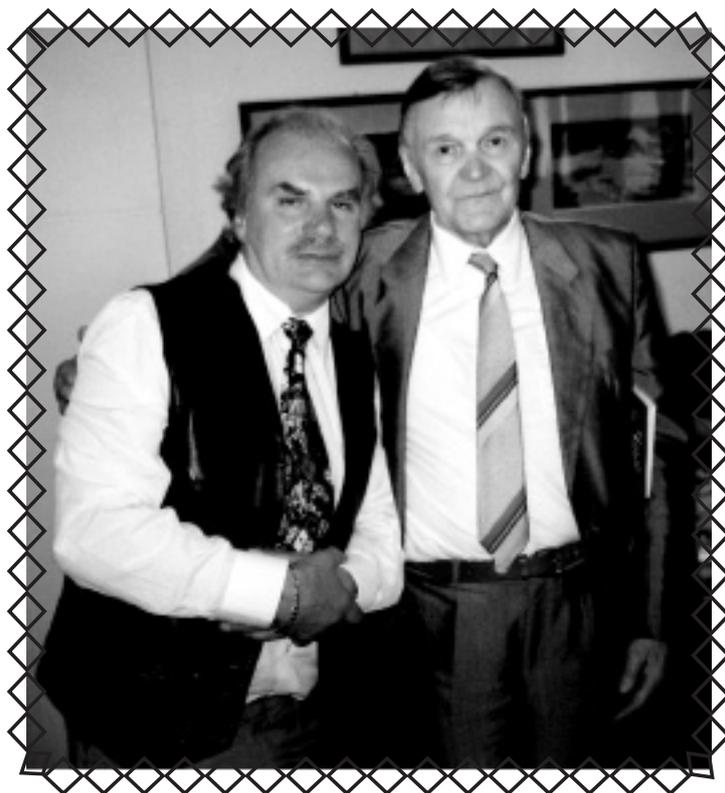
**На 1-й странице обложки - село Болдино,
музей-усадьба А.С. Пушкина**

ISBN 978-5-4334-0149-5

- © Коллектив авторов, текст, 2014
- © Н.А. Сафронова, оригинал-макет и обложка, 2014
- © Г.Н. Тарасова, фото на 1-й стр. обложки, 2014
- © И.А. Сафронов, фото на 4-й стр. обложки, 2014

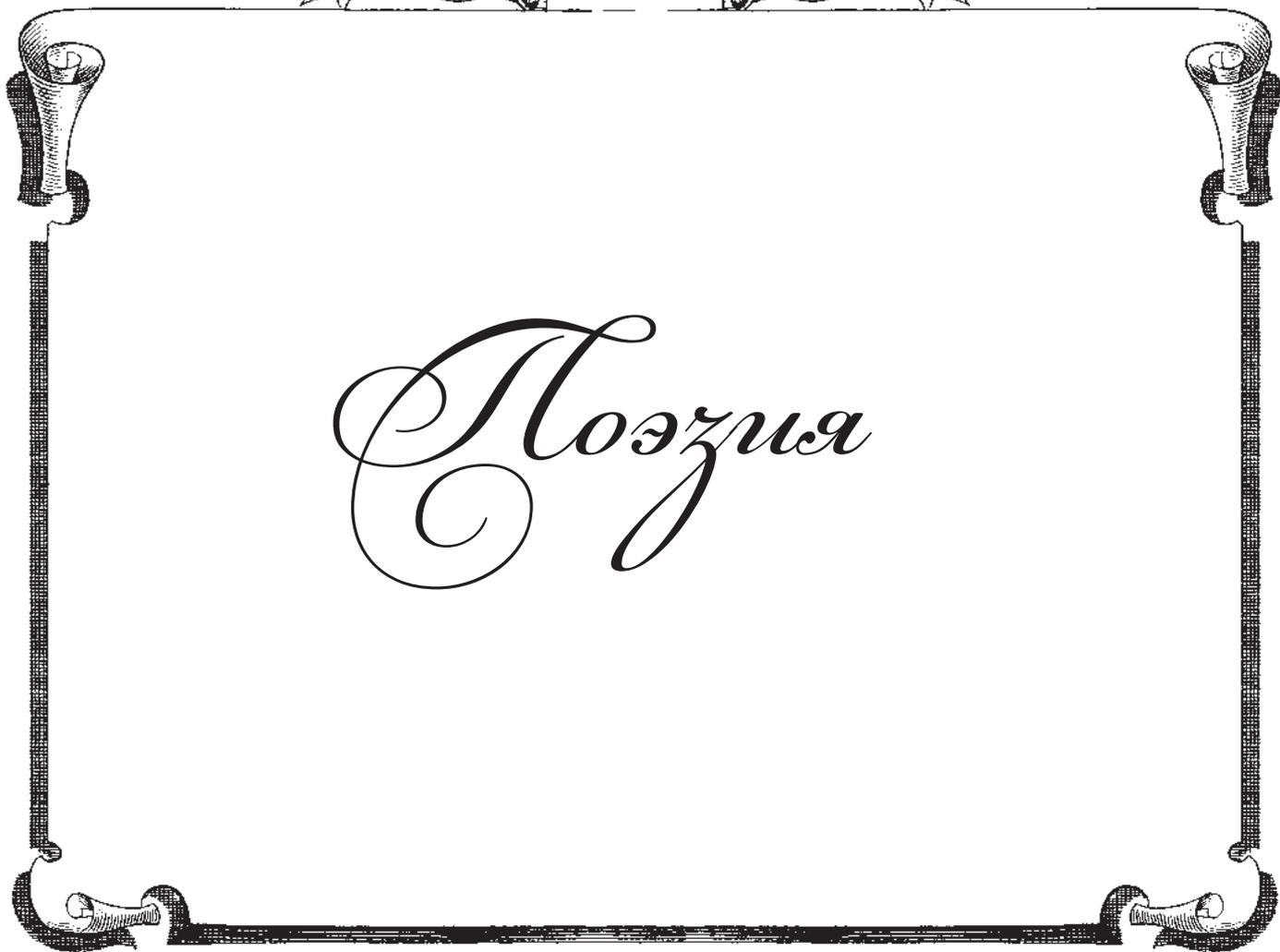
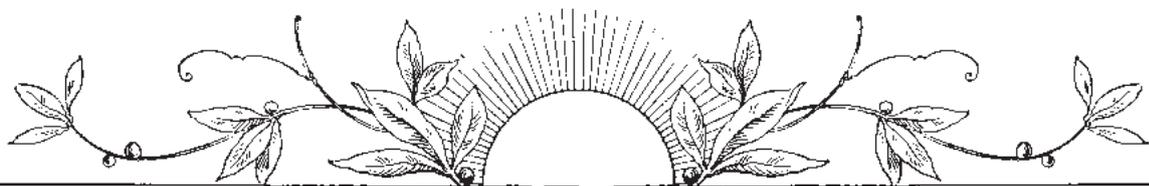
*Правление Российского межрегионального Союза писателей
и Президиум Академии Русской словесности
и изящных искусств им. Г.Р. Державина*

ПОЗДРАВЛЯЮТ
*великого русского писателя
Юрия Васильевича БОНДАРЕВА
с 90-летием*

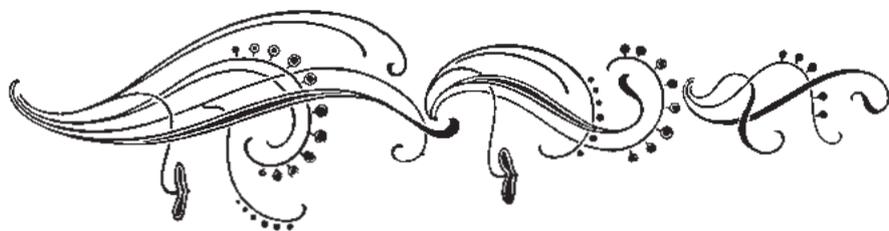

*«Российский межрегиональный Союз
писателей - единственная действующая
профессиональная писательская организация на
территории Российской Федерации, в которой за
основу деятельности взято
литературное творчество».*

Председатель Исполкома
Международного Сообщества
Писательских Союзов,
Герой Социалистического труда
Ю.В.Бондарев

Поэзия

Александр ТЕМНИКОВ

Городские переулки

На спаде привычного шума,
Когда переулки пусты,
Спокойней о прожитом думать,
Разглядывать в окнах цветы.

Бродить по булыжникам гулким,
Прошитым весенней травой.
Мечтая, уйти в переулки –
От счастья с шальной головой.

Здесь вымошен каждый разлукой.
На карте помечен штрихом.
Старинным названием-звуком
Во мне приютился тайком.

Живут они – города эхо –
Любя притяженье зевак.
По ним можно всюду проехать.
Им выданы свыше права.

Для них я стараюсь быть другом.
Соблазн их прославить – велик!
Да только головушка кругом –
Сама заманила в тупик.

О чем воркуют крыши

Подслушивал: о чём воркуют крыши,
Живя, как мы, на разных этажах,
И смех стены, за нею новый Ницше, –
Она свет застит, объявляет «ШАХ».

Они гудят, а кажется, что дремлют,
Полёт их звуков мне давно знаком –
И этот говор достоверный, древний
Таинственностью наполняет дом.

Как хоботы, с крыш – трубы, город лечат,
Полощут горло крашеным дождём.
Понятны мне их радости при встрече:
Нам одиноко ночью, да и днём.

Желаю взять у них припевы к песням,
Подтрубным камнем или крышей стать,
Быть слушателем благодарным в бездне,
Когда умолкнут и мои уста.

Видение

А.С. Пушкину

По вечеру мчалась таинственной тенью пролетка.
И кучера «Но-о» подстегнуло виденье резвей,
Чем сладко без дела дремавшая мирная плетка.
Крылатая лошадь держалась как можно правей.

Кто смог опуститься с небес в двадцать первом столетье,
За черною шторкой скрываясь от позднего дня,
Тревожа моё любопытство бездельницей-плетью
И маску срывая, и полную тайну храня?

Тот, мил человек, непременно со спутницей-тростью
Должно быть, подсчитывал здесь именные столпы.
Столица, готовясь ко встрече как первого гостя,
Развесила маски прощенья на лица толпы.

Исчезла пролетка, умчалась таинственной тенью.
В погоне за нею отстал нулевой «Мерседес».
Январские сумерки брызнули выжженной степью,
И ярче звезда засияла с вечерних небес.

Помедли!..

В чёрном стволе подворотни помедли, помедли!..
Не монологи, а паузу густо сырай.
Вздохами встретят заблудших воротные петли,
Кнопкой входного замка приоткроется рай.

В сумерках скорых вдвоём у жилья беззаботней.
Гулко подножье булыжное счастья отмерь.
Не уходи, чуть помедли, день тайны субботней,
В поздно открытую полуказённую дверь.

Лестница, встречу прими и веди, но помедли!
Забраны светом и тенью ступенечки ввысь.
Высшая милость безмолвна, а город приветлив.
Шляпы паденье и... взлёт в неразумную жизнь.

Владимир ДАНИЛЕВСКИЙ

Послание собрату Роберту Бернсу

Прощай, прости, забудь печаль, любимая моя,
Дорога убегает вдаль меня с собой маня...
Что не пришлось бы испытать на этом мне пути,
Тебя я буду вспоминать и к прошлому идти...

Быть может, вся моя любовь кроткий, чудный сон.
И не увидеться нам вновь, раз против нас закон?
Готов тебе я подарить небес и моря цвет,
Никто не может так любить, как истинный поэт.

В морских ладонях злая муть качает мой баркас.
Иду к тебе! Но труден путь, и годы против нас...
Я в спор за Истину вступлю, но как узнаю я,
Что недруга не зря луплю, что ты еще моя?

И я решил: когда вернусь, приду под отчий кров,
С тобою крепко обнимусь, и...отыщу Любовь!
Так здравствуй, милая моя! Иду родной тропой...
Моей Шотландии поля ведут меня домой!

Памяти И. Бродского

*Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать,
На Васильевский остров
Я приду умирать.*

И. Бродский

Кто ты? Божий избранник,
С мыслью в завтрашнем дне?
Или вечный изгнанник
На чужой стороне?

Лавры Лауреата
Злили «Красную Знать».
Как хотел ты когда-то
У Невы умирать...
На чужом ты погосте,
Но угодно судьбе,
Чтоб Васильевский остров
Не забыл о тебе!

Про волка Володю

Всё чинно — исправно...
Вдруг! Тайное — явно,
Кому и о чём говорить?
К чему же тут плакать?
Ведь волку собакой — не стать,
Как его ни кормить!

Собрались советом:
Ну, серый — к ответу!
А мне уж давно — всё равно.
Я выпил свой яд,
И жизни не рад,
Что вам осудить — не дано!

Чего же тут яриться?
К чему материться?
Не лица, а клювы ворон!
Где в вас человечность?
Уж жечь, так не ... свечкой!
А сразу, большущим костром.

А кто же тут судьи?
Серьёзные люди?
Я знаю ответ на вопрос.
Сегодня в «законе»,
Кто сам от погони,
Вчера уносил еле хвост.

Так бросьте же злиться!
Не проще — напиться?
Ведь я, всё равно — был таков!
Вот выйду на выстрел,
И пулею свистну, от ваших
Дешёвых флажков.

Попали! Удача!
Да есть незадача,
Я зубы оскалил опять!
Добейте хоть палкой,
Мне крови не жалко!
Не стать мне собакой — не стать!

Золотое Слово - 9

Кому пишу? Зачем пишу?

Кому пишу? Зачем пишу?
Не беспокоюсь я нимало...
Хочу, чтоб слово зазвучало,
Я просто - временем дышу!

И пусть мучительно родится,
Обыкновенная строка,
Всё в ней: холодный блеск клинка,
И пение влюблённой птицы!

Велик поэт или забыт.
Его труды - его вершины,
Не давностью ценны картины,
Достойным время дорожит!

* * *

Брату Грише

Да, не циник – я, а – лирик!
Одинок, как бедный Мцыри,
Сам, за всё, плачу сполна,
Хоть и высока цена.

Не исполнен постоянства,
Ни вещизма, ни мешанства,
Не богат рублей мешком,
И люблю ходить пешком.

Всё предвидя, - принимаю,
Раз решив, - не отступаю,
И, бывает, так легка,
Мной написана строка.

Сын, задумчивый, природы.
В ней рашу гражданства всходы,
Ей дарю восторг и пыл,
Обретая крепость сил.

Просветлею от привета,
Учит лес меня за это,
Когда хочется завывать,
Всюду благородным быть.

Рассветы любви

Для печали – нет причины!
Эй! Налейте мне вина!
Там, где женщина с мужчиной
И «святой» и «сатана»...

Ходим, ходим мы по кругу:
И берём и отдаем,
Предаём порой друг друга,
Слёзы льём или поём!
Вечно ищем назначенья,
В драках проливаем кровь,
Все великие значенья
Всё ничто – когда любовь!
Отлетают, как проклятья,
Вопли всех грядущих бед,
Когда мы, отбросив платья,
Остаёмся «тет-а-тет»...
Гороскопы врут и карты
Убеждаюсь вновь и вновь,
Что рассветы - не закаты -
Вечно празднует Любовь!

Надежда

Мне уж многого не надо,
Не коплю на что-то зло,
Ты пришла, моя награда,
В дни, когда мне не везло...

Я такой же, как и прежде,
Пусть немного постарел,
Для тебя, моя Надежда,
Снова молод я и смел!

Среди праздников и буден,
Буду лире я служить:
Значит, ты со мной пребудешь!
Значит, стоит дальше жить!

Гатчина

Мне приятен уют небольших городов,
Там, где птицы поют возле серых дворов.
Где разбит полисад, и шальная сирень,
Где неспешный уклад не исчез, словно тень.

Где Весной – соловьи, а Зимой – снегири,
Где с природой, в крови, от зари до зари,
Где дерев хоровод, сыплет листья шурша,
Там надежный народ, и живая душа...

Золотое Слово - 9

Онежская любовь

И у тебя и у меня в окне,
Свинцово-голубой простор Онего,
Прозрачный воздух прорезает эхо,
Когда вдали несутся поезда...

В ночи несутся мимо поезда,
Горит закат, залив в дорожке лунной,
Куда-то мчатся хочется безумно,
Но закрывает ночь тебе глаза.

Да, закрывает ночь тебе глаза,
Ты видишь яркий сон, цветной, пахучий,
Плохого настроенья гонишь тучи,
Не разразившись, отошла гроза.

Да! Прочь ушла гроза и ты встаёшь,
Окно открыто, ясными глазами
Ты видишь солнце,
Яркими кистями рябин оно играет,
День хорош!

Сегодня день хорош, как свежий лист!
Тот лист, где строчкам тесно от любви!
И каждый ищет взгляд черты твои!
И каждый поцелуй, с тобою, чист!

Борьба

Видать, ребёнок я большой,
Мой Разум борется с Душой,
А раз в кармане - ни гроша,
Кто победил? Она – Душа!

Победе этой был я рад,
Она мой лучший адвокат.
Но вот я снова скупердяй,
«Врубился» Разум-негодяй.

Я снова чёток, сух и зол,
Ссыпаю денежки на стол...
И отлетает прочь – Душа
От барыша.

Душа! Зачем она нужна?
Что ночью мучила вина?
В глотках кошмара алкоголь,
Нёс мне раскаяние и боль?

Святых распянут на крестах,
Им потому неведом страх,

Что могут снова вознестись,
А ты, юродивый, - крестись!

Видать, ребёнок я большой,
Не примирить Ума с Душой.
А потому я вновь и вновь,
Как эхо, слушаю Любовь!

Мечты о весне

Небес холоднейший свинец,
И вьюга воет у окна,
Мне надоела, наконец,
Зимы пустая белизна!

Хоть воздух на морозе чист,
Зато находит грипп скорей,
Куда милее птичий свист
И самый первый муравей!

Светлей, когда цветы вольны
И пчёл свободнейший полёт,
В снегах больничной тишины
Нас скуки оторопь берёт...

Тепла и света благодать!
Без них мы будто не живём!
И затемно ложимся спать,
И также, затемно, встаем.

Летит прекраснейшей мечтой
Тоска по солнышка лучу,
Ведь мир спасаем – красотой!
Я человек! Я так хочу!

Любовь - живущего венец -
Опять согреет нам сердца!
Весна вернётся, наконец,
Под знаком золотым – Тельца!

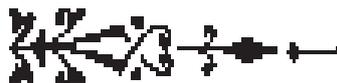
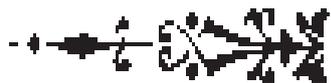
Город Надежды

Я вернулся в мой город, знакомый до слез...

О. Мандельштам

Из окон Эрмитажа такой чудесный вид!
Поверить можно даже, что всё вокруг летит...
Гудит неугомно вселенская молва,
Мчит волны отрешённо Великая Нева.

Из окон Эрмитажа гравюр знакомый строй,
Соборы – это стражи, их шпили – часовой.

Золотое Слово - 9

Такое построенье домов, реки, небес,
Что сходит вдохновенье, на поиски чудес...

Из окон Эрмитажа и город нам родней,
Кто выстоял на страже все девять сотен дней?
Откуда брались силы хранить свою мечту?
Копать, копать могилы и ... верить в красоту!

Из окон Эрмитажа такой роскошный вид!
Что не видна пропажа, тех, что навечно спит...
Но горькая их доля нам память бередит,
Забыть про это Воля и Совесть не велит!

Из окон Эрмитажа покой царит вокруг!
Нет духа тут продажи, а всяк входящий – друг!
Сюда не доходила фашистская нога...
Не ты ли дал им силы прорвать кольцо врага?

Из окон Эрмитажа мой город – монолит!
Спущусь до бельэтажа под сень кариагид,
Тут завтра будет снежно, а ныне – листьев грусть...
И городу Надежды я тихо поклонюсь.

Городу Белой Ночи

*Я беззащитен, как природа
И так же тих, как небеса.
И призрачна моя свобода,
Как птиц полночных голоса.*

О. Мандельштам

Здравствуй, город Белой Ночи!
Милый сердцу моему.
Позабыть тебя - нет мочи!
От любви к тебе – тону...

Тут, с весёлыми глазами
И в уныния часы,
Я сдавал себе экзамен
В познании красы.

Тихий шёпот листьев палых,
Вдоль каналов плеск, в ночи,
Мне тепло с тобою стало,
Ты прекрасен – не взыщи!

Пусть ты старше год от года,
Но не холодеет кровь,
Беззащитен, как Природа,
И беззлобен, как Любовь.

Залпы тысячи орудий
Не смогли тебя сломить...

То твои, мой Питер, люди,
Всё сумели пережить!

Ночью белой дверь открою,
Словно на душу бальзам!
Ангел над твоей судьбою
Воздаёт нам по делам...

Предчувствие

Весны предвосхищение, подобное лучу,
Такое ощущение – возьму и полечу!
Любое напряжение мне снова по плечу
И этим настроением я сам себя лучу!
Всё предано забвению... Пою, а не шепчу!
Весны раскрепощению хвалу воздать хочу!

О себе

Я – усталый Атлант!
Я – горящий Икар!
Неоткрытый талант...
Непотушенный жар...

Я, наверно, нашел
Меньше, чем потерял,
Той дорогой ли шёл?
То ли счастье искал?

Всё легко отдаю,
Мне улыбка – броня!
И совсем не боюсь,
Если целят в меня...

Беспощаден удар!
Равнодушен закат!
И сгорает Икар!
И раздавлен Атлант!

Весеннее

Дарю тебе весенние стихи,
На перекрестках ветреных стихий,
Несу тепло ладоней, ласку слов,
И сердца неподдельную любовь!
Весна похожа на остаток сна,
Пусть крыльев не расправила она,
Восход Надежды греет наши дни
И ты привет весенний мой – прими!

Галина ТАРАСОВА

* * *

Пленительны слов переливы
Над тающей стужей ночи,
Мурлыканье кошки сонливой,
Мерцанье старинной парчи,

Таинственный звук колокольцев,
Волнующий трепет свечи
И руки в серебряных кольцах
На тёмной глазури печи.

* * *

Средь прочих великолепий –
Бульварное наше кольцо...
Рембрандтовским светом лепит
руки твои и лицо.

Запутавшись в кронах старых,
стал пленником темных аллей,
насельником лиственных арок
оранжевый свет фонарей.

* * *

Иголки лиственниц
на чашечках грибов.
Беззвучный танец
листьев золотых.
И серых туч
свисающий покров
Сиянью служит
клёнов молодых.

Размерен шаг
дремотной тишины.
Волшебен плеск
струящейся реки.
И сердца взмах
из тайной глубины.
Прощальный жест
мелькающей руки.

* * *

Ты будешь сам меня искать
Стесненно и тревожно,
Желать направить время вспять,
Жалеть, что невозможно,

Когда сквозь расстоянье лет -
Душа уж станет зрячей! -
Как от звезды дойдет мой свет,
Повенчанный с удачей.

И как засохшие цветы,
В забытой старой книге
Найдешь стихов моих листы -
Заветные вериги...

По Андерсену...

Ничего почти не ела,
В очи карие смотрела,
Руки маялись без дела,
Теребя платок...

У заветного причала
Как Русалочка молчала.
Солнце путь свой начинало,
Серебря восток...

Неужели белой пеной
Плыть теперь по жизни тленной,
Из волны холодной плена
Целовать песок?..

Твое счастье не порушу.
Я мятущуюся душу
Распушу по песням – слушай,
Как поет поток!

Золотое Слово - 9

* * *

Детство мое!

Я продрогший, измученный странник,
Истощен многолетним путем.

Я израненный, горестный ратник,
Нет покоя ни ночью, ни днем.

Отвори мне ворота золотые
И в свой мир без обмана - пусти!

Возврати вновь законы простые.
А неверность мою - о, прости!

Секрет

Вам кажется я просто... дама?.. Нет. Я птица!
И крылья прячу просто – в рукава.
Когда мне долго по ночам не спится,
Когда объята жаром голова –

Настал мой час: я расправляю крылья,
Лечу в леса к ручьям, где голос чист,
Где нет шумов ужасного засилья,
Где тихо шепчет не уснувший лист.

Ночных деревьев теплое дыханье
Не потревожу суетным своим.
Внимая молча тайнам мирозданья,
Прильну к земле, усталый пилигрим...

И сердце будет петь! Душа смеяться!
С ладони радостно напьюсь певучих вод.
И светлячками снова закружатся
Стихов веселых дружный хоровод.

Вам кажется я просто тетя? Нет! Я птица!
И трудно прятать крылья в рукава.
Но чтоб светлее были ваши лица -
Ищу для вас крылатые слова.

Кукушата

Кукушата! Ку-ку-кушать!
Расшалились малыши...
Руки мыть и маму слушать:
Ш-ш-ш... Вы слышите в тиши?

То немышь. Не крыльев шепот...
Отгадали?.. Камыши!
Прекратите этот топот!
Кыш! Замри и не дыши!

Каждый вечер сказку ветру
На болоте, там – в глуши,
В темных шапочках из фетра
Тихо шепчут камыши...

Кукушата, с-ку-ку-кушно?
По-ку-кушайте пока.
Кашку съесть должны вы дружно.
Выпить кружку молока.

В кукувшин – «кукушьи слезки».
Очень милые цветы.
Да. Они нам с вами – тезки.
Ставь на стол для красоты.

Над едой не клуйте носом.
Мойте ноги и – в постель!
Расплела березка косы.
Спит давно старушка-ель.

Сказку вам? Ну вот, уснули...
Ветер, ветер, малыши
Глазочки уже сомкнули.
Затихайте, камыши...

* * *

В час сиреневый заката
Воздух тонок и суров.
Словно спящие котята –
Стайка ровных облаков.

День устало затихает.
Тени длинные в саду.
Все обиды быстро тают,
Словно солнышко в пруду.

Золотое Слово - 9

* * *

Красавица крапива
Купается в пруду.
Смотреть на это диво
Я вечером пойду.

Смотреть, как на дорожке,
Протоптанной луной,
Босые ветра ножки
Мелькают над водой.

Словолов

Не хочу – не хохочу.
Захочу – захохочу.
Вот сейчас я лечь собрался,
А возьму – и полечу!

Что? Лечить меня ремнём?
Не согласен нипочём!
Почему? Кого валяю?
Ну, а Ванька тут причём?!

Я слова люблю ловить?
Очень даже может быть.
С ловом слов согласен полно.
Словно в сказке буду жить!

Галчонок

Галчонок в чёрной шапочке
На дерево забрался.
Галчонок в чёрной шапочке
Орешками кидался.

Галчонка в чёрной шапочке
Придётся наказать.
Галчонку в чёрной шапочке
Неделю не летать!

Воробьёнок

Пушистый серенький комочек...
Ребёночек! и глазки – бусинки!
Спросить доверчиво нас хочет:
«Не видно ли моей мамусеньки?»

Уже не жёлтый рот – а клювик!
«Сейчас как цапну червяка
И угощу вас – ешьте, люди!
Но... не попался он пока».

Весенняя песня

Кр-р-р-а-а!
Красивый свист синички
вьётся в ясной синеве!

Кр-р-р-а-а!
Красивые сестрички
принесли горбушку мне!

Кр-р-р-а-сно
солнышко пригрело,
как прекр-р-р-а-сно здесь, на пне!

Кр-р-р-а-а!
Скорей пора за дело –
буду петь «КАР-КАР» весне!

Весенняя загадка

Долгожданный, важный гость –
Чёрен фрак, блестяща трость.
Ходит – ужас! – он по грязи.
Ищет – ужас! – червяков.
Нет, ему не надо в князи.
Отгадайте: кто таков?

(ндл)

Нина ОЗЕРОВА

Предостережение

Душой не прирастай к тому, что сердцу мило...
Ни за какие сны её не отдавай
В забвенье не бросай всего, что раньше было
И никогда души своей не предавай.

Но если вдруг печаль – то пусть преодолима.
Собою овладеть ей шансов не давай.
Наступит день – и будешь вновь любима.
Ты ни за что души своей не продавай...

Нагрянет вдруг любовь настигнет, словно пуля...
Ты перед нею дверь не затворяй,
А в сердце пусть она бушует, словно буря.
Ты главное – души своей не растеряй!

2012

Городские ангелы

Ангелы города в небе летают,
«Воинством Божьим» нас охраняют,
Нас берегут они, благословляют,
Ангелы - наши сердца сочetaют.

Ангелы душу твою сберегают,
«Силе нечистой» не подставляют,
Даже тебе, чтоб не сбиться с дороги,
Ровный ковер подстилают под ноги.

Ты может быть об этом не знаешь,
Ангелов божьих не замечаешь...
Разве их можно увидеть в толпе?
Зорки их очи над нами везде!

Ангелы города в небе летают,
Любят людей и им помогают.
Ангелы с нами всегда и везде...
Не растеряемся мы в суete!

2012

Осенний мотив

Скажи мне, зачем эта осень пришла?
И теплые дни к себе прибрала...
Листву опалила и скрылась затем...
Зачем эта осень, скажи мне, зачем?

Беспечная Юность, куда ты ушла?
Зачем все мечты за собой увела?
И время с тобою в былое ушло...
Мелькнуло, и нет – как сон все прошло...

Спрошу я у Нежности: «Ты же со мной?»
Я стала мудрей, но не скажешь «Постой!»
Ни прежней любви, ни былой красоте...
Ведь песня любви не звучит в пустоте...

Послушай, Любовь! Всё подвластно тебе!
Я снова с тобой! Не отказывай мне!
О, будь же со мной теперь навсегда –
С тобой не страшны мне зимы холода!

Я знаю, зачем эта осень пришла –
Она за собою любовь привела!
Багрянцем листвы опалила меня!
Я снова люблю, я опять молода!

Но будто бы вчера...

И вот опять октябрь и осень на исходе.
Приди ко мне скорей, любви моей пора.
Я радуюсь дождю и даже непогоде,
Жду от тебя звонка, жду твоего письма.
А время так летит, и вот уж незаметно
Год пролетел для нас, я встречи жду опять...
И ты мне позвонишь – я буду непременно
У Пушкина тебя на площади встречать.
В уютное кафе мы забредем как прежде
И будем вспоминать былые вечера...
Как птице волю дам опять своей надежде,
Всё было так давно – но будто бы вчера...

Юлий ТАРЕР

Наполовину

Шекспир и Грин, Оскар Уайльд,
И затенённый Гарольд Чайлд...
Как кружева чудных узоров
В волшебных жестах дирижёра,
Что навевают вдохновенье
На полуслух и полузренье,
И в озарении от них —
Весь королевский двор... притих.

Видений кружат вереницы
Крылами взмывшей ввысь орлицы
На поиск падшего орла,
В предательстве чьего крыла
Не стать ни кем — НАПОЛОВИНУ —
Ни королю, ни арлекину.

Романтика

— Смотри, в окно глядит Луна,
И наша ночь прекрасна...
— Нет, это вовсе не она —
То смерть в окне ненастном.
— Послушай, сказка — это рай,
А мы в чудесном замке...
— Нет, просто ты — как попугай,
И перепутал рамки.
— Поймай, куда ты, там же смерть,
Остановись, подумай...
— Дурак, то — жизни круговерть,
Мы там попляшем с кумом.
— Я не устал, держись, вдвоём
Мы добредём до цели.
— Нет, так мы вместе не дойдём —
Ты слеп от колыбели.
— Кто ж подарил тебе цветы?
Я слышу их дыханье.
— Не бойся, милый, суеты —
То ветра колыханье...

Шутка-перевертыш

Тернисты, порою, пути человечьи,
Всё те же они порождают в нас речи:

Я был Вами предан, и сам удивляюсь —
Как мог я испытывать ныне к Вам жалость,
Но так уж я создан, простите меня,
Ведь Вам эта жалость больнее ремня.
Я есть — как Бог создал, Вы — как Сатана,
Нам вместе — нет места, меж нами стена.
Быть может, я слишком критично сказал,
Но тише не слышно — базар ведь, вокзал...
И я говорю так совсем не для фарса,
Как, некие, делают пленники Марса,
А, просто, иначе я жить не могу —
В том или ином субкультурном кругу.

Тернисты, порою, пути человечьи —
Чтоб нам отличать волчью суть от овечьей.

Бессонница

От бессонниц лекарство — сон —
До взаимности двух сторон,
От порога дорога — ночь...
Если свет до сих пор невмочь,
От отравы поправа — яд...
До исхода похода в ад,
От судьбы до судьбы — пролёт...
До поры, что мосты сведёт,
От моста до моста — волна...
С той поры, как душа полна.

А душа и во сне кричит —
О бессонной волне в ночи...

Золотое Слово - 9

Мелодия надежд

Вечерняя мелодия
Небесной красоты,
Негромкая, но вроде бы -
Её услышал ты...
Наброшена на облако
Малиновая шаль -
Скользит по небу волоком
В заоблачную даль...
Поёт вечерний колокол
Небесной наготы,
И прелесть нежных отзвуков
С собой уносишь ты.
И в звёздном окружении,
Под сумерки одежд,
Небесным отражением -
Мелодия надежд...

Мне тебя не хватает

Мне тебя не хватает, как воздуха,
Как тепла, как весеннего солнца,
Будь спасением мне, дай отдыха,
Стань отрады бездонным колодцем...

Не хватает чего-то - не правильно,
Не хватает - конкретно - тебя,
Я придуманною стал отравленным,
Настоящую горько любя...

Мне тебя не хватает единственной,
Чтобы лучшие жизни плоды,
Что рождает душа столь таинственно,
Разделила со мною и ты.

Ноябрьский рассвет

Ноябрьский рассвет стального цвета,
В домах глазницы окон тёмных
Уже забыли яркость лета,
И где-то лампочкой включённой
Уже светло, и в сонной спальне
Постель ещё хранит тепло
Того, кто в путь собрался дальний
Мельком взглянув в окна стекло.
А там, под Петербургским небом,
Ноябрьский рассвет стального цвета,
И где-то быть, и где-то небыль,
И прибыл дальний поезд где-то.

Загадки снов

Загадки снов,
Под трепет век,
Смиряют ураган,
Беззвучье слов
Теченьем рек
Уносит в океан...

Переплетенья слов во снах
Скрывают тайны грёз,
Когда в крови бурлит весна
Осадком зимних слёз...

И дрожь ресниц в предгрозовом
Затишье бурных слов
Нежней, чем зыбкий произвол
Забывших грустных снов.

Когда зимой...

Когда тоска нагонит липкий сон -
Тогда с тобой я встреч не тороплю,
Не то двуличье мне рисует он,
Не то мечты в безверии топлю.

Ты снишься мне всё чаще, всё яснее,
И не спешу я эти сны прогнать,
Когда зимой за окнами синееет -
Душа заплачет, если буду спать.

Когда зимой за окнами синееет,
То ль утро сонное, то ль вечер подступил,
Тогда любовь-печаль моя сильнее -
Ещё ль грядёт... уже ли отлюбил...

Восприятия

Ты приняла меня за девочку,
Не умную и злую... —
А я, с мужской припевочкой,
Сквозь дождь тебя целую.

Ты приняла меня за мальчика,
Пустого и бесчестного... —
А я пугаюсь зайчиком
От страха неуместного.

Ты приняла меня за книжечку
С фантазиями вольными,-
Теперь я вроде ближе чуть,
Ну, хоть теперь не больно мне.

Ты приняла меня за облачко,
В котором прячут Солнышко, -
От хлебца я - лишь корочка,
Ручей с водой на донышке.

Всё съедено, всё выпито,-
Прими меня за счастьеце,
Дорогами побитое,
Что, как котёнок, ластится.

* * *

Как пересилить эту тягу -
Тебе отправить сотни писем,
Иль позвонить, явив отвагу,
Не глядя на теченья чисел.

Как эту тягу пересилить -
Писать, звонить не зная меры -
Нельзя. Тебя обижу... или
В себе не досчитаюсь веры.

В себе не досчитаюсь воли,
В себе я сил не обнаружу,
Способных сладить с этой болью,-
С которой я тебе не нужен.

Колыбельная

Посв. Н.С.

Всё заснуло в доме нашем
Тишиной поя -
Спи и ты, моя Наташа,
Звёздочка моя.

* * *

Спи мой милый ангелочек,
Девочка моя, -
Сладко спят все люди ночью,
Сны свои тая.

В жизни этой ты не бойся
Вовсе ничего,
Спи, родная, успокойся
От всего-всего.

Дрёма вкрадчиво обнимет,-
Времени не жаль,
Сон твою усталость снимет,
И твою печаль.

Утром явь тебя разбудит -
Скажет - сон прошёл,
У тебя всё в жизни будет
Очень хорошо.

Юрий ДЕЙСАХОВИЧ

**27 января 1944 –
День полного снятия
блокады Ленинграда**

Герои-ленинградцы, это вы
Явили миру подвиг беспримерный,
Как 900 блокадных дней войны
Держали символ доблести и веры.

Фашист задумал нас стереть с Земли,
Но этот город проявил характер,
И оказалось: мы суметь смогли
И выстоять, и выжить в этой схватке.

Любимый город, славный Ленинград
Держался с удивительным упорством,
Здесь воевал тогда и стар, и млад,
И вся страна испытывала гордость.

Враг захлебнулся в Невском пяточке,
Позор свалив на лютые морозы...
Зажав кусочек хлеба в кулачке,
Девчоночка не сдерживала слёзы.

Симфония Седьмая зазвучит
В блокадном, осаждённом Ленинграде,
И сердце, словно метроном, стучит:
-Победу эту мы завоевали!

Великий день – разорвано кольцо...
Снята блокада – слава тем, кто выжил!..
Я ветеранам загляну в лицо,
Я в этот день к ним подойду поближе.

Медали тем, чей подвиг или труд
Уже семь непростых десятилетий
Салютом славы памяти идут
Во имя мира, Доблести и Чести!

Гвоздики алый цвет, земной поклон –
Спасибо вам, герои Ленинграда!
Вы выстояли, спасли наш дом –
Да не померкнет образ вашей славы!

Мы обещаем лучше быть, чем есть,
Поём мы Гимн за торжество России,
Для нас сегодня поздравлять вас - честь...
Пусть это вам придаст немного силы!

Салют Победы

*К 70-летию снятия
полной блокады
Ленинграда*

Смотрю с балкона праздничный Салют,
Как красками расцвечивает небо...
Сейчас ещё раз сам себе налью
100 грамм, чтоб выпить стоя: «За Победу!»

За деда, за отца и за соседа -
Тех ветеранов, что прошли войну
И спасли нам праздничное небо
И эту жизнь, которою живу...

Сегодня был в одном строю с героями,
Кто выжил в этой страшной кутерьме,
Кому наградой главной – имя воина,
Кто отстоял Победу в той войне!

Чернобыля ношу в себе я раны,
Внутри помечен ядерным огнём –
Я поклонюсь седому ветерану,
Его поздравив с самым ярким днём!

Мне есть с кого учиться быть в строю,
Перетерпеть от самой страшной боли,
Чтоб, стоя у Планеты на краю,
Итожить: этой жизни был достоин!

Любимые мои фронтовики,
Примите в День Победы посвящение:
Ваш беспримерный подвиг, как стихи,
Рождённые особым вдохновением...

Валентина ФЕДОРОВА

Над Невой

День за днём потоки дождевые
Наполняют мощную Неву,
И в тумане Сфинксы, как живые,
Смотрят на бегущую волну.

Под мостом обузданная нами
Невская волна в залив спешит.
В небесах круженье птичьей стаи.
Берега, одетые в гранит.

Тихо. Словно груды снеговые,
Громоздятся тучи вдаль и вдоль.
Купола блистают золотые.
Город мой, любить тебя - позволь.

Надежды свет

Царит в пространстве сером, безнадежном
Густой туман, но смело я иду.
В пучине дней казалось невозможным
Искать любви счастливую звезду.

Но чувствую, что в мире мне дано
Любить, страдать и снова в радость верить.
Надежды свет - заветное руно,
Пусть до него морские мили мерить.

О Гипербореях

Оставили загадок нам немало
Посланцы незапамятных времён.
Была страна - и сгинула, пропала,
Как северный туманный давний сон.

Мужам учёным до сих пор тревожно,
Гипербореи не утрачен дух...
И кажется: поверить невозможно,
Но ловит звуки неподкупный слух.

Свершилось... Над планетой тень нависла,
Полярная промёрзла параллель,
А с вечностью бороться - мало смысла,
Во льдах судьбы не прорубить купель.

Угасло легендарное величье...
В надледной тьме остыли небеса.
Отыщется ль святой земли обличье,
Вернётся ли из прошлого краса?..

Та, что не знала тленья и упадка
Ни в Женском лике, ни в челе Мужском.
Забытого *духовного* достатка
Высокий образ ныне незнаком.

Но наш Творец, храня огонь Вселенной,
Вернёт народу гений лучших дней -
И повторится через поколенья
Рожденье мыслей, что смертей сильней.

Отечество предстанет тёплым домом,
С небес прольются вещие огни,
И станет сердце Господом ведомым,
И русские узнают, кто ОНИ!

Петербургский конкурс красоты

Душе отрада, взору благодать -
На свет, должно быть, не рождались в муках,
Коль целый свет смогли очаровать
И отзыв пробудить в поющих звуках.

Являетесь, как луч в июльский зной,
Как отголосок - строчки из сонета.
Под вашим взглядом кружит шар земной.
Власть красоты. Летящая комета.

Подиум, как тронная дорожка,
Светится присутствием твоим.
Красотой природной, не с обложки,
Мир любви взволнованно творим.

Природы тайна, отзвуки твои
Наполнят мир покоем и надеждой.
Сердечной мышцы сбой лишь от любви
Пусть в этом мире станет неизбежным.

Татьяна НИКОЛАЕВА

Слезинки

Сидела женщина, молчала
И грусть была в её глазах,
Вдруг часто-часто заморгала
И покатила вниз слеза.

Ей на себя хотелось злиться,
Склонилась голова к руке,
Намокли длинные ресницы,
Стекали слезы по щеке.

Одна слезинка вдруг сказала:
«Что с ней такое? Что за плач?
Мы от веселья иль печали
Несемся друг за дружкой вскачь?»

«А можно ль, плача, веселиться?
Для этого ведь нужен смех» -
Спросила младшая сестрица -
Слезинка та, что меньше всех.

Другие слезки отвечали:
«Да ты совсем еще мала,
Ведь людям радость и печали
Дано переживать в слезах».

Из глаз соленые сестрицы,
Болтая, мчались по щеке...
Чем больше будет их катиться,
Тем чувства глубже и сильней!

Мартовский концерт

Сегодня ночью не до снов.
Март. Сна в помине нет.
И трое мартовских котов
Устроили концерт.

Пришла весна, у них любовь,
Они поют об этом
И завывают вновь и вновь
Кто басом, кто фальцетом.

Вот кто-то стал на них кричать -
С котами нету сладу,
На всех людей им наплевать,
Орут свои рулады.

Глазеют кошечки в окно
На темноту из света -
Кому та троица котов
Поет свои куплеты?

А на газоне пять часов
Бедлам и круговерть,
Там до утра всем про любовь
Коты готовы петь!

Пасмурно

Пасмурно.
Колючий мелкий дождь по окнам капает.
Пасмурно.
За сильной облачностью неба не видеть.
Пасмурно
И серой мглою небо все затянуто.
Пасмурно
И мне совсем не хочется вставать.

Грустно мне
Смотреть на капельки, к окну прилипшие.
Грустно мне -
Они стекают, как прозрачная слеза.
Грустно мне
Под шум дождя и тихий листьев шум.
Грустно мне -
Я так давно не видела тебя.

Пасмурно.
Ну, где же взгляд твой дорогой и нежно-ласковый?
Пасмурно.
Текут дождевики по поверхности стекла.
Пасмурно,
А так хотелось жизни сказочно-прекрасной мне,
Но пасмурно
На сердце так же, как за створками окна...

* * *

Давным-давно считалось так у греков,
Что бабочками стали те цветы,
Которые сорвал проказник-ветер
И уронил с небесной высоты.

Золотое Слово - 9

Чтобы цветы о землю не разбились,
Они махали лепестками, в воздухе кружа,
Вдруг лепестки те в крылья превратились,
Из тех цветочков бабочек создав.

Еще преданье есть на белом свете,
Что можешь прошептать желанье ты
Красивой бабочке, что на цветке заметишь,
Но только тихо-тихо прошепчи.

Твою мечту, прослушав молчаливо
И тайну навсегда твою храня,
Она вспорхнет на крылышках красивых,
Твое желанье к небу вознося.

* * *

Когда-то прочитала где-то фразу:
«Тюрьмы нет крепче той, что в голове».
Я согласилась с этой мыслью сразу,
Подумав то, что это обо мне.

Все время создаю себе запреты,
На ровном месте строю я барьер,
Других пытаюсь вытащить при этом,
Сама ж бросаюсь с места и в карьер.

Хорошего мне это не приносит,
Ну, а невзгод же столько, что держись!
Тюрьма моя мне срок никак не скосит,
Она, я знаю, усложняет жизнь.

Тадж Махал

Божеественно, сияющее, воздушно,
Как сказка, он взмывает в небеса,
Как белоснежно-мраморное чудо
На берегу Ямуны Тадж Махал.

Великое архитектурное творенье
Словно парит над грешною землей.
История его возникновенья
Глаза наполнит горькою слезой.

Король моголов шах Джахан Великий
Любил жену свою красавицу Мумтаз,
В своем гареме всех считал безликими,
Лишь ей одной пленяясь всякий раз.

Пятнадцать лет прошли в семейном рае.
Шесть дочерей и восемь сыновей

Глаз услаждали, весело играя,
Но появилось горе у дверей...

Мумтаз не стало... Смерть тому виною.
Как горе шаха было велико!
Покрылись волосы за день лишь сединою
И скорбь легла на благородное чело.

Двухлетний траур был в стране объявлен,
На праздники наложено табу,
Звучала музыка в то время лишь печальная,
Про песни с танцами забыть был должен люд.

Чуть позже в Агре, что была столицей,
Вознесся ввысь прекрасный мавзолей
Над гробом женщины, являвшейся царицей,
Владевшей сердцем шаха столько дней.

Как символ сказочной красоты его супруги,
На славу Индии блистает Тадж Махал
И купола его, как прелести подруги,
На неподвижной глади вод хранит канал.

Чудо

Февраль. Морозный утренний рассвет.
Весь купол церкви золотом блестит,
Свет солнца преломился в спектр,
Что в зимнем небе радугой горит.

На сердце так легко и хорошо,
Как будто это Божья благодать,
Не страшен в этот миг мороз большой
И хочется желанье загадать.

Всё удивительно и странно, но ты знаешь,
То, что загадано,
то сбываться обязательно должно.
Колючий воздух перламутровый вдыхая,
Стоишь и думаешь, что ЧУДО — вот оно!

Каприз

Весна пришла, прогнав мороз и стужу,
Звенят их слезы в струйках ручейка.
Снег почернел. Он никому не нужен,
Зима поднадоела всем слегка.

Хрустальный мир распался на осколки,
Что превратились в капельки воды.
Зима царила в этом мире долго,
Но вот теперь настал черед весны.

Золотое Слово - 9

С рассветом заискрится солнце в луже
И будет радость у людей в глазах,
А у того, кто будет пеньем птиц разбужен,
Блуждать улыбка будет на губах.

Весна пришла не раньше и не позже,
То маленький каприз весны-красы,
Ей безразличны все людские просьбы,
Есть собственные у нее часы.

По циферблату солнца стрелки кружат
И час прихода знает лишь она.
Вослед за зимним ветерком простуженным,
Задышит теплым воздухом весна.

Теперь зиме никто уж не поможет,
С сосулечек льются миллионы брызг,
Их солнца луч с минутой каждой множит,
Чтобы весны исполнился каприз!

Город на облаке

Есть у финнов легенда одна,
Привлекательна очень она,
В ней о Питере-граде рассказ.
Я его расскажу вам сейчас.

Если верить досужей молве,
То на этой унылой земле
Кроме мхов среди убогих болот
Ничего никогда не растет.

Только разве что лиственный лес
Вы найдете повсюду окрест,
Да несущая воды Нева,
Образующая острова.

Ну, скажите, как в месте таком
Можно выстроить церковь и дом?
Это дело не стоит хлопот,
Город просто в трясину всосет.

Только Петр лишь взглядом повел
И в болоте свой город возвел.
Покорил миллионы сердец
Город Питера, город-дворец!

Ну, а в финской земле говорят,
Что на небе построен наш град,
Ночью белою скоротечной
Был на землю опущен навечно.

В час рассветный туман растворился,
Город взору людскому явился
И стоит он не в вязкой трясине,
А на облаке, как на перине!

Игра в неосторожность

Самообман – игра в неосторожность
Уносит в сказочность мечты.
Как жаль, что там остаться невозможно,
Где безраздельно царствуешь лишь Ты.

В мечте эскизно-утонченно счастье,
Нектарный привкус ярких перемен
И нежно льются капли сладострастья
По веточкам пульсирующих вен.

Там по ночам все время небо звездно,
Кровоточащих нет на сердце ран...
Опасная игра в неосторожность,
Где все мои мечты – самообман.

Слова

Слова, слова, слова...
Они, как льдинки, тают,
Оставив на мгновенье
В душе неясный след.
Слова в пустом пространстве
Куда-то исчезают,
Будь то – простая фраза
Иль на вопрос ответ.
С подвижных губ слетают
Слова, словно снежинки,
То медленно и плавно,
То вьюгой озорной
И наша речь бывает
То необъятно-длинной,
А то мы ограничимся
Лишь фразой одной.
Но есть слова такие,
Что вдаль не улетают,
А остаются в сердце
На много-много лет.
Слова те, как молитву,
Навек запоминают
Они в душе, как солнце,
Нам дарят теплый свет.

Софья ДУБОВСКАЯ

Двойничество

Двойничество – мой поводырь.
Вложило в правую ладонь карт-бланш, а левую
отягощает архитектурными фантазиями.

В те баснословные года
на горизонте реял
железный парус, простите, занавес.
Теперь – полупрозрачно,
да холодом несёт из прошлого,
и мемуары – ледяные.

Но зодчество!
ты на коротком поводке у жизненных реалий,
что и очерчивает нишу, худо-бедно.

И я спешила из подземелья на Сенной
по переулочку Гривцова,
минуя Синий мост и скверик-Пряник,
привычно оглядев Исаакий.

Морозный туман.
Туманный мороз.
Вокруг темно, непроницаемо.
Нет это не явление природы,
явление – безжалостной судьбы.

Быстрой! По тротуару вдоль особняка
Лобанова-Ростовского и – *за* угол.
Здороваясь со Львами Сторожевыми.
С крыльца, что они стерегут,
вхожу в вестибюль с мраморной колоннадой.

Третий этаж, вид из окна:
купол Исаакия не лезет в кадр,
улица Якубовича вдаль убегает,
фонари, Александровский сад.
Манеж, две скульптуры внизу, на крыше одна.
Портовые краны бледнеют ещё выше
и небо всё в кружевах.

Лист ватмана... вместо работы... дай нарисую!
Вот и растаял мой туман.
Город протягивал руки: на!
Бери! Всё здесь твоё.

Каждый шедевр Эрмитажной коллекции рад,
что попался тебе на глаза,
кресла императорских театров сами
откинутся навстречу,
библиотечный каталог открывает все тайны.
Парадная лестница филармонии считает твои шаги.

Так мой город не раз подстилал соломку.
Зелёные лирические отступления
смягчали нрав.
В самый разгар ничего-не-делания
белая скульптура превращалась в Галатею.

Устами мраморных богов внушалось:
Меткие щелчки Фортуны –
вовсе не стрельба на поражение
а лишь испытание.

А пока спеши в зал Дворянского собрания,
там сегодня «Страсти по Матфею»
Иоганна Себастьяна;
или на выставку «От Ватто до Давида».
Утомилась? Выйди к Московскому вокзалу,
(где обелиск, тогда мини-сквер зеленел).

Площадь чуть выше отметки Невского.
Проспект – весь как на ладони.
Надо выбрать час наступления сумерек,
когда небо ещё светлее земли.

Ждать!
Дан сигнал тёмным силам.
Сумерки сгущаются.
Вот-вот вспыхнут матовые шары
цепочкой до самого Адмиралтейства.
Один миг!
Вечер вступает в свои владения:
выключил небо, включил фантазию.

2014

Геннадий СЕРОВ

*18 января – прорыв
блокады Ленинграда
27 января – полное сня-
тие блокады Ленинграда*

Медаль

“За оборону Ленинграда”

Возьму коробку, где лежат медали,
Сотру прилипшую за время пыль,
Я помню, как мы их перебирали.
Они хранят историю и быль.

В одну коробку сложены медали,
Отец и мать сложили их сюда.
Они наш город честно защищали,
С трудом, но выжил Ленинград тогда.

Медали две с зелёною каймою,
За город наш возьму и подержу.
Всегда я делаю вот так зимою,
Вновь мысленно погибших обниму.

Смертельно сжатое кольцо блокады,
Разрезали два фронта на “Ура!”.
За это память наша и награды,
Листают нам прошедшие года.

А в январе, “День снятия блокады”
Был праздником, всегда везде звенел.
Все ленинградцы были очень рады,
Народ не унывал, и долго пел.

Разрыв кольца дал городу дыхание,
Дал веру, что прогоним мы врага.
Медаль за город - символ созиданья,
Всем ленинградцам очень дорога.

Корни

На краю села опушка,
Дальше поле от села.
Куковала нам кукушка,
Мы считали... вот дела!

По весне вспахали поле,
Посадили корнеплод,
Здесь картофелю раздолье –
Получился огород.

Подошёл июнь с жарою,
В бороздах ботва рядком.
Тайну только я открою:
Сорок первый... грянул гром.

Прилетел фронт грозной птицей.
Поле нашего села,
Стало как бы здесь границей.
Страшная война пришла.

Брошена петля блокады,
На болоте торф горит.
Рвы копают наши бабы,
А фашист бомбит, бомбит.

Фронт споткнулся, окопался,
Он до берега дошёл.
Чёрным дымом расплескался,
Из села народ ушёл.

Лето жаркое иссякло,
Осень принесла печаль,
Намочила, всё размякло...
За кольцом осталась даль.

Подошла зима к порогу.
Голод душит, всем невмочь.
Взрывы рвут в клочки дорогу,
Пашут землю день и ночь.

Ночью мамка, в непогоду,
На поляну поползла,

Золотое Слово - 9

И на счастье, прямо с ходу,
Шесть картофелин нашла.

Радость праздником плеснула,
Рады маме мы родной.
В дом "Надежда" заглянула,
Маму помню молодой.

После яростной бомбёжки,
Поле рвал когда снаряд,
Чтоб найти чуть-чуть картошки,
"По-пластунски шла в наряд".

Сверху пули бьют по веткам,
Взрывы радуют ей слух.
А она картошку деткам
Тащит, замирает дух.

Но ей дома достаётся,
Платье в дырках - бьёт шрапнель.
А она всё не уймётся,
Пчёлка, труженик – не шмель.

В памяти она такая,
Я её рассказам рад.
Мама для меня святая.
Память – лучше всех наград.

Вот такие у нас корни,
В нашем "клубне нет гнилых".
Подросли и наши парни,
Старшие – пример для них.

Всё помним

*Посвящается отцу,
Серову Николаю Васильевичу,
уроженцу деревни Новосёлки
Московской области*

И что за жизнь у нас такая?
Идёт всё как-то кувырком,
Сейчас былое вспоминаю,
Не так там было, как потом.

Мы в армии служить старались,
Наказы берегли отцов,

А с дедовщиной разбирались,
Всё тихо - никаких концов.

Отцы былое только тронут:
Про ту войну и про врагов...
В рассказах наши души тонут,
Финал мы знаем, был каков.

Когда они, собравшись вместе
Под рюмочку и за столом...
Воспоминанья, будто тесто,
Росли в рассказах словно ком.

Кто был в пехоте, а кто в танке,
Мой батька флотский был мужик.
Жаль, не играл он на тальянке.
В тридцать восьмом – тельняшка шик.

Война накрыла быстро, разом,
Наш флот под Таллином стоял.
Но Кузнецов назло приказам,
Тревогу раньше всех сыграл.

Флот отразил налёт крестовый,
Взорвали небо корабли.
Их ждал Кронштадт, восход багровый,
Ключ Питера большой земли.

Поход эскадры до Кронштадта
Записан в летопись, в века.
На борт гражданские, солдаты
Шли, отступая от врага.

Рассказ отца запомнил ясно,
Вздымалось море кипятком.
А бомбы сыпались ужасно,
Но всё казалось жутким сном.

Он говорил, попала бомба
И угодила к ним в трубу.
А свист её – не песня домры.
Он зацепился за скобу.

Корабль накренился и тонет,
Есть дифферент - вход в оверкиль.
Под шляпкой доктор ранен, стонет,
Бойтся плавать он не в штить.

Золотое Слово - 9

Отец помог уйти от борта,
Он вместе с ним нырнул в волну.
Мой батька был другого сорта,
Не дал “братку” пойти ко дну.

Спасали их торпедоносцы,
Сбавляли ход, огонь вели,
Бросали петли, будто косы
Девицы только что сплели.

Свою петлю, он отдал “доку”,
А самого багром - на борт,
Сломали два ребра с наскока,
Но выжил наш “моряцкий кот”.

В Кронштадте госпиталь, лечение,
“Док” на работу там попал.
Бывало батьке в увольнение,
Спиртяжки пробовать давал.

Пока ждал экипаж он новый,
Зимы пришёл суровый вал.
Отец мой был всегда фартовый,
Так он в разведку и попал.

Напротив Петергоф - под немцем,
Фонтаны наши, где Самсон,
Снежком укрыт, как полотенцем.
Дворец разграблен, разорён.

Туда разведку посылали,
Старались “языка” достать.
Трудна задача – это знали,
Приказ вперёд – не отступать.

По льду, в мороз и по-пластунски
До Петергофа путь лежал.
Проходы среди мин так узки,
За языком их штаб послал.

Там, в нижнем парке, где каналы,
Они достали языка.
Поволокли его на нары,
Скрутили крепко, как быка.

Доволокли, а он не дышит,
Замёрз, был минус и большой.
И приговор он снова слышит:
“Вперёд за новым, снова в бой”.

Второго грели словно чайник
И растирали по пути.
Доволен был тогда начальник,
Смогли фашиста привести.

Так батя мой в войну сражался.
Был на канлодке “Пионер”.
На дно три раза опускался,
Тонул, но выжил - вот пример.

В конце войны корабль с пробойной,
Встал на ремонт, на наш завод.
Влюбился папка, старый воин,
И сделал в жизни поворот.

Женился, якорь бросил в сушу,
Но с морем связан был всегда,
Не расплескал морскую душу,
Заводу отдал все года.

Потом родился я в тельняшке,
Взял эстафету на себя.
Плесну-ка в праздник я из фляжки.
За ветеранов пью до дна!

Сейчас и сын на том заводе,
Где был отец и мать моя.
Теперь фрегаты стали в моде,
Пусть бороздят они моря.

P.S. – “Док” – судовой врач
“Канлодка” - канонерская лодка,

Питерский трамвай

Трамвай плетётся не спеша,
трясёт костями постоянно.
В нём катит Питера душа,
десятки лет так, как ни странно.
На повороте заскрипит,
иль рындой брякнет на прохожих.
Он просто так всем говорит:
“Нет больше на меня похожих,
таким я был, такой я есть.
Две рельсы сжаты мостовую.
Во мне же городская песнь,
вот так звучит всегда со мною”.

Людмила ИЛЬИНА

* * *

Ах, эти запахи весны!
И таешь сердцем очарованным.
Зима ещё со мной на ты,
А я как будто околдована.
Вдыхаю лёгкий аромат
Коктейля чуточку морозного.
Ах, непоседа месяц март,
В тебе так много от греховного!

24.03.2011

* * *

Мир в суете весенней! – Вот потеха!
А у меня мигрень – рассудок съехал.
Мурлычет кот довольный на коленях,
Ему совсем не до моей мигрени.
Не до ворчания и не до брани,
Своё он отгулял и отбуянил.
Сопит себе, подёргивая лапкой,
Спит бедолага на коленях сладко.

29.03.2013

* * *

Голубая акварель бесконечна,
Строчки шалые стрижей в ней беспечны.
Всюду свежесть, неба синь окрыляет,
Ароматами садов опьяняет.
Сколько радости во всём!

- Дна не сыщешь,

Мы теряемся с тобой в ней, дружище.
Ведь весенняя наивность – бродяжка
Никакой нам не оставит поблажки.
Мир весенний заморочит нас снова,
Были б только к встрече с ним

МЫ ГОТОВЫ.

02.05.2013

* * *

Мой невинный апрель!
Что-то холодно нынче мне стало.
Я тебя не виню, просто рано капель,
Отзвенела в душе, отжурчала.
Просто зимние песни с тобою
еще не допели,
И грустят, замерзая, под утро и ели.

Мой невинный апрель!
Изумруды вокруг рассыпая,
Ты в душе разбудил новых
чувств канитель,
Свежим ветром своим обжигая.
Просто вербы уже распустили
пушистые почки,
И полны ожиданий стихов моих
новые строчки.

Мой невинный апрель!
Только годы летят безвозвратно.
То капель на дворе, то бушует метель.
Что творится с весной, непонятно.
Просто трудно поверить в твоё
первозданное чудо,
И нахлынули чувства опять
неизвестно откуда.

Мой любимый апрель!
Я тебя не виню, ты ведь знаешь,
Что печали уйдут, словно с крыши
капель,
Что на тщетность любви обрекаешь.
Что ж твоей доброты, мой апрель,
никогда не забуду,
И по-прежнему жду от тебя
невозможного чуда.

Золотое Слово - 9

* * *

Может быть под сиреневый шёпот
Дождь запутался в белом дыму.
Потому ли так хочется шлёпать
В тёплых лужах, сама не пойму?
Мы безумны в пылающем цвете,
Дождь и я, догорающий день.
Никогда не жалеть бы об этом,
Что с ума нас сводила сирень!

07.05.2013

* * *

Года мои бесшабашные,
Дома вы мои саманные.
В той жизни, уже вчерашней
Лихие, да окайнные.
Любилось до слёз в истерике,
Страдалось до помрачения.
Ну, что там твоя Америка?
Мне здесь плылось по течению.
Пусть были мы одурочены,
Судьбою не просто связаны,
Проблемами озадачены,
Нам жизнь такую заказана.
Но здесь отчаянно любится,
И здесь в хорошее верится.
Пусть всё плохое забудется
И Божьим Светом осветится.
Ну, что там твоя Америка?
Плыву я здесь по течению,
Люблю до слёз, до истерики,
Страдаю до помрачения!

15.02.2013

* * *

Жизнь то заносчива,
Расписана пастелью,
То неразборчива
В оттенках акварели.
А то взбрыкнёт... И в раж.
Простой согдится карандаш.
А, коль беда, - не до веселья,
Заменит сажа акварели.
И чёрно-белой шалью
Накроет все печали.

Как часто всё ж неверен цвет,
Но в жизнь всегда один билет.
И как не суетись ты в ней,
Она художников мудрей.

* * *

Чтобы всё перемечталось,
Чтобы всё перебродилось.
И, как сонный дождь с листвою,
Пошепталося и забылось .
От неистовых смятений,
От душевных потрясений,
Упаси меня, мой Боже,
Пригляди за мной построже.

Пусть слова не так изящны,
Грань тонка и невесома.
И в любви не приходящей,
Чтоб не пряталась за слово.
От запретов, что без меры,
От щербатости в них серой,
От нелепостей, что гложат,
Упаси меня, мой Боже.

11.03.2012

Золотое Слово - 9

* * *

Я соберу из своих снов
По капельке цветенье мая.
Я соберу из твоих слов
Всё то, о чём я так мечтаю.
И всю доверчивость свою,
И всю восторженность напевов,
Чтобы зажечь Любовь свою
Той искоркой безгрешной веры.

14.03.2012

* * *

Твоя любовь, как горький мёд,
Пугает налетевшей тучей.
То ты средь стужи тонкий лёд,
То обожжёшь любовью жгучей.

Мне непонятна никогда
Твоя нескладная природа.
Ты словно вешняя вода,
Непредсказуем, как погода.

Судьбы безумен поворот.
То ухожу, то догоняю.
С тобой всё знаю наперёд
И ничего с тобой не знаю.

* * *

Ах, мои ходики
В оправе старенькой.
Стучались годики
В родные ставеньки.
Спешили милые
И забавлялися,
Казались долгими,
Да что осталось.
Ведь было времечко
Ко мне не ревностно,
Года, как семечки,
И я безвестная.
Что ж вы балуете,
Года потешные,
Когда вы судите
Меня безгрешную.
Гляжу в глаза я вам
Без лицемерия,
Зайдя однажды в храм
Судить безверие.
Что не крестила лба
И не молилася,
За что судьба моя
Подсуетилася...

Ах, мои ходики,
В оправе старенькой.
Вернуть бы годики,
Где я и маменька.

19.07.2012

Василий ДЕНИСЮК

Живодер

У живодера - Бога нет!
Как нет и совести едино...
Спалить приют собак в рассвет
Могла двуногая скотина!

Сгорели пять собак в огне
И восемь кошек! Кто ответит?
Еще вчера, как свет в окне,
Играли с ними наши дети!

Да есть ли кто-то на земле
Подлее, чем зверюга этот?!
Найти б его поганый след,
Пусть за жестокость он ответит!

А Бог все видит, знает все!
И каждому «платить» придется...
За все, что в этот мир несем, -
Все бумерангом нам вернется!!

Ливни

Вот лягу, и долго не спится,
Кручу киноленту судьбы...
И снова друзей вижу лица,
Кто жив, а кого уж... Увы!!!

Украинский край мой любимый!

Ты помнишь ли все еще нас?
Когда под июльские ливни
Мы все попадали не раз!!!

И мокрые, часто до нитки,
Бежали, смеясь, по домам...
И было уж не до улыбки,
Встречая расерженных мам!!!

Как это все стало далеким,
Каким-то несбыточным сном...
Со счастьем. до сердца глубоким,
Какого не знал я потом!!!

Кто бы ни был...

Пламя начинается от искры,
Не смотри на мир со стороны...
Каждый человек друг другу близкий
Кто б ты ни был - не начни войны!!!

Да, сегодня струны пониманья
Натянулись, позабыв предел...
Мир хотят завоевать пираньи
Многовековых, пиратских дел!

Будь ты полунищим или шахом,
Бог дал жизнь нам, как рассвет весны!
Не убейте мир безумным махом,
Кто б ты ни был, - не начни войны!!!

Елена БЕЛКИНА

Свет отражённый

Мои оконца смотрят на восток,
Встречаю солнце, радуясь и зная:
Недолг восхищения исток,
Светило, заглянув, уйдёт сияя, –

Другим, чужим... Но отблески его
Царят на крышах, окнах, что напротив.
И чувствуешь себя в семье Того,
Кто светит всем, снопы лучей разбросив.

Питал меня во время всех невзгод
Луч Божий, отражённый на иконах.
И теплился в душе среди забот
Свет лучезарный, хоть от Ликов тёмных.

Наш луч любви попал меж двух зеркал,
– Мой друг! Мы зеркалами теми были –
Счастливым, в бесконечности плутал,
И мы в потоке жизни, в счастье, плыли.

Камни моей судьбы

Все года – разноцветные камни –
на столе пред собой разложу.
Каждый камень к себе поманит,
все внимательно я разгляжу.

Полосатый рука моя сжала...
Этот год был на зебру похож –
светлых дней череда пробежала,
проползала незамеченной ложь.

До тебя даже страшно коснуться –
чёрный камень, неожиданный в судьбе.
До сих пор не могу я очнуться,
вспоминая дни жуткие те.

Страшный год у судьбы не ждала я –
в нём болезни, гоненья, хула.
Мне его моя мать нагадала,
после этого карты сожгла.

Эти два и лазурны, и сини –
нежный цвет манит больше других.
В те года появились два сына –
это цвет их очей дорогих.

Манят, манят отливами камни,
соревнуются между собой.
Светит красный сквозь годы давние –
это, милый, год встречи с тобой.

У судьбы кладовые богаты –
щедрой выдано было рукой:
изумруды лесов, глаз агаты,
сгустки солнца – подарок морской.

Полночь близится. Звуки стихают.
Тихо камешки я ворошу...
Всеми красками камни играют,
К счастью, серый не нахожу.

Гобелен

*Слова, мелодии слились
И с красками перемешались.*

Е.А.

Осень щедро поэту бросит
Россыпь красок шуршащей листвой
И с лукавинкой ласково спросит:
«Ты найдёшь цвет единственный свой?»
У зимы я возьму по льдинке
Слов прозрачных, сосулук звон,
Хруст шагов по узорной тропинке,
Белизну и спокойный тон.
И весны будоражащий воздух
Напитает зигзаги строк,

Золотое Слово - 9

Зелень лета – для глаза отдых –
Все оттенки вбираю впрок.
Как вино с многолетним сроком
Краскам дам отстояться в мехах...
Я сотку его ночью бессонной,
Это будет, наверно, объёмный,
Голубой, а местами зелёный
Бледно-розовый, чуть подпалённый,
Фиолетовый, даже червлённый.
Гобелен красок-слов – в стихах.

* * *

Февраль. Достать чернил и плакать.

Б. Пастернак

Февраль, февраль, кто от тебя не плакал?
Сам – сирота, нас тоже сиротил...
Но двух поэтов ты в метель сосватал –
и будет меньше горестных чернил?
Да что там День Святого Валентина!
Заморский гость – побыл и укатил.
А мне иная видится картина:
союз сердец – насколько хватит сил.
Ты их союз, февраль, укутай шалью,
ведь этой шали нет нигде нежней.
За горизонт, манящий синей далью,
пусть побежит цепочка светлых дней.
Пусть не растает летней тёплой ночью
кристалл любви, наш ювелир, февраль.
Он – хрупкий, хоть красивый очень-очень.
Растает он – нам будет очень жаль!

Поэт и музыкант

Это безумие –
то полнолуние...
Блики на стенах,
театр теней.
Музы витали
у колыбели
Песенных
наших детей,
Гимны слагали
и радостно пели
В вихре

безумных страстей.
Яни и Ини
прекрасных созвучий
Стали той ночью
родней.
Сотканы песни
из ласки и неги –
Был ли союз
где сильней?
Пусть же их прелесть
не меркнет
во веки.
Радуйте, детки, людей!

Погибшему в Чечне Герою России посвящается

Ворох свежих газет разбираю,
холодея от режущих строк.
Светлый взгляд на странице встречаю,
и по нервам – предчувствия ток.
Снова подвиг. Кровь сразу впитала
раскалённая боем земля...
Ну а Родина ЧТО испытала
в те секунды шального огня?
Содрогнулась, сошла ли с орбиты
наша грешная Мать-Земля?
Нет! Всё тихо, и мы не убиты
Вдалеке. Жизнь на взлёте твоя
прервалась. Затуманились очи,
словно в душу взглянувшие мне...
Переполнилось! Нет больше мочи
Боль терпеть за погибших в войне –
той жестокой войне, стародавней,
поливающей кровью Кавказ.
В схватке, силами часто неравной,
правда с кривдой сходились не раз.
Те, кого не затронуло горе,
скажут, мол, злободневку пишу.
О погибшем любом – не герое –
мать двоих сыновей, я грущу.
Нет для нас, матерей, войн локальных.
Гибель сына – до неба беда!
И в проекте злосчастий глобальных
не забудьте о том, господа!

Евгений СМОЛЯКОВ

Непознанная суть

В Париже
          нового почина
Смысл
          не приветствует народ:
Не станет матерью мужчина,
А женщина – наоборот!

Уже за школьною доскою
Внушают с самых ранних лет:
Меж сутью женской и мужскою,
Мол,
          никаких различий нет.

Послушать умников в эфире:
Не бес ли,
          мерзок и рогат,
Хлопочет,
          чтоб в подлунном мире
Сменил натуру суррогат?

В полемике пустопорожней
Слова,
          что знаем испокон,
Сказать нельзя
          (а делать можно!) –
Таков безнравственный закон.

Неважно:
          голь от поношенья
Скрывают брюки иль подол, –
Народ не хочет превращенья
В какой-то жалкий средний пол!

Два пола противоположны,
Как берега одной реки,
Несхожи, как клинок и ножны,
Начало и конец строки.

Но средь всеобщего движенья
Извечно
          женщин и мужчин
Сближают силы притяженья
Разнополярных величин.

Мужчинам надобно благое
Во всей подарочной красе.
А женщина – она другое,
Невероятное совсем!

Она – и бездна,
          и пучина,
И крепь,

          и тоненькая нить...
Да разве с женщиной
          мужчина
Себя отважится сравнить?!

Как Божий дар, непостижима,
Таит непознанную суть ...
Она пройдет с улыбкой мимо –
Как взгляд ей вслед не обернуть?!

... Я испытал сомнений муки,
И падал,
          и пытался встать,
Познал искусства и науки,
А женщину не смог понять.

Как знать,
          что на путях сближенья
Таит земное божество:
Или опасность поражения?
Или победы торжество?

... В порыве нежных откровений
И грешной плоти баловства
Целую руки и колени
Совсем другого естества.

Пилигрим

Звучно дождь барабанит по крышам ...
Где-то сходятся лоси, трубя ...
А друг друга мы вряд ли услышим,
Если слушаем только себя.

До прохожего и домочадца
В мире,
          шумном, как древний Дарьял,
Я пытался всю жизнь докричаться,
Но напрасно лишь голос терял.

Никому не сдавался на милость.
Презирал настигавшую мреть.
Только что-то внутри надломилось,
И никто не спешил подпереть.

Что когда-то страдало и пело –
Нынче,
          словно в пустынной глуши,
Отstonало в себе,
          онемело
Без сочувственно близкой души.

А за белой завесой сорочки
Всё вокруг затаённо молчит.

Золотое Слово - 9

Словно узник во тьме одиночки,
Сердце в ребра,
                    как в стену,
  стучит.

Заблудившись в бесплодных исканьях,
Потеряв Ариаднову нить,
Не могу я в своих бормотаньях
Сам себе ничего объяснить.

И не вымолвить ближнему толком,
Что совсем не о том говорим...
Так в пути,
                    нескончаемо долгом,
Забывает слова пилигрим.

Когда бы знать ...

Когда бы знать,
                    кто мне судил
К чему-то дальнему стремиться?!
Я совершал,
                    и восходил,
И всё не мог остановиться.

Средь прорвы многотрудных дел
Не вспомню дня,
                    что прожит праздно.
Себя ни в чём я не жалел –
Когда бы знать,
                    что не напрасно!
Взвалив на плечи тяжкий груз,
Я был уверен,
                    что не брошу.
Несу, пока не повалюсь,
Но кто подхватит эту ношу?

Дожил до горестных седин,
И,
                    что б вперёд себе ни прочил,
Один остался на один
Я с тем,
                    что сам же наворочал.

И ныне маюсь я в тоске,
Не ожидая перемены.
Я дом построил на песке –
Покрылись трещинами стены.

Давно в печи сожжён комод
Из мной посаженного древа.
И в неприкаянности плод
Осеменённого мной чрева.

Ужели слово невпопад
И все старания впустую?
Не плодоносит город-сад,
Жизнь прожигая холостую.

Крошится общества бетон,
И мира нет в родимой хате.
А я хотел совсем не то,
Что получилось в результате!

Терзаюсь я,
                    что край родной
Отдал проныре и пролазу,
Когда покинул ратный строй
По высочайшему приказу.

И,
                    не отмеченный свинцом,
В стране,
                    упавшей без сраженья,
Я чувствую себя бойцом,
Не вышедшим из окруженья ...

На равнодушную Неву
Гляжу в раздумьи с парапета ...
Когда бы знать –
                    зачем живу?!
Но не могу найти ответа.

* * *

Не с тем,
                    чтоб усложнять простое,
Не ради славы и гроша,
Не знает сбоев и простоя,
Как вечный двигатель,
                    душа.
Видать, устойчивого сплава!
Но,
                    накалённой докрасна,
Моя телесная оправа
Уж ей становится тесна.

Не мне судить,
                    чего я стою,
Но ставшую приютом плоть
Вдруг разжиревшей и пустою
Не дай мне ощутить,
                    Господь!

Мне день-деньской
                    тогда не лишней,
Когда душа и плоть в ладу.

Благослови,
                    Отец Всевышний,
У всей Отчизны на виду

Не кладь,
                    не тяжкие оковы –
Свой крест безропотно нести!
Глотнуть бы только родниковой,
Студёной влаги из горсти!

Золотое Слово - 9

Рассвет

Рассвет нежнее перламутра.
Гладь озера, прозрачно утро.
Над лесом дымкою туман,
То ранней осени обман.
Уже темней и гуще стали ночи
И пенья птиц не слышно на заре.
Короче день, и жизнь короче,
Под дождь уходит в сентябре.
Но всё живет на сердце смутная надежда,
Как будто я невежда,
Не знающий о чередѣ времен.
Как будто молодость со мной, как
прежде,
И я не жду фатальных перемен.

Вдоль берега...

Вдоль берега, дыша простором,
Среди сосен вековых, над бором
Небесный свод немислимой красы,
Умытый после утренней грозы.
На серебристых нитях сквозь дождинки,
Повиснув радугой, небесные слезинки
Жемчужным светом озаряют,
Собой на жизнь благословляют.
Какое счастье жить и наслаждаться
Твоей земной, небесной красотой.
Бродить в лесу, и в водной глади
отражаться,
И любоваться вечной простотой.
Тростник, подернутый туманом,
Чуть слышно шелестит.
Сквозь тучи солнечным обманом
На гладь зеркальную кропит
Летний дождь, неся надежду,
Что будет все, как было прежде.

Земная красота

Край солнца, задев кружевную листву,
Играющим бликом луча озарил,
Раскрасив небесную высь, как мечту,
Земной красотой всё вокруг одарил.

Кузнечик

Ягода малина вновь в лесу созрела.
И царит над миром полуденный зной.
Словно в сонном царстве кружится
несмело,
Бабочка-цветочек в стороне лесной.
Затаился ветер, стихли щебетанья,
Ягода на солнце соком налилась.
Лишь поёт кузнечик, словно на свиданьи.
Его песня-стрёкот к небу поднялась.
Разбудила ветер, потревожив тучу,
С неба полыхнуло грозовым дождём.
Что же ты наделал, маленький кузнечик,
Разбудил до ночи всё, что спало днём.

Грусть о друге

Лист прощался с фонарем...
Загорел и раскраснелся.
Ночью плакал он с дождем,
Днем сверкал, на солнце грелся.
И слетая с ветки клена,
Нежно он фонарь обнял,
А потом прилег с поклоном,
Под ногами зашуршал.
Ветер листья растрепал,
Разгоня их по кругу.
А фонарь, грустя о друге,
Путь их поздний озарял,
Освещая все в округе.

Рябина

Рябина горькая, рябина жаркая
Стоит в туманном полушалке.
Порою свадебной, стоит заброшена,
Стоит, не прибрана да запорошена.
И снится тёмною, порою – светлая,
Как будто вновь стоит, целуясь с ветрами.
И листьев кружева играют в зайчики,
И обняв милую, смеются мальчики.
Стоит счастливая воспоминаньями,
Стоит замёршая одна с желаньями.

Любите в женщине глаза

Любите в женщине глаза.
Они в любовь и смерть глядели,
Они от подлости седили,
Но в них сияли небеса,
Когда на милого глядели.
Глядите в них, как в образа.
Дрожит по прошлому слеза,
Они родник воспоминаний,
Восторг несбывшихся желаний.
В них солнца луч и звёздный свет
И ничего прекрасней нет,
Хоть выплакано море.
Они надеждою спасут
И в радости и в горе,
Сверкнув как вешняя гроза.
Любите в женщине глаза.

Останется любовь

Земной любви мы пьем вино,
Порой от счастья, не хмелея.
И о прошедшем не жалея,
Забыв, зачем оно дано.
Исчезнет звук, останется любовь.
Исчезнет жизнь, все побеждая вновь,
Из пут небытия нас возродит любовь,
Уйдя в иные времена.
И осязания пространства,
Где вязью пишут имена,
И в чувствах свято постоянство,
Где исторические были
И дуэлянты честью слыли.

Есенину

Твои стихи, как яблоко на Спасе,
Едва надкусишь, брызжет сок.
Рассветным маревом украсишь
Нам на закате жизни срок.
Там молодою, яблоневою веткой
Манишь в чарующие дали,
С влюбленным взглядом для соседки,
Твои стихи не раз читали
Магически чарующие силы,
В них молодчества печать,
От юных лет и до могилы,
Дай Бог Есенина читать.

Летний сад

Какое торжество мгновенья!
Увидя эту красоту,
Я всю божественность
творенья:
Воспринимаю как мечту!
Решетка сказочного сада,
Ты в мир иной возвысилась преградой.
В мир Пушкина и царство бала,
Скульптур твоих,
А сад - торжественная зала,
Где всё возможно для двоих.
Здесь тайну юности храня
И в тень аллея твоих маня,
Под легкий ветерок
И птичье щебетанье,
Поэт напишет пару строк,
И гениальное признание
Уже готово,
Тогда ценили силу слова.
Здесь дамы, наводя лорнеты,
Шептали тихое «шарман».
Не важно, правду иль обман,
Друг другу передать секреты,
Спешили денди и кадеты.

Священник Николай ЕПИШЕВ
Эпоха Преподобного отца нашего Сергия Радонежского
в русском кинематографе
(А.Тарковский «Андрей Рублев» и др.)

Эпоху Преподобного Сергия Радонежского можно уместить в канву его биографии от 1314 г. до 1392 г. Он был современником нескольких великих князей московских, самым известным из которых был Дмитрий Донской (1350-1389). При нем был завершен белокаменный Московский Кремль и произошла великая Донская битва (8 сентября 1380 г.). В эпоху Преподобного Сергия митрополитом был Алексей, который совершил чудо в Орде: по его молитве прозрела ханша Тайдула. Он был фактическим регентом при малолетнем князе Дмитрие Донском и сделал все, чтобы выпестовать его в великого государственного деятеля.

Объединительные тенденции на Руси возникли задолго до рождения Преподобного Сергия, но только потом они обрели свою могучую созидательную силу. Их было трое: митрополит московский Алексей, Преподобный Сергий и Великий Князь Московский Дмитрий Донской, которые сплотили вокруг Москвы большинство Русских княжеств. Это и принесло победу на Куликовом поле, ставшем отсчетной точкой в освободительном движении от татаро-монгольского ига. Святитель Алексей прожил 80 лет и еще до кончины хотел видеть своим преемником Преподобного Сергия, но тот по смирению уклонился. Хорошие отношения у Преподобного сложились с митрополитом Киприаном-болгаринном, ставленником Константинополя, святительство которого было связано со многими скорбями. Лишь в марте 1390 г. митрополит Киприан был встречен новым Великим Князем Московским Василием I Дмитриевичем и занял митрополичий престол. Церковно политическая программа Святителя определялась принципом единства Русской Церкви, который соблюдал до конца жизни. Он способствовал сплочению русских княжеств вокруг нового политического центра Москвы и повышению авторитета Московских князей, что сильно укрепило Русское государство. Пре-

подобный Сергий Радонежский целиком разделял эти устремления Святителя, со своей стороны делая все для духовного просвещения и созидания русского монашества. Таковы основные черты биографической канвы жизни Преподобного, но его деятельность вышла за эти хронографические даты – она надолго опередила свое время. Мы в этом убеждаемся при просмотре выдающегося художественного произведения наших дней – кинофильма «Андрей Рублев» режиссера А.Тарковского (1966 г.). Это был рубежный период в гонениях.

Герои и действующие лица фильма буквально дышат тем же воздухом, что и Преподобный Сергий. Режиссер показал всю трагедию этого времени. Перед нами проходят ужасы междоусобных войн князей и трагедия русского народа, страждущего под гнетом татаро-монгольского ига. Это художественное размышление над житием Преподобного Андрея Рублева, создавшего непревзойденные иконы и росписи на Руси. Фильм выполнен в нескольких новеллах, отмеченных датами, исторически подтвержденными специалистами – историками, помогавшими воссоздать дух эпохи. Фильм созидался в критический период нашего времени. Сам замысел можно принять как Чудо о чудесах. Безбожно-антицерковные гонения распространились на всю страну по указке Хрущева, многие церкви и монастыри были закрыты, безжалостно разграблены и доведены до руин.

При просмотре фильма мы сталкиваемся с ощущением перетекания времен, переключки эпох. Наш взгляд устремлен на происходящее из 20 века, тогда как все происходящее в фильме в 15 веке, живо затрагивает нашу душу. Нетрудно представить всю глубину удивления советского зрителя, увидевшего на экране живых монахов и слушающего их эзотерические диалоги, далекие от их материалистических представлений. Реакция идеологических органов была незамедлительной. Фильм был снят с по-

каза и отправлен в эмиграцию на долгие годы. Только в конце семидесятых годов прошли его первые показы в Советском Союзе. Толпы людей штурмовали кинотеатры, мечтая увидеть запретный фильм. Запретной была Церковь, запретной была молитва, иконопись и дивное храмостроительство. Эти показы были мощным прорывом от неверия к вере русских людей. Фильм был ударом по долгому периоду духовного кризиса, охватившего Россию с 18-19 века. Русские поэты, писатели позволяли себе, еще в дореволюционное время, глумиться над Русской Церковью, находя бранные и ругательные слова. Среди них особенно выделился Лев Толстой со своими разрушительными проповедями. В фильме мы видим что-то аналогичное в новелле «Праздник» (1408 г.) – языческое гульбище на день Ивана Купалы. Режиссер, понимая глобальность подвига Иисуса, приближает его к нам в картине русской Голгофы. Как и великий иконописец, режиссер тяжело переживает судьбу русского народа, о которой рассуждает герой фильма в новелле «Страшный суд» (1408 г.). Впервые зритель мог увидеть внутренний мир монаха, ушедшего из мира, но сохранившего любовь к человеку. Чем питается эта любовь? Призванный для работы в другой монастырь, Андрей Рублев приходит проститься со своим учителем и наставником Даниилом Черным – многолетним своим сотрудником. Трогательное прощание двух друзей, монолог о любви приоткрывают нам внутренний мир этих людей. Нелегко проходит работа Андрея Рублева над росписью «Страшного суда». Настоящий удар он испытывает в событиях новеллы «Князь Иуда» под названием «Набег», представляющей достоверные исторические события 1408 г. В междоусобной брани двух братьев-князей, предательски был разорен город Владимир и его святыня Успенский собор. Поневоле опускаются руки от увиденного и пережитого. Андрей Рублев находится в смятении. Зверски замучен ключарь Собора, столь неожиданно трагично представленный Юрием Никулиным. Вновь из 15 века мы расцениваем события нашей недалекой современности: разоренные храмы, вскрытые кровли, горы трупов новомучеников. Научила ли нас чему-либо трагедия давних лет? Поцелуй Иуды, младшего

брата Великого князя, страшным эхом откликается в нашем времени. Мы единственная страна в мире, которая поставила в столице памятник Иуде. Где найти выход из этого положения? Герой 15 века видит его в обращении к предкам. Он обращается к усопшему уже Феофану Греку со своими мучительными вопросами. Беседа в разрушенном храме – это одна из лучших сцен фильма. Андрей Рублев, вполне в духе своего времени, принимает послушание молчания.

Конечно, режиссер Андрей Тарковский дает свою версию монашества, хотя достаточно близкую к реальности, но он вносит в эту интерпретацию гуманистически чувственную сферу, как будто примеряет монашеские облачения на себя. Ему не хочется изображать грешников на Страшном суде. Он ищет своему вдохновению какое-то земное утешение.

В новелле «Колокол» судьба сводит героя с совершенно неожиданным созидателем, с юным литейщиком. На фоне нищеты и полного разорения посланцы Великого князя ищут того, кто отольет колокол на главный Храм. Из какой-то щели полуразрушенной избы к ним выскакивает тщедушный мальчонка и возглашает: «Возьмите меня к Князю», а когда те засомневались, он вдруг сказал, что знает секрет, полученный от отца, те и соглашаются. Безвестный юноша приступает к великому делу. Самозабвенно, почти без сна, идет, покорный призыванию, мальчонка в своем созидании и на наших глазах вырастает в Мастера. Больше всего споров вызвал этот герой фильма в блистательном исполнении молодого Николая Бурляева. Представители соцреализма восклицали: «Кто мог допустить до такой сложной работы соплячка, даже не окончившего ФЗУ?». А с другой стороны, люди близкие к церкви сказали: «Приврал тут Тарковский. Поставил в церковных дел мастера комсомольца Павку Корчагина, несущегося навстречу своей мечте на крылышках своей куцафейки». Но можно возразить и тем и другим. Павка Корчагин строил свою узкоколейку без образования железнодорожного мастера, но строил он эту дорогу в никуда, а щупленький Бориска отливал колокол по Божьему призыванию. Полеты в небо, межпланетные космические программы, верх научного прогресса – весь этот могучий арсенал, гордость

Золотое Слово - 9

современного человечества и в частности социалистического общества вдруг неожиданно меркнет перед этим героем. В удачные минуты Бориска вдруг собирается со всеми своими силами и на его губах произносится молитва, ведь он созидает колокол – глас Божий, который дойдет до народа, пробудит души многих и многих людей и откроет путь к спасению. Окрыленный молитвой Великомученика Георгия Победоносца, он выводит свое детище из глубокого кратера навстречу людям. Мирно качается било, все замирают в ожидании и вот раздался звон, словно царственная могучая поступь самого Господа доносится до всех людей. Что же Бориска? Карабкается на трибуну под юпитеры видео и кинокамер? Хвастливо стучит себя в грудь? Ничего подобного! Он падает ниц, в грязь и в своей, казалось, униженной тщедушности плачет на груди главного героя фильма. Сквозь рыдания Андрей слышит признание Бориски* о лжи – отец так и не оставил ему секрет литья колокола, и как такое может быть, только чудом Божиим можно объяснить все это. После долгого молчания Андрей говорит: «Пойдем вместе с тобой, я буду иконы писать, а ты колокола лить». Это призвание обращено ко всем нам – не терять веру, а самозабвенно служить Богу и созиданию во имя Его.

Могучим финалом прорывается много-

звучная многоцветная гамма Рублевских иконописных образов. Некогда названные «черные доски» струят нам непредставимый Божественный свет. Все богатство цветовой палитры и красоту композиции. Перед нами вспыхивают образы Преображения Господня, царственной Троицы, и, наконец, сам Господь взирает на нас величественно и кротко в спокойной уверенности и полноте божественного достоинства.

В далекие 60-е годы этот фильм появился в России, а обречен был на ссылку за границу, но каким-то чудом он пришел к нам в конце 70-х годов. Многим он вправил мозги, многим открыл глаза, а кому-то воспламенил сердце. Кто-то из современных режиссеров так и сказал – «Я вышел из “Андрея Рублева”». Действительно, в фильме работали гениальные люди, тогда еще никому не знакомые актеры стали знаменитыми на весь мир. Музыка композитора Вячеслава Овчинникова в финале фильма предстает как хоровая рапсодия. Сердце рвется к полету. Сколько бы ни ругали Россию, ни потешались над ее культурой, а фильм «Андрей Рублев» навсегда вписан в летопись мирового кино, а следовательно, в сокровищницу вселенской мировой культуры. Такова сила молитв, прошедших до нас сквозь века, и губы невольно шепчут: «Преподобный отче наш Сергие, моли Бога о нас».

* *Исповедальность – характерная черта фильма. Для советских идеологов запретная тема (прим.автора).*

АНТОНИНА ЛИПИНА

Приключения друзей

Сказка-быль

Часть первая

*Мил сердцу мне ты, край родной,
Берёзкой стройной, осинкой хрупкой,
Сосной могучей, зверьком лесным,
Травинкой каждой душе ты мил.*

Легенда о крае

Это было ещё в те далёкие-далёкие времена, когда существовало Литоринное море. Оно, как в зеркале, отражало украшенные лазурью небесные своды в своих тёплых, ласковых водах. Это было время тепла на Земле и расцвета жизни крупных насекомых.

Один гигантских размеров бесстрашный весёлый мотылёк, которому природа отвела всего один день жизни, решил полетать над морем. Дневной прохладный бриз легко носил его над водой. Мотылек радостно кружился и порхал над ее спокойной, прозрачной гладью, разглядывал рыб и водоросли. Весь день он летал и восхищался прелестью жизни.

Но к вечеру дневной бриз сменился ночным и стал дуть с суши на море, а тут ещё, раскапризничавшись, усилился ветер. Море сначала покрылось чешуйчатой рябью, потом ощетинилось волнами. Мотылёк старался лететь к берегу, а усилившийся ветер гнал его опять в море.

От усталости крылья его отяжелели и совсем не слушались. Обессилевший мотылёк опустился на воду. Подняться он уже не мог, у него не хватало сил. Он и не знал, что век его уже закончился.

Ветер поутих, волны уняли свой пыл и тихо колыхались, о чём-то перешёптывались друг с другом. Отдохнув на волнах, он хотел подняться в воздух, но тут же понял, что у него отнялась, окаменела верхняя часть левого крылышка. И как бы убаюканный морем, он стал погружать-

ся в пучину.

Много веков пролежал он на морском дне, пока море не отступило и оголило берега. Так и остался он твердью, своей формой напоминающей мотылька.

Даже Архитектор-Ледник не смог стереть его очертания, только сделал его ещё ажурнее и наряднее за счёт озёр да рек, углублённых им.

Верхнюю часть окаменевшего левого крылышка люди теперь называют обнажённым фундаментом, а остальную часть, припорошенную временем и осадочными отложениями и заросшую дерниной, то есть чехлом - платформой.

Зовётся теперь эта территория Ленинградской областью.

Поросла эта земля травой да деревьями. Чтобы быть ей ещё живописней, люди организовали заповедники, заказники, насадили сады, рощи, парки, даже стали считать памятниками природы водопады, озёра, и болота.

Облюбовав однажды, люди на века заселили эту землю. Построили на ней города, поделили её территорию на семнадцать районов: Выборгский, Приозерский, Всеволожский, Ломоносовский, Кингисеппский, Волховский, Лужский, Волосовский, Гатчинский, Тосненский, Кировский, Киришский, Тихвинский, Бокситогорский, Лодейнопольский, Подпорожский, Сланцевский и город Санкт-Петербург. Стали благоустраивать и украшать города и посёлки один лучше другого. От этого серенький незаметный мотылёк становился всё краше, на-

ряднее и стал похож на яркую бабочку.

Как каждый рисунок на крыльях бабочки не похож один на другой, так и районы отличаются друг от друга, у каждого неповторимый, свойственный только ему, орнамент.

Но лучше всех украсили Санкт-Петербург - оригинальной планировкой улиц, своеобразностью домов, статуями, скульптурами, дворцами, скверами, парками, ажурными чугунными решётками и многочисленными мостами затаили рану порванного крылышка.

Словно творение художника на холсте теперь красуется эта нарядная бабочка на теле Матушки-России.

Живут на этой территории мужественные, крепкие, стойкие духом люди, такие же бесстрашные, как тот Мотылёк. Перетерпевшие войны разных эпох, времена голода и холода, блокадный ужас последней войны, и ныне живут они, не склоняют своей головы, воздают вечную память погибшим в те суровые дни.

Легенда о болоте

Болото - это закрома Водяного, здесь он веками откладывает свои запасы, собирая по тростиночке одну за одной. Всё просушивает, спрессовывает, по-хозяйски превращая в большой толстый слой сотканного непромокаемого одеяла, которым покрывает и прячет от чужого взгляда чистые полезные грунтовые воды. Хранит их взаперти, не позволяет им выходить на поверхность. А как только пойдёт дождь, так болото подставляет свои моховые щёчки, да радуется снегу, который весной растает и пополнит её запасы атмосферными осадками.

Водяной старается как можно больше себе прихватить: увидит зарастающее озеро или долину реки и давай скорее откладывать растения и формировать торфяной слой, превращает их в низинное болото, а пройдёт время и станет оно верховым.

Все живительные соки из растений при отмирании их постепенно уходят в Матушку-Землю. Там, разбавляемые древними водами, под давлением большого слоя земли, без доступа воздуха, превращаются в кровь земли. Люди

её ещё называют нефтью. Течёт она реками по жилам Матушки-Земли и помогает выжить всему живому. Все животные, погибающие в болоте, затаенные трясинной, тоже дают живительную силу земле.

Там же хранит Водяной и запасы пресной кристально чистой воды и заставляет живые растения, растущие на поверхности болота, очищать её, убирать всё губительное в ней, для пополнения рек и озёр. Чтобы не оскудели, не иссякали они.

Воды его вековые, очень полезные, вот он и хранит, бережёт свои богатства для потомков, чтобы не обеднела земля наша русская. Не зря растёт клюква на болоте, она багряно-красного цвета и очень полезна для людей. Она как бы маленькая частичка крови земли.

Помогает Водяному и служит у него сторожем Кикимора. Уж она-то никому ничего лишнего не отдаст. Не зря на болоте всегда слышно чавканье, это купается Кикимора, то нырнёт, то вынырнет, подбирая травку, которая нечаянно упадёт на дно. Это так она принимает грязевые ванны, чтобы выглядеть моложе и красивее. Следит за порядком на болоте, чтобы люди ничего не оставляли, не кидали и лишнего не забирали. Ну очень рачительная хозяйка!

Больно приглянулась Водяному ленинградская земля, господствует он на ней безраздельно. Вот и не хочет он, чтобы осушали её, отбирали его владения. Вместе с Кикиморой строят козни людям: всё больше делают непроходимых, гиблых для людей и животных болот, чтобы сохранить её первозданную красоту и чистоту вод, да отчитаться Владыке-Климату и Архитектору-Леднику за вверенную вотчину.

Легенда о геологической истории края

Это я слышала ещё от своей матери, что земля нашего края многострадальная. Одним из виновников всего этого был Владыка-Климат. Много на земле зависит от его своенравного и сильно переменчивого характера, от его часто меняющегося настроения. Он то добреет, и тогда на земле становится теплее, больше по-

является тёплых морей, озёр, болот и тогда на землю приходит время пышной вечнозелёной растительности. То вдруг меняет он свой капризный нрав, начинает сердиться и тогда становится холодно. Тёплые воды остывают, уменьшаются в размерах моря и озёра, а тёплые болота превращаются в вечную мерзлоту, которая оттаивает только на короткое летнее время.

Территория нашего края, прежде чем стать холмистой равнинной поверхностью, которую сейчас называют Восточно-Европейской, или Русской равниной-платформой, устойчивой к землетрясениям и вулканизму, прошла все стадии формирования, претерпела великое множество испытаний.

Начиналась её геологическая история многие миллионы лет назад, когда формировалась платформа-равнина, территория эта была покрыта островными вершинами гор. В преисподней бушевали мощные внутренние силы. Горы содрогались от страшных землетрясений, а действующие вулканы извергали потоки огнелышающей лавы, которые вырывались из недр земли. Так создавались крупные формы рельефа.

Когда они немного успокоились, на смену им пришел Владыка-Климат, он в то время был ещё молод и добр. Вот тогда большую часть нашего края покрыло Литориновое море. Под ударами его молодчиков-волн и под действием процесса выветривания островные вершины гор сглаживались, а впадины и понижения заполнялись чехлом морских и материковых осадочных отложений. Земля постепенно приобретала равнинный рельеф.

Так много раз Владыка-климат менял своё настроение, сердился, и тогда на Земле опять веяло холодом, а потом опять добрел, и тогда приходило тепло, и так повторялось неоднократно.

Но неожиданно Владыка-Климат совсем расви-репел и призвал на помощь своего соратника, силача Архитектора-Ледника. Очень ему понравилось заманчивое предложение, сделанное Владыкой-Климатом, поразмяться, погулять по просторам Земли. Очень уж он засиделся в своих владениях - горах Скандина-

вии. Всё это было ему на руку.

Тёплый западный ветер с Атлантического океана приносил много рыхлого, липкого снега. Ледник жадно вбирал его, накапливал, спрессовывал, собирался с силами. Он погрузнел и почувствовал свою мощь и силу, приобрёл пластичность, текучесть и ринулся, потёк с гор в долины, сминая и круша всё на своём пути. Срезал, выравнивал, округлял и утрамбовывал уже существующие формы рельефа. Если вдруг что-то сопротивлялось под ним, то он прихватывал и катил впереди себя, расправляясь по пути. Ведь чем массивнее ледник, тем он подвижнее.

Множественно, собрав силы, наступал, хозяйничал Архитектор-Ледник, но потом сдавался и отступал назад, в свою ледяную вотчину - высокие горы Скандинавского полуострова. Всегда подводил его Владыка-Климат, он вдруг начинал добреть, и приходило тепло.

Но как бы спохватился и одумался, остудив свою буйную головушку, поразмыслил, оценил свои поступки Владыка-Климат, убрал последствия и вернул Ледник в своё поместье.

И воцарилось тепло на земле. Это случилось двадцать тысяч лет назад. Подустал, немного постарел Владыка-Климат и не хватает у него больше сил растопить вечную мерзлоту и вернуть минувшие жаркие времена. Так и превратился наш край в край холодных морей, озёр и болот - край прямых улик бывшей безбрежной и всеобъемлющей водной стихии. Край си-неоких озёр, обрамлённых зелёными ресницами елей и сосен.

Поэтому геологическую историю нашего края делят на три периода: доледниковый, ледниковый (когда проходили оледенения) и послеледниковый, который продолжается до сих пор.

Много бед и разрушений наделал Архитектор-Ледник, но в то же время он и создал, создавая причудливые формы, доселе неведомые земной коре, узоры рельефа. Склоны гор с севера пологие, а с юга обрывистые. Люди такой рельеф называют «бараньи лбы» - за схожесть со лбом барана. Это всё Архитектор-Ледник наделал. Наступал, медленно собираясь

Золотое Слово - 9

с силами, взбирался на вершины гор, а потом скатывался кубарем, играл и наслаждался, как малое дитя. Очень ему нравились эти забавы, поэтому и наделал он на Карельском перешейке много таких рельефных очертаний. Теперь все это поросло лесом и покрылось дёрном.

Любил Архитектор-Ледник углублять долины рек, превращать их в глубокие впадины-чаши, которые потом при своём отступлении заполнял талыми водами и превращал во множество голубых водоёмов, пополняя наш край всё новыми и новыми озерами.

Играючи, откалывал и отламывал от скал огромные булыжники и катил впереди себя, обтачивая их, делая округлой формы, и разбрасывал их при своём отступлении, как бы оставляя автографы в память о себе.

Нравилось Архитектору-Леднику городить огороды, собирать песок, глину, щебень, гальку, камни - так называемую морену, сбивать их своими талыми водами в гряды-озы. Так он хотел себе делать огород, который не заливался бы водой. Всё мечтал о земном владычестве навсегда, но Владыка-Климат нарушил все его планы. И осталась эта затея его несбыточной мечтой.

Но кто знает, может быть, пройдут годы и опять захочет показать Владыка-Климат свой капризный нор.

Климат ленинградской области

Ленинградская область - это царство госпожи Непогоды, и её любимых сыновья, рождённых от Владыки-Климата. Старший - диктатор - по имени Циклон. Он ставит свои условия, стремительно вращается, заглатывает в себя побольше воздуха, как чёрная дыра, обладает мощностью низкого давления. Поэтому он всегда недоволен, ему постоянно плохо, очень жадный, про таких в народе говорят: «глаза завидующие, руки загребушие». Стараются загрести побольше воздуха в свои объятия, всегда грозный, хмурый, злой. Он часто угрюм, раздражён, неуступчив, несговорчив. Если его затронут, готов в любой момент расплакаться.

Его младший братец - удалой молодчик, обладатель высокого давления - бесшабашный Антициклон. Любит покрутиться, полюбоваться собой, безрассудный, всё от себя отталкивающий. Характер у него игривый, задорный, весёлый, но страшно обидчивый, вспыльчивый и задиристый.

Оба считают эту территорию отчим домом, своим семейным гнездом, оба претендуют на наследство. Постоянно ведут борьбу за своё владычество, привлекая своих слуг - ветров суши и моря.

Если Северный холодный ветер - неповоротливый, неуклюжий богатырь-увалень, который намного сильнее и мощнее Южного теплого ветра, подкараулит и неожиданно догонит его, такого пронырливого и шаловливого, но обидчивого и плаксивого, то начинает бороться с ним, всей своей тяжестью прижимая его к земле. Но Южный ветер не может долго выдержать и сопротивляться, тут же «заносит» и в слёзы.

Поэтому погода быстро меняется, вот как сегодня: уже льёт стеной дождь, громогласно грохочет гулкими раскатами гром, и град забарабанил крупными горошинами, которые быстро тают на тёплой, прогретой солнцем земле.

Выждав момент, злопамятный и мстительный Южный ветер атакует врасплох холодный. Но Северный холодный ветер терпеливый, он просто так не сдаётся и долго борется с ним, остужая его пыл, заставляя его стать таким же холодным, как и он сам. От обиды и досады, не выдержав того, что он слабее и не может справиться с холодным ветром, тёплый ветер раскапризничается, но пройдёт много времени, пока он расплатится дождём. Сначала небо подёрнется красивыми лёгкими белыми пёрышками, потом их станет больше и больше, они потеснят друг друга, станут плотнее, превратятся в перисто-слоистые облака, а затем в кучевые и слоисто-дождевые, и вот опять грянет дождь с грозой.

Земля эта испокон веков является ареной ветров, здесь они ведут борьбу за своё владычество и превосходство. Оспаривают своё пра-

Золотое Слово - 9

во на господство над этой территорией ветры различного происхождения, меряются своими силами и остужают буйные головы.

Если на море нет волн - штиль, значит, ветры отдыхают.

Если лёгкий ветерок - значит, мирятся.

Разбушевались ветры - значит, силой меряются, норы свой показывают.

Сильный ветер - злость срывает за неудачу в сражении.

Ураган - разгневанный ветер негодует.

Шквальный ветер - выражает свою ярость.

Поэтому всегда здесь ветрено. А так как сталкиваются ветры с моря и с суши, климат здесь переходный от континентального к морскому, с несильно жарким тёплым летом и умеренно холодной зимой, высокой относительной влажностью, ветреной погодой и большой облачностью в течение всего года.

Но младший брат Антициклон гораздо

уступчивее, поэтому преобладающие победы одерживает Циклон. Зима, лето и осень являются любимыми временами Циклона. Лишь весной набирает силы Антициклон, и тогда стоит ясная, солнечная и ветреная погода. Именно поэтому весна в Ленинградской области является самым лучшим и сухим временем года.

Но была у Непогоды ещё одна сестра - Ненастье, а её детьми были: Туман, Морось, Снег, Град, Промозглость, Грязь, Слякоть и Сырость. Они очень любят свой край и не хотят расставаться с ним.

Живётся им очень вольготно только до тех пор, пока не взойдёт солнышко и не уничтожит их злые последствия. Но, к сожалению, это бывает только поздней весной и летом.

Живут на этой территории две неразлучные сестры Непогода и Ненастье очень дружно, искренне любят свой край. Как ни гонят их люди, они всё равно так здесь и остаются.

Юрий ПЕЙСАХОВИЧ

О фотовыставке ЕВГЕНИЯ РАЕВСКОГО «Здесь всё перемешалось и живёт»

Вспоминая Огюста Родена, выуживаю из памяти своей его знаменитые слова: «Если ты хочешь зайти в мир искусства, сначала проверь свой мир: ты - человек или не человек? Вторым шагом ты должен понять, что мир искусства - это мир философии и гармонии. Если ты внутри чист – ты войдёшь в душу любого человека, поймёшь его движение...»

Сюда добавлю, пожалуй, ещё и слова моего друга - действительного члена АРСИИ, Члена Союза Художников России - известного не только в Санкт-Петербурге, но и в Европе, и за океаном скульптора Ашота Казаряна: «Художник должен быть великим человеком».

Это полностью относится и к автору данной фотовыставки - Евгению Павловичу Раевскому, что подтверждается краткой аннотацией биографии его в буклете к выставке.

Обладающий яркой харизмой, включающей поэтический дар и врожденный талант объединителя, собирающий вокруг себя неординарных, в большинстве случаев самодостаточных, обладающих раскрепощённым интеллектом и творческими способностями людей, Евгений Павлович Раевский и сам постоянно удивляет нас своей разносторонностью, многогранностью таланта - на этот раз, в качестве мастера художественной фотографии.

При оценке любого художественного произведения важен первый взгляд: есть гармония или нет? Это касается и поэтов, и скульпторов, и художников-живописцев, и, конечно, фотографов. И если тебя, зрителя, зацепило, заинтересовало, отозвалось в твоей душе – запомни имя Автора!

Задача искусства вообще – развернуть человеческую душу, расширить его эмоциональную сферу. Как и хорошие стихи, так и хорошая фотография учит нас эмоциям и чувствам. Мгновенное узнавание автора и есть один из главных

критериев оценки мастерства, что вызывает в нас непреодолимую потребность глубже окунуться в поэтическую фото-художественную вселенную, наполненную любовью и нежностью.

Я бы назвал эту фотовыставку «ОТРАЖЁННЫЙ МИР». Здесь автор (в свободное от написания стихов и больших обязанностей по АРСИИ и РМСП время) увлечён фотографией, где пытается создать особое состояние – созерцания и отражения мира, совсем не зеркальное, но отражённое в себе самом.

При этом зрителя поражает воздушность изображения и эффект «присутствия рядом...»

Романтик и в поэзии, и в жизни, Евгений Раевский показал себя и романтиком в фотографиях...

Одухотворённость отличает лица великих и известных в культурном мире людей, которых запечатлел автор. Это звёзды первой величины: Мстислав Ростропович и Галина Вишневская, бард Юрий Кукин, актрисы Татьяна Кузнецова и Елена Попова, певицы Ольга Вардашева, Нина Мещанинова, Ольга Широкова, Ольга Питериш, Зара, поэтесса Елена Покровская, «петербургский Рафаэль» Александр Полозов...

Очень интересны и пейзажные зарисовки: «Последний поцелуй», «Зимняя роза», «Зимние метаморфозы», «Сизари»... Указанные работы - безусловная удача автора.

Нам, зрителям, его коллегам по Академии и Межрегиональному союзу писателей остаётся только удивляться: когда он находит время на всё?.. А, впрочем, серьёзное увлечение фотографией, видимо, особо питает автора дополнительной энергией жизни, что и позволяет ему так широко и интересно самовыражаться в разных ипостасях творчества.

Твори, наш друг, и дальше! Удачи тебе!

Выбор

У нас свободное общество, люди сами выбирают, что им читать и о чём говорить. Свобода - это очень ответственное дело. Это сложный инструмент, которым нужно уметь пользоваться. Не надо удивляться, что у нас всё разваливается, если, предоставляя людям самостоятельность, никто не учит их тому, как этим пользоваться что за это надо нести ответственность.

Честь, достоинство, волевое начало - это особый строй души и сознания. Думаю, если бы современные чиновники относились к государству, как к своему родному дому, мы бы жили иначе. Но сейчас происходит обратное: они не хотят никакой ответственности.

Как писал в своем дневнике Александр Блок: «Видишь всё это кругом, весь этот ужас, в котором задыхаешься, и эту невозможность, бессилие что-то переменить в этом - сердце тайно просит гибели... Вся современная жизнь есть холодный ужас. Уехать? Куда? Европейская жизнь также мерзка. Вернусь - на таможене оборуют, в середине России повесят или посадят в тюрьму, оскорбят. Цензура не пропустит того, что я написал. Ничего из современной жизни не приму. Ничему не покорюсь». Многие ли изменилось с тех пор?..

Всю культуру России уже на протяжении многих десятилетий пытаются перевести в сферу обслуживания. Но саму культуру обслуживать никто не собирается. Нужно пытаться прийти к совместному служению и через него совершить какие-то открытия в себе, в душе, в мире. Сложность нашего существования в том, что, если ориентироваться не на само время, а на его пёстро сменяющиеся контексты, можно просто сойти с ума и утратить смысл собственной жизни.

Абсолютно очевидно, что перед любыми реформами нужно всё очень ответственно продумать, просчитать. И более всего нужно просчитать последствия разрушения чего-либо. А у нас кто-то по недомыслию, а кто-то и по злему умыслу решил отменить всё, что требует душевных и моральных усилий, подлинного

профессионализма. Во главе угла - отсутствие нравственных моральных ориентиров. А ведь без них свобода немыслима. Как может государство существовать без нравственных точек опоры?

Как отмечал Георгий Тараторкин, сегодня люди идут в театр разными дорожками - кому-то нравится тот или иной актёр, кому-то интересна пьеса, кто-то по другим причинам. Но если они встречаются в театре с подлинно сценическим существованием, то каждый из них в результате оказывается на свидании с самим собой. Очень ответственным и подчас непросто. Через то, что происходит на сцене, театр обращает глаза зрителя зрачками в душу. Но встречаться с самим собой не всегда радостно. Вот, казалось бы, ваша жизнь устоялась, вы как-то приспособились, привыкли... И вдруг. Побывав в театре, внезапно задаёте себе вопрос: «А что ж происходит в моей жизни в самом деле?» И ответить на этот вопрос нужно честно.

То же самое, по-моему, происходит и при встрече с хорошей литературой (прозой ли, поэзией)... Рано или поздно хорошие книги находят своего читателя. И заставляют его думать, сопереживать, а в отдельных случаях и находить выход из какой-то жизненной ситуации.

В последнее время вновь проявляется читательский интерес к литературе. Как оказалось, никакой компьютер не может заменить хорошую печатную книгу, столь необходимые людям литературные встречи вновь собирают многочисленных поклонников прозы и поэзии - благо, сейчас значительно расширился круг возможностей быть напечатанным и услышанным.

Появляется много новых имён, литературных альманахов, журналов и фестивалей. Серьёзную работу в этом направлении проводят Российский Межрегиональный Союз Писателей, (который в марте этого года отметит свою 15 годовщину создания), Академия русской словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина (отметившая в декабре прошлого года 10-летие своего возрождения), другие многочисленные творческие союзы и объединения, очень интересны и высокого качества выходят

Золотое Слово - 9

сборники научных трудов АРСИИ, литературные журналы «Золотое слово» (кстати, признанные МСПС лучшим литературным изданием России в 2011, 2012 г.), сборники «Высокая поэзия России» (под редакцией Д.Киршина), альманахи «Параллели судеб» (редактор Л. Кутузова) и «Огни Гавани» (редактор Д. Панасенкова), «Антология современной петербургской поэзии» (редактор-составитель В.Морозов), большую творческую литературную работу вело издательство «Любавич», а ныне «Невский мост» (редактор Е.Жуков), альманах «Зелёная среда» (редактор Н.Дроздова), с интересом читается «Невский альманах» (редактор В. Скворцов) и другие... В общем, литературная жизнь Санкт-Петербурга довольно многообразна. Сюда обязательно нужно добавить и творческие передачи на телеканале «Ваше общественное телевидение» («ВОТ») с программами «Портреты» Евгения Раевского и «Дон-Кихоты» с Виктором Корецким, которые собирают всё более возрастающую аудиторию телезрителей...

Но беспокоит очень большое число авторов-графоманов, пытающихся подменить собой настоящих поэтов и писателей при содействии многих чиновников от культуры, они разными путями пробиваются на радио и ТВ-передачи, пытаются внушить неподготовленной аудитории свою «концепцию нового направления», отличающегося часто бездуховностью и какофонией звуков, а порой и ненормативной лексикой – считаю это опасным явлением.

Отделить зёрна от плевел необходимо настоящим авторам, литераторам, понимающим русскую словесность и русский язык как средство национальной безопасности, остро реагировать на заказные статейки отдельных необразованных журналистов, ставящих всё «с ног на голову»... Вопрос этот архиважный!

Как правильно недавно выразилась актриса кино Татьяна Друбич: «Успех упаковки-примета нашего времени». Действительно, ныне слово «Успех» неприлично произнести, на нём образовался густой налёт гламурности.

Успех - это прежде всего успех у себя самого, в крайнем случае - у своих близких. Успехи разные. Так всегда было и будет. Тут и случайность, и несправедливость, и заслуженность.

Сегодня, к сожалению, нужен успех лёгкий и быстрый. Время – деньги. И, конечно, нужна упаковка – блестящая и обнажённая.

А публика разная. Как на каждый товар есть свой покупатель, так и на разного поэта найдётся разный читатель – есть жизнь, а есть антижизнь. Гламур – это симуляция, имитация чего-то настоящего. Антижизнь нам часто подсовывают как жёлтую прессу, выдавая её за подлинную правду и культуру.

Радует только то, что у нас есть ВЫБОР. Можешь быть самостоятельным, а можешь жить под влиянием того, что тебе подсовывают. Надеюсь, умных людей у нас всё же значительно больше, они разберутся. И время поставит всё на свои места.

ГЕННАДИЙ СЕРОВ

Первый рейс

Скоро мы будем отмечать сорокалетие окончания нашего Ленинградского Высшего Инженерного Морского Училища (ЛВИМУ) имени Степана Осиповича Макарова.

Раньше каждый год кто мог собирались на факультетский вечер, который всегда проходил 7 мая. Этот день отмечался, как День Радио. На Заневском проспекте в доме номер 5, в актовом зале собирались выпускники разных лет. Была торжественная часть, встреча с преподавателями, курсантская самодеятельность, затем предстоящие выпуски расплзались по аудиториям или уходили во двор, благо в мае практически всегда хорошая погода.

Прошли, пролетели замечательные годы учёбы. Мы сняли форму в 1975 году.

Я спрятал подальше гюйс, на котором остался автограф Эдуарда Асадова.

Он выступал в «Концертном зале» у Финляндского вокзала в 1972 году. Концерт вела его жена, а после выступления, он раздавал автографы. Под рукой у меня ничего не было, и я подсунул ему гюйс; так появилась его роспись на моём «морском воротничке». Когда жена ему сказала, на чём он расписывается, он пожал мне руку. После того вечера я не мыл её, похоже, дня два.

Лето в разгаре, шёл 1975 год. По распределению я попал в Черноморское Морское пароходство в легендарный город Одессу. Не дожидаясь осени поехал сразу устраиваться на работу.

Время юности – молодой, холостой, впереди ждала любимая работа и Чёрное море.

Пароходство в Одессе разбросано по всему побережью с востока от Куяльника и до Аркадии на западе. Наша гостиница моряков располагалась на проспекте Шевченко, около Аркадии.

Место замечательное, я «жаворонок», поэтому всегда вставал рано, когда все ещё спят, и бежал на берег. Берег за гостиницей круто спускался к дикому пляжу, который ласкало

Чёрное море. Сделав зарядку и искупавшись, бежал в гостиницу искать завтрак, так я жил больше месяца, пока оформлялся. Необходимо было пройти все инструктажи, познакомиться со своей службой, получить направление на теплоход и надо сказать, я не спешил – стояло лето, самое курортное время года. Как и все в таком положении – я бичевал, то есть бездельничал и ждал направление на судно. Всё оплачивало пароходство, но денег, как всегда, не хватало, но было весело. Моряки, списывающиеся с рейсов, помогали, угощали засидевшихся бичей. Нас было несколько человек, здесь были и вновь устраивающиеся моряки и те, кто ждёт свой пароход, когда отгулы и отпуска уже закончились. Иногда мы устраивали променад на Привоз. Ну кто не знает знаменитый одесский базар! Он расположен рядом с железнодорожным вокзалом, пройдясь по рядам и отпробовав всякой всячины по чуть-чуть, ты становишься очень даже сытым. А иногда, когда какой-то моряк с дальнего рейса, расслабившись и взяв нас «под крыло» водил в «Гамбринус», что на Дербасовской – это был настоящий праздник. «Гамбринус» – это знаменитый пивной бар, где в подвале на больших бочках в виде столов, подавали пиво и тарань. В конце концов, я получил направление на теплоход «Баймак». Таких теплоходов на букву «Б» было несколько: «Баймак», «Балашиха», «Бакуриани», «Бежица». «Бежица» в 1974 году погибла во время шторма в Эгейском море.

Один раз, когда были какие-то праздники и большие выходные в Одессе, смотался в Феодосию, к знакомой тётушке. Я живу в Корчмино, бывшем имении Василия Дмитриевича Корчмина, сподвижника Петра первого, на берегу Невы.

Напротив нашего дома в финском домике жил дядя Ваня Паносовский с семьёй, где-то в 1950 году он переехал в Феодосию, потому что начал болеть и врачи посоветовали ему сменить климат. Дядя Ваня был военным моряком во время войны, воевал на Балтике, как и мой отец и наши семьи дружили.

Золотое Слово - 9

Железная дорога в Феодосии идёт вдоль берега, минуя «золотой», «серебряный» и простой городские пляжи. Городской пляж расположен прямо у железной дороги за высоким метра 3 парапетом. Сам пляж покрыт мелкой галькой в перемешку с песком и камнями, в море сразу через несколько шагов начинается углубление до метра, а далее отмель по щиколотку и снова углубление.

«Серебряный» пляж, почти за городом, усыпан галькой, и на нем нет камней, а на «золотом», где становятся на рейде танкера вообще один «золотой» песок.

Напротив вокзала в городе через дорогу стоит дом музей Ивана Константиновича Айвазовского (1817-1900) с большим балконом, на котором величайший художник маринист писал свои картины. Слева от музея Айвазовского, если идти вверх по улице находится дом-музей Александра Грина. На третьем курсе, мы с другом там оставили значки нашего училища и вымпел, на стенде. Там многие что-то оставляли на память. Каждый мечтал о своём Корвете с алыми парусами:

*Солнце красно поутру,
Моряку не по нутру.
Солнце красно вечером,
Нам бояться нечего” -
Говорят так старики,
Всем прогнозам вопреки.*

*Закат был алый – благодать,
На море зыби не видать.
Заря, умывшись в океане,
Закрыла нас в своём капкане,
Рассыпалась на глади моря.
Полнейший штиль - её здесь воля.*

*Сказок мир раскрыт над нами,
Там дворцы за облаками,
Колесницы миражами,
Неспроста же моряками
Родились на свете мы.
Так сбываются мечты.*

*Мореходы, мореходы -
Далеки наши походы.
Мы спешим вперёд, к восходу.*

*Тяжело? - Поможем с хода.
И недаром сочинил
Грея, Алый парус – Грин.*

Сам центр Феодосии находится как бы в ковше, горы окружают этот городок с севера, а с юга его омывает Феодосийский залив. У подножья горы расположено городское кладбище, перед которым проходит улица Самариной, где как раз и живёт семья Панасовских.

Если двигаться дальше по этой улице, то выйдем к городскому базару, далее снова окажемся у воды, где вдали виднеется маяк замыкающий полукруг феодосийского залива.

Побывав у знакомых, я пережил ещё одни выходные.

Оформив все документы, отправился на судно, которое стояло в порту Ильичёвск.

Ильичёвск находится в километрах семи от Одессы, за Аркадией, до которого можно добраться трамваем или автобусом.

Ильичёвск – это крупный торговый порт на Чёрном море, там же находится и большой судоремонтный завод. Впоследствии была налажена паромная переправа между Ильичёвском и Варной. Были специально построены два парома для перевозки железнодорожных вагонов. Паромы назывались «Герои Шипки», и «Герои Севастополя». На Балтике также была открыта такая же линия, на которой работали паромы Литовского пароходства и назывались они «Мукран» и «Вильнюс», а ходили они между портами Клайпедой и Варнемюнде под Ростком. Эти линии работали вплоть до развала Советского Союза.

Поселился я в каюте второго радиста на борту т/х «Баймак». Теплоход в самом деле оказался очень большим: 5 трюмов с твиндеками, 13 кранов, по два крана на каждый трюм перед надстройкой и один кран с трюмом на корме, плюс ещё тяжёлая стрела тяжеловеса посреди между вторым и третьим трюмом. На корме был также большой бассейн. Экипаж состоял из 54 человек. Загрузили нас под завязку тракторами «Белорусь» и контейнерами. Всего закрепили более 600 тракторов, весь груз направлялся в порты Вьетнама, где недавно закончилась ужасная война. Так мы вышли в рейс. «Баймак» работал на линии «Odessa ocean line». Это

бельгийский фрахт, куда входило большинство крупных портов Европы. Линия связывала Европу с Юго-Восточной Азией. Впоследствии я насчитал на круг до двадцати портов, а круг по времени получался около шести месяцев.

Чёрное море проскочили за одну ночь и вошли в пролив Босфор. Теплоход хотя и был очень большой, но с современными судами его сравнить никак нельзя. В машинном отделении не было ЦПУ (центрального поста управления), всё управление находилось рядом с главным двигателем, шум стоял невероятный. Механики и мотористы ходили в специальных наушниках. Что я запомнил - там было очень жарко. Капитан имел право прохода проливов без лоцмана, поэтому были усилены вахты механиков и штурманов.

Проход проливов требовал повышенного внимания, движение в этом районе очень интенсивное. За проход проливов штурмана и механики получали вознаграждение в виде чеков ВТБ. Раньше мостов через Босфор не было, а бегали паромы, которые мешали судоходству, причём в проливе проходу также мешало сильное течение.

Один одесский теплоход не вписался в крутой поворот пролива и своим баком снёс крышу близлежащего дома, а там как раз играли свадьбу. Этот случай зафиксирован во всех приказах. Вдоль пролива идёт шоссе и за ним дома прямо прилеплены к горным массивам.

Миновав Босфор и пройдя Мраморное море, мы вошли в пролив Дарданеллы, за которым расположено Эгейское море. В осенне-зимний период в Эгейском море почти всегда встречаются сильные ветра. Пробравшись между островами, мы пересекли Средиземное море и подошли к берегам Египта. Наш маршрут проложен до Вьетнама, поэтому нам предстоял проход через Суэцкий канал. На рейде Порт-Саида формируются караваны для прохода с севера на юг. Войдя в шлюз, прибыли портовые власти, для оформления документов вместе с лоцманом, с которым нам предстоит пройти половину канала. Смена лоцманов происходит в Солёном озере, где расходятся караваны. Для расхождения, суда становятся на якорь, происходит смена лоцманов.

В шлюзе порта Порт Саид на борт вместе с

официальными властями поднялись и базарные люди; по-нашему коробейники, которые на палубе расположились на ковриках для торговли своими поделками. Торговали они разными украшениями, было много чеканки, особенно много даров с «подводного царства Нептуна».

С приходом «коробейников» на борт прибавилось работы у боцмана, так как за ними приходилось постоянно следить, чтобы эти любители торговли что-нибудь не открутили и не стащили. Стоит такой торговец на палубе босиком, а сам пяткой старается открутить бронзовую заглушку мерной трубки танка, которая находится на палубе. Специально были выделены матросы для контроля за этим базаром.

Так они следовали до Солёного озера, где пересаживались на суда, идущие в обратном направлении, и возвращались домой. В канале очень чувствовалось горячее дыхание пустыни, кругом до горизонта был виден только белый песок.

На берегу Солёного озера возвышался оазис из пальм – это город Исмаилия, на траверзе этого города происходила смена лоцманов каравана, в городе была лоцманская станция. В караване обычно следовало от 5 до 8 судов.

Суэцкий канал заканчивался шлюзом в порту Суэц, где власти снова оформляли документы, а мы следовали дальше своим маршрутом. Часть зданий в Суэце были разрушены, везде были видны следы прошедших боёв, закончившейся войны с Израилем.

На набережной стояли подбитые танки нашего производства, вдали виднелись проволочные заграждения и различные блокпосты. Красное море нас встретило ветром, что значительно понизило температуру на палубе.

Доты – защита порта Суэц

Следуя Красным морем, прошли траверз порт Джидда Саудовской Аравии. Значительно позже, работая на этой линии, мы как-то в порту Марсель пошли на соседнее судно Дальневосточного пароходства менять фильмы, и оказалось, что оно стоит на линии Джидда – Марсель, возит рога и копыта. В качестве сувенира у меня до сих пор хранится рог буйвола.

Золотое Слово - 9

С Красного моря через Баб-эль-Мандебский пролив вышли к Аденскому заливу, который открывал выход в Индийский океан и омывал берега государства Сомали.

Погода в Индийском океане, если сравнивать по временам года, противоположна атлантической. В Атлантическом океане в осенне-зимний период «хулиганят» циклоны и шторма, а в Индийском океане в это время тишь да гладь, но зато штормы не редки в июле-августе.

Работая на этой линии, наша «морская лошадка» наматывала круги между Европой и Юго-Восточной Азией, и как-то на таком витке мы вошли в Индийский океан в январе. Был сплошной штиль, на небе россыпь звёзд, эфир на УКВ диапазоне чист, и вдруг мы услышали голос капитана нашего промыслового траулера, который просил ответить суда, находящиеся в этом районе. А оказалось – это наше судно рыбопромысловой разведки. Столица Сомали Могадишо, которую в те времена можно было назвать «Рыбной базой порта Севастополь». Здесь находились и мастерские, и бункеровочная база. Раньше на юге СССР Севастополь был крупнейшей рыболовецкой базой.

Суда этой базы я встречал, работая уже в Латвийском морском пароходстве и в ЮВА (Юго-восточной Атлантике у берегов Намибии и Анголы), и в ЦВА (Центрально-восточной Атлантике) у берегов Мавритании и Сьерра-Леоне.

На вызов рыбака ответил наш капитан. Был выходной день, а нам по плану необходимо было провести учебную тревогу. Договорившись о встрече с траулером, мы пошли на сближение. Капитан рыбака пообещал специально для нас запустить трал, чтобы нас угостить свежей рыбкой. Погода благоприятствовала, через пару часов, на горизонте показался наш рыбачок. Рыбачок оказался большим «Суператлантиком» «ГДР-овской» постройки, большим морозильным траулером. На нашем судне сыграли шлюпочную тревогу, спустили шлюпку и на ней направились к траулеру. Улов у них оказался солидный, шлюпка пришла назад с рыбой и тремя командирами с рыбака. Капитан занялся гостями, а мы разгрузкой рыбы. Наша шлюпка сделала ещё несколько рейсов.

Рыбу кормовым краном с погрузочной сет-

ки сваливали прямо в бассейн, чтобы потом перетаскать в подготовленные морозильные камеры в артелке. Так мы уху ели целый рейс, а это большая экономия нашей продовольственной базы. Гости «крепко» отдохнули у капитана и с разными подарками для экипажа, включая сигареты, были доставлены на свой борт. Проведённая тревога была оценена на «отлично» капитаном наставником, который следовал с нами до Сингапура. Обычно все проверяющие с Одессы следовали до Сингапура, там пересаживались на суда, следующие в обратном направлении. От Одессы до Сингапура, при благоприятных условиях, рейс по времени составлял 16 суток.

Индийский океан прошли без происшествий, по утрам при обходе теплохода боцман собирал с верхней палубы летающих рыбок, которые залетали к нам и относил их на камбуз. Так мы вошли в Малаккский пролив, вотчину «Мадам Вонг» – предводительницу пиратского мира, в те времена.

При спуске на воду после постройке корабля, теплохода, парохода о его борт «Крёстная мать» разбивает бутылку шампанского, и если бутылка не разбивается с первого раза – это становится плохой приметой для данного корабля. Так произошло с т/х «Слуцк» Черноморского морского пароходства. Первый раз ему не повезло на рейде Одессы.

После длительного рейса, он встал на якорь, а когда часть экипажа разъехалась по домам - ночью произошёл пожар. Пострадал груз и личные вещи экипажа. Теплоход был направлен в ремонт. Второй раз, когда он зашёл в порт Келанг, в Малаккском проливе и встал на рейде, на него ночью напали пираты. Рейс у него был с Японии на Европу, а вёз он в первом трюме радиоаппаратуру. Пираты знали, где какой груз, экипаж открыл трюм, под дулами автоматов его заставили выгрузить груз на баржи, которые сразу подошли, приняли груз и скрылись в ночной тишине. Власти Малайзии, при оформлении документов предупреждали, чтобы экипаж не сопротивлялся в случае нападения вооружённых людей, так всё и произошло, никто не пострадал, кроме груза. Груз был застрахован.

Выйдя с пролива, мы встали на якорь на рейде Сингапура. В основном, в этот порт суда

Золотое Слово - 9

заходят за бункеровкой, за пресной водой, за продовольствием и, конечно, за подарками для семьи.

В те времена моряки в основном жили на валютную часть надбавки к зарплате. На рейде Сингапура, обычно скапливалось больше пятидесяти судов.

До берега добирались на своих шлюпках, назначалось время сбора у причала, к которому подходила шлюпка. В увольнение ходили тройками, в каждой группе был назначен старший, который отвечал за свою группу. Были и «стучачки», которые докладывали первому помощнику, кто чего купил и куда ходил. Все дороги от причала начинались с посещения магазинов «Москва», «Ленинград», «Казахстан» и далее дорога шла на «Малай-базар».

«Малай-базар» – это большое пространство с множеством улочек, разных лавочек, тёмных углов, где предлагали разную контрабанду, и шёл шустрый обмен всем запрещённым, если кто-то мог такое провезти. Теперь и у нас в городах можно встретить такие торговые базары, занимающие большие площади.

До Сингапура связь постоянно поддерживалась с Одесским радиоцентром.

Работа во всех портах на передачу радиogramм запрещена, поэтому при заходе в порт заказывается «блинд» (blind – слепой), т.е. приём морзянки в определённое время по слепому быстрдействию: пишем на магнитофон на скорости 19 м/с, а затем на меньшей скорости, распечатываем радиogramмы, предназначенные нам.

Сначала береговой радиоцентр объявляет очерёдность, в какой последовательности будут передаваться радиogramмы, обычно наша очередь была между 40 и 60 номером, ждать приходилось до полутора часов. В те времена в Черноморском морском пароходстве насчитывалось около 600 судов, в Балтийском морском пароходстве было около 400 судов – тогда мы были настоящей морской державой. С выходом из порта Сингапур, переходили на обслуживание Московского радиоцентра, так как Одесса дальше на восток, к сожалению, плохо проходила, связь велась, конечно, только в коротковолновом диапазоне.

Работая на этой линии, один раз нас с вы-

хода из Сингапура, завернули в Сиамский залив, в порт Бангкок. На рейде этого порта нас с барж загрузили крупным рогатым скотом, короче, буйволами. Наша верхняя палуба стала похожа на скотный двор в деревне. Загрузили нам 300 голов живых быков.

Были выделены матросы для кормёжки, также привезли тюки соломы, а доставить этот живой товар мы должны были в Гонконг.

После выхода на просторы Южно-Китайского моря, ветер сдул с палубы солому, кое-что удалось отвоевать у ветра и это разделили на всё стадо.

Больше всего время тратилось на подачу питьевой воды скоту. Пресная вода в море – это дефицит, небольшой струёй наполнялись вёдра, а эти огромные быки почти за один глоток выпивали свою пайку. С такими приключениями дошли до Гонконга.

На рейде быков выгружали грузовыми сетками кранами на баржи, под охраной автоматчиками. Животные орали, ноги проваливались в ячейки сеток, многим их поломали, картина была жуткая.

Грузоотправитель подарил нашему экипажу три буйвола для камбуза. По дороге в Гонконг их надо было забить, но никто на эту операцию не соглашался. По приказу капитана на эту операцию назначили Колю моториста, самого здорового в нашем экипаже.

Выбрали быка, все быки были привязаны тонким канатом, пропущенном через кольцо в ноздрях животных. Место бойни было выбрано на корме, бык шёл спокойно, как бы понимая, куда его ведут. Он облизывал морды рядом стоящим «друзьям», они в ответ делали тоже самое, как бы прощаясь. Николай долго сопротивлялся, пока капитан не налил ему стакан водки. Взяв в руку кувалду, Николай пошёл в атаку на мирное животное и с размаху промахнулся, попал не в голову, а в рог, который отскочил у бедного быка. Бык рассердился и сам пошёл в атаку на Николая. С верхней палубы мы смотрели на эту корриду. Николай от быка начал бегать вокруг кормового брашпиля и в какой-то момент, подпрыгнув перелез через леера на верхнюю палубу.

Вопрос встал ребром: как убить быка? Тут на помощь пришёл электромеханик и электри-

Золотое Слово - 9

чеством обездвигил животное, а дальше было дело техники. Капитан больше быков на рас-терзание не отдал, за что мы его ещё больше за уважали.

Рейс продолжался и пройдя Южно-Китайское море, подошли к берегам Вьетнама. Первый порт выгрузки был Хайфон, расположенный на севере страны. Подошли и встали на якорь, на рейде уже стояло более 10 судов. Каждое утро с нашим представителем порта происходила переключка в телефонном режиме, где он сообщал дальнейшие действия для каждого теплохода. В это время мы как раз от-праздновали юбилей нашего судна.

Десять лет т/х «Баймак»

*Бьётся волна в бессильной злобе,
Пеной исходит у бортов,
Толкается в морской утробе,
Бежит на звук, мотора рёв.*

*А море пашет наш красавец,
Не молодой и не старик.
Он воду режет, как «корсарец»,
Моря пересекает в миг.*

*Не в миг конечно, а в недели,
Отход, приход, он тут и там...
На вантах капли захмелели.
Фрахт путь указывает сам.*

*«Баймак» с мужицкою осанкой,
Носильщик, труженник морей,
За десять лет планету нашу
Сетью накрыл своих путей.*

*И день рождения отмечаю,
Перелистав твой славный путь,
Старых друзей не забывая,
Прочь сор – оставим только суть.*

*Да проживи ещё ты столько!
Удача – улыбнись ему!
Привет передаю я только
В Одессе другу моему.*

Стоим на рейде, пейзаж не меняется.

Синее небо, по горизонту возвышались острова с горными хребтами и зелёными скло-нами, тёмно-синее море и никакой живности: ни чайки, ни птички, никакого шевеления в воде. Связь с этого района мы уже поддержива-ли через радиостанцию Владивостока, где ещё с времён войны радисты работали на виброплек-сах, полученных от Америки. Главное на этом ключе выбить тире, а точки пружинистый ключ выбивает сам и всегда их оказывается больше, чем в азбуке Морзе. Пришлось привыкать и к такой связи. Через неделю стоянки на рейде к нам подогнали баржу и ошвартовали к нашему борту. На барже находились вьетнамские доке-ры, которые начали раскреплять груз на судне. Спали они на циновках. Мы заметили огром-ных крыс на барже, которые бегали даже по спящим вьетнамцам, открылась охота на крыс, главное было не допустить их проникновения на борт судна.

От докеров мы узнали, что акватория была отравлена американцами, селения в горах со-жжены напалмом, а в воде плавают только водя-ные ядовитые змеи. У нас доктор был заядлым рыболовом и такую змеюку поймал и выпустил в ванну в лазарете, а она выползла. Когда он узнал, что она ядовита и её укус смертелен, он три дня не заходил в лазарет, позже мы наш-ли эту сдохшую змею, из которой он сделал чучело. Змейка небольшая всего, сантиметров 40, но у неё два больших ядовитых зуба. Жара стояла невероятная, купаться было запрещено. Но вдоль борта были спущены беседки для по-краски борта, в тропиках всё быстро ржавеет, и мы по очереди умудрялись окунуться с этих беседок. Так на рейде мы отстояли больше ме-сяца.

После долгой якорной стоянки нас, нако-нец, завели в порт, везде виднелись результаты бомбёжек.

Все портовые пространства были застав-лены нашими тракторами «Беларусь», такова была политика: на рейде должно быть не менее 10 судов и доставлялся груз с заделом на буду-щее.

После долгого плавания, вечером, мы пош-ли размяться в местный Интерклуб.

Интерклуб представлял собой большое од-

Золотое Слово - 9

ноэтажное здание, наподобие нашей столовой. На стене были развешаны флаги тех стран, суда которых погибли во время войны, также были вывешены спасательные круги с названием затонувших судов. С собой мы прихватили нашего судового хлеба, здесь же заказали местной рисовой водки.

Моряки с нашего экипажа разместились за четырьмя столиками, рядом сидели моряки с польского судна, подальше находились чехи, немцы, югославы. После нескольких тостов послышалась музыка, кто-то пришёл с гитарой, кто-то заиграл на аккордеоне. Поляки почему-то начали приставать к нашему первому помощнику, они очень не любили комиссаров уже в то время. Надо было что-то заказать на закуску и нам принесли какие-то лапки, похожие на куриные. Мясо нежное, белое, но когда мы добрались до костей, то поняли, что это лапки лягушек, так впервые я попробовал этот деликатес. Назад на пароход нас развозил вьетнамец на грузовике в кузове. Ехал он быстро, лавируя между воронок от бомб, бросая нас из стороны в сторону, но мы были довольны такому разнообразию, после длительного рейса, потоптаться по земле.

Закончив выгрузку в порту Ханой, мы взяли курс на юг – следующий наш порт был Дананг. Дананг находится как раз на границе южного и северного Вьетнама. На рейде здесь отстояли всего неделю, после чего нас поставили к причалу. Порт был разбомблен и взорван отступающими американцами. Четыре судна были затоплены прямо у причалов, из воды торчали мачты и надстройки больших судов. Оставалось одно свободное место, куда нас и втиснули. Порт окружён горами, на вершине которых виднелись спутниковые антенны (параболы с диаметром в 13 метров), американцы при отступлении не успели их взорвать.

В Дананге находился штаб и подразделение морской пехоты, также здесь располагался самый большой публичный дом Южного Вьетнама. Утром нам предстала следующая картина: на дороге, идущей с гор к городу, работали строители (это мы так думали).

Все в одинаковой синей форме ремонтировали дорогу, и было их больше двух сотен, но их почему-то охраняли солдаты с автоматами.

Оказалось, что это - женщины из публичного дома, которые не успели уехать и были оставлены американцами.

Теперь они несли трудовую повинность. Дананг был последним портом, в котором мы окончательно выгрузились. После выгрузки, пришло распоряжение следовать на Филиппины.

Филиппины включают в себя более семи тысяч островов. Любое посещение этих островов начинается с захода в столицу Манила. Законы в этом государстве суровые, в столице иногда постреливают. В то время, в стране правил диктаторский режим, поэтому после оформления документов к нам на борт были поселены два охранника (watchman), которые сопровождали нас в городе, следили за докерами, несли полную охрану судна. С ними мы и отправились бродить по островам, собирая груз для портов Европы. На судне в кают-компания у нас стояло старенькое пианино, один из охранников развлекал нас, играя на нём наши русские мелодии.

Оказалось он давно работает с нашими экипажами, всегда смотрит наши судовые фильмы и поэтому, имея музыкальное образование и способности, здорово импровизировал разные мелодии из кинофильмов. Выйдя с Манилы, взяли курс на юг, где около острова, покрытого тропическими деревьями, встали на якорь. Нам предстояло загрузиться красным деревом для голландской мебельной фабрики. Погрузка шла медленно, деревья по воде подгоняли к борту, каждое шестиметровое бревно было в диаметре около метра. Филиппинцы бегали по плавающим брёвнам, заводили под них стропы, а наши матросы двумя кранами поднимали бревно на борт и опускали в трюм. Погрузка продолжалась больше недели.

*Вся жизнь – сплошное ожиданье,
И ждешь всегда, даже во сне,
Поступкам ищешь оправданье,
Ждешь изменения в судьбе.
То ждешь - отход скорей настал бы,
Прихода ждём всегда-всегда.
Ещё я просто так сказал бы:
«В режиме ждущем» – все года.
Сейчас бежим и ждём прихода,*

Золотое Слово - 9

*Спешим мы письма написать.
Стихия в душах и природа,
После стоянки вдаль опять.
А мозг, то спит, то лозунг движет:
«К мечте, вперёд, мозоли в кровь!».
Морскую душу не покинет
Надежда, Вера и Любовь!*

За это время мы на шлюпке сходили на отдалённый маленький остров, где были великолепные пляжи с кокосовыми пальмами. Наломали под водой кораллов, набрали разных раковин, попробовали кокос.

До спелого плода нам было не добраться, а те, что лежали на земле уже высохли. Но внутренности высохшего кокоса, по вкусу, напоминали грецкий орех. Загрузив красное и чёрное дерево, мы перешли к следующему острову. Чёрное дерево тяжелее воды, оно не плавает, а тонет, оно очень дорогое, его привозили на баржах, маленькими партиями.

На следующей стоянке мы застряли ещё дольше, так как нам грузили копру.

Копра – это тот же высохший кокос, раздробленный на мелкие части, которая в Европе идёт на корм скоту. Груз подвозили на баржах в мешках, далее кранами в сетках их поднимали на палубу, вспарывали мешки и вручную высыпали в трюмы. Наш теплоход «десятитысячник», поэтому не было видно ни конца, ни края окончания погрузки. Загрузив пять твиндеков (твиндек – пространство между главной палубой и трюмом) из шести, мы спустились на самый юг Филиппин, к просторам Тихого океана. Трюма были забиты древесиной. Последний порт находился в старом потухшем кратере вулкана, и нам предстояло загрузиться золотоносной рудой для Швеции. Название той деревни, в которую нам предстояло войти, я не могу вспомнить, только помню, что мы были первым советским теплоходом, который подошёл к их берегам.

Встав на рейде в дрейф, капитан долго вызывал лоцмана. Не дождавшись его, он решил зайти самостоятельно в эту бухту. Заливчик был небольшой, буксиров не было, подруливающего устройства на носу у нас также не было, но меняя курсы, капитан сумел подойти к причалу. Как такового причала тоже не было, благо глу-

бины позволяли. До захода в бухту, на нашей шлюпке были сделаны промеры глубин и были высажены матросы на берег, чтобы принять швартовые. У обрыва, к которому мы ошвартовались, росли огромные деревья, за них и были заведены концы.

Бак (нос корабля, теплохода) у нас возвышался над водой метров на пять и при развороте он очень близко подошёл к берегу, мы задели крышу какого-то сарая, стоящего на берегу. Из сарая начала выбегать разная живность: свиньи, козы, куры разлетелись в разные стороны, но никто не пострадал. Через некоторое время на телеге, запряжённой лошастью, прибыл лоцман. Оказывается, лоцман живёт высоко в горах. Суда этот уголок посещают очень редко, и только когда он видит на рейде какой-то корабль, он запрягает свою клячу и спускается к берегу. Посёлок был небольшой. С берега шла канатная дорога в горы, где и добывалась золотоносная руда в пещерах, в вагонетках она по канату спускалась на берег. Груза нам предстояло взять немного, всего 500 тонн. Кроме добычи руды здесь же занимались отловом акул и черепах.

Акулы челюсти отправлялись во Францию. Они обрабатывались, покрывались лаком, крепились на подставке и продавались в качестве сувениров. Кроме челюстей, в дело шла шкура акул, её плавники, печень.

Акулы зубы имеют треугольную форму с зазубринами по краям и таких зубчиков шесть рядов, если зуб ломается, на его место встаёт следующий, стоящий за ним. Пока шла погрузка, начался обмен «сувенирами». За бутылку водки можно было выменять чучело целой черепахи, но мы уже давно в море и поэтому это смог сделать только капитан. Он выменял огромную черепаху, панцирь у неё был больше метра в длину. В Одессе капитан отправил её в краеведческий музей города Баймак, в честь которого назван наш теплоход. Я тоже достал черепаху около метра, только за часы, она до сих пор висит у меня на стене. Лоцман поселился на судне в лоцманской каюте, на завтрак и обед не опаздывал. Он собой представлял всю портовую власть, но чтобы он не мешал, капитан его щедро угощал виски с утра, после чего мы его не видели до вечера.

Золотое Слово - 9

Жара стояла невероятная, на палубе температура приближалась к пятидесяти градусам, вечером, когда садилось солнце, на улице температура понижалась только до 35 градусов. Как-то вечером нас пригласили на местный праздник в честь начала учебного года. Школьники, первоклашки давали концерт, они все были в одинаковой форме, на голове четырёхугольные шапочки с кисточками. Мы аплодировали, а затем раздали им буклеты с видом Одессы и наших городов. Но в душе, мы ждали окончания праздника, так как дышать было совсем нечем в этом кратере вулкана. На судне у нас работал кондиционер, хотя он и не понижал температуру ниже 28 градусов, но по сравнению с уличной – это были заморозки. Заканчивалась наша погрузка, мы с нетерпением ждали отхода. Нам предстоял длительный переход в Европу через Индийский океан, Красное море, Средиземное море далее через Гибралтарский пролив, Бискайский залив, полив Ла-Манш, Северное море и далее на Балтику в Швецию, где закончится наш круг.

Наперёд скажу, что первый заплыв у меня получился 19 месяцев, списался я только в 1977 году, сделал три таких круга.

*Может быть, зима настала?
Может, лето подгрело?
Эх, куда же нас с тобою -
На край света занесло:
Сингапур, Гонконг, Манила,
Острова, вода кругом...
Нас стихия заманила,
И пошла вся жизнь вверх дном.
Вместо снега, дождик пляшет,
Ливень тропики сечёт.
Не найдёшь здесь елей наших,
Пальмам безграничный счёт.
Время местное с Москвою
Не в ладах - вперёд бежит.
И у нас, как за кормою,
Жизнь спешит, спешит, спешит.
Пусть спешит, бежит и рвётся
По клумбовым следам...
«Шарик» наш об ось всё ж трётся,
Путь у нас к иным мирам.
«Лучше уж увидим сами,
Чем услышим десять раз!» -
Из пословицы словами,
Я кончаю свой рассказ.*

1976

Нина ОЗЕРОВА

Весна в Петербурге

Наконец-то в наш любимый и прекрасный Петербург пришла долгожданная весна. Но не вчера 21-го апреля, когда ярко светило солнце, дул холодный ветер и город выглядел нарядным, чистым, проснувшимся от зимней дремоты и молодым...

А немного раньше – 13 апреля в субботу. Погода в тот день была пасмурная и теплая. Небо, словно серая вуаль, плавно переходило в гладь воды и в ней же отражалось.

Дома на Дворцовой набережной еще не сияли своей красотой и тоже сливались и с небом, и с водой...

Всё это я наблюдала, находясь в машине, которая медленно двигалась по Троицкому мосту, по известной всем автомобилистам причине... Я очень переживала, что в этот вечер я могу опоздать на концерт Татьяны Балета.

И вот наконец-то: улица Большая Морская дом № 52, особняк Половцова, Дом архитектора.

Поднимаюсь по лестнице, прохожу уже по знакомым великолепным залам, сохранившим былое величие, мимо знаменитого камина и уже на пороге концертного зала слышу со сцены голос ведущей: «Для вас поет Татьяна Балета!»

С радостью осознавая, что я не опоздала, усаживаюсь в последних рядах, оглядываюсь и вижу – зал полный.

И тогда я превращаюсь в слух и вижу только её – любимую певицу и прекрасную женщину...

Для меня это означало – что Весна пришла в Петербург!

И вот, погружаясь в воспоминания, пытаюсь восстановить в памяти тот знаменательный вечер – я с удовольствием рассматриваю «Программу» концерта, которую держу в руках. Суперобложка в красно-черных тонах, прекрасный портрет певицы с красной розой в руке...

С фотографии смотрит красавица с загадочными глазами, с пальчиком, прижатым к губам

– вся тайна и загадка...

Она нам поведаёт то, о чем мы еще не знаем и даже не слышали...

Открываю программу, оригинальное оформление в стиле «модерн», пробегаю глазами названия произведений и будто опять слышу знакомые романсы.

А надо отметить, что романсы в исполнении Татьяны Балета подобны живописным миниатюрам, они лаконичны, точны и яркие.

В них оживают надежды, переживания, радости и страдания давным-давно живших людей.

Певица своим удивительным мастерством вызывает в нас глубокое сопереживание.

Благодаря своей исполнительской манере, полной внутреннего драматизма, внешней сдержанности при сильном голосе, певице удалось вернуть первозданную чистоту и прелесть хорошо известным романсам, и они зазвучали с новой силой и обаянием.

Она удивительно бережно относится к тексту, к каждому смысловому оттенку, произношению каждого слова.

Она сумела создать свой собственный исполнительский стиль. В ней есть доброта, душевная открытость – свойства богатой природы, и она щедро делится своим теплом. Она всегда царствует на сцене концертного зала, чем и привлекает своих многочисленных поклонников и поклонниц...

Задушевное и чистое искусство старинного романса, составляющее неотъемлемую часть русской культуры нашло в Татьяне Балета глубокую, вдумчивую и талантливую исполнительницу, которую её поклонники будут слушать всегда с благодарностью...

Среди произведений первого отделения, позволю себе отметить впервые исполненные вещи: это Адажио, музыка Альбини «Ты стал моей мечтой». Исполнено потрясающе с особой силой и страстью, близко к оригиналу. В отличие от зарубежных исполнителей это-

Марина КАМЕНЕВА

Призвание

Замышляя людей по образу и подобию своему, Бог наделил нас еще и различными талантами. Он поместил в нас часть своей души, которую мы называем искрой. Замысел Господа был очевиден и прост: с помощью этой внутренней искры мы должны познать мир, в который входим при рождении. В каждом человеке есть эта искра, но не каждый может ее распознать и распорядиться ею по-своему. Тот же, кто найдет себя в этом мире, может считаться счастливейшим человеком, ведь он выполнил Божий план. Можно с уверенностью сказать, что художник Пермяков Виктор Афанасьевич именно такой счастливый человек. Ведь достаточно одного взгляда на работы художника, чтобы понять, что из маленькой искры разгорелось невиданное пламя, сделавшее из казалось бы обычного уральского мальчика прекрасного художника.

Родился и вырос Виктор в Свердловске, ныне Екатеринбург, городе, расположенном у подножия Уральских гор. Город большой, но настолько далекий от пафоса двух столиц, что кажется милым и провинциальным на их фоне. Поэтому, наверное, столько энергии жизни и мудрости в жителях не столичных. Таким был и сам Виктор, с самого младенчества возвращенный на бескрайних горных пейзажах, зовущих путешественников на подвиги. Его талант, его призвание, божественная искра проявилась именно так: он стал художником, человеком, который познает мир посредством рисунка, и именно через рисунок выражает свое отношение к миру. Отец, добрая душа, заметил и поддержал порыв сына, дав согласие на обучение в художественном училище. Это была первая награда в жизни художника. Уральские горы сделали его сильным и упорным в достижении цели, они словно добрые великаны поддерживали его стремящуюся наружу душу, давая повод к фантазии и творчеству. Недаром тот, кто

родился в горах, с молоком матери впитавший мощь природы, ее божественную силу, навсегда оставит свое сердце у их подножия, куда бы ни занесла его судьба. Таков Виктор Пермяков, истинный сын суровой природы, так тонко прочувствовавший ее холодную красоту.

Следующей частью жизни стала учеба в Академии художеств в Ленинграде. Это была не первая попытка поступления, но упорство было вознаграждено. Впрочем, для таланта обучение стало лишь подспорье в работе, а не бесцельным времяпрепровождением. Именно в это время, в семидесятые, когда мир был скорее консервативен и не склонен к новаторским, а тем более вольнодумным выходкам, открывалась выставка в ДК им. Газа, в которой приняли участие самые передовые и нетрусливые люди того времени. Наш герой был в их числе. Что подвигло его, еще молодого, начинающего художника так рискнуть еще зарождающейся карьерой? Ведь его чуть было не исключили из Академии, куда он с таким трудом попал. Почему, спросите вы, он поставил так много на карту? Может, потому что он – истинный художник, тот, кого Господь одарил великим талантом не только выражать мир посредством карандаша, но и видеть мир таким, каким мы делаем его: без розовых очков, без мрачных красок. Невозможно бояться, сидеть где-нибудь в уголке, и только на словах выражать недовольство.

Чтобы изменить себя, свою жизнь, надо приложить усилия, даже через боль, страх идти вперед, наперекор домыслам и устоям. Такими были во все времена великие люди, отвергающие в своем сердце трусость. Этот взгляд на мир, на общество выразилось в технике Виктора Пермякова.

Посмотрите на работы художника, которые он создавал в переломные девяностые годы. «Крах империи» чего только стоит. Эта работа была выполнена в 1992 году и отображает весь ужас, который творился тогда в России.

Золотое Слово - 9

Действительно, все, абсолютно все летит в тартарары, чтобы навечно сгинуть там, во тьме. Но предвестником подобного катаклизма становится печальный скоморох, играющий свою похоронную песенку на офорте «Колесо судьбы». В самом деле, нет пророка в своем отечестве, никто не видит, или не хочет видеть, что привычный мир трескается, как тонкая ледяная корка на речке, и вот-вот начнется ледоход. Наш скоморох давно сменил улыбающуюся маску на маску печальную, встречая лихие времена. Мир замер в ожидании расплаты, в ожидании спасения, которое будет ли? В чем видит спасение мира Виктор Пермяков? Может, в вере в Бога, что отражается на его офорте «Маятник времени». Эта работа вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, тьма и ужас крушения мира, отсутствие стабильности, когда все, что любишь и ценишь, свалено в мусорный бак. С другой – даже в грязном мусорном баке есть место надежде и вере, только они способны вывести нас из мрака дикарства.

Именно тогда в его творчестве начинают главное место занимать рыбы, которые, как известно, были ранним символом христианства. Поначалу, это фантастические рыбы, плывущие сквозь пространство и время, удивляя своим видом. «Рыбы у Малоконюшенного моста», «Метафизическая рыба», «Рыбы в Петербурге», все эти работы показывают, что жизнь возвращается в истерзанную страну, что вера дает надежду и поддержку. Многие эти рыбы трубят в дудки, возвещая приход перемен, которые станут скорее избавлением, нежели мучением. Не только рыбы, но и сказочные существа становятся глашатаями перемен: например, Сириптица, русские богатыри – все стали на защиту. Можно очень точно определить видение художником того времени, достаточно взглянуть на его картину «За Русь святую». Только с верой в Бога, только с помощью народа Руси можно победить всех демонов и прочих дьявольских созданий, которые со всех сторон окружили нас. Думаю, что всем понятно, кого имел в виду художник, изображая подобных зубастых и гадких тварей, угрожающих стране и миру. Наше возрождение олицетворяют такие рабо-

ты, как «Ангел-хранитель» и «Пасха на Лиговском проспекте». Мы снова встречаемся с нашим другом, скоморохом, но на этот раз ему вновь пригодилась маска радости, которую он с удовольствием надел. Скоморох возвещает, что скоро пасха – символ воскресения, новой надежды и новой жизни.

Но Виктор Пермяков является еще и известным автором лирических пейзажей, описывающих просторы как городов, так и сел, деревень. Сколько прекрасных работ он посвятил городу, в котором он живет, Санкт-Петербургу. Это и «Литейный проспект», и «Александров-Невская Лавра», и «Кузнечный переулочок», и «Мойка зимой» и множество других. Эти работы с первого взгляда кажутся непритязательными, может быть, лишенными красок, но от этого более правдивыми и реалистичными. Такими, каким на самом деле и является Санкт-Петербург, тем более, что здесь он показан в виде акватинты. Виктор Пермяков является большим знатоком и мастером акватинты, офорта. Этот вид искусства требует большого усердия и точности, отнимает много времени и сил. Надо обладать большой любовью к своему городу, чтобы посвятить ему это признание в виде акватинты. Впрочем, сам город отвечает своему поклоннику такой же искренней любовью. Такого второго измерения этого человека, его отважный и патриотичный характер, сложившийся в годы перемен.

В 2004 году, неожиданно, поступает приглашение поехать в Свято-Троицкий Антониево-Сийский монастырь. Желание поехать возникло мгновенно, но где взять средства?

Но неспроста появился повод поехать, словно Господь Бог призывал нашего художника сделать поворот в карьере, вступить на тот путь, который был ему уготован от рождения: писать и рисовать о жизни своей страны. Нашлись и средства на поездку, и силы. Прибытие в монастырь выпало на 17 января, словно подготовка к боевому крещению, подготовили Виктора Пермякова эти два дня к новой линии в творчестве и жизни. Можно легко проследить этот поворот. Вот перед нами тихая розовая обитель монастыря, укутанная белым

Золотое Слово - 9

снегом, на фоне пламенеющего заката. Четкие линии указывают на строгость и послушание, которыми обладают живущие здесь люди. Между тем суровый край этот окутан благодатью, которая веет с картины. В ней чувствуется покой, к которому тянет и с которым хочется остаться навсегда. Чудесные виды Костромы, не современного города, полного людей, машин, магазинов, а тихие старинные улочки, сохранившие, кажется, даже запах старины. Думаешь, вот еще чуть-чуть и из калитки дома выйдет барышня, одетая по моде 18 или 19 века, проедет по улице коляска с лошадьми, а в ней барин с боярыней, замычит где-то корова, подгоняемая пастухом. Виктор Пермяков рисует быт людей, населяющих суровые края нашей Родины. Не тех людей, что стремятся всеми правдами и неправдами продать душу дьяволу ради сиюминутной выгоды, а тех, кто живет размеренной и спокойной жизнью, справедливо полагая, что в подобном ритме и есть истина. Жизнь этих людей является своеобразным постом для людей городских, особенно шумных Москвы и Петербурга, но не зря пост является благодатью, через которую человек приближается к Богу. Таким является наш Русский Север, люди, живущие там, пусть и суровы, но честны сами с собой и с окружающим миром. Всех их объединяет одно – вера в Бога. Это и подметил художник, создав такие картины, как «Николай Чудотворец на Севере», «Зимнее окно. Икона» и «Икона. Русский Север». Эти картины прямолинейны, может по-детски просты и наивны, но оставляют отпечаток на душе.

Как прекрасны наши русские просторы, как огромна наша страна, когда можешь бросить взгляд в даль и не увидеть края. «Натюрморт с кошкой», «Натюрморт с лампой», «Колодец на Севере» - везде есть перспектива, уходящая за горизонт земля. Необъятна наша Родина, но

уходят люди с мест, ставших уже для них родными, к которым они уже прикипели сердцем и душой. Не всегда уходят по желанию, чаще от безысходности, бросая насиженные места с тоской в душе. Уходит безвозвратно целая эпоха. Об этом все картины художника, о том, что мир меняется, теряет свою простоту.

Несомненный талант художника отметили не только российские творческие люди, наградив Виктора Пермякова медалью Ф.М. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», но и зарубежные. Недаром художник стал лауреатом открытого конкурса художников-маринистов, который прошел в 2006 году, и организаторами его были швейцарские немцы. Картины Виктора Пермякова хранятся во многих зарубежных коллекциях, что является еще одним подтверждением таланта художника. На сегодняшний день Виктор Пермяков – член правления Санкт-Петербургского Союза художников, действительный член Академии словесности и изящных искусств им. Г.Р. Державина, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств. Но не зря говорят, что талантливый человек талантлив во всем. В последнее время Виктор Пермяков пишет стихи и рассказы. Они также пронизаны жизненной простотой и чистотой. Недаром Виктор Пермяков стал членом Российского Межрегионального Союза писателей. Его произведения печатаются в журналах наравне со многими признанными писателями России. Таким является сейчас наш художник, сохранивший свою душу чистой, милосердной и стремящейся к совершенству. И никакие злые домыслы, сплетни и наговоры, так часто встречающиеся в рядах творческих людей не способны повредить ей, как не способные были свирепые римские львы погубить распространение веры, сколько бы мучеников ни было принесено в жертву.

Сергей ПСАРЕВ

Открытая книга

Эта открытая книга и ее страницы - твоя жизнь. В ней все строчки пишутся сразу на бело, их уже не исправить. Они, словно чьи-то следы на этом песке, как рябь на барханах. Оглянись и прочитай в них свою историю. Скоро ветер в пустыне сотрет все и ничего не останется, будто и не было на свете человека. Это в нашей памяти остается многое. За какие-то поступки тебе будет потом стыдно всю жизнь, о другом вспоминаешь с гордостью или удовлетворением. Только нужно быть честным перед собой в этой книге и помнить, что над всем этим есть еще суд нашей совести.

Так случилось, что я стал профессиональным военным уже в четвертом поколении. Насколько удалось восстановить свою родословную, все мои предки честно служили своему Отечеству. Кто-то из них безвестно сгинул в Первую мировую в 1915 году на Юго-Западном фронте. Тогда эту войну называли Великой и Второй Отечественной. Другой вместе с Красной Армией в 1920 году вступил в Новороссийск. Спустя годы, мой дед и отец прошли всю Великую Отечественную войну с первого до последнего дня, и вышли в отставку, отслужив больше 25 лет.

Тем не менее, мой выбор стать военным в значительной мере можно считать случайным. Не служба Отечеству влекла меня, осознание своего долга пришлось намного позже. Пожалуй, на мою дальнейшую судьбу больше повлияло желание стать независимым и самостоятельным, а учеба в военном училище позволяла это быстро сделать. Не последнюю роль сыграло желание поскорее выглядеть старше. Военная форма как-то сразу делала взрослее года на два и это добавляло шансов в отношениях с девушками. К тому времени у меня уже был опыт безответного чувства, к одной юной особе, которая обращалась со мной как с мальчишкой. Неудивительно, что из всех литературных классиков мне тогда ближе всех был Михаил Юрьевич Лермонтов. Я на собственной судьбе испытал его страдания из-за маленького роста, юношеской угло-

ватости и жестокости его неразделенной любви к светской красавице Катеньке Сушковой.

Поэтому свое решение поступать в Ростовское высшее военно-инженерное командное училище я тогда обставил трагично, как поездку на Кавказ в действующую армию, под пули жестоких горцев. Это было не самым умным решением, но оно действительно возымело действие на предмет моего обожания. Она пришла провожать меня на вокзал со слезами на глазах. Мы там впервые поцеловались и пообещали друг другу писать письма. Ничего путного из этого романа у нас не получилось. После выпуска из училища я уехал на космодром один. Вроде, самая обычная история, но почему-то помнится до сих пор и даже иногда снится по ночам. Странно, ведь в жизни потом было так много важного и значительного, но оно забывалось быстрее...

Запомнилось первое заполнение анкеты. Объяснимо, что можно было не знать о своих родственниках, оказавшихся когда-то вынужденно на оккупированной территории, в плену или за границей. В любом случае писать об этом не стоило, не пропустят. Совсем не важно, что таких людей было половина страны. Получалось, что всем им почему-то не доверяли. Для службы на режимном объекте анкета должна быть чистой. Значит, следовало отказаться от этой части своей биографии. Многие из нас тогда принимали такие правила игры. Это как договор с государством жить по установленным идеологическим стандартам. Нужно говорить и думать, как все. Но любое учение, объявляющее себя единственно верным, постепенно изживает себя и умирает. Это только вопрос времени. Получается, что единственный компас в жизни - твой собственный нравственный вектор. Только разобраться между добром и злом в мире безверия бывает совсем непросто.

Песок в пустыне движется медленно и бесконечно. В этом есть какая-то мудрость, но приходит человек и нарушает вечность. Он делает себе песочные часы и все обрета

Золотое Слово - 9

свой конец. Тонкая струйка песка в них заканчивается, и нет больше этой вечности...

Несимметричный диметилгидразин или НДМГ. Так называют ракетное топливо, «гептил» - бесцветную прозрачную жидкость с противным запахом тухлой селедки... Пуск опять отложили, и шел слив компонентов ракетного топлива. Боевой расчет, одетый в изолирующие противогазы и войсковые комплекты химической защиты аккуратно перебирает заправочные рукава. Жарко, все чувствуют себя в защитных комбинезонах плавающими в собственном поту, как в болоте. Но нужно слить все, до самой последней капли. Опасны даже пары топлива - коричневатый тающий на воздухе дым. Каждый хорошо знает симптомы такого отравления. Это, когда слезятся глаза, начинается кашель, тошнота и боль в груди. А еще токсичное топливо бьет по нервной системе, и тогда происходит возбуждение, «глюки». За долгие годы компоненты топлива навечно всосались в окружающий песок и чахлую растительность. Все отравлено на долгие годы...

Был ли в этой жизни праздник? Или он уже в том, что ты всегда жил полной меркою, без остановок. Что тебя где-то ждали, что ты нужен и без тебя не обойдутся. Страшнее, когда вокруг наступает покой и пустота.

Как же все это врезалось в твою память... Вокруг пылали костры, но перейти через них уже невозможно. На стартовом комплексе, где рвались топливные баки, шел страшный огненный смерч, сметавший все вокруг. Темные фигуры рядом вспыхивали и исчезали, превращаясь в тени. Все это когда-то было. Ты во сне задыхался и умирал, принимал эту муку за кого-то другого, кого давно не было рядом с тобою. Ведь если ты живешь за погибших близких тебе, за своих родных и друзей, значит вместе с памятью нужно принимать и их муки. Поэтому теперь ты всегда торопишься жить, будто уже знаешь свой отмеренный срок...

Так состоялся мой союз с армией, который продолжался долгих 27 лет. Был ли он только по любви или расчету? Скорее всего, в нем имелись обе эти составляющие. Любовь к армии пришла заметно позднее, как зрелое чувство, через осознание своей новой ответственности и те немалые трудности, с которы-

ми пришлось столкнуться во время службы. Зато такое отношение к ней оказалось очень прочным и не отпускает меня до сих пор.

Почти все годы службы прошли на южном космодроме Байконур. Совершать подвиги там мне не пришлось. Скорее, это тот случай, когда мы просто добросовестно делали свою работу. Если подвиг и был, то его делала вся наша большая страна, которая в тяжелое послевоенное время обеспечила себе надежный ракетно-ядерный щит и дерзкий прорыв в космос.

На космодроме всегда были не совсем обычные военнослужащие, ведь там все больше служили не просто офицеры, а инженеры-испытатели. Здесь даже основное подразделение - боевой расчет, а предполетную подготовку и запуск называли по-граждански - работой. Если космический аппарат выходил на расчетную орбиту и работал, значит все прошло в штатном режиме.

Тем больше воспринимался начавшийся потом стремительный развал армии и деградация ее кадрового состава. Даже сегодня, спустя годы, каждый очередной коррупционный скандал среди военных вызывает чувство стыда. Долгое время ничего не хотелось писать об армии. Хотелось успокоить сердце, иначе во всем видится только самое черное. Потом отлегло немного и плохое стало забываться, очень многое. Уж так по-доброму устроена наша человеческая память. Правда, о некоторых страницах этой истории следует помнить всегда.

Ты теперь навсегда принадлежишь к особой касте людей в обществе, и даже твоя отставка по возрасту уже не имеет особого значения. Ведь все мы остаемся офицерами до конца своих дней.

Петроградская сторона. Чекают шаг красивые молодые ребята в курсантской военной форме, идут строем по улице Красного Курсанта. Это она раньше называлась Инженерной, а вместо Военно-космической академии здесь был Инженерный Шляхетский кадетский корпус. Сегодняшние наследники русской воинской славы, они похожи на нас и в то же время уже совсем другие. Наверное, так и должно быть. Пришло их время писать страницы своей военной биографии, ведь время для армии всегда остается одно.

Ольга САФАРОВА

Дина ПАНАСЕНКОВА

Свет «Огней гавани»

Вышел очередной, 20-й номер альманаха «Огни гавани», зима-весна 2014 года. Сначала мы решили определить этот номер как юбилейный – красивая, круглая цифра 20! Но потом, по практическому размышлению, пришли к выводу, что рановато отмечать юбилей, ведь нашему ЛИТО девять, а альманаху – восемь лет. Вот доживём до 10-летнего юбилея, тогда и отметим, невзирая на номер выпуска. Так что выпуск текущий, очередной и в нём, как всегда, представлены стихи авторов-поэтов Санкт-Петербурга и гостей, как мы их называем, - поэтов из разных городов и посёлков России и не только.

Все эти годы в Лито царит тёплая дружеская обстановка. Наше уютное помещение в библиотеке им. М.В. Ломоносова иногда с трудом вмещает всех участников и наших гостей на интереснейших лекциях, концертах, персональных выступлениях и занятиях по литературоведению и теории стихосложения. Растёт мастерство наших авторов, и постоянно пополняются наши ряды.

Новый, 20-й номер альманаха украшают собой мастеровские, полные лиризма и влюблённости в добро всего сущего стихи Е.Раевского:

*...Незыблема верность страсти.
Зов вечности бесконечен.
Наш мир, что в небесной власти,
Врагами не будет встречен.*

Полны философской глубины и свежести чувств прекрасные строки Д. Киришина:

*...Не задевая прошлых неудач,
В бессонных встречах ищем обновленья.
Так просветлённы душ прикосновенья!
Дыханий шёпот – внятен и горяч!*

Все жанры поэзии представлены в этом номере: социальная и гражданская лирика, фило-

софские раздумья, светлая романтика, меткое бытописание, пейзажная лирика. Наши признанные серьёзные философы как всегда выражают глубочайшие мысли в прекрасных по форме строках:

*Когда пред Вечностью в ответе
Вдруг ощущаю я себя,
Все не рождённые мной дети
Приходят тенями, скорбя...*

Д. Панасенкова

А вдумайтесь в эти лаконичные, мудрые строки А. Богдановича, где умелое применение лексической анафоры многократно усиливает итоговую мысль :

*Есть возраст надежд. Есть возраст свершений.
Есть возраст итогов. Есть возраст потерь.
И если кто скажет, что ты совершенней
С годами становишься, - лучше не верь.*

Замечательно выросло мастерство нашего автора Г. Косарецкого; он, трогая самую глубинную души читателя, сочетает кажущуюся простоту изложения больной, трагической темы Афгана с безукоризненной композицией стихотворения, завершая произведение «ударной» в эмоциональном плане концовкой:

*...В ауле горном мать застонет,
В России – русская вдова
Иконку на могиле тронет,
Прошепчет тихие слова.
В Христа ли верил он, в Аллаха,
Был правым, иль неправым был,
Останется лишь горстка праха
В земле, которую любил.*

Как всегда, верные метафорическому восприятию мира, уведат читателя в мир красоты и сложной символики наши романтики – Т. Софинская, О. Сафарова, Н. Журавлёва; а вот так роман-

Золотое Слово - 9

тически приподнято и, по большому счёту, верно звучит концовка стихотворения Т. Казовской «Женская истина»:

*...Извечная женская истина,
За которую на плаху идут –
Очевидным пренебречь легкомысленно,
Иллюзорность возведя в абсолют...*

Наш всегдашний острый сатирик, автор социально-направленных хлёстких стихов М. Энгельне порадовал читателей тонким лиризмом:

*...Прощанья миг – и меркнет свет,
Звучит Ваш голос: «До свиданья!»
А это значит – жизни нет,
Осталось лишь существованье...*

Верен своей теме и манере Г.Серов, он предметен, ироничен и реалистичен в стихотворениях «Питерский трамвай» и «Пьяница». И, вместе с тем, как тепло и без ложного пафоса, без «трескучего патриотизма», звучит его стихотворение «Медаль за оборону Ленинграда»:

*Возьму коробку, где лежат медали,
Сотру прилипшую за время пыль.
Я помню, как мы их перебирали,
Они хранят историю и быль.....*

Так же предметны и достоверны строки о блокаде Л. Борисовой как очевидца и страдающего ребёнка:

*Ночь. Умирает мама.
Останусь в пустоте.
Любому это страшно.
Четыре года мне.*

Слёзы подступают от этих простых трагических строк...

В альманахе представлены около пятидесяти авторов, и каждый из них яркая творческая индивидуальность, и хотелось бы процитировать каждого из них, но это, к сожалению, не представляется возможным в формате настоящей статьи.

Богата талантами наша страна, и наши замечательные гости-поэты обогащают содержание альманаха своими свежими, «не столичными» взглядами и неожиданными поэтическими на-

ходками. Здесь и автор из села Ново-Толучеево Воронежской области В. Болотов, и из прекрасного старинного города Шуи несколько постоянных наших гостей. Город Кохма Ивановской области может гордиться В. Удаловым; города Фурманов и Донской тоже радуют своими самобытными поэтами. Екатеринбург и Москва, Томск, Тихвин, Брест и Ванта, Финляндия – «... все флаги в гости к нам...» Они одаряют нас своим светлым, незамутнённым восприятием жизни, своей житейской мудростью и всеобъемлющей любовью. Вот замечательные строки москвички Ольжаны Захаровой:

*...Всё в этом мире можно объяснить...
Связь очевидна... Хоть порой незрима...
Крепка причинно-следственная нить...
И лишь одна любовь необъяснима.*

А знали б вы, как радуются наши дорогие иногородние авторы, получая бандероли с книжками альманаха! Их читают и перечитывают, дают почитать родным и соседям, устраивают поэтические чтения в школах; вот уж воистину - наш писательский Союз - Межрегиональный!

А великое видится издалека, и из города Вантаа, что в Финляндии, эту мысль выразила Л. Казрова-Головина:

*О, Господи, благодарю,
Что чувства выразить могу я словом.
.....
...страна, спасибо, что дала
Понять, впитать в себя язык России.
Пусть часть в крови моей мала,
Корнями в ней, и Русь даёт мне силу!*

Заканчивая этот обзор, хочется сказать, хоть это и банально, - как важно в поэзии единство формы и содержания, или как говорит наш замечательный автор – Н. Зазулин:

*...я не спеша
Всё строю стих, как дом – что надо,
Где стены – мысль, тепло – душа,
И каждый образ – вид фасада*

Март 2014

Ольга ПОЛЯКОВА

Ризы победителей. Казачий костюм

Глава 1. Женский костюм

Одежда всегда была символом главных моральных и общественных ценностей, вероисповедания, должностного положения, власти, рода занятий, принадлежности к определённой слою общества.

В костюме любого народа сказано всё: его вера, образ жизни, климатические условия проживания, материальное положение, моральные, этические ценности. В костюме казачки прежде всего учтены все особенности, православные каноны одежды, а также он рассчитан на широкий климатический спектр условий проживания казаков: в одежде учтена и жара, и суровые морозы.

В казачьем народном костюме - и мужском, и женском - уникально использованы все законы, эргономика (греч. Εργον-работа + νόμος-закон), психология, гигиена, анатомия, биомеханика, антропология, биофизика, особенности этнические, психология восприятия окружающей среды, условия труда, особенности и закономерности зрительного и тактильного восприятия мира, плюс физические данные народа. Казачки крепкие, не «худосочные», всегда подтянутые, стройные, так как постоянно связаны с физической работой и конной ездой. Они запросто могли заменить мужчину в доме, управлять хозяйством, принимать решения, никогда не теряя присутствие духа и оптимизма. От этих черт зависело состояние весьма крупного хозяйства, да и вся жизнь казачьей семьи во время отсутствия казака-воина. При этом была важна верность слову и делу. С.Ф. Номикосов в «Статическом описании Области Войска Донского», изданном в 1884 г. в Новочеркасске, заметил: «В силу особенностей военного быта на Дону исторически выработался тип женщины – неустанной труженицы, смело и энергически принимающей на себя все

труды мужчины, всюду поспевающей и всё делать успевающей. Забота молодой, живущей у бабушки с матушкой без горя и нужды, в том и состоит, чтобы не с голыми руками встретить мужа по его возвращении из службы. Уронивши хозяйство, она роняет своё человеческое достоинство в глазах всей честной станицы и своих собственных».

Женский казачий костюм бытовал на Дону длительное время почти без изменений, постепенно преобразуясь, реагируя на изменения условий жизни.

Особенности костюма объясняются происхождением казачек. Женщины долго сохраняли традиционную одежду тех мест, где они родились и выросли. Одни попали на Дон в качестве ясырок (пленниц): турчанки, татарки, ногайские женщины. Другие - из русских селений. Наконец, основная масса - родившиеся и воспитанные в станицах.

На Нижнем и среднем Дону был распространён *кубелек*, в нём явно видно влияние востока. Одежда женщин в казачьих станицах отличалась, по словам В.Д. Сухорукова, «восточной пышностью и богатством».

КУБЕЛЕК - верхнее платье казачки - напоминал по крою и форме персидский кафтан-елик, шитый из шёлка, парчи, бархата с высокой талией и застёжкой спереди. Лиф платья застёгивался серебряными или позолоченными пуговицами. Параллельно им шёл второй ряд пуговиц золотых или из жемчуга, который служил лишь украшением. Пояс (татаур) нашивался выше талии, был из золотых или серебряных звеньев, часто символизирующих родовые знаки женщины. Если фрагменты были очень древними, их бережно крепили на бархатную основу и дополняли жемчугом. Полы кубелека заходили одна за другую, но не застёгивались.

Золотое Слово - 9

Из-под узких рукавов кубелека была видна шёлковая цветная рубаша с широкими рукавами. Шею рубахи (ожерелок) выстрачивали богатыми узорами, вырез завязывали лентой или застёгивали запонкой.

Кзаки, как известно, народ православный, поэтому все женщины обязательно носили головной убор. На голову надевали шлычку (колпак), которая затягивалась тесёмкой и держала причёску, затем колотовочку (платочек), закрывавшую до половины лоб, виски и уши. А сверху надевалась большая шерстяная шаль с набивным турецким рисунком на темном фоне и с «махорушками» - длинными кистями и бахромой. В комплекте с платьями восточного покроя носили русские головные уборы – повойник или рогатую кичку. Повойники были высокие и сужались кверху, их шили на вате и покрывали парчой. Рогатая кичка состояла из твёрдой основы с высокими рогами, на которую надевалась сорока с металлическими украшениями, налобник и позатыльник, расшитые жемчугом, драгоценными камнями. С кички свисали от висков до плеч чикилики – длинные нити, унизанные жемчугом, а на лоб – металлические украшения.

С шубой носили шали, а по праздникам богатые казачки надевали собольи шапки с четырехугольным бархатным верхом и жемчужными поднизями (украшение в виде сетки, свисающей из-под шапки, заимствованной из итальянского костюма).

Наряд девушек мало чем, кроме головного убора, отличался от женского. Девичий головной убор – челоуч – не закрывал затылок. Он представлял собой широкую ленту красного бархата, унизанную жемчугом и по краям декорированную золотыми цепочками или мелкими монетами. Сверху девушка надевала таркач – шёлковый или хлопковый платок, одним концом которого обёртывала косу. Носили девушки и плотно облегающую голову шапку (украшенную медными позолоченными монетами), называющуюся перевязкой. Из-под шапки вместе с косой свисал косник с махрами. Головному убору придавалось обрядное значение. После венчания с новобрачной снимали

шапку, расплетали косу, укладывали волосы на голове и надевали кичку. Этот свадебный обряд назывался повивание. В будни и на сельскохозяйственные работы носили платочки из ситца или холста, которые называли «серяк». Волосы убирали в пучок на затылке, такую причёску называли «шиш».

Постепенно на смену сложным женским головным уборам пришёл связанный из разноцветных шёлковых или хлопчатобумажных нитей или сшитый из узорного трикотажа колпак, часто дополнительно расшитый разноцветным шелком, бисером, блёстками, и чёрная шелковая «фаль-шонка» (файшонка) - небольшая косынка с длинными узкими, свисающими на грудь концами из ценного кружева. Этот головной убор очень красив, лаконичен, подчеркивает достойную красоту казачки, удобен в быту.

Нарядной и богатой была зимняя одежда. Каждая казачка получала в приданое «донскую», шубу, которая шилась на меху (лисьем, беличьим или овечьим), без талии, без застежки, с длинными рукавами, без воротника, но опущенная по краям дорогим мехом, преимущественно поречней (выдрой). Верх шубы шили из шерсти, шелка, парчи или бархата.

Бархат, известный с 1298 г., был узорным с разрезанным ворсом и парчой. Шерстяной бархат производился в Венеции, хлопчатобумажный в Лукке. Богатые казачки украшали одежду мехом соболя и белки, а те, кто победнее, использовали мех кролика, волка и овечьей шкуры.

С шубой обували сапожки-красноголовки с железной подковкой под каблуком или надевались ичиги - узорные, вышитые татарские сапоги из мягкой разноцветной кожи или туфли из сафьяна. Сапоги могли быть в виде чулка, тогда туфли надевались сверху, а дома снимали только туфельки и оставались в узорном кожаном чулочке. Надевали круглые собольи шапки с плоским верхом, унизанные жемчугом, или красивые шали. Казачки любили украшения. Они носили ожерелье из монет, монисты на шее, браслеты, которые назывались «базилики» (старое донское) – описаны у Ригельмана: «на руках, при самой ручной кисти, кольца на-

рочитой толщины, золотые и серебряные».

Казачьи наряды, особенно шубы и пояса, стоили так дорого, что выстроить курень и обзавестись хозяйством было легче, чем «справить» шубу и пояс.

Этот костюм сохранился в течение XVIII – XIX веков. Европейская мода, которая стала заимствоваться на Дону только после Отечественной войны 1812 года, коснулись лишь верхушки казачества. Интересны восторженные воспоминания очевидца, присутствовавшего на балу, который давали донские казаки в Петербурге в честь победы в войне 1812 года. Император Александр I, заметив, что казачьи жёны были не в своих нарядах, а в немецких и французских платьях, приказал барону Бибичу «купить дорогих шелковых и парчовых материй для подарка донским дамам, чтобы они непременно носили своё национальное платье: кубелеки и казачьи головные уборы, которые были хороши на них».

Яркий красочный старинный женский костюм в 80-90-х годах XIX века ушел из быта, и преобладающим на Дону и Кубани стал комплект женской одежды, состоящий из юбки и кофты, его называют «двойка» или «парочка».

Женские юбки были самые длинные, девичьи короче, но те и другие очень широкие, прямого и расклешенного покроя. Юбка с «брызжей» - с широкой длинной оборкой. Юбок носили много – пять и даже девять, иногда они немного выглядывали снизу одна из под другой, чтобы показать другие кружева.

В поле женщины работали в рубахах и юбках, а девушки - в рубахах и широких фартуках. С юбками носили «кирасы» - плотно облегающие корпус кофты с небольшой баской до бедер, рукава длинные, в верхней части расширяющиеся – с «дулями», а в нижней плотно облегающие руку. Воротник небольшой, стоечкой, застёжка спереди на частых пуговицах. Кофта «матыне» - короткая, с длинными или до локтя рукавами, «дулей у плеча». Под такую кофту надевали вышитые сорочки, так как «чуть поднимешь руку – видно, что надето под блузкой».

С середины XIX века любимой одеждой

была «кохта – ватянка» - стеганая на вате или шерсти, широкая, с боковыми клиньями. Рукава длинные, узкие, вшитые в круглую форму. Ворот круглый, без воротника. Застёжка у ворота на одну пуговицу или крючок.

В начале XX века вошли в моду плиска - плюшевое ватное пальто, отделанное черными лентами и кружевами, а так же бурнус – пальто с расшивками. Эту красивую, удобную, обеспечивающую свободу движения, подчёркивающую стройность казачек, тёплую одежду часто можно было встретить и в 80-е годы XX века.

На женскую одежду заметное влияние оказал мужской военный костюм – медные пуговицы, пояса, канты, глухие ворота или стойки. Сказалось это и на выборе темных цветов платья, в основном синих и черных.

Специально детского костюма не было до начала XX веков. Детей одевали так же, как и взрослых.

Что касается материалов, используемых в казачьих костюмах, то надо заметить, что хлопчатобумажные ткани первоначально импортировались из Египта через порты Малой Азии, но с XII в. стали выращивать и прясть в Италии. Ткани стали различных цветов, рисунка, толщины. После появления печатных форм для монастырских книжных мастерских, изобретённых в XIV в. в Европе (так называемая, высокая печать), появились массовые производства набивных тканей. У казачек особой популярностью пользовались ткани, платки и шали с восточным орнаментом.

Шерсть была важным материалом для шитья мужской и женской одежды, разной толщины и цветов, включая серж, фланель, кашемир (считавшейся тканью из верблюжьей шерсти, импортируемой, вероятно, из Кипра и Сирии, первое упоминание в 1248 г.), а в XV появился камлот, плотная ткань из шерсти. Шелк везли из Персии – это основная ткань для женского костюма. Среди шелков выделялись камчатые ткани, парча, сендал – более грубый сорт кануса: тонкого мягкого, переливающегося разными цветами шелка с тафтяным переплетением, а так же очень дорогой сорт парчи с вплетёнными золотыми и серебряными нитями, из кото-

рых изготавливали золотые и серебряные ткани. Тонкое шелковое полотно использовалось для вуалей.

С середины XVII в. сукно в силу многих своих замечательных качеств стало на многие годы единственной тканью, использовавшейся для пошива верхней мужской одежды. Москва жаловала казаков сукном, но его не хватало. Со временем казачки научились ткать тонкие сукна из овечьей шерсти. Домотканую одежду казаки носили дома и в походах.

Под рубаху казаки носили «крапивницы». Вытканые из крапивы, они служили как антисептик, а так же исполняли ритуально обрядовые функции. Под такой рубахой быстро заживают раны и останавливается кровь.

Плотную хлопковую ткань, окрашенную естественным красителем индиго в насыщенный синий цвет использовали в женском и мужском костюме. Во всяком случае легендарный бренд «джинсы», произведенный и окрашенный точно так же (правда он появился значительно позже, лишь в 1853 г. на восточном побережье Америки), не лучше казачьей одежды.

Этническая казачья одежда по внешнему виду, исполнению и использованию тех же материалов и красителей, что и «джинса», на любой фотосессии не только не проигрывает, но и смотрится интереснее, эстетичнее и эффектнее, чем сверхдорогие бренды и дизайнерские предложения, которые, однако, с трудом можно назвать находками.

Казачьей культурой создан и антропоморфический, эстетически гармоничный предметный мир. Функциональность формирует комфортную среду обитания, максимально используя и рационально организуя окружающий мир.

Костюм верховых казачек долго сохранял особенности, присущие традиционной крестьянской одежде южных регионов России. Он состоял из холщовой белой рубахи до талии с узором на плечах и груди, надевавшегося в виде юбки «подола» - нижней части рубахи, собранной на вздержку. Поясной одеждой замужних женщин был такой типичный южнорусский элемент костюма, как понёва, имевшая вид нес-

шитых трех полос шерстяной красной клетчатой ткани. С двенадцати лет девочки-подростки начинали носить верхнюю одежду - распашной балахон с короткими рукавами. Обязательной деталью был передник-завеса и одежда для холодного времени года - стёганая «куфайка» - очень комфортная деталь костюма.

Для казачек Уральского, Оренбургского и Сибирского войск основным комплектом одежды был комплект длинной плечевой одежды с расшитым косоклиным сарафаном, типичным для русских, проживающих в центральных и северных губерниях России.

В донских степях жили скифы кочевники - номады. В V - IV в. до н.э. среди них выделялась знать. Вождей, имеющих большую власть, греки называли «царями».

Мужчины скифы носили короткие куртки с поясом и широкие штаны, заправленные в мягкие кожаные сапоги. Сапоги кроились из цельного куска кожи, не имели подмёток и каблучков. Шапки напоминали шлемы или повсеместно используемые казаками вплоть до XX в. башлыки (казачий покров на голову, тюркское название «головной», «на голове», «во главе»; башка – голова). Встречаются на изображениях скифских ваз того времени. Более поздние остатки башлыков найдены в ранне-средневековых погребениях Приазовья.

Очень удобная деталь костюма, пришедшая от скифов, - башлык-колпак в виде платка или шарфа. Его можно надеть или просто на голову, завязав вокруг шеи или корпуса, или сверху на любой головной убор - фуражку, папаху. В XIX в. башлык был введен в форму Кубанского войска. Он чрезвычайно удобен для конников, спасает от ветра, непогоды, многофункционален. Впоследствии был введен в гимназическую форму. Все знают как трудно надеть мальчишкам головной убор, но башлык гимназисты носили с удовольствием и гордостью.

Европейские модельеры ввели башлык в женскую элегантную светскую моду в XIX в. Модницы придерживали свои шляпки башлыками от внезапных порывов ветра, правда они шились не только из плотных тканей как скифские и казачьи, но из кружев и парчи.

Золотое Слово - 9

Скифская одежда, перенятая казаками, необыкновенно удобна, утилитарна, приспособлена для верховой езды. Весь быт и скотоводческое хозяйство требовали воинских навыков и владения верховой ездой практически всего населения. Уклад жизни заставлял номадов довольствоваться в быту лишь самым необходимым – минимальным количеством вещей в хозяйстве, а также рационально использовать все имеющиеся ресурсы и, конечно, одежду. Многочисленные изображения подтверждают и комментируют костюмы I - II вв. н.э. Это находки из Кургана Хохлач близ Новочеркасска, а также находки из Кобяковского могильника Ростовна-Дону и из Кургана Чертомлык. Подобный костюм в обиходе у казаков до сегодняшнего дня, с небольшой лишь модернизацией и использованием сукна и других современных материалов и лампасами на штанах.

Существует предание о возникновении лампасов. Народная легенда повествует: однажды станица, вернувшаяся из Москвы, привезла на Дон жалованье. Все казаки собрались на круг, что бы поделить его поровну. Когда очередь дошла до сукна, то выяснилось, что синего сукна достаточно, а красного совсем мало. В Москве рассудили, что старшина должен быть в красном, а рядовые в синем. Но казаки со своим атаманом пошумели и, как в прежние времена, решили всё делить поровну. А когда поделили оказалось, что синего сукна досталось по большому куску, а красного по небольшой ленточке, которой хватило только для того, чтобы отделать штаны красными лампасами. Этой легенде есть основа - реальное событие 1592 г. Правительство попыталось само распорядиться разделом жалования и получило послу Г. Нащокину «разверстать» сукно между казаками, выдав «лутчим добрые, а рядовым середние, а иным рославские» сукна.

Скифская повседневная женская одежда, мало чем отличалась от мужской, хорошо приспособленной для верховой езды. Подтверждением служат многие росписи на греческих вазах, изображение скифов на нашивной бляшке из кургана Куль-Оба IV в. до н.э., а так же очень подробные рельефы на золотом сосуде с дета-

лями костюма. Эти предметы хранятся в Эрмитаже.

Начиная с XIV века до. н. э. женщины носят в качестве выходной одежды длинные платья из шерстяной ткани, украшенные бисером по подолу и рукавам, а также вышивкой в виде звёзд, волн, меандра и других античных орнаментов. Одежда была снабжена разнообразными застёжками, булавками, шнуровкой. Женщины носили бусы и ожерелья, бронзовые и серебряные серьги и подвески, золотые кольца, серебряные и бронзовые браслеты с изображением животных. Большое количество этих предметов находится в эрмитажной коллекции.

В XIX в. царским указом запрещено было делать замечания в любой форме и укорять казаков в том, что цвет или качество сукна не были совершенно одинаковыми у всех. Казак имел право носить более или менее яркую форму и качество материала выбрать по своему усмотрению и достатку. Однако на форму денег не жалели и шили всегда индивидуально, но каждая сотня старалась выбрать одинаковый материал.

Мужчины-казаки, как правило, и в повседневной станичной жизни носили появившийся в результате реформ 1801 года упрощённый военизированный костюм, отличавшийся выпушками, околышами и лампасами разных цветов. В зависимости от войсковой принадлежности он включал в себя рубаху или бешмет, куртку, бекешу (мадьярское *bekes, bekiesza* – долгополый сюртук на вате или на меху, который носили зимой), чекмень или черкеску, порты и шаровары, пояс, фуражку, кепку, меховые шапки, шубы. Чекмень - старинная верхняя одежда казаков. Чекмень шился из сукна любого цвета. Пластунские: оливкового, зеленого, хинди, серого, а так же синего, черного, красного и даже белого, в талию и с широкими рукавами, с широкими манжетами, или стянутыми в запястье манжетом. По основным линиям кроя и по способу запахивания правой полы на левую, чекмень подобен скифским кафтанам с древних изображений, а также кавказской черкеске. Расхожий будничные чекмень длиною до колен, а праздничные на 15 или 20 сантиметров длин-

Золотое Слово - 9

нее, передние полы цельные, спина разрезная по талии, грудь открытая почти до пояса, как в черкеске, полы обшиты кругом широкой парчевой или узорчатой цветной лентой или пазументом; рукава часто имели разрез по внешнему шву между локтем и плечом, так что их можно было откидывать за спину. Парадный чекмень носился враспашку поверх бешмета и холодного оружия, а расходный стягивался поясом, на котором снаружи навешивалась шашка. Это можно видеть и на рисунках А.И. Ригельмана. Казаки терского и кубанского войска носили ещё и выделявшие их кубанки и папахи, башлыки и бурки. Однако и в этой одежде также прослеживаются характерные заимствования кроя, украшений и дополнительных аксессуаров, характерные для мужской одежды калмыков, татар и жителей Северного Кавказа и, конечно, скифов.

В настоящее время комплекс женской одежды, состоящий из юбки и кофты, подчеркивающий природную статью казачек, считается народным костюмом на Дону. Это объясняется нивелировкой внешнего облика казаков в конце XIX в., связанным с большим наплывом неказачьего населения, а также с процессом экономического развития донского края. В экспозициях музеев представлены, в основном, только последние образцы донского костюма и еще благодаря подробному и выразительному, но не всегда правильному описанию в произведениях М.А. Шолохова мы имеем неполное и не совсем объективное представление о женском костюме казачек.

Мужчины-казаки в повседневной станичной жизни носили традиционную военную одежду, сохраняли верность традициям и старинным обычаям, в чем они видели своеобразные признаки независимости и суверенитета. Щегольство, аккуратность и педантичность по отношению к одежде можно считать отличительной чертой казаков, хотя по отношению к другим вещам, например, к еде, условиям жизни они непритязательны. До 1920-х гг. казачий костюм оставался предметом гордости и был всюду в обиходе.

Можно сделать вывод, что казачий мужской

костюм остается со скифских времен почти в неизменном виде. И в наше время этому замечательному костюму есть достойное место, его с гордостью носят современные казаки, он удобен и красив, имеет многовековую традицию. Многие цари, приходя к власти, пытались хотя бы отчасти модернизировать костюм, но каждый раз возвращались к истокам.

Анализируя тенденции формирования женского казачьего костюма можно сделать выводы: казачки, творчески подходя к композиции своего костюма, изобрели потрясающе эстетичный, своеобразный, сложный и вместе с тем утилитарный, комфортный и богатый наряд. Он не повторяет ни один восточный, хотя и имеет явные пристрастия к персидскому, кавказскому. Стоит внимательно сравнить его с иранскими миниатюрами и скифским наследием, а также с итальянским. Он не похож на малоросский, скорее на итальянский. Верхний Дон и Урал ориентировались на южно-русский костюм, но с очень активным влиянием итальянского. Это и кокошники, и сарафаны и др., однако всегда можно отличить русский костюм от казачьего.

Невозможно отвести восторженных глаз от красоты современных казачек во время службы в нижнедонских храмах Азова и станицы Елизаветинской. Творчески подходя к своему наряду, используя предметы, которые можно купить на рынках и в магазинах в местах проживания, женщины komponуют изысканные современные, именно казачьи костюмы, соответствующие их внутреннему глубоко православному, достойному и очень женственному образу. Казачка очень четко соотносит свой внешний вид с внутренним обликом - чрезвычайно энергичным, имеющим твердый личностный стержень. Трудно найти казачку, делающую что-то с лентой, или вообще праздную, или со взглядом с поволокой. Казачка - во всем огонь и инициатива - и в то же время безупречное соблюдение своеобразного «казачьего этикета»: почитание Православия, подчеркнутое уважение к казакам и строгость в воспитании детей. Во всяком случае, почти всегда можно отличить казачку от восточной женщины или славянской красавицы.

Наталья ВЕСЕЛОВА

Оклеветанные историей

Часть I. Иоанн IV (Грозный)

Все, что связано с именем первого русского Царя Иоанна IV, считается само собой разумеющимся говорить или писать с отрицательным или, в крайнем случае, ироническим оттенком. Не до конца изжито даже знаменитое ругательство «Опричник!», не так давно применявшееся к мелким представителям власти при их настоящих или мнимых злоупотреблениях. В новейшей русской истории подобную же услугу памяти Иоанна IV оказало и широко известное полотно Репина «Царь Иоанн убивает своего сына» - картина, прочно осевшая в сознании обывателя едва ли не как иллюстрация исторического факта. Постарался и не менее талантливый М. Булгаков, написав пьесу «Иван Васильевич», экранизированную Л.Гайдаем так, что образ Царя с лицом гениального актера, сыгравшего его, теперь вообще едва ли возможно изменить в умах современников...

Библиография по вопросу эпохи Иоанна Грозного настолько обширна, что поначалу не знаешь, с чего начинать. Доказывать, что он не убивал сына? Что не женился семь раз? Что казнил народу за весь период царствования примерно в 10 раз меньше, чем во Франции примерно в то же время было уничтожено ЗА ОДНУ НОЧЬ? Что опричнина была в тот исторический момент необходимостью для государства? Что Александровская слобода, центр опричнины, являлась не вертепом, а монастырем в миру? Что... И все ясней, что нужно начать с самого конца.

В 1963 году в Архангельском соборе Московского Кремля были вскрыты четыре гробницы: Иоанна Грозного, царевича Иоанна (якобы убитого им), царя Федора Иоанновича и полководца Скопина-Шуйского. Проверялась версия об отравлении Царя – и выяснились прелюбопытные факты. Содержание мышьяка во всех четырех скелетах оказалось одинаковым и не превышало нормы, зато в костях Царя и «убитого» царевича было обнаружено наличие ртути, превышающее норму в 32 раза! И отец,

и сын были отравлены сулемой (хлоридом ртути), смертельная доза которой не превышает 0,18 г!

Скептики немедленно принялись утверждать, что повышенное содержание ртути явилось следствием лечения сифилиса (как же – ведь «доказана» крайняя развратность царя, а сынок должен был пойти в папу), однако их ждало разочарование: никаких сифилитических изменений в останках царя и царевича обнаружено не было.

В 1990-х годах было проведено исследование захоронений московских Цариц и Великих Княгинь, которое выявило факт отравления тем же хлоридом ртути матери Иоанна Грозного, Елены Глинской, и его первой жены, Анастасии Романовой. Таким образом, невозможно отрицать факт, что на протяжении очень долгого времени Царская Семья являлась жертвой отравителей, коими могли быть лица только из самого близкого окружения! Смерти Анастасии Романовой мы еще коснемся подробнее, но пока небезосновательным кажется нам следующее утверждение: обвинения Царя в мнительности, маниакальной подозрительности и как следствие – в расправах над невинными подданными являются абсолютно ложными. Сама смерть царя и его близких доказала его правоту, а меры, которые он принимал для устранения опасности, оказались далеко не достаточно жесткими: окажись они таковыми – и злодеи свое черное дело не доделали бы.

Это все пока присказка, продолжим же ее. Основоположником создания ставшего традиционным образа Царя Иоанна Васильевича является Н.М. Карамзин, автор знаменитой «Истории Государства Российского». Труд этот настолько фундаментален, что на протяжении почти двухсот лет историки часто попросту списывают с него (а потом – друг с друга) официально признанные достоверными сведения, не считая нужным проверить их по первоисточникам. Между тем, церковный историк Н.Д.

Золотое Слово - 9

Тальберг утверждает, что Карамзин буквально ненавидел Иоанна Грозного а, следовательно, не может считаться объективным, - и подтверждений тому немало. Можно опустить те факты, что великий русский историк вовсе не имел исторического образования, что, по свидетельству О.А. Платонова, в конце 18 века тесно сблизился с масонами, что четыре года провел в утопическом кружке Новикова... Сочтем все это порывами молодости. Но вот его увлечение идеями Робеспьера, внушавшего, по воспоминаниям декабриста Н.Тургенева, благоговение Карамзину, и личностью прямого врага России Наполеона - весьма показательно. Будучи во Франции, он постоянно посещал Национальную Ассамблею, был восторженным слушателем речей Мирабо, Дантона, Камилла Демулена... Настроения, с которыми Карамзин приступал к написанию «Истории Государства Российского» могут быть проиллюстрированы им самим: «Мы не таковы, как бородатые предки наши: тем лучше! (...) Все **народное** (выделено Карамзиным) ничто перед **человеческим**, главное быть **людьми**, а не Славянами...» Примерно такие высказывания сейчас применяют сторонники глобализации! А вот еще: «Бонапарте столь любим и столь нужен для счастья Франции, что один безумец может восстать против его благодетельной власти». Это касается Наполеона, выкосившего в непрерывных войнах почти все мужское население своей страны. Таким образом, совершенно очевидно, что именно западные ориентиры имел Карамзин, когда работал над сим капитальным трудом, и заведомо был предвзят в своих выводах, намеренно подгоняя их под собственное частное мнение. Кроме того, источники, на которые опирался Карамзин, и на которые традиционно пытаются опираться даже некоторые современные историки, подобраны, мягко говоря, тенденциозно. Например, почему-то неоспоримой истиной считает он записки иезуита Антония Поссевина, приехавшего в Москву со Стефаном Баторием, польским королем, вторгшимся в ходе Ливонской войны в русские земли. Пытаясь с помощью иезуитских хитростей принудить Иоанна IV пойти на уступки в пользу Римского папы Григория XIII, он потерпел фиаско и с тех пор считал русского Царя своим личным врагом. Поссевин, кстати, и создал

не выдерживающий никакой критики миф об убийстве Царем своего сына Иоанна. Другой эпохальный труд, написанный рукою недружественного иностранца Штадена, начиная с Карамзина и до сих пор, считается «историческим свидетельством» на основании того, что, оказавшись в России случайно, Генрих Штаден якобы не имел оснований для клеветы, а просто честно описал то, что видел. Тем не менее, по возвращении в Эльзас из Москвы, он написал работу, состоящую из четырех частей, одна из которых даже называлась «Проект завоевания Руси» и содержала любопытные предложения императору Рудольфу: «Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать добычей воинских людей». Некоторые высказывания Карамзина смело можно назвать дикими – например, о том, что во время разбирательств в Новгороде было истреблено 70 тысяч человек, а в Москве во время пожара в 1571 году сгорело и было уведено в плен около миллиона – это он повторил уже вслед за очередным «очевидцем» - англичанином Джеромом Гарсеем. Неудивительно, что 9-й том «Истории...», где как раз и описывается эпоха Иоанна Грозного, вождями декабризма был принят восторженно. Вот отклик впоследствии повешенного государственного преступника К. Рыльева: «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита!». Это с легкой руки Карамзина и в отношении всех других Государей стал применяться принцип: «Хороший Царь - добрый Царь, а если он правит твердой рукою, то это плохой царь». Парадоксально пишет и Костомаров про Иоанна IV: «...напрасно пытались бы мы создать из него образ демократического государя», т.е. слово «демократический» у него априори имеет положительный знак! Но в данном случае Костомаров прав: совершенно напрасно.

Перед тем, как приступить собственно к рассуждениям об эпохе Иоанна Грозного, необходимо предупредить читателя о двух очень важных вещах. Первая: автор считает антинаучной материалистическую позицию в гуманитарных науках, потому что, рассматривая только физически видимую часть мира, невозможно быть полностью объективным. История России тесно связана с христианством, а

культура – с богословием, и избегать того или другого было бы невежеством. Вторая: автор не придерживается мнения, что демократия – это положительное явление. Не вдаваясь в подробности, неуместные в данной работе, необходимо заявить, что если Карамзин, живя в условиях Самодержавного Царства, мог позволить себе трактовать исторические события с точки зрения западного демократа, то и автор данной статьи, живя в государстве, называемом демократическим, также имеет право судить о тех же событиях с точки зрения монархиста.

Перейдем теперь непосредственно к личности и деятельности Иоанна Васильевича Грозного – Царя и человека.

Как-то укоренилось в сознании русского человека мнение, что прозвище Грозный он обрел впоследствии, якобы из-за свирепого нрава. Ничего подобного. Царь получил его после успешного завершения похода против казанских татар и взятия Казани, а прозвище имело тот смысл, что он грозен для иноверцев, врагов и ненавистников России. Взятие же Казани имело место еще в тот период, который почти всеми либеральными историками относят к «благополучной» части царствования Иоанна IV. Ибо существует традиционное мнение, что, имея в советниках Алексея Адашева и иерея Сильвестра, молодой Царь правил справедливо, и лишь благодаря собственной паранойе и чужим наветам удалив их от двора, получил возможность «развернуться вовсю», следуя своим «дурным наклонностям». Правда, как мы увидим позже, Карамзин и его последователи вполне честно могли считать наклонности Царя дурными. Но сейчас мы поговорим именно о первом, «золотом» периоде его царствования.

Представляется, что «золотым» он был объявлен, прежде всего, по той причине, что молодым и неопытным Царем на первых порах удавалось успешно управлять. Во время большого пожара Москвы в июне 1547 года была «под шумок» предпринята попытка государственного переворота. Пущен был слух, что Москва подожжена по наветам родственников Царя со стороны матери – Глинских, и противоборствующий боярский клан подстрекал народ на их избиение, дело дошло даже до Воробьева, где в то время находился Царь, якобы,

спрятавший у себя свою бабушку Анну Глинскую с сыном. Положение с часу на час могло стать критическим. Именно в это время к Иоанну явился московский соборный пресвитер Сильвестр. Собственно, он оказался в нужное время в нужном месте, и в истории не осталось никаких сведений о том, был ли он направлен кем-то могущественным или пришел своей волей. Ничего особенного он не сделал: мятеж удалось подавить и без его участия, но Сильвестр ухитрился в те смутные дни найти особый подход к сердцу царя, славившегося своей набожностью. Не замедлила вскоре появиться рядом и светская фигура – сын служилого человека Алексей Адашев. Вот что пишет о нем печально известный князь Андрей Курбский в своей «Истории Иоанна Грозного»: «С ним же соединяется един благородный юноша к доброму и полезному общему, именем Алексей Адашев». Создается впечатление, что, пробившись так или иначе в ближнее окружение молодого Царя, иерей Сильвестр сразу же «протащил» за собой своего человека, заранее подготовленного и ждавшего «часа икс». Эти люди стали открыто действовать вдвоем, каждый в своей области влияния на Царя: один – в духовной, другой – в светской. Первое, что сделано было с духовной стороны – это инспирировано послание Иоанна к земскому собору, причем оно было написано в сугубо покаянном ключе.

«Нельзя ни описать, ни языком человеческим пересказать всего того, что я сделал по грехам юности моей. Сколько согрешил я перед Богом и сколько казней послал на нас Бог. Не понимал я и не покаялся, но сам угнетал бедных христиан всяким насилием», - говорилось, среди прочего, в том послании. Этим документом противники Иоанна Грозного размахивают до сих пор: как же, сам сознался, да это еще про молодость, а уж когда повзрослел... Упускается при этом из вида только один факт: данный документ – классическое свидетельство того, что Царь был настоящим православным христианином, а истинное покаяние и заключается в том, что кающийся искренне считает себя самым большим грешником на земле. Это практически вменяется в обязанность церковными канонами и до настоящего времени: не обращаясь к источникам, могу навскидку привести два примера: «...Христос, пришедый в мир грешныя спа-

сти, от них же ПЕРВЫЙ ЕСМЬ АЗ»; «...аз един лукавое пред Тобою сотворих, ПРЕВЗОШЕД И ПРЕПОБЕДИВ ВСЯ ОТ ВЕКА ГРЕШНИКИ (выделено мной – Н.В.), несравненно погрешивый и непрощенно...» Подобных примеров можно привести великое множество, и тексты таких покаянных молитв практически все были написаны святыми, впоследствии канонизированными Церковью. Так что даже публичное покаяние и именование себя грешнейшим из грешных вовсе не означает признания в реальных преступлениях.

Иерей Сильвестр, таким образом, вел беспрюирышную игру, подогревая в своем духовном чаде постоянное чувство вины, а вместе с этим – и желание ограничить свою власть «грешного человека» и щедро поделиться ею с другими. Тут уж со своей «светской» стороны вступил в дело Адашев. С помощью Сильвестра он подобрал кружок людей, по словам философа М. Лодыженского, «...отличавшихся широким взглядом и любовью к общему делу. То были мужи знатных родов. Кроме того, Сильвестр и Адашев привлекали к служебному делу людей и незнатных, но честных; состав администрации улучшился. Наверху же государство стало управляться кружком советников, который Курбский в своей «Истории Иоанна Грозного» называет избранною радою. Без совещания с людьми этой избранной рады, во главе которой стоял Сильвестр, Иоанн ничего не предпринимал». Вот он, золотой, почти демократический период! Собственно, мы видим здесь зачатки конституционной монархии явно прозападного толка. Почти забавно: М. Лодыженский забывается и проговаривается: «...обуздывать волю такого царя, каким был Иоанн, Сильвестру делалось все труднее». ОБУЗДЫВАТЬ ВОЛЮ ЦАРЯ – это и была на том этапе главная цель заговорщиков.

То, что Адашев и Сильвестр являлись агентами вражеского влияния, в наше время становится очевидным, стоит лишь взглянуть на события беспристрастно. Первым «звонком» стало их мгновенное отречение во время тяжелой болезни Царя в 1553 году. По сведениям из разных источников, они либо оба отказались присягать законному наследнику престола малолетнему Димитрию, сделав свой выбор в пользу двоюродного брата царя, князя Влади-

мира Андреевича, либо так поступил только Адашев, а Сильвестр, присягнув все-таки Димитрию, тем не менее, пытался способствовать Владимиру. Так или иначе, самые близкие друзья и советники Царя были готовы предать его в первую же трудную для него минуту! Царь выздоровел, и будь он действительно таким маньяком, каким его пытаются представить, не сносить бы этой парочке головы – и что же? Не последовало ровно никакого наказания. Конечно, выжидал время для удара, считают теперь недоброжелатели Царя. Но ведь дело в том, что серьезного удара так и не последовало, хотя впоследствии оба друга заслужили смертной казни, которая имела бы место в любой стране, при любом правителе! Начать стоит с того, что Избранная Рада (люди Адашева и Сильвестра) воспротивилась планам Царя вернуть на Западе древние славянские земли, лишив Ватикан плацдарма для агрессии. Рада настаивала на войне против татар в Крыму, где Россия была заведомо обречена на поражение хотя бы из-за того, что само географическое положение Крыма в то время делало его неприступным для русских. Тут бы начать расследование, допросить обоих с пристрастием – глядишь, и выявилась бы элементарная шпионская сущность «Царевых друзей». Царь же попросту их выслал: Сильвестра – в Кирилло-Белозерский монастырь, Адашева – в действующую армию. Правда, по версии М. Лодыженского, они «сами нашли невозможным далее оставаться у трона» и уехали по собственной воле. В таком случае, их отъезд более напоминает бегство, потому что как-то подозрительно быстро после него скончалась Царица Анастасия, незадолго до смерти имевшая крупное столкновение с Адашевым и Сильвестром. Она ставила им в вину их поведение относительно ее сына, маленького Димитрия, во время болезни царя, открыто упрекала в измене, поддерживаемая своими родственниками – кланом Захарьиных. Теперь достоверно известно, что Царица, которая незадолго до этого «цвела здоровьем», была отравлена сулемой, что вполне могло быть сделано по приказу Адашева.

Этот человек вообще заслуживает особого упоминания, без придатка «и Сильвестр». «Добрый и набожный», он, по свидетельству историка и философа Н. Козлова, сожитель-

ствовал вне брака (что само по себе в те времена на Руси считалось делом вопиющим) с некой польской еврейкой, именовавшей себя не больше не меньше – Марией Магдалыней. Совместно с ними в доме проживали пятеро взрослых юношей, якобы, ее сыновей, но только ни один из них по возрасту ей в сыновья не годился; все они прибыли из Польши. Остается только догадываться, какие личные отношения связывали эту семерку, но произведенное дознание по «изменному» делу Адашева выявило, что имел место заговор с целью устранения вместе с Царицей и партии ее родственников как опасных соперников в борьбе за власть, и все нити вели в гнездо Адашева. Более того, «Мария Магдалыня», ко всему прочему, оказалась еще и ведьмой - в наше время сказали бы «экстрасенсом» - как и ее якобы сыновья. При обыске в их доме были обнаружены предметы, традиционно используемые при колдовстве, и каббалистические рукописные книги. Царицу не только отравили, но еще и активно воздействовали на нее оккультно. «Семья» колдунов была казнена – обычное дело в России и Европе - Адашев взят под стражу. Тут бы царю и разгуляться – ведь измена была доказана – но Адашева даже не пытали, он умер от болезни спустя два месяца. Может быть, кровожадный Царь отыгрался на Сильвестре? Ничего подобного: он даже не судил его собственным судом, а созвал для этой цели собор! И что же? Вдохновитель убийства Царицы, западный агент влияния, был мучительно казнен? Нет, выслан на Соловки! Да Царь еще и извинялся, в письменном виде объяснял боярам: «...удивительно ли, что я, наконец, решился не быть младенцем в летах мужества и свергнуть иго, возложенное на царство лукавым попом и неблагодарным слугою Алексием?»

Вот уже раза два промелькнуло в моей работе имя князя Андрея Курбского. Не считаясь ни с какими рациональными доводами, историки и теперь считают возможным всерьез опираться на его «Историю Иоанна Грозного» как на фактологический материал. Лодыженский, например, утверждает, что творения Курбского заслуживают доверия, так как он обличал Царя открыто, проявляя искреннее негодование его поступками. У нас на этот счет другое мнение. Легко, конечно, открыто «обличать» кого-либо,

находясь в полной безопасности в стане врагов обличаемого. Но после содеянного им Курбский, будучи изначально русским православным христианином, не мог не испытывать угрызений совести. Человек этот был доверенным другом Иоанна и наместником Царя в Дерпте, - а потом, полный «недовольства несправедливостью», ночью, бросив жену и девятилетнего ребенка, перебежал к врагам, после этого еще и встав во главе ливонских отрядов в войне с собственным народом! Скорей всего, совесть всюю обличала изменника, и его письма к Иоанну, как и последующая «История», - все это, в основном, попытки оправдаться в собственных глазах, приглушив праведный внутренний голос. Поэтому в данной работе я не буду подвергать серьезному рассмотрению известную переписку, имея в виду, что все, написанное Курбским заведомо не может быть объективным просто по личностным причинам, не говоря уже о том, что «История...» полностью написана с чужих слов, так как Курбский в то время в России не жил и очевидцем событий не являлся.

После смерти первой жены Царя, Анастасии Романовой, он женился вторично, что допускалось и допускается Церковным уставом (венчаться можно при обычных условиях три раза), и второй его женой стала Мария Темрюковна, дочь черкасского князя Темрюка. Только эти две женитьбы Царя имеют ясные, не запутанные подтверждения в летописях, а начиная уже с третьей жены, Марфы Собакиной, начинается путаница, полностью не проясненная до сих пор. Кстати, о Марфе Собакиной. После исследования ее останков из захоронения в усыпальнице Цариц и Великих Княгинь в Московском Кремле, не обнаружено никаких следов отравления или другой насильственной смерти. Тем не менее, из летописей и записей самого Царя известно, что непосредственно в день свадьбы здоровая и красивая девушка (можно представить себе, по каким критериям отбирались претендентки на роль Царицы) заболела таинственной болезнью, т.е. начала, как говорят в народе, чахнуть и сохнуть. Этот недуг поразил ее настолько, что она скончалась спустя месяц после свадьбы, так и не став фактической женой царя. Идея «порчи» не кажется здесь совсем уж сумасбродной, не так ли? По-

сле ее смерти Царь обратился к Освященному Собору за разрешением жениться в четвертый раз и получил это разрешение при условии выполнения определенной епитимии – и то лишь на том основании, что Марфа была номинальной женой Царя. Кстати, епитимья отлучала не кого-нибудь, а Русского Самодержца, от причастия на два года, первый из которых он не имел права даже находиться в храме рядом с верными, а должен был стоять с оглашенными; интересно, как в наше время к такому запрету отнесся бы любой рядовой православный христианин. Но путаница уже и здесь существует, т.к. Мазуринский летописец повествует об этом под 7078 годом, а Новгородская летопись сообщает о женитьбе Царя на третьей жене Марфе Собакиной под 7080 годом, т.е. на два года позже. Традиционно четвертой женой считается Мария Нагая, мать впоследствии невинно убиенного Царевича Димитрия, - четыре Царицы и захоронены в усыпальнице. Некоторые считают царской женой еще и Анну Колтовскую, якобы, не погребенную в усыпальнице из-за того, что она была пострижена в монахини. Но ведь и Мария Нагая также постриглась и была погребена там в монашеском облачении. Летописи достоверно говорят нам только о четырех браках Иоанна IV, а корни мифа о его семи женах, по мнению современного историка В. Манягина, следует искать в острой политической борьбе в верхах русского общества после пресечения династии Рюриковичей. Например, одно время Мария Нагая была объявлена Борисом Годуновым уже шестой женой царя, в связи с чем было запрещено поминать ее сына св. царевича Димитрия на Литургии: чтобы перехватить престол, нужно было сократить количество законных наследников. Существует еще множество мифических «цариц», о которых официально нет никаких достоверных сведений, да и само существование многих из этих лиц серьезными исследователями отрицается: Анна Васильчикова, Василиса Мелентьева, Наталья Булгакова, Авдотья Романовна, Марья Романовна, Марфа Романовна, Мамельфа Тимофеевна, Фетьма Тимофеевна... Эти имена мелькают как реальные – без всяких научных доказательств и исторических свидетельств. Но если уж рисовать чей-либо портрет черными красками, то ведь нельзя же избежать обви-

нений в блудливости!

Клеветой на Иоанна Грозного воспитано несколько поколений русских людей, и одно из главных обвинений, посмертно предъявляемых Царю, это установление Опричнины. Именно в этом вопросе, в основном, нам придется размышлять не только категориями «мира сего».

Если мы проявим «здравомыслие» современного материалиста, обучавшегося в советской школе и вузе, то большая часть поступков Царя Иоанна IV действительно предстает в устрашающем виде. Это происходит оттого, что всех нас, независимо от социального происхождения, национальности, убеждений и прочего, приучили считать верными два постулата (первый из них записывали на доске только самые старшие люди, а второй – все мы без исключения): «Мы не рабы, рабы не мы» и «Человек – это звучит гордо». Кроме того, нас воспитывали атеистами, и поэтому даже те, которые стали верующими в зрелом возрасте, внутренне восстают против того, чтобы быть чьими-то рабами, даже Божьими, и гордятся принадлежностью к человеческому роду. Между тем, сама христианская идея о власти православного Царя требует от нас полностью отказаться от этих двух заблуждений. Мистическая суть православного учения о Царе заключается в том, что если Царь представляет собой власть, полученную от Бога, то ни один человек, в том числе и сам Царь, не может лишить ее сакральности и благодати. Это не является чем-то похожим на католический догмат о непогрешимости папы Римского: в нашем случае Царь может и ошибаться, и не вести праведный образ жизни – но никакие его поступки не могут быть основанием для каких-либо санкций против него, потому что он подвластен только суду Божьему. Это скорее напоминает православное же учение о том, что вместо нерадивого священника Литургию невидимо служат Ангелы, а сам он, какой бы образ жизни ни вел, осуждению со стороны мирян не подлежит – но тем более суровый суд предстоит ему перед Богом. В отношении Царя долг подданных – в беспрекословном подчинении, причем этот долг рассматривается как *религиозный*.

Письма Иоанна Грозного кн. Курбскому свидетельствуют о том, что он прекрасно понимал божественную сущность царской вла-

сти, но воспринимал ее не как собственное исключительное право казнить и миловать по произволу, а как «Божие тягло», возложенное на него. После измены Курбского, к 1564 году положение вещей в России стало нестерпимым – и внутреннее, и внешнее. Польский король Сигизмунд, по совету Курбского, не жалевший казны, чтобы возбудить против России всех ее врагов одновременно, поставил Курбского во главе объединенного войска литовцев, поляков, прусских немцев и ливонцев, численностью около 70 тысяч человек. Это войско с запада приближалось к Полоцку. В Рязанскую область хан Дивлет Гирей вступил с 60-тысячным войском. Само существование России оказалось под угрозой. Внутри нарастали нестроения: в Новгороде и Пскове практически вся правящая верхушка и большинство иереев были заражены т.н. «ересью жидовствующих», нити заговора тянулись в Москву и за границу – под удар была поставлена сама основа Русского царства. «Ересь жидовствующих» - ни в коем случае не ругательство, а официальное название данной ереси, которая не была «обычной», а больше напоминала, по утверждению митр. Иоанна (Снычева), «...идеологию государственного разрушения, заговора, имевшего целью изменить само мироощущение русского народа и формы его общественного бытия». Внутреннее содержание их учения состояло в том, что они «...отвергали Троичность Бога, божество Иисуса Христа, не признавали церковных Таинств, иерархии и монашества. То есть главные положения ереси расшатывали основы основ благодатной церковной жизни – ее мистические корни, догматическое предание и организационное строение». Тем не менее, адептам данного учения предписывалось внешне сохранять христианское благочестие, стремясь с его помощью проникать в государственные властные структуры и приобретать все большее и большее влияние. С подобными ересями Европа была к тому времени хорошо знакома, и одной из целей Инквизиции была именно борьба с ними. В России данная ересь широко распространилась в конце XV века и в течение тридцати четырех лет охватила широкие слои духовенства и высшего боярства. Россия находилась в реальной опасности, т.к. приверженцем ереси стал даже митрополит Московский Зосима и мать на-

следника престола княгиня Елена. В какой-то момент заговор был настолько успешен, что еретики едва не получили «своего» Великого Князя на престоле. Наиболее активным духовным борцом против ереси выступил преподобный Иосиф Волоцкий, основатель монашеской обители с особо строгим уставом, непримиримый противник любых посягательств на Церковь. Его последователи и ученики стали называться Иосифлянами. Заслугами этих и других подвижников благочестия ересь была разоблачена, но не разгромлена. Казни подверглись только самые отъявленные еретики, остальным была предоставлена возможность покаяния. Просчет заключался в том, что «ересь жидовствующих» вполне допускает и даже поощряет ложные клятвы для своих последователей, что со временем и подтвердилось: разбежавшиеся по России еретики не покаяться и не исправились, а положили начало новому витку заговора, который как раз и набрал силу во время царствования Иоанна Грозного.

И в такой ситуации Царь предпринял неслыханный шаг: помазанник Божий решил испросить разрешения народа на дальнейшие действия. Он понимал, что действия эти должны быть безотлагательными и жесткими и, по всей видимости, считал, что внешне можно добиться послушания, но необходимо осмысление народом своего религиозного долга перед Царем и страной, чего ни в коем случае нельзя добиться силой.

В начале зимы, никому ничего не объясняя, в сопровождении только семьи, самых ближних бояр и приказных людей, Царь вдруг уехал из Москвы в неизвестном направлении. Позже стало известно, что им было совершено паломничество по всем окрестным монастырям и святыням, после чего царь остановился в Александровской слободе, в 112 верстах от Москвы. Ключевский пишет: «Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычные занятия: лавки закрылись, приказы опустели, песни замолкли...» Потом, когда прошло первое оцепенение, люди буквально возопили. Им показалось, что мир перевернулся, и они гибнут оттого, что Царь оставил их. В начале 1565 года гонцами было доставлено в Москву 2 грамоты: одна – митрополиту Антонию, сообщавшая, что царь не может более «изменных дел терпеть», а

другая, многократно прочитанная на площади, адресована была простому люду, и в ней особо подчеркивалось, что царской опалы на народе нет. К митрополиту постоянно шли устные и письменные обращения людей всех сословий, и все их прошения можно, по данным митр. Иоанна (Снычева), выразить примерно такими словами: «Пусть царь казнит своих лиходеев: в животе и смерти воля его; но царство да не останется без главы! Он наш владыка, Богом данный: иного не ведаем». Выбор народа был сделан. Конечно, можно списать его на то, что народ тот был «невежественным и темным» - особенно если противопоставить его западным, «просвещенным» народам, которые менее чем через сто лет после описываемых событий начали устраивать революции и сносить головы своим королям. Так или иначе, царь вернулся - и... многие его не узнали. Он сильно постарел, казался очень больным, поседел и поредели волосы и борода. Вероятно, нелегко далось ему решение, принятое за последние месяцы. Царь объявил об учреждении опричнины.

Ранее опричниной назывался остаток государственного поместья, оставляемого для прокормления вдове погибшего воина, притом, что все остальное отходило обратно в казну. Иоанн Грозный назвал опричниной города, земли и даже улицы в Москве, которые переходили под личное и безусловное управление Царя, причем состав опричных земель менялся, часть их возвращалась в земщину, откуда к опричнине присоединялись новые территории. По замыслу царя, через опричнину со временем должна была пройти вся Россия, и видимой ее целью было совершенное уничтожение родовитого боярства, сохранившего свои старые удельные притязания, и замена его дворянством - новым сословием служилых людей, награждаемых Государем исключительно за верную службу. Но опричнина - не столько административный термин, сколько духовное понятие. Согласно утверждению Н. Козлова, разделение территории России на опричнину и земщину имело прообразом ветхозаветное разделение Израильского царства на Израильское и Иудейское. Израильское, как известно, не сопротивлявшееся натиску язычества, попало под власть ассириян, а народ растворился среди наций Мидии и Персии, в то время как

Иудейское, сохранившее веру в единого Бога, продержалось до пришествия Мессии. Поставив управлять земщиной своего наместника, Царь как бы объявлял себя самого Царем только «верных», а остальным еще только предстояло заслужить право считаться таковыми - пройдя через опричнину.

Историки, стоящие на позициях Карамзина, утверждают, что опричнина была нужна Иоанну Грозному для разъединения дотоле крепко сплоченного народа, что она была орудием деморализации русского народа перед лицом произвола. За утверждением Костомарова «Если бы сатана захотел выдумать что-либо для порчи человеческой, то и тот не мог бы придумать ничего удачнее» - легко прочесть самый настоящий страх (это спустя два с половиной века после смерти Царя!), а Ключевский доходит до того, что называет опричников «палачами земли».

Для чего же на самом деле была нужна опричнина Царю?

Как талантливый богослов и эрудированный философ, Иоанн IV прекрасно понимал, что имеет дело не просто с враждебно настроенными по отношению к государству людьми, а с врагом, вооруженным оккультными знаниями. Заговоры и мятежи поддерживались тайной оккультной кабалистической силой - и острое опричнины было направлено, прежде всего, против нее.

Регалии опричников - собачья голова и метла - имели явный символический смысл: как метлой, выметать крамолу из пределов государства и, как псы, охранять государя, но у этих символов была еще и другая, не всем понятная сторона. По точному выражению летописи, опричные метлы - это «помялы», которые опричники возили за спиной в колчанах для лука и стрел, и походили они более всего на церковные кропила - орудия духовной брани с невидимым врагом. Собака же - тройной символ. Это может быть «раб, ведевый волю господина своего»; собака в ошейнике, стерегущая овец, имела значение церковного стража, а песьи головы использовались как маски палачей - «скураты». Отсюда прозвище опричного головы и думного дьяка Григория Лукьяновича Плещеева-Бельского (Малюта Скуратов). Также наименование «псов Христовых» в церков-

ном сознании утверждается за апостолами, а через них – за всеми вообще ревнителями благочестия.

«Государева светлость опричнина» замышлялась и осуществлялась царем по совету с державным духовенством иосифлянского направления, т.е. учеников и последователей преподобного Иосифа Волоцкого и считалось ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫМ МЕРОПРИЯТИЕМ по образцу апокалипсической священной войны с силами антихриста. Утверждение опричнины положило начало этой священной войне, а внутренние опричные походы на Тверь и Новгород являлись последовательным исполнением ее заповедей. В этой связи важно понять, что Православное Царство, за которое сражался Грозный Царь, вовсе не есть государство с определенным политическим устройством, а часть особого, миссионерского подвига Церкви, кладущей души своих чад добровольной жертвой за жизнь мира. (По Н. Козлову). Вот почему противоречивые и непонятные действия опричников и самого Царя, соблюдавших в Александровской слободе монастырский устав, но в то же время пытками и казнями выводивших крамолу на Русской земле, находят объяснение, если посмотреть на них под новым углом зрения.

Территориальным центром опричнины стала Александровская слобода. Вот как описывает ее историк Ключевский: «В этой берлоге царь устроил дикую пародию монастыря, подобрал три сотни самых отъявленных опричников, которые составили братию, сам принял звание игумена, а кн. А. Вяземского облек в сан келаря, покрыл этих штатных разбойников монашескими скуфейками, черными рясами, сочинил для них общежительный устав; сам с царевичами по утрам лазил на колокольню звонить к заутрене, в церкви читал и пел на клиросе и клал такие земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. После обедни за трапезой, когда веселая братия обедалась и опивалась, Царь за аналоем читал поучения о посте и воздержании...» Перед нами красочная картина подтасовки, когда серьезный ученый, повинувшись эмоциям, из совершенно ясно поданных им самим фактов делает неаргументированные выводы, еще и применяя такие выра-

жения, как «берлога», «штатные разбойники», «обедалась и опивалась»... Ведь если убрать вышеуказанные эмоции, то мы увидим человеческое сообщество, созданное по образцу монастырского, и ничем нельзя оправдать произвольно включенные оскорбления этих людей. Они конечно, не «обедались», а трапезничали, слушая поучения, хотя бы просто потому, что Царь их был совсем не таким человеком, который поощрял бы скоморошество. Он, собственноручно писавший стихиры и акафисты, употребляемые в богослужениях до сих пор, не допустил бы и намека на подобное глумление над верой.

Новгородский опричный поход не дает покоя историкам до сих пор, как и «убийство» царевича Иоанна, и «приказ задушить» митрополита Филиппа – и все это вменяется Царю Иоанну в особую вину. Попробуем же и мы поразмышлять на эту тему.

В 1569 году Царь получил донесение о том, что Новгород во главе с архиепископом Пименом и «лучшими людьми» хочет передаться польскому королю, с которым Россия состояла в то время в войне, причем соответствующая грамота уже составлена и спрятана за иконой Богородицы в Софийском соборе. Послав доверенного человека в Новгород, царь убедился в справедливости донесения: грамоту нашли в указанном месте, подписи Пимена и других «лучших» людей были признаны подлинными. Кроме этого, православных в строгом смысле этого слова даже среди простого народа осталось не так уж много: «ересь жидовствующих» распространилась в чудовищном масштабе через зараженных ею священников по общинам. Царь должен был проявить «толерантность» и провозгласить «свободу совести»? А может быть, признать право отдельно взятого города Новгорода на «самоопределение»?

Гнев его в первую очередь обрушился на священнослужителей, как и должно было быть при выполнении главной – духовной – миссии опричнины. Всего казнено было около 1500 человек, о чем свидетельствует синодик Иоанна: «Помяни, Господи, души рабов Твоих, числом 1500 жителей города сего». Невозможно допустить, по словам А. Нечволодова, чтобы Царь, отличавшийся вообще большой правдивостью и набожностью, стал бы лгать перед Богом. Пи-

мен был взят под стражу, все его имущество было отобрано в казну, но перед тем он услышал от Царя слова, которые едва ли кто-то дерзнет назвать несправедливыми: «...хочешь нашу отчину, этот великий богоспасаемый Новгород, предать иноплеменникам, Литовскому королю Сигизмунду-Августу; с этих пор ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник нашей царской багряницы и венцу досадитель». В Новгороде, как и всегда и везде, Иоанн Грозный не изменял своему правилу советоваться с людьми, опытными в духовной жизни, имевшими славу святых и праведников. Таким был преподобный Арсений, живший в затворе в иноческой обители на торговой стороне Новгорода. Этот монастырь вообще не подвергся никаким гонениям со стороны Царя, потому что еретического духа там обнаружено не было, хотя Царь с опричниками неоднократно посещал его в то время.

С трепетом и Псков ожидал той же участи, так как там были обнаружены те же ереси и намерения. При въезде Царя в город перепуганные жители, по совету наместника, князя Токмакова, встречали его на коленях у своих домов с хлебом-солью. Существует предание, ставшее уже вполне официальным, что Иоанн встретился с местным юродивым Николаем Салосом и тот, будто бы, предложил ему в пост кусок мяса. Царь отказался и услышал: «Мяса не ешь, а кровь – пьешь?» Это, якобы, заставило Грозного одуматься. Но есть и другая версия.

Преподобный Арсений (иосифлянин), под чьим духовным руководством Иоанн Грозный вершил свой суд в Новгороде, намеревался сопровождать его и в Псков, но при странных обстоятельствах неожиданно скончался как раз накануне отъезда. Царь, тем не менее, направился в Псков и действительно встретил юродивого, скакавшего на палке, но крикнувшего совсем другие слова: «Езжай скорее прочь, если еще помедлишь, не на чем будет тебе бежать отсюда». Почти сразу под Царем пала лучшая его лошадь, и, послушавшись предсказания, обещавшего ему в Пскове беду, Иоанн поспешил выехать из города и возвратиться в Москву. Заговоры и покушения на Царя совершались постоянно, но он всегда умел предвидеть или раскрывать их (и сам был исключительно проницателен, и постоянно советовался с про-

зорливыми старцами, и юродивых слушал, не гнушался), так что и в данном случае возможен тот вариант, что жизни его в Пскове угрожала непосредственная опасность, о которой прикровенно предупредил его Николай Салос.

В Москве сразу же было начато следственное дело о Новгородской измене. После подробного расследования на казнь было выведено еще 300 человек, но казнили только 120 (или даже 116), а 180-ти «кровожадный маньяк, душевнобольной человек» объявил прощение и отпустил. Казнены были даже любимцы Иоанновы – столпы опричнины Басманов и Вяземский: для Царя не существовало «любимчиков», в Божьем деле он хотел быть беспристрастным. Архиепископ Пимен, являвшийся организатором и вдохновителем заговора, был наказан только ссылкой в Венев – так Иоанн Грозный в очередной раз продемонстрировал свое уважение к высшему церковному сану.

Чтобы закончить о казнях. По подсчетам советских историков, в частности, Р. Скрынникова, с момента учреждения опричнины и до смерти царя, т.е. приблизительно за 30 лет, было казнено около четырех тысяч человек. Н. Скуратов указывает цифру около пяти тысяч, добавляя, что погибшие почти все названы поименно в исторических источниках (в основном ими являлись поминальные синодики), и виновны были во вполне реальных преступлениях. Почти все они ранее уже были прощены Царем под крестоцеловальные клятвы, т.е. являлись политическими рецидивистами. По данным В. Манягина, во времена Иоанна Грозного закон карал смертной казнью за государственную измену, убийство, изнасилование, содомию, похищение людей, поджог дома с людьми и ограбление храма (от себя добавлю еще колдовство, Манягиным почему-то не отмеченное). При этом каждый смертный приговор выносился только в Москве и утверждался лично царем, а приговор князьям и боярам обязательно утверждался Боярской Думой. А, например, во время правления Царя Алексея Михайловича (Тишайшего) смертной казнью каралось уже 80 видов преступлений, при Петре Первом – 120.

В то же самое время в европейских государствах правительства также совершали казни и убийства. В Англии лишь за бродяжничество примерно в течение 50 лет повешено было око-

ло 70 тысяч человек, во Франции в Варфоломеевскую ночь погибло 30 тысяч протестантов, в Германии при подавлении крестьянского восстания 1525 года казнили более 100 тысяч человек, при взятии Антверпена Альба уничтожил восемь тысяч, а в Гарлеме 20 тысяч человек, но, тем не менее, никто из государей и правителей не остался в истории как кровавый злодей – кроме Иоанна IV. Причина этого, по нашему представлению, в том, что, совершая казни и разбои, западные правители действовали в государственных или личных интересах, но ни один из них не замахнулся на князя мира сего и его клеветов – оттого и постигла Иоанна Грозного посмертная месть, выразившаяся в оплевании его имени на несколько веков вперед.

Теперь поговорим о событии, «запечатленном» на знаменитой картине Репина. Изначальная версия убийства более похожа на анекдот. Якобы, Иоанн Грозный без предупреждения ворвался в опочивальню своей невестки и застал ее лежащей на лавке в одной рубашке, вместо полагавшихся, согласно правилам благочестия, трех. Очень разгневавшись на нее за подобное непотребство, царь кинулся на невестку с кулаками, а вступившийся за жену царевич Иоанн, получил посохом по голове, отчего скончался на месте. (В скобках стоит заметить, что опочивальня находилась на женской половине Царских палат, что исключало возможность даже для Царя войти туда без предупреждения, да еще и незамеченным добраться до опочивальни так, что царевну никто не успел бы предупредить о приходе свекра. Кроме того, никаких трех рубах женщинам не полагалось: при написании одного из романов автору пришлось досконально изучить предметы женской одежды Древней Руси). История, конечно, забавная, но весьма напоминает современные измышления «желтой» прессы. Была такая и в те времена – но в форме устных преданий, просочившихся даже в летописи. Одно из очень немногочисленных письменных упоминаний о том, что можно с многочисленными натяжками и оговорками назвать «ударом», а вовсе не убийством, содержится в т.н. Мазуринском летописце, и то с указанием «о нем же глаголаху», т.е. «говорят, что». «Лета 7089 государь царь и великий князь Иван Васильевич сына своего большаго, царевича князя Ивана Ивано-

вича ... дебелим воздухом оттрясе (отхлестал плотной тканью - Н.В.) и от ветви жития отторгну остном своим, о нем же глаголаху, яко от отца ему болезнь, и от болезни же и смерть». Ссора между отцом и сыном, скорей, всего, действительно имела место, но ни одна другая летопись или свидетельства современников не указывает на то, что смерть царевича произошла не только во время ссоры, но даже и вскоре после нее. Иоанн умер в декабре 1581 года, а ссора, если она была, произошла годом раньше, причем ни в одном источнике нет и намек на то, что смерть явилась следствием удара. Новгородская четвертая летопись: «Того же году преставися Царевич Иван Иванович на утрени в Слободе». Пискаревский летописец: «В 12 час ноци лета 7090 в 17 день... преставление царевича Иоанна». Морозовская летопись: «Не стало царевича Ивана Ивановича». О возможной ссоре сообщает только Псковская третья летопись за год до смерти царевича: «Глаголют нецыи, яко сына своего царевича Ивана того ради остнем поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова». Снова мы видим здесь это: «некоторые говорят...» В своей книге «Состояние Московской Империи и великого княжества Московского» француз на русской службе Жак Мажерет писал: «Ходит слух, что старшего сына он убил своей собственной рукой, что произошло иначе, так как, хотя он и ударил его концом жезла, но умер он не от этого, а некоторое время спустя, в путешествии на богомолье». Кроме того, как было сказано в самом начале статьи, есть все основания считать, что смерть Царевича Иоанна наступила в результате отравления сулемой. Имеются также и свидетельства того, что и без сулемы царевич крепким здоровьем не отличался и постоянно допускал свою раннюю смерть. Например, он пожертвовал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный денежный вклад с условием, что, если он захочет постричься, его там постригут, а если умрет, то на эти деньги будут поминать. Понимая несостоятельность версии ссоры из-за рубахи невестки, фантазеры от истории придумали еще и другую причину: якобы, царевич, не больше не меньше, возглавил политическую оппозицию курсу отца на переговорах с Баторием и был убит за участие в боярском заговоре. Таких свидетельств

в истории попросту нет, зато есть сообщения современников о том, что царевич политикой не интересовался вовсе, занимаясь ею лишь по обязанности и во всем соглашаясь с отцом, потому что себя самого считал склонным более к духовному деланию. Ему вообще присуща была некоторая «неотмирность». Свидетельство тому – собственноручно написанная им служба Антонию Сийскому, житие чудотворца аввы Антония, похвальное слово ему же, канон и житие преподобного Антония, которого царевич знал лично. В свете всего изложенного версия убийства Царем Иоанном своего сына выглядит настолько сомнительной, что в наше время серьезным историкам утверждать ее правительственность уже просто неловко.

За полной недоказанностью не стоило бы распространяться о двух чрезвычайно запутанных историях: «убийстве» священномученика митрополита Филиппа и преподобномученика игумена Корнилия, но хотя бы упомянуть о них нужно, т.к. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, отрицая возможность канонизации Иоанна Грозного, ссылаясь именно на «умучивание» Иоанном Грозным митр. Филиппа.

Что касается Корнилия, то и дата, и место, и способ, и мотив его убийства варьируются настолько, что можно смело выбирать любую версию и далее руководствоваться только собственной фантазией. Погиб он то ли в Пскове, то ли в монастыре, не то в 1570, не то в 1577 году, не то за переписку с Курбским, не то за постройку крепостной стены, возможно, раздавленный тяжелыми предметами, а возможно – лишившись головы, которую сам (!) потом нес в руках, как ни в чем не бывало, следуя за отрубившим ее царем... Служба святому, где упоминается об «убийстве» была составлена в... 1954 году! Единственное упоминание о смерти Корнилия написано в XVII веке и гласит, что «...от тленного сего жития земным царем предпослан к Небесному Царю в вечное жилище...» - словом, чтобы сфабриковать «убийство» нужна очень злая воля и дьявольская фантазия.

С митр. Филиппом дело обстоит несколько сложнее. А. Нечволодов утверждает, что достоверно одно: «...Филипп постоянно печаловался за осужденных, неустрашимо высказывал Иоанну порицание за его жестокости и образ жизни, и за все это перенес страдание».

Он же говорит, что «принято думать», будто митрополит был задушен Малютой Скуратовым в Тверском монастыре – и сам же довольно невнятно опровергает эту версию, не предлагая взамен никакой другой.

Во-первых, в свете уже изложенного нами, странно было бы думать, что за пустяковые, в общем-то, провинности, Царь так возненавидел митрополита, товарища своих детских игр, впоследствии им же возведенного на Московскую кафедру, что приказал его, уже находящегося в опале и ссылке, еще и задушить, не вписав при этом его имени в поминальный синодик, как делал это всегда.

Во-вторых, имелось немало других людей, кому смерть митрополита была, действительно, не только выгодна, но и необходима. Главным из них был архиепископ Новгородский Пимен, мечтавший занять место Филиппа, большую роль сыграл царский духовник Евстафий, который, видя единодушные государя и первосвятителя, боялся оказаться в такой ситуации «третьим лишним» и утратить доверие и расположение царя. Чтобы найти лжесвидетелей для суда, отправились в Соловецкий монастырь, где Филипп ранее был игуменом. За лжесвидетельство новому игумену Паисию пообещали епископскую кафедру. Обвинения выдвигались смутные и запутанные и, так как никакой серьезной провинности найти не смогли, то предъявили обвинения, касавшиеся жизни Филиппа еще в монастыре. Суд, возможно, сбил царя с толку, митрополит с кафедры был сведен и отправлен на покой со щедрым содержанием - намек на «смертельный» гнев государя не просматривается ни в одном источнике. Но в 1569 году, во время опричного похода на Новгород, опальный митрополит стал опасен – не для Царя, конечно, а для, например, того же архиепископа Пимена, уже подписавшего грамоту о передаче Новгорода под власть Короля Сигизмунда. В ходе расследования, которое должно было вот-вот начаться, могли вскрыться связи Пимена с московской боярской группой, поддерживающей «ересь жидовствующих» и замешанных в заговоре - лицами, с помощью которых Филипп был лишен митрополии – и здесь уже имелся полный резон устранить его. Малюта Скуратов и правда был к митрополиту послан – возможно, за какими-либо сведе-

ниями о Новгородском деле - но в живых его уже не застал. В Четьях-Минях в день памяти святого Филиппа рассказывается о том, что все виновники «казни его» подпали под грозную опалу Царя, и особенно пострадал Соловецкий монастырь, откуда явились лжесвидетели. Паисий был сослан на Валаам, не получив своей вожденной епископской кафедры.

Вообще, обвинение Царя в убийстве митрополита не основано ни на одном заслуживающем доверия источнике. Оно восходит к воспоминаниям иностранцев, Траубе и Крузе, которые даже историк советского периода Р. Скрынников называет весьма тенденциозными, и, кроме того, эти два политических авантюриста настолько запятнали себя всяческими подлогами и изменами, что доверять им невозможно. Другой «свидетель» - А. Курбский, его слова недостоверны по уже указанным выше причинам. Кроме этого, существует Новгородская третья летопись, составленная несколько десятилетий спустя после описанных событий, т.к. о Филиппе там говорится как об уже канонизированном святом. Четвертый источник - Соловецкое «житие», составленного со слов оклеветавших святого монахов и «старца Симеона» - т.е. Семена Кобылина, служившего тюремщиком Филиппа в Отрочьем монастыре и, возможно, замешанного в убийстве. Текст жития содержит множество странностей, и тот же Скрынников утверждает, что текст «давно ставил исследователей в тупик своей путанностью и обилием ошибок». . . Так можно ли, имея такие шаткие и ненадежные источники, возводить на кого-либо, тем более на Царя, обвинение в убийстве? Можно. Если нужно получить очередной псевдоисторический документ, чтобы подшить его к делу рассчитанной и хорошо продуманной клеветы.

До 1917 года, пока открыт был свободный доступ в Грановитую Палату Кремля, любой желающий мог видеть икону Иоанна Грозного, прославленного в 16 веке в качестве местничьего святого. По свидетельствам современников, у иконы непрерывно служились молебны: простой народ почитал Грозного Царя. «И напрасно Курбский, - говорит историк Валишевский, - старался представить Иоанна гонителем, угнетателем невинности; народное творчество приписало ему совсем иное значение: он был и

остается доселе государем, который искоренял крамолу из Русской Земли».

Литература:

- Н.М. Карамзин, «Предания веков», М., 1998
А. Нечволодов «Сказания о Русской земле», СПб, 1913
В.О. Ключевский «Русская история», М., 1993
С.М. Соловьев «Чтения и рассказы по истории России», М., 1989
Д.Н. Альшиц «Начало самодержавия в России», Л., 1988
Р.Г. Скрынников «Царство террора», СПб, 1992
Митр. Иоанн (Снычев) «Самодержавие духа», СПб, 1995
Н. Козлов «Крестный путь», М., 1993
Н. Козлов «Опричина», М., 1993
М.В. Лодыженский «Мистическая трилогия», Петроград, 1914
Статьи из Сборника «Царьград № 1. Материалы к прославлению Иоанна IV (Грозного)»: Л. Тихомиров «Власть как установление Божеское»,
А. Елисеев «Метафизика Царского величия»,
А. Макеев «Альфа и омега русского Самодержавия»,
В. Цветков «Державный исполин»,
С. Фомин «Венценосный гимнограф»,
Л. Болотин «Земная икона Царствия Небесного»,
В. Громов «Карамзин – не икона»,
В. Манягин «Без вины виноватый».

Впервые опубликовано в Сборнике трудов конференции АРСИИ № 5, 2006 г.

Печатается по многочисленным просьбам читателей журнала «Золотое слово»

Наталья ВЕСЕЛОВА

Свет искусства проникает всюду

(Впечатления писателя от речей художников на конгрессе физиков)

Международный научный симпозиум «История оптики и современность»... - собственно, вероятность оказаться в жизни на подобном мероприятии для меня лично в процентном отношении всегда стремилась к нулю: еще в школе черная доска, испещренная белыми созвездиями формул, напоминала мне ясное ночное небо, и все знаки были столь же понятны, как таинственные пути небесных светил. Но вот забросила судьба – на симпозиум. По приглашению доцента нашей Академии Художеств художника Ольги Александровны Поляковой.

Итак, 29 октября 2013 года, в день, который мог бы ознаменоваться очередным историческим наводнением, если б не построили 30 лет назад в Финском заливе спасительную, но варварскую дамбу, я – в Петербургском Доме Ученых. Как же здесь хорошо! Идейная петербурженка, я не в восторге от бело-золотой с зеркалами и амурчиками внутренней отделки большинства наших предназначенных для всеобщего восхищения дворцов и нежно люблю только два из них: Юсуповский и вот этот, реквизированный во время оно у потомков Вел.Кн. Владимира. Люблю за нелогичное сочетание роскоши и уюта, за драгоценные деревянные панели на стенах и потолках, за очаровательные изразцовые печи, за панно Верещагина, дающие возможность не скучать в актовом зале во время оглушительно скучных докладов... Вот Добрыня освобождает пленницу от Змея Горыныча, вот Алеша Попович воюет с Тугариным-Змеевичем... Собственно, Великий Князь Владимир был до самой своей смерти в 1909 году президентом Академии Художеств, которую после него возглавила его жена Мария Павловна... Оттуда сегодня выступают два представителя (и я робко надеюсь, что хоть что-нибудь пойму) – пригласившая меня доцент Полякова и руководитель мастерской церковно-исторической живописи, заслуженный художник РФ, профессор Александр Константинович Крылов. Но... оптика! Это ведь – линзы? Приборы? Очки, наконец? Ну, хоро-

шо, передовые космические технологии... И, отчаявшись, ныряю в Интернет. За сведениями по науке физике мне дальше Википедии идти все равно бесполезно... Читаю: «Раздел физики, в котором изучается *свет*, носит название *оптика*... Одной из субъективных характеристик света, воспринимаемой человеком в виде осознанного зрительного ощущения, является его *цвет*»... А я всегда думала, что изучать свет можно только в философском или эсхатологическом смысле, как Свет, Который во тьме светит, и тьма не объяла Его... Свет и цвет его – как, оказывается, просто! И вдруг все физики, инженеры, механики, историки очков и биологи, рассуждающие о свойствах человеческого зрения и строении глаза, начинают мне казаться на конгрессе *лишними*. Вот Александр Крылов и Ольга Полякова – они пришли не напрасно: кому как не им знать все про свет и цвет настоящему, потому что за долгие годы своей подвижнической жизни в изобразительном искусстве оба они выстрадали и то, и другое...

Отвлекаясь от конгресса, – я люблю *цветовой почерк*, если так можно выразиться, Ольги Поляковой. Откуда, например, рассматривая ее монохромную графику, выполненную итальянским карандашом (красновато-коричневым), я точно знаю, какие цвета стоят за этой монохромностью? Вот, например, женщина-искусствовед из Кижей, с ликом Параскевы-Пятницы – у нее глаза льдистые, прозрачно-серо-голубые, светящиеся, как лунный камень? Я у Ольги не спрашивала, я – *знаю*. Притом, что весь рисунок – темно-рыжий. Это как же нужно знать и чувствовать цвет, чтобы, не используя его, создавать полную иллюзию цветного изображения?

Доклад Ольги Поляковой называется «История использования оптических законов при создании трехмерного изображения в рисунке». Я никогда не сталкивалась с картинками, о которых рассказывает Ольга: теми, что видны только с определенного ракурса и при помощи специального бокового зеркала – такие картины-загадки, картины-сюрпризы, когда художник намеренно выстраивает оптико-

геометрические иллюзии. Благодаря докладу Ольги, я лучше теперь понимаю название романа В. Набокова «Камера обскура», где в такую «камеру» великий насмешник от литературы превратил самого героя – лишившегося зрения и отражающего в полной темноте образ возлюбленной в перевернутом виде... Скажите пожалуйста, а такое невинное и полезное изобретение, с помощью которого художнику проще переносить эскиз на большой размер... Перспектива у Леонардо да Винчи, благодаря Ольгиному докладу, тоже предстает передо мной совершенно иначе: раньше мне казалось, что живопись Возрождения, собственно, еще допускала ошибки в пропорциях и перспективе, свойственные художникам даже позднего Средневековья; живопись не как творчество, а как наука переживала тогда свою еще не устоявшуюся юность... Нет, Леонардо да Винчи ввел и успешно применял приемы намеренного искажения сетки перспективы, таким образом совмещая творчески эмоциональные задачи и реалистическое изображение, узнаю я. Ну, конечно, я же педалирую в своих романах иные человеческие чувства или качества, намеренно несколько сгущаю события и эмоции, то есть *искажаю* реальный ход и темп человеческой жизни – так надо, и я не задумываюсь над этим. А оказывается, в любом искусстве работают эти принципы – принципы оптики, и вопрос, *под каким углом смотреть*, приобретает вовсе не риторическое значение.

Живопись Александра Крылова (не церковная) мне душу не согревает. Она ранит. Его почти всегда холодная цветовая гамма, резкая манера письма, эти угловатые, перекрученные позы персонажей, иногда практически невозможные, но необходимые в данной ситуации (картины «Мать», «За правду»); даже в, казалось бы, эмоционально нейтральном портрете Ю. Ломана – и то ощущается надлом, не то притягивающий, не то отталкивающий.

Оптика, оптика, всюду эта оптика, коль скоро она вмонтирована у нас в голове в виде чудесного устройства – глаза. Когда Крылов упоминает Древний Египет, с которым вошла в плодотворный контакт греческая цивилизация, моя память вдруг на миг тоже превращается в камеру-обскуру: в некое наглухо закрытое помещение проникает острая игла луча-воспоминания, мелькает изображение, не исключено, правда, что перевернутое. Это – серебряная пластина, найденная в гробнице

Тутанхамона. Так вот, то была – *фотография*. Фотография, скорее дагерротип, *сетчатка глаза* несчастного девятнадцатилетнего, насквозь больного фараона, сделанная в 14 веке до Р.Х., как полагают, в медицинских целях. Да, конечно, если так, то, как говорится в докладе профессора Крылова, конечно, именно в Египте позаимствовала вошедшая с ним «в плодотворный культурный контакт» Греция «прикладную оптику как способ научного познания и реалистического изображения видимого мира»!

Когда закончился Всемирный потоп, над миром впервые встала радуга, данная Богом человечеству «для знамений». Впоследствии в Египте она была названа священной дугой бога Ра, и именно на последовательности расположения в ней цветов основана та гармония красок, которая была присуща эллинической живописи, говорит профессор Крылов – а я представляю, как приткнулся когда-то у едва торчащей из воды скалы гигантский потрепанный деревянный короб, в котором открылись какие-то мокрые двери, и сгрудилась в проеме горстка перепуганных древних людей, на тот исторический момент – единственных во Вселенной, – с пугливой надеждой взирающих на небывалый переливчатый мост в небесах... Чудо оптики, тайна, которую тысячелетиями предстоит постигать художникам во всех весях и очень нескоро открыть через нее в живописи сложные системы валёров, «придающих особую красоту и таинственность картинам». Конечно, таинственность. Какое же искусство без тайны? Древняя живопись, говорит Крылов, всегда имела характер сакральный (а я от себя добавлю, что не только живопись и не только древняя), и называет храмовую живопись эллинической поры *оптическим реализмом, священной живописью света*. И только русский народ по-настоящему сумел сохранить ее в любимой иконописи...

В тот день за окнами никакой радуги не было. А было привычное, но все равно каждый раз по-новому величественное наводнение («Господа, призываю всех подойти к окнам и взглянуть на Неву!» - ведущий во время кофемейки). А вот как такое явление в свете законов физики: почему воды Невы – цветом стальные всегда, не только под темно-серым, как мышьяная шкура, сегодняшним небом, но и в самый ясно-голубой летний полдень? Наверное, если бы я внимательней слушала про оптику в искусстве, то нашла бы ответ и на этот вопрос...

Иван ИЛЬИН

Курган в Салхате

Есть древнее пророчество о том, что нельзя вскрывать могилы ВЕЛИКИХ ЗЛОДЕЕВ. В 1940 году в Самарканде учёные вскрыли могилу Тамерлана, а вскоре началась Великая Отечественная Война.

В горах Крыма в 36 километрах от Феодосии (древнего города Кафы) расположен городок Старый Крым (древний Салхат). Слева у дороги расположен курган, под которым в 1380 году был похоронен Мамай, после его бегства с Куликова поля. По версии некоторых учёных историков, генуэзцы выдали Мамай убийцам, подосланным ханом Тохтамышем, и Мамай был зарезан на базаре города Кафы (Феодосии). Генуэзцы выдали труп Мамай в его ставку в Салхат.

Мамаев курган

*На кургане маки в мае
Над могилою Мамай,
Будто кровь не позабыта,
Что убийцами пролита.*

*Ехал в Кафу на базар,
А попал он под мазар*.
Избежав публичной казни,
Под плиту с арабской вязью*

*Лёг, бесславно, под курган
Богатур** и гураган***.
Не в лихом, честном бою
Потерял он жизнь свою.*

*Не на поле Куликовом
Пал под конские подковы.
Не под саблю угодил,
Не в Непрядву кровь пролил -*

*Нож убийцы, как барану,
Взрезал горло гурагану.
Схоронили богатура,
Но крепка его натура.*

*В прах сгниют Мамай кости,
Но останется горсть злости.
Надо только кровью капнуть
Иль плевком заразным шваркнуть,*

*И над Доном и Кавказом
Вновь развеется зараза.
По пылинке злость Мамай
Всех облепит, заражая,*

*Захлестнёт весь Киев смута,
Брат на брата встанет круто,
Будет драка на майдане,
Обезумят громадяне!*

*Полыхнут кругом пожары,
Не спасутся, млад и старый,
Как заклятие Тимура,
Мсть Мамай богатура!*

Судьба могилы Мамай

Когда после войны, по приказу Сталина, крымских татар выселили в Среднюю Азию, за пособничество гестаповцам против партизан, то их мусульманские кладбища срыли бульдозером и могилу Мамай тоже. Потом на этом кургане установили геодезическую вышку. Внизу вышки полагается ставить репер из железной трубы. Какую нашли трубу – такую и поставили. А нашли толстую фановую трубу из какой-то разрушенной уборной. В 1996 году археологи из Эрмитажа производили раскопки захоронений этого древнего кургана и временно убрали вышку. Оказалось, что фановая труба нижним концом упирается в могилу Мамай!!!!

P.S. Это было написано в 1996 году на день археолога. Я тогда был в командировке от Эрмитажа, в этой археологической экспедиции. Археологи арендовали большой угловой дом на перекрёстке оживлённых улиц. На моём окне, вместо занавески, был натянут ТРИКОЛОР, который по вечерам ярко светился. Это очень раздражало украинцев.

*Мазар – гробница, мавзолей (тюрк)

**Богатур – богатырь. (тюрк)

***Гураган - зять Чингисхана, то есть тот, кто женился на потомственной чингизидке. (тюрк.)

Сергей НОВИКОВ

Артефакты и лица: история и современность

(О выставке фоторабот Евгения Раевского)

Вдоль 6-й и 7-й линий Васильевского острова, на участке между Большим проспектом и Средним, есть аллея, по обеим сторонам которой высажены лиственницы. Прогуливаясь по ней или спеша по своим делам, пешеходы ощущают особую ауру спокойствия, исходящую от этих необычайно красивых деревьев, в жару дающих прохладу, а в промозглую погоду сдерживающих неприветливый холодный ветер. Аллея сама по себе – достаточная причина для того, чтобы жители и гости Петербурга приехали на Васильевский остров отдохнуть в пространстве одной из городских пешеходных зон. Однако не менее примечательным местом на этом «островке культурного достояния горожан» является библиотека им. Л. Н. Толстого. Она, так же как и многие учреждения культуры, устоявшие благодаря стойкости их сотрудников под агрессивно-бездумным напором поборников сиюминутного перехода к рыночной экономике, осталась верна традициям бескорыстного служения людям, считающим книгу важнейшим средством на пути обретения духовного, эстетического, культурного и научного знания.

В 1991 году в одном из помещений библиотеки была организована художественная галерея «Форум». С тех пор регулярная выставочная деятельность библиотеки позволяет всем желающим знакомиться с произведениями живописи и графики. Эта деятельность существенно дополняет привычный набор библиотечных функций, тем более что некоторые выставки, предложенные читателям и посетителям библиотеки, тематически не связаны с понятием «книга» или, например, с проблемой чтения. Налицо симбиоз чисто библиотечного дела и художественной культуры (в частности, изобразительного искусства), который популяризирует в том числе и собственно библиотечные функции: многие из тех, кто перешагнул порог библиотеки им. Л. Н. Толстого с целью посетить её выставочную галерею, стали читателями и активными участниками мероприятий, ор-

ганизованных сотрудниками этой библиотеки.

Свидетельством расширяющегося влияния библиотечного института на общекультурные процессы, способствующие в том числе и формированию активной гражданской позиции, стала выставка художественной фотографии «Здесь всё перемешалось и живёт...» (2–27 февраля 2014 года). Автор работ, представленных на выставке, – известный поэт и общественный деятель Евгений Раевский – родился, вырос и до сих пор живёт на Васильевском острове, предан ему и хранит традиции этого старейшего и, пожалуй, самого красивого района Петербурга. И то, что выставка избранных фоторабот Евгения Раевского проходила в общедоступной библиотеке Централизованной библиотечной системы Василеостровского района, – дань вдохновенного мастера своей малой родине.

Но не будем останавливаться на биографических, поэтических и общественно значимых координатах личности Евгения Раевского – они хорошо известны. Обратимся к его увлечению художественной фотографией, свидетельствующему о желании реализовать потребность рассказать о мире, что открылся поэту, заглянувшему в фотообъектив. Для многих поклонников и друзей поэта это увлечение – новость, однако на самом деле Евгений Раевский занимается фотографией, и в особенности художественной, давно – более того, неоднократно участвовал в художественных выставках наряду с профессионалами, членами различных союзов художников и Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.

Своими размышлениями, связанными с выставкой фоторабот Евгения Раевского, я поделюсь чуть ниже, а здесь постараюсь показать, что подобные выставки, как специфические формы изобразительного искусства, занимают всё большее место в общей системе художественной культуры, являясь своего рода индикаторами тех или иных перемен в сознании людей. Так, на этапе «созревания» пере-

стройки, который хронологически относится к вошедшим в учебники истории периодам «развитого социализма» и «застоя» в исчезнувшей ныне с политической карты мира стране под названием Союз Советских Социалистических Республик, мы наблюдаем явно выраженную тенденцию переоценки форм и жанров изобразительного искусства. Целая армия художников стремится отвергнуть, разрушить, даже опочить социалистический реализм, вследствие известных общественных процессов имеющих идеологическую окраску. Это становится причиной бескомпромиссной борьбы между, скажем так, художниками «официальными» и художниками свободомыслящими. Вспомним также реакцию «главного государственного лица» Н. С. Хрущёва на выставки художников новой формации и «бульдозерное» решение – растоптать, запретить, выслать...

Уйдя в подполье, художники свободомыслящие продолжали «творить, выдумывать, пробовать», а когда снова явили своё искусство народу, выяснилось следующее. Так называемое новое направление в изобразительном искусстве стало развиваться под действием непредсказуемой логики его представителей и, отторгнув все заслужившие мировое признание школы, сползло к деструктивным формам (отмечу, что мы уже наблюдали подобное в предреволюционный и начальный периоды становления новых общественных отношений в России 1910–1924 годов). Впрочем, это не мешало представителям андеграунда реализовывать свои произведения по высоким ценам и пребывать в уверенности, что и новые их работы будут иметь устойчивый спрос.

Но вот парадокс: начиная, условно, с 2000 года на ведущих международных аукционах наиболее востребованными стали картины старых мастеров реалистического направления в искусстве, а также картины русских передвижников, художников «Мира искусства» и художников, пишущих в традициях социалистического реализма. В то же время стал расти интерес к художественной фотографии (как к чёрно-белой с её психологическим эффектом, так и к цветной с её изобразительным эффектом), особенно, если фотохудожник творил в живописной реалистической манере. Ищущая

новых впечатлений публика перенесла своё внимание с выставок, представляющих живопись и графику, на выставки художественной фотографии.

Безусловно, художественную фотографию не следует сравнивать с живописью или графикой – критерии оценки художественной фотографии, так же, как и способы её восприятия, специфичны. С одной стороны, мы имеем право говорить всего лишь о техническом копировании окружающего, в том числе людей. С другой стороны, художник-фотограф стремится «выхватить» у времени и пространства «чудные мгновения», концентрирующие драматический смысл того или иного состояния природы, наиболее ярко отражённое в психологической реакции на него человека: удивление, восхищение, страх, отчаяние – всего не перечислить. Чем талантливее художник-фотограф, тем чётче выделяются в его работах признаки самостоятельного художественного мышления. И однажды наступает момент, когда зритель безошибочно узнаёт «почерк»: потаённые смыслы, проступающие сквозь материальные приметы произведения художника-фотографа, столь индивидуальны, что способны ассоциироваться только с именем сотворившего их.

Выставка избранных фоторабот Евгения Раевского в библиотеке Л. Н. Толстого в полной мере демонстрирует высокий уровень мастерства. Евгений Раевский самым подбором работ сумел обозначить многообразие тем и глубину идей выставки. Духовное начало («Облака и купола») определено философской идеей автора о единении земли и неба, условно материального и безусловно божественного. Композиционно единение прослеживается во всеохватывающей перспективе через купола церквей, переносящих нас из суетного мира в мир иных измерений и состояний. Многоступенчатость перехода обозначена переключкой чистого белого цвета куполов и лёгких облаков, являющегося результатом сложения бесчисленного количества оттенков, и синего неба. Зелёный цвет кроны деревьев уравнивает представленную на фотографии панораму и придаёт ей характер художественного полотна.

Исторический аспект музыкальной культуры представлен фотоработами «Мстислав

Ростропович дирижирует» и «Галина Вишневская: „Голос в голове!“». Не столько портреты, сколько динамичные повествования, транслирующие зрителю позитивный интеллектуальный экспрессионизм двух наших современников. Глядя на первую фотографию, мы ярко ощущаем органичное слияние М. Ростроповича с управляемым им оркестром. Великий дирижер – одновременно и часть оркестра: растворяясь в звуках, словно отражённых безукоризненно настроенным внутренним миром Музыканта, Ростропович сам становится Музыкой. То же самое можно сказать и о Галине Вишневской. Редкий продукт природы, самородок высшей пробы, она постигла все тонкости вокального искусства не через консерваторских знатоков, но через самоё себя. И возможно это стало только потому, что Галина Вишневская со всей ответственностью приняла посланный свыше музыкальный дар, признав тем самым, что помимо сознания, слагающегося из подсознания и собственно сознания, существует что-то ещё. Ведь мы живём в трёхмерном мире. Поэтому логично будет признать наличие **надсознания**, выходящего за пределы обыденной жизни и связанного с высшими творческими и духовными эманациями. Проявляется же надсознание в том, что мы называем вдохновением, и этому таинственному вдохновению Галина Вишневская однажды доверилась...

Неразрывную связь интеллектуально-духовного начала известных современников с реальной жизнью демонстрируют фотопортреты Евгения Раевского, на которых запечатлены: певицы Зара, Нина Мещанинова, Ольга Широкова, Ольга Питериш и Ольга Вардашева, бард Юрий Кукин, актрисы Татьяна Кузнецова и Елена Попова, поэтесса Елена Покровская. Человеческую индивидуальность, проявляющуюся в жестах, в мимике и в пластике, определяют психологические особенности творческих личностей, способных обликом своим, выбором костюма или повседневной одежды и побуждать зрителя к эмоциональному действию, и погружать его в гармонию созерцания. Евгению Раевскому оставалось найти ракурсы, которые позволят воспринимать всех его героев

как часть того яркого и противоречивого мира, в котором мы живём вместе с ними. И эти ракурсы мастер нашёл.

Портреты близких Евгения Раевского представляют значительный интерес уже потому, что неслучаен выбор места съёмки: интимный уголок природы, артпространство или Фонарный мост – именно они выявляют характер каждого персонажа. Изумительно красивая, юная, страстная дочь Виктория. Слегка отстранённый от внешнего мира, сознающий свою индивидуальность сын Антон. Умудрённая жизненным опытом, уверенная в себе дочь Екатерина. И Елена Сакс, чей фотопортрет возвращает к вечной классике жанра – старинному портрету элегантной дамы.

Евгению Раевскому удаются не только постановочные работы. Такой вывод сделает каждый, кто познакомится с теми его художественными фотографиями, которые отражают особенный характер северной природы. «Последний поцелуй» – драматический акт прощания последнего солнечного луча, пробившего почти чёрный занавес неба в своём стремлении коснуться необычайно яркой верхушки зыбкого нагромождения застывшего в полукристалле снега (или это свет городского фонаря вступил в беседу со слежавшимся сугробом?). «Зимняя роза» – иллюзорное произведение искусства, результат случайных соприкосновений солнца, ветра и всё того же снега. «Зимние метаморфозы» и «Сизари», «Снегириное утро» и «Небесная жемчужина» – художник то приближает фотообъектив к исследуемому объекту, то переносит внимание в беспредельную даль.

Серия фоторабот Евгения Раевского, запечатлевших необычайно хрупкие и недолговечные явления природы, на мой взгляд, является идейным центром представленной в библиотеке им. Л. Н. Толстого выставки. Объекты, зафиксированные фотохудожником на плёнку, имеют характер артефактов, созданных независимо от воли человека. И это свидетельство того, что и мир наш, с его четырьмя основными стихиями – огонь, земля, воздух, вода – является божественным артефактом, возможно, единственным во Вселенной.

Внимание: новая рубрика «*Будьте здоровы!*»

Татьяна КОСМИНИНА

Оздоровление по Священному Писанию (перевод с английского одноименной книги Пола Ниссона)

Говорю это вам, чтобы вы спаслись.

Ев. от Иоанна, гл. 5, ст. 34

*...не хочу смерти грешника, но чтобы грешник
обратился от пути своего и жив был.*

*Обратитесь, обратитесь от злых путей
ваших; для чего умирать вам, дом Израилев?*

Кн. пророка Иезекииля, гл. 33, ст. 11

Глава 1

От болезни к доброму здоровью. Твои слова целительны для всего моего тела

*Вовек не забуду повелений Твоих,
ибо ими Ты оживляешь меня*

Псалом 118, ст.

Как я исцелился от неизлечимой болезни.

Выросший в Бруклине, Нью-Йорк, я имел всё, что нужно было для моего возраста и даже с избытком. Моя подростковая «мудрость» позволяла мне делать неправильный выбор, и дело дошло даже до таких вещей, как наркотики и плохие компании, но тогда я понятия не имел, какой ущерб я наносил своему телу своими действиями.

Вот несколько причин, почему я не знал, что я употреблял вредную для себя пищу:

- Мои родители кормили меня обычными продуктами, которые ела вся семья.
- От учителей школы я никогда не слышал о здоровой еде.
- Продукты питания продавались в магазине, расположенном рядом с моим домом.
- Ни один врач никогда не говорил мне, что я должен быть избирательным в пище и внимательным к тому, что я ел.

- И я ни от кого не слышал, что пища может быть здоровой и нездоровой.

Действительно, никто никогда не говорил мне, что пища может вызывать болезни. Так что я никогда не задумывался о связи между питанием и здоровьем.

Когда я был моложе, мои друзья говорили, что у меня хороший желудок, потому что я могу есть всё, что угодно и не болеть. Девушки завидовали, что я мог есть столько, сколько хочется и не набирать вес. Я думал, мне просто везло в том, что я ел ту пищу, которую хотел, когда хотел и как хотел.

Единственная ситуация, когда мой папа мог упомянуть о еде для меня, было: «Я собираюсь в магазин, что ты хочешь, чтобы я купил тебе?». И единственное, когда моя мама упоминала о еде, было: «Что бы вы хотели, чтобы я приготовила сегодня на ужин?».

Теперь я понимаю, что единственная причина отсутствия у меня болезней в детстве, это наша молодость. Потому что, когда мы молоды, мы можем съесть всё что хотим и чувствовать себя хорошо, но когда мы становимся старше, то пища, которую мы ели, будучи молодыми, может стать серьёзной причиной для нас для расстройства здоровья.

Оглядываясь назад, в детство, я вспоминаю, что я ел обычно:

Как только просыпался: четыре замороженных вафли, тосты с густо намазанным джемом

Золотое Слово - 9

и несколько чашек зерновых хлопьев.

Утром: Орешки или печенье

Обед: Пицца, или хот-дог, или гамбургер и газировка

Полдник: Печенье, пирожные, конфеты и различные напитки, подобно содовой

Ужин: Китайская кухня, пицца, чипсы и т. д. Напитки типа газировки.

Перекус: Торт или печенье и разные напитки содовые или газированные.

Перед сном: Содовая или фруктовый сок (не свежевыжатый!)

Заметьте, я не ел ни фруктов, ни овощей. Также обратите внимание, что такая диета обычна для многих людей сегодня. Но тогда у меня не было никаких причин беспокоиться о том, что я ел, потому что чувствовал себя прекрасно, выглядел великолепно и жил отлично.

Став старше, я начал посещать тренажёрный зал, чтобы иметь возможность быть победителем в соревнованиях по спорту. Среди всех моих друзей я был единственным, кто старался делать всё, чтобы заботиться о своём теле. В то время как они играли в игры, я тренировался в тренажёрном зале. В то время как они читали журналы об автомобилях, девочках и деньгах, я читал журналы по бодибилдингу. Я хотел быть пригодным и здоровым, и я думал, что я и был таковым. Я был в состоянии работать со штангой и, наконец, быть победителем в соревновании.

У меня была уверенность, что моя диета в юношеском возрасте, в сравнении с детством, была намного лучше:

Просыпаясь: Бублик с беконом и сыром, яичница, апельсиновый сок.

Утренние закуски: Протеиновый коктейль и булочки.

Обед: Макароны с фрикадельками, картофель фри с газировкой.

Вечерняя закуска: Мороженое или печенье.

Ужин: Стейк или другое мясо с газировкой.

Перед сном: Фруктовый сок.

Так что моё здоровое питание улучшалось. Вам знакома такая диета?

Я чувствовал себя великолепно, так что мне нечего было беспокоиться. Казалось, что у меня

было больше энергии, чем когда-либо, и я был в состоянии сделать больше, чем кто-нибудь другой из сверстников в моём окружении.

Кроме диеты, вот как я жил, когда мне было девятнадцать лет:

5:00 – подъём и поездка на поезде до Нью-Йорка в тренажёрный зал.

6:00 – начало занятий в тренажёрном зале.

7:00 – 17:00 – работа и по завершению работы поездка на поезде в колледж.

18:30 – 21:30 – учёба в колледже.

22:30 – возвращение домой из колледжа.

23:00 – еда и просмотр телевизора в течение двух часов.

1:00 ночи – 5:00 – сон.

Но всё было хорошо. Я чувствовал себя прекрасно, и у меня было достаточно много энергии. Я никогда не пил чай, кофе, так как знал, что это не для здоровья. Да, я уже говорил, что в основном пил напитки типа содовой или газировки и кока-колу, чтобы “встряхнуться”? Только в случае, если вы никогда не слышали о том, что такое напиток под названием «энергетик», так это в пять раз больше кофеина, чем в кока-коле, и если его пить регулярно, то он намного вреднее.

Когда мне исполнилось двадцать, моё здоровье резко стало ухудшаться. Я начал двигаться более медленно, мой вес стал увеличиваться (хотя я по-прежнему выглядел хорошо: мой наметившийся «животик» удачно скрывала одежда). Но самое неприятное – меня начал беспокоить желудок.

Однажды поздно вечером, когда я дома смотрел телевизор, появилась очень ощутимая боль в желудке и тошнота. Я бросился в ванную: меня вырвало с кровью. Мне было страшно, но я никому не рассказывал, надеясь, что этот случай разовый и всё пройдёт. Отнюдь, мне становилось хуже. Я стал терять в весе и похудел с 80 до 60 кг в течение нескольких дней. Моё самочувствие и состояние вынудило меня обратиться к врачу. Сначала мне был поставлен диагноз - пищевое отравление, с которым я не согласился: вы что, шутите со мной? Я знал, что это больше, чем отравление! После того, как я ещё раз посетил врача и сдал кучу анали-

Золотое Слово - 9

зов, у меня признали «воспаление кишечника» (также известный как болезнь Крона или неспецифический язвенный колит), приводящий к летальному исходу.

Врач сказала мне, что продуктивного лечения от этой болезни медицина пока предложить не может, что у меня высокий риск развития рака толстой кишки, и я должен теперь принимать лекарства всю оставшуюся жизнь. И это в мои 20 лет!

Я стал принимать лекарства, но мне не становилось лучше, а всё хуже и хуже. Я предположил, что мой врач не была хорошим специалистом. И пошёл к другим врачам, и сделал всё, что они говорили, и советовали. Тем не менее, мне становилось всё хуже. Появились побочные эффекты на многие лекарства, которые я принимал, что было хуже, чем сама болезнь, которую я пытался контролировать. В конце-то концов, я убедился, что у врачей, с которыми я имел дело, нет методов, способных помочь мне, так что мне пришлось искать другой путь выздоровления.

В какой-то публикации я прочитал, что только изменением питания я смогу вылечить свою болезнь. Я думал, что это не сможет мне помочь, потому что я уже съел столько всякой пищи. Когда я увидел список продуктов, которые нужно избегать, я понял, **что** я должен есть! Перестав принимать в пищу некоторые продукты из своего обычного рациона, я стал чувствовать себя всё лучше и лучше. Но полностью здоровым я себя ещё не ощущал. Я пересмотрел свою диету, заменил в ней многие продукты другими, которые я считал более здоровыми.

Я сразу же начал свою программу, переключение моей диеты на вегетарианскую пищу, состоящую из 100 % сырых, спелых, свежих, органических фруктов, овощей, орехов и семян - и прекратил переедать.

Я позвонил своему врачу в Нью-Йорк, чтобы убедиться в правильности моего подхода к питанию, но она сказала мне: «Нет, это очень плохо для вас есть такую пищу». Вопреки ей, я чувствовал, что я на правильном пути.

Я был поражён тем, как быстро восстано-

вится моё здоровье. И в кратчайшие сроки я исцелился полностью. Моя жизнь стала намного проще. С моим новым пониманием «меньше значит больше», я оставил свою должность и написал несколько книг о своей истории исцеления и о программах Центра «Гиппократ». Сейчас я провожу свою жизнь в путешествиях, читаю лекции о здоровье, жизни и просто живу.

Прошёл не один год после первого прочтения Священного Писания и испытанного тогда мною потрясения от открывшихся мне истин. И если бы много лет назад, когда я ещё работал в приёмной офиса, кто-то предложил бы мне читать Библию, исцелиться и оставаться здоровым, я бы сказал: «Нет, спасибо, я не нуждаюсь в этой книге».

Ну, а раз я начал читать его много лет спустя, я убедился на собственном примере, что ПИЩА, предложенная в Писании, о которой Господь сказал нам, - это лекарство для нас, очень близкое к диете в Центре «Гиппократ». Я мог бы сэкономить так много времени и не испытывать так много боли, если бы я обнаружил это сообщение годами ранее. Но Господь имел время по определённой причине, и я так рад тому, куда Он привёл меня сегодня. И это потому, что у меня появилась такая страсть и желание узнать больше о Писании, чтобы помочь людям излечиться от их болезней.

Моя жизнь сейчас посвящена изучению жизни в соответствии со Священными Писаниями и развитию моих отношений с Господом. Я молюсь, чтобы как можно больше людей увидели удивительное сообщение Священного Писания о здоровье и чтобы оно помогло им обрести Знание и Понимание своего Творца.

Я так рад, что хотя мы живём в то время, когда всё больше людей, чем когда-либо прежде, живут по заповедям, написанным в Священном Писании, многие люди идут за ответами к Господу, которые они не могли найти нигде. Сегодня такой огромный выбор для нас, к кому обратиться в случае, когда нужна помощь и когда ослабевает надежда. Но Бог – это единственный правильный путь и единственный источник Знания. Заблуждение многих в выборе авторитета привело к трагическому положению

в мире, это касается и здоровья. Болезни, как считают многие, - это просто испытания от Господа, как данность, и что мы не можем на это влиять: лишь облегчение и *претерпевание* страданий – наша задача.

Считаю, что Писания дают простые ответы, чтобы держать нас в безопасности и вернуть нас к здоровому состоянию. Я написал эту книгу, чтобы помочь всем видеть, что у нас действительно есть Творец, и Он желает лучшего для нас. Мы просто должны верить и быть послушными. Только так мы можем действительно быть здоровыми в этом мире, если будем идти Его путём! Когда глубоко понимаешь и применяешь в своей жизни слова из Священного Писания, дающего нам законы, появляется возможность исцелиться, оставаться здоровым, активным и жить долгой, радостной и полноценной жизнью. Пусть эта книга поможет вам понять это!

Я молюсь о том, что все люди будут благословлены, чтобы полюбить Господа, который с любовью раскрывает через Его Слово то, что является лучшим для нашего здоровья и благополучия.

Чем больше я изучаю Священные Писания и молюсь, тем больше я вижу, как много Господь даёт нам указаний о том, как оставаться здоровым физически, эмоционально и духовно. Я также понимаю более чётко, почему люди страдают от болезней.

Я дал сотни презентаций на тему «Исцеление от сообщений из Писания», и людям помогает это! Некоторые же упускают из виду или отвергают эту информацию, не предприняв попытки проверить это. Вместо этого они выбирают то, что вызывает болезни. Недостаток знаний и лень - вот причины, почему люди продолжают оставаться зависимыми от нездорового образа жизни и страдают от него, не уяснив первопричину своих болезней. Хорошая новость состоит в том, что в наше время информации доступно больше, чем когда-либо прежде, чтобы помочь людям руководствоваться правильными рекомендациями и идти в верном направлении. Это удивительно исключительно замечательное время для того, чтобы люди вос-

становили свои отношения с нашим Небесным Отцом, Господом.

Представляю это сообщение, потому что наш Небесный Отец Господь благословил меня раскрыть данную тему и потому что это работает в моей жизни, моё здоровье было восстановлено! Я хочу поделиться этим пониманием со всеми, кто ищет Его волю. Вы получите благословения, применяя законы, ваше здоровье улучшится, и ваша вера будет расти. Я не могу думать ни о чём другом, что может быть более обнадеживающим.

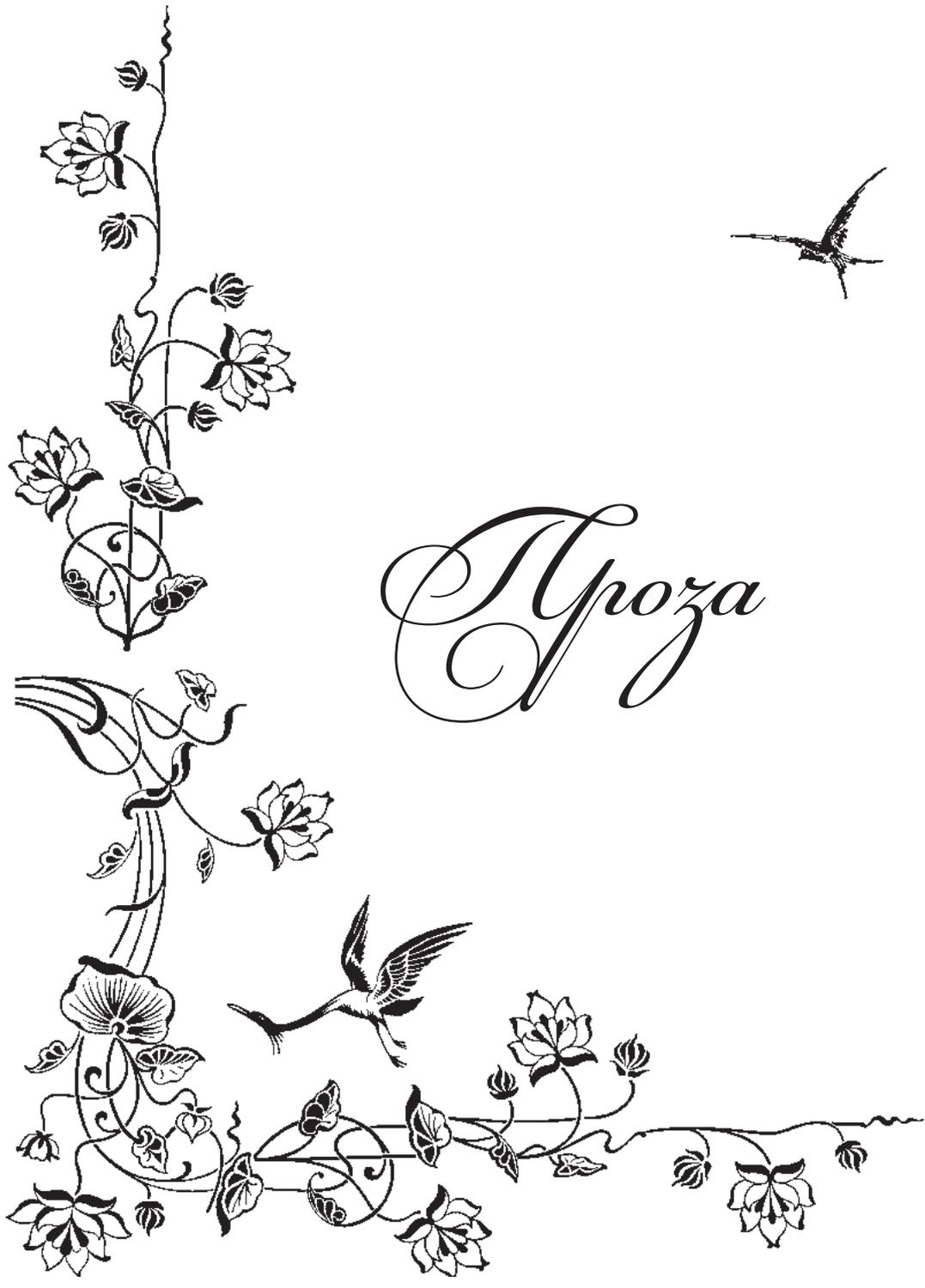
Священные Писания редко прочитывают полностью, то, что написано в моей книге может показаться, что это отличается от того, чему вы были обучены верить. Однако, если вы просто будете читать слова, вы увидите, что я соблюдаю контекст послания Господа.

Многие братья и сёстры, у которых действительно есть в сердце Иисус, такие же больные, как неверующие. Господь хочет лучшего для нас, и у нас есть Его указания, чтобы изменить существующее положение. Нам нужно, чтобы все люди, которые проповедуют Слово Писания, придерживались того, что Он говорит, не пытаясь заменить эту важную информацию любой другой по какой-то причине. Как верующие, мы должны изучать и исследовать Священное Писание, чтобы убедиться в верности того, о чём в нём говорится.

Читайте Писания ежедневно и принимайте меры, чтобы следовать инструкциям.

Настало время, чтобы очистить свою жизнь и испытать истинную красоту и радость чистого учения Бога. Когда вы это сделаете, боль, от которой вы страдаете, уйдёт и наступит радость.

В этой книге я хочу познакомить вас с Божьим лечением и Его лекарствами. Она написана для всех тех, кто хочет испытать Исцеление от Бога и благословение хорошего здоровья. Отложите удобства этого мира в сторону и найдите утешение в истинном Слове Господа. Как только вы это сделаете, вы испытаете улучшение здоровья, предложенное в Священном Писании.

Proza

СЕРГЕЙ ПСАРЕВ

Сотворение мира

Хроники семейной жизни

*Проходит время, и мы прорастаем
в своих детях, как древо жизни.
Это уже не росток, а сильная ветвь будет.
Больно ей и нам больно.
Ломается она, и мы сохнем...*

Тайна Ганеши

- Гляди, как она спит...

Спала она действительно хорошо, его долгожданная внучка. Причмокивала во сне губами, что-то искала и двигала ручками. Маленькие ножки у нее тоже куда-то бежали.

«Вот так, - подумал Азаров. – Еще не умеет ходить, а уже танцует. Не заметим, как вырастет. Это только говорят так, что не замечают. Многие замечают и помнят потом всю свою жизнь. Со временем переживания стираются в памяти или уходят на второй план. С нами остаются только самые дорогие и счастливые минуты...»

Все началось после поездки в Индию, куда ездила отдыхать его дочь Варвара со своим мужем, Виктором. Штат Гоа, бывшая португальская колония. Хороший и недорогой отдых на северо-западном побережье, который еще до португальцев опробовал наш соотечественник Афанасий Никитин, прибывший туда авгостопом по сложному и извилистому маршруту. Бесконечные золотые пески и лазурное море. «Скромная хижина»: вилла на берегу с двумя ванными комнатами, туалетами и спальнями, предложенная по нашим питерским меркам совсем за бесценок. Христианские храмы и потрясающая красочная древняя индийская культура. Добродушные аборигены, преследующие русских туристов с фотоаппаратами, экзотические фрукты и морепродукты. Закаты и шорох теплой ночной волны...

Только вернулась Варенька в Петербург уже совсем другой, что-то произошло с его дочерью. Странное действие тамошнего климата на молодую женщину... Похорошела, словно

свет на нее пролился неземной. Стала она спокойной, какой-то задумчивой. Забежит к нему домой в своем любимом светлом платье и все вокруг становилось радостнее и значительнее. Повела бровью и улыбнулась самой себе, будто разговаривала с кем-то мысленно... А может, тайну какую особую знала, но до срока никому говорить не хотела. На вопросы его она не отвечала, только усмехалась загадочно...

Время торопить не следовало, все само потом открылось.

- Ты говоришь, что я изменилась и похорошела?

Варенька сияла улыбкой и своими карими, с болотной зеленью глазами. Казалось, она опять играла с ним в загадки.

- Пап, я беременна...

- Это уже точно?

- Куда еще точнее, папа. Уже шесть недель...

- Виктор уже знает?

- Конечно, знает. Ты же знаешь, как он этого хотел.

Да, Азаров тоже помнил об этом. Это было у Виктора особой темой после их свадьбы с Варенькой: «Для семьи нужен ребенок, и он у нас обязательно будет».

Вспомнилось, как Варенька впервые знакомила их, а потом спрашивала его о Викторе.

- Как он тебе, понравился?

- Ну, главное, чтобы он тебе нравился...

- Папа, ты мне не ответил.

Было заметно, что самой Вареньке Виктор уже нравился, и это чувство у них обоих было взаимным. Виктор с самой первой встречи произвел на него хорошее впечатление. Они

Золотое Слово - 9

тогда зашли в кафе - уютный подвальчик на Литейном проспекте. Разговоров значительных между ними не было. Поразил только взгляд его, каким он глядел на Вареньку. В нем была какая-то суровость, нахмуренные брови и одновременно детская доброта и наивность. Будто они с Варенькой обменивались признанием и были уже очень важны друг для друга.

- Варя, он тебя любит и чувство у него настоящее. Думаю – это главное. Потом, он серьезный. Есть образование и работа. В общем, мужчина. Для отца, имеющего дочь, все это имеет значение. Понятие «нравится» в таких случаях не та категория. Он не девица, в нашем кругу другие понятия. Конечно, мы с ним разные люди, а как может быть иначе? Он же моложе меня на целых тридцать лет и многое в жизни для него выглядит иначе. В главном мы с ним не расходимся.

Казалось, что этот ответ понравился его дочери больше. Но он еще потребовал уточнения.

- А как ты определил, что он любит меня? Разве это можно понять, так сразу?

- Можно, именно сразу. Я видел, как он тогда смотрел на тебя. Поверь, мне. Что бы у вас ни случилось в будущем, он всегда будет любить тебя. Правда, любовь не обещает готового счастья. Это только одно из его условий, причем не единственное. Любовь еще и беду может принести. А ты-то сама любишь его?

- Папа, «люблю - не люблю», - Варенька подняла на него свои длинные ресницы. - Не знаю, но мне он сразу понравился. Это точно. Наверное, полюблю. Только нужно еще пожить вместе, лучше узнать друг друга.

Пожалуй, тогда Азаров понял ее. В этих словах не было какого-то расчета или неискренности. Она понимала, что это только начало. Нынешняя молодежь, в этом отношении, опытнее их поколения, трезвее в оценках. Наверное, сейчас этому быстрее жизнь учит. Про себя он думал еще и о том, что в таких случаях обычно случается большое счастье или несчастье. Середины здесь не бывает.

Как водится, назначили тогда свадьбу, пригласили на нее родственников и друзей. Потом молодые совершили круиз по Средиземному морю и начались у них будни семейной жизни.

Прошло некоторое время, и Азаров смог убедиться, что не ошибся в своих первых оценках. Этот семейный корабль временами сильно раскачивало и трясло, но он не разбился и на ходу учился держать правильный курс. Друзья в шутку называли этот корабль универсальной машиной Варвары и Виктора Строговых, или коротко – ВВС. Совсем как в одноименной песне группы «Аквариум» Бориса Гребенщикова.

ВВС. ВВС.

Военно-воздушные силы.

Сфера особого внимания.

ВВС.

Универсальная машина.

Универсальная машина.

Ночной полет, поиск пространства.

Погода прекрасна,

Высота десять тысяч пятьсот.

Наши летчики – славные ребята,

Небо их дом...

Они даже Новый год как-то попытались отпраздновать в полете над Атлантикой. Только рейс этот отменили по метеоусловиям.

Заметно, что в разлуке они оба и дня провести не могли. Значит, о любви и чувствах окружающим спрашивать, как бы, и не приходилось.

- Где же можно зачать успешно? Конечно, в Индии или Китае. Уже опробовано на практике. Там же треть населения земли проживает, - рассмеялась Варенька. - А вообще, мы еще заходили в храм к Ганеше и принесли ему фрукты, потом просили о ребенке. Это очень почитаемое в Индии божество мудрости, но его можно просить обо всем. На вид Ганеша такой милый, человек с головой слона. Его нельзя не любить. Между прочим, в этом году у него день рождения в один день с нашей бабушкой. В этот день Ганеше приносят подарки и делают из глины его новые изображения, а старые опускают на дно рек и озер. Так совпало, что у нас не могло не получиться. Вечером, первого апреля сделала тест на беременность. Все молодые женщины знают, как его делать. Для этого есть такая бумажка с полосками... Все и подтвердилось. Выхожу, а Виктор уже сидит на кухне, ждет и

Золотое Слово - 9

стопку крепыша себе налил под закуску из сарделек. Он, говорит, что даже и не сомневался в этом. Теперь ему нужно все обдумать и спланировать. Сам-то довольный, важный такой...

- А когда ты до конца добеременеешь?

- Слово какое у тебя странное... Что ты имеешь в виду?

- Когда живот будет.

- А что тогда?

- Ну, как... Я тогда тебе помогать буду...

В такой торжественный момент будущий папа почувствовал себя создателем, автором невидимого произведения. Новые планы уже витали в его коротко остриженной голове. Ребенка еще нет, но его уже все любили.

С третьего месяца беременности Вареньки он действительно стал внимательней. Несмотря на усталость, приходя домой, брал на себя самую тяжелую работу. Виктор как бы запасся терпением на весь срок ее беременности. Все нервные вспышки Вареньки, слезы и упреки разбивались о стену его сдержанности. У Виктора часто все эмоции запрятаны глубоко внутри. Но он всегда тихонько гнул свою линию. Его прагматичность до поры раздражала Варю. В доме Азаровых бал правили эмоции, многие решения принимались бурно и спонтанно. Зато иногда случалось что-то интересное, сюрпризы. Здесь же все очень предсказуемо. Потом Варя привыкла и незаметно сама стала меняться. Видно, почувствовала себя хозяйкой в новом доме. Скорее, это был тот случай, когда они оба менялись. Становились ближе и оправдывали ожидания друг друга. Сказать, что это происходило легко, будет неправдой. Слишком разными они были.

Сколько раз, бывало, приходила к нему Варя расстроенной. Глаза полные слез, а левый от волнения, даже чуточку косить начинал, немного. Глядя на нее, просто сердце рвалось. Кажется, все у них рухнуло. Только поплакала, выговорилась, и опять ее домой потянуло. А тут уже и звонок по телефону от Виктора. Он, оказывается, волновался, ее спрашивал...

Раньше у каждого было много своего, личного интереса в отношениях. Уступить друг другу трудно, все боялись себя уронить. Иным, чтобы в таком семейном деле разобраться, жизни не хватало. Потом и вовсе, расходились. У

Варвары и Виктора случилось иначе. Со временем у них даже появилась взаимная зависимость. Вроде шли они вместе по жизни, и один другого поддерживал. По-другому жить им уже нельзя, не получалось просто...

Часто потом Азаров задавал себе вопрос: отчего же Виктор так смог повлиять на его Вареньку? Он был довольно робок с людьми и скромн, порою даже терялся в общении. Но если решал что-нибудь, ничего его остановить уже не могло. Тем и оказал Виктор влияние, что полюбил ее. Варенька своим юным женским чутьем очень скоро это почувствовала. Само осознание того, что она может возбудить любовь этого человека, уже поднимало ее в своем мнении. Оказывается, что можно любить так, просто, со всеми твоими достоинствами и недостатками, и ничего не требовать взамен. Кроме того, она скоро почувствовала, что Виктор считает ее необыкновенной, лучше всех остальных женщин.

Если бы Азарову раньше сказали, что можно вот так познакомиться в Интернете, а потом создать семью, никогда бы не поверил.

Все началось с обычного интереса и желания познакомиться. Просто сошлись и жили, только потом по-настоящему узнали друг друга. Получилось, что семейная жизнь у них, вроде лотерейного билета. Их в барабане много красивых, а счастливый только один. Похоже, что оба они вытащили свой билет, счастливый. Правда такой билет легкой жизни тоже не обещал. А нужна ли она, легкая? Может быть, поэтому и ценилась больше, что доставалась трудно. Вот и ребенка вырастить, человека из него сделать непросто. Без всего этого тоже прожить легче. Только тогда и семья не очень нужна, обойтись можно.

Азаров задумчиво разглядывал старую индийскую статуэтку. Ему ее привезли из Индии. Это был Ганеша, бог счастья и мудрости. По словам Вареньки, он еще покровительствовал пишущим и вообще, всем творческим людям. Кажется, действительно сейчас помогал, что-то у него получалось. Он же четырехрукий, его на все хватало. Азаров вспомнил, что его мамушку когда-то тоже хвалили за это. Она везде успевала: на работе, дома по хозяйству. Всегда шутиливо жаловалась, что у нее не четыре руки.

Золотое Слово - 9

Видно, все они тогда слишком мало помогали своей матери.

У Ганеши голова слона. Слон - вообще очень интересное животное. Азаров вспомнил, что Петербург – единственный большой европейский город, в котором нет слона. Раньше он всегда был. Наверное, в нашей жизни, особенно у детей, слон – это нечто большее, чем просто большое животное. Слон безусловный детский любимец, символ доброты, дружелюбия и еще чего-то замечательного. Азарову вдруг показалось, что из-за отсутствия слона дети в их северном городе могут вырасти немного другими. Без очень важной прививки доброты.

Ганешу еще называли устраняющим препятствия, у него даже бивень один сломан. Фигурка была тяжелая, литая. Стоило только потереть ее однажды, и она сразу начинала отдавать свое тепло. С этого момента происходило волшебное действие. Это индийское божество спешило на помощь.

Древо жизни

Незаметно тема беременности Вареньки стала в их семье основной. С нее они начинали свой день, ею и заканчивали. Азаров замечал за собой, что он стал присматриваться к женщинам на улице. Замечал для себя беременных, а потом украдкой следил за ними. Раньше он их почти не видел. Теперь выяснил, что беременных женщин достаточно много. Они, оказывается, стояли рядом с ним в очередях, в транспорте. Их не пропускали вперед и очень редко уступали место. Еще больше на улицах оказалось женщин с маленькими детьми. Они несли их в специальных рюкзаках или везли в колясках, мужественно преодолевая ступеньки подъездов и коварные дверные проемы городского транспорта. Азаров даже посетил некоторых своих знакомых из числа молодых мам. После этого он окончательно убедился, что его навыки обращения с грудными детьми сильно утрачены, хотя и поддавались некоторому восстановлению. Небольшая ознакомительная практика в семьях друзей явно пошла ему на пользу.

Первые три месяца беременности показали Вареньке самыми трудными в психоло-

гическом отношении. Нужно было осмыслить свое новое состояние. В начале ощущений никаких не было. Только голова однажды закружилась. После второго месяца начал устойчиво расти живот. Скоро он перестал влезать в ее любимые узкие джинсы. Потом первое УЗИ на восьмой неделе, где будущей матери показали маленький эмбриончик, у которого билось сердце.

Какой он там, кто же будет: мальчик или девочка? Вот Виктор почему-то захотел девочку. Да это и понятно. Ему для любви одной девочки уже мало. А каким именем назвать ребенка? Вон, Алла Борисовна с Максимом Галкиным своих детей, рожденных в чужой утробе, назвали Елизаветой и Гарри. А у тетушки Вероники в Москве внук Елисей. Всюду принцы, принцессы и королевичи. Видно время такое пришло, чего-то уже не хватило им в нынешней жизни и ее таким образом решили украсить. Вот и у знакомой ему художницы Юлиты, девочку назвали Анелией. Можно еще Анели или просто Нюся... Это в честь ее бабушки, польки по национальности.

Маленькую Анелию нарядили словно барышню в красивые нарядные платья. Будто начало XX века на дворе. Красивые вещи, изящные манеры... Это чтобы выросла такой же красивой, как и ее мама. Между ней и ребенком осталась невидимая связь. Кажется, что Юлита превратилась для нее в живой колокольчик. Еще совсем недавно этот мир жил внутри ее. Об этом Юлита даже написала стихи.

*Внутри меня стучат ладошки
И мой волнуется живот
То сильно, то чуть осторожно...
Во мне вселенная живет!*

Теперь Варенька состояла на учете в женской консультации, и у нее билось два сердца. Ее и будущего ребенка. Она больше не принадлежала только себе и была ответственна за новую жизнь. Бремя, беременность, но никогда не появилось у нее потом ощущение «рюкзака спереди». Своя ноша, как она говорила, не тянет. Зато возникло незнакомое раньше странное чувство раздвоенности, жизни внутри. В ней был сосуд с драгоценной жидкостью для вызре-

Золотое Слово - 9

вания плода. Она несла его очень осторожно, чтобы не расплескать ни одной капли.

Азаров и понимал, что дочка его совсем выросла, теперь скоро сама мамой станет. У него всегда были с ней близкие отношения. Поэтому чувствовал, как собственную часть тела. Получалось единое целое, навсегда связанное с ним невидимыми нитями кровеносных сосудов отношений родства.

- Ничего уже не изменить, - думал он с волнением. - Мы прорастаем в своих детях, как дерево жизни. Это уже не росток, а сильная ветвь будет. Больно ей, и нам больно. Ломается она, и мы сохнем...

Трудно бывает пережить гибель близких тебе людей, едва ли отпустит щемящая боль. Потому что, даже умирая, наши родные не уходят. Травую из земли-матушки поднимаются, а в тебе самом дают ростки и накрепко удерживают своими корнями.

Сколько лет уже минуло с тех пор, а вспомнишь – все как вчера было. Потому что самое страшное, когда жизнь прерывается, но она еще и самое дорогое, если говорить о цене. Одни дарят жизнь в муках, другие ее без жалости забирают...

Теперь он все больше ощущал бег времени, его у него оставалось все меньше. Короток день человеческой жизни. Словно отмерили его по летнему времени, когда на дворе стояла поздняя осень. Азаров все еще открывал для себя что-то новое, уже хорошо понимая, что без радости детей не будет у него счастья.

- Если оно у них есть, значит и у тебя еще не все потеряно, - говорил он себе.

Азаров вспомнил, как когда-то ему стало совсем плохо. Тогда и присмотрел себе в магазине новый костюм. Принес его и повесил в шифоньер. Подумал тогда: «Пусть он там будет, на тот самый, последний день». Так ведь носил его потом, не оставил. Это дочка радости в жизни прибавила...

Однажды ночью он торопился домой. Нужно было успеть, вход в метро закрывался. Эскалатор вез его вниз одного. Перрон на станции Садовой оказался совсем пустой. Объявили по громкой связи последнюю электричку. В это время у него появилось странное ощущение какой-то пустоты вокруг. Может, он один здесь

остался, ведь так много близких людей уже ушло из жизни.

Теперь он проживал так каждый свой день, как последний. Всегда торопился, и поэтому успевал сесть в свой вагон. Сегодня успел. Значит, еще будет в его жизни продолжение.

Поезд нырнул в темное гулкое чрево тоннеля. Те, кто ехали рядом с ним в вагоне, жили по другому расписанию. У них были другие лица и другое время. Тусклый свет и почему-то долго не было остановок. Бородатые усталые музыканты с упакованными в чехлы инструментами и целовавшаяся молодая парочка. Потом звук ушел, будто кто-то выключил стук колес. Возникло ощущение нереальности окружающего. Он тогда не удивился, ничуть, если бы за окном вагона в этот момент появились звезды. Но их не было, просто электричка пришла на свою конечную станцию...

Вареньку на восьмом месяце беременности стали преследовать страшные сны, один за другим, шли по адскому кругу. Будто кто-то говорил ей, что если родится мальчик, непременно случится беда. Потом во сне пришел брат, обнял за плечи, успокоил и сказал, что все будет хорошо. Виктор сказал тогда, что это она нервничает много. Азаров тоже посоветовал ей такой сон забыть и жить легче. Сам-то говорил и себе не верил, что можно на свете легче жить. Не получалось это у них...

Все началось с того, что принесла как-то Варенька показать ему диск, его на обследовании записали. Теперь можно было многое увидеть и оставить себе на память. Двигался аппарат УЗИ, а на экране монитора в цветном формате 3 D им казалось, что ребенок куда-то бесконечно бежал. Уже точно было видно, что это девочка. Вот лицо самым крупным планом. Здесь картинка остановилась...

- Пап! Смотри, как она на меня похожа. Мой овал лица, губы - все мое.

- Точно, - говорит он, - похожа она на тебя, очень даже...

Вдруг что-то словно прострелило его... Перевел он тогда взгляд на портрет сына. Господи, надо же было так. Там же читались его черты. Ошибиться трудно, да и похожи они с сестрой были. Только промолчал до времени. Теперь и Варенька смотрела на портрет, она тоже все по-

няла. Так прорастала в них память.

- Два мира под одной крышей не живут, - сказала потом Варенька. - Сейчас о жизни думать надо.

Поехала в церковь и заказала ежедневное молитвенное поминание Сорокоуст. После этого тревожные сны отпустили.

Кукла Барби

Они вместе гуляли по сверкающему торговому центру. Стекланный лифт поднял их на третий этаж. Варенька с интересом разглядывала детскую одежду. Это особый процесс, который доставлял ей несказанное удовольствие. Блаженство и удивительная сказка одновременно. Крохотные симпатичные комбинезоны, нарядные платьица. В ее детстве такого выбора не было, это точно. Сказка быстро улетучилась, когда Варя посмотрела на цены. Крохотные и ладно скроенные кусочки ткани с забавными зайчиками и лисичками стоили от полутора тысяч за одно изделие. Такого их скромный семейный бюджет просто не выдержит. Поэтому все коляски, колыбели и манежи для ребенка давно уже не покупались, а после нехитрого текущего ремонта передавались молодыми семьями из рук в руки, как факел сочинской олимпиады.

Возле одного торгового стенда с детскими игрушками им было невозможно пройти мимо. Они остановились и принялись с удовольствием разглядывать. Куклы Барби заинтересовали их больше других. Они почти не изменились внешне за минувшие годы. Все такие же, длинноногие и сексапильные красавицы. Только одеты куклы были иначе, мода уже изменилась.

Барби будили воспоминания и возвращали Азарова на двадцать лет назад. Они тогда только приехали в Петербург из далекого южного гарнизона. Поселились вчетвером в крохотной комнатке общежития на Черной речке.

Петербург девяностых прошлого столетия... Он сразу ошеломлял своей имперской помпезностью, кричащей роскошью и нищетой, которая торчала из-за каждого угла. Блистательные архитектурные ансамбли и темные подворотни с кучами зловонного мусора. Толпы празднично гуляющих по Невскому проспекту

иностранцев и скучающие проститутки у отеля Англетер на Исаакиевской площади. Петербург подавлял и завораживал одновременно. Уже потом к ним пришло новое чувство, которому уже нельзя изменить. В нем было осознание того, что лучше этого города быть ничего не может. Это как последняя любовь в твоей жизни, ей уже не изменяют.

За долгие годы в гарнизоне они изрядно изголодались по музеям и театрам. Бросились все это восполнять. Порою сами не верили, что можно так, запросто, жить в таком городе, бродить по улицам вместе с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем и Достоевским, дышать с ними одним воздухом. Конечно, очень манили красивые витрины дорогих магазинов. Они становились для них очередным музеем. Слишком не по карману все было. Очень захотелось тогда Азарову купить дочери красивую куклу Барби, совершенно непохожую на прежние добродушные игрушки из его советского времени.

Поход в ДЛТ стал для них путешествием в неведомый западный мир. Маленькая Варенька зачарованно смотрела на витрину. Маленькие изящные женщины-куклы с длинными ногами стояли рядами. Все одинаковые, как сестры близняшки. К такому стандарту потом будут стремиться многие женщины. Это, как ординарный уровень воды в устье Невы должен соответствовать нулю Кронштадтского футштока. Все прочее является отклонением от этой нормы. Барби смотрели на них нарисованными глазами и гордо демонстрировали ценники в условных единицах. Тогда они выложились почти на треть его скромной офицерской зарплаты, но никогда потом не жалели.

- Я, наверное, буду хорошей мамой, - размышляла Варенька. - Ребенок уже сейчас меня слушается. Нет, скажи, правда смогу?

- Конечно, ты все это сможешь, - улыбнулся Азаров. - Подумай, чего бы ты сама хотела в детстве? Наверное, не только красивую куклу Барби. Кукла - это только детская мечта. Скорее всего, тебе хотелось иметь счастливое детство. Деньги, сами по себе, мало чего решают. Они только дают много возможностей. Проводи с ней больше своего времени, и она станет твоей половинкой. Дети очень тонко чувствуют тех, кто их любит по-настоящему. Учи ее всему, что

знаешь сама. Тогда у нее будет лучше развитие, меньше проблем в подростковый период.

«Зачем я ей все это говорю? – думал тогда он. - Известные и прописные для всех истины. Каждый раз мы словно заново открываем себе нашу жизнь...»

Варя с самого детства выглядела немного старше своих сверстников, часто рассуждала по-взрослому. Она очень торопилась вырасти и стать самостоятельной. Сейчас, в своем новом качестве, Варенька временами напоминала ему умудренную опытом старушку. Слишком нетерпливой и рассудительной она стала. Видимо, постигла она сейчас главную мудрость природного бытия.

Суррогатная мама

На дворе XXI век. Сеть Интернета пестрила объявлениями о суррогатном материнстве, дело давно поставлено на поток. В медицине появился новый прибыльный бизнес. Кто-то дорого покупал яйцеклетки, искал доноров ооцитов модельной внешности.

У американских и европейских пар возрос спрос на молодых женщин славянского происхождения.

Броские рекламные проспекты предложений: «Чрево на прокат». Есть предложения без посредников: «Стану сурмамой для вашего ребенка». Разброс цен мог поражать воображение: от 2-х миллионов до 200-х тысяч рублей.

Ему захотелось понять, что же толкает на это женщин, и что они потом чувствуют. Азаров легко нашел объявление в Интернете. Они свободно общались. Наталья, ей 29 лет. Живет в Харькове. Имеет одного ребенка с 4-ой группой крови. Замужем. Она согласна выносить чужого малыша за 28 тысяч долларов.

- Дорого? Это риск моему здоровью и стоимость вашего ребенка. Зато все официально. Все риски и обязанности сторон будут прописаны в договоре. Не в первый раз, у меня все хорошо получается. Здоровая женщина, пройду все анализы. Вредных привычек не имею, не курю и алкоголь не употребляю.

- Вы замужем?

- Да, замужем. Муж к этому нормально относится. Только в первый раз ругался, сейчас

уже привык.

- Не скажете, почему занимаетесь этим?

- Вначале мне очень требовались деньги, не было работы и нужно было просто продержаться. Женщины этим чаще всего занимаются от безысходности. Сейчас у меня уже совсем другое отношение. Это моя работа, и я могу делать ее профессионально.

- Простите, а какое чувство вы испытываете к ребенку, которого вы носите?

- Своим ребенком я его не чувствую сразу, здесь совсем другое. Ощущение какой-то обязанности, что ли... Потом я обычно постоянно общаюсь с его мамой по телефону, это тоже помогает. Грудью ребенка почти не кормлю, его забирают родители и переходят на смеси. И вообще, когда люди сдают свою кровь, то не говорят, что это выглядит странно. Наоборот, такие люди всегда пользуются уважением. Они помогают спасти жизни. Мы тоже своим здоровьем платим за рождение чужих детей.

Этот разговор произвел на Азарова какое-то странное впечатление. Эпизод из нереального, фантастического фильма о жизни биологических роботов. Женщина – инкубатор, какое-то раздвоение личности. Ты человек и это твое тело, а носишь в себе чужого ребенка. Мама тоже не ты, другая, тебя просто используют.

Азаров давно взял себе за правило не судить окружающих. Так делать всегда проще. Просто он не все принимал в этой жизни.

Легко ли быть женщиной

Женщина всегда может стать объектом повышенного внимания, молодая мать – еще чаще. Любое событие на этом фоне приобретает особое звучание.

В жизни женщины всякое может случиться. Бывает, что воспитывает ребенка одна, без мужа. Разве можно сегодня этим кого-то удивить? Иногда банально не хватает средств и помощи ждать неоткуда. Отчаявшись, на все пойдешь ради своего ребенка. А тут тебе еще и поликлинике говорят, что заберут его, потому что воспитывать не имеешь права. Еще получается, что возможность иметь ребенка у нас скоро станет привилегией обеспеченного человека.

Золотое Слово - 9

Как-то в новостном блоке в социальных сетях сообщили, что задержаны две молодые одинокие женщины на съемной квартире. Обе имели малолетних детей и не работали. Торговали героином, а за дозами к ним выстраивалась целая очередь. Одна из этих задержанных оказалась к тому же еще и беременной. Говорят, что соседи по лестничной площадке не выдержали и сообщили о наркоторговле в полицию. Жуткая история и оправдать никого нельзя...

Азаров по мере своих сил всегда старался помогать своим знакомым и близким. Тем, кто больше нуждался в тот момент. Людей никогда нельзя доводить до крайности. Про себя он называл это своим очищением души. Делал это Азаров всегда тихой сапой, не веря в благотворительные вечера. Природа таких мероприятий ему была хорошо известна. Это уже точно, не его. Конечно, окружающий мир трудно изменить. Мы самих себя этим иногда меняем.

Не сказать, что его здесь не обманывали. Такое было. Азаров, тонкий и ранимый, переживал разочарования и старался скорее забыть о них. Иногда с ним случалось настоящие приключения. Ему запомнился один такой случай. Было это лет двадцать пять назад в военном гарнизоне. Азаров тогда возвращался домой со службы. Время было позднее, декабрьский мороз пощипывал за уши. У газетного киоска стояла девочка лет десяти и обращалась к прохожим за помощью. Кажется, она просила денег. По тем временам - это событие совершенно необычное. Хотел было отвести ее домой - отказалась. Адрес свой не сказала, что-то удерживало ее. Зато с ним, совсем незнакомым человеком, девочка пошла охотно. Привел он ее к себе домой, накормили и уложили спать. Ему запомнились глаза девочки. Какой-то странный и недетский был у нее взгляд. Больно взрослой она ему показалась для своего возраста. О происшедшем Азаров сообщил утром в милицию. За ней скоро приехали. Женщина лейтенант милиции терпеливо старалась вникнуть в суть дела.

- Не бойтесь, вот так, приводить с улицы незнакомых детей домой?

- Неужели можно проходить мимо? Это же ребенок...

- Она уже была у нас в отделении и постав-

лена на учет. Не все так просто. Эта девочка не просила у вас помощи. Она так предлагала вам свои сексуальные услуги за деньги. Потом, это же грязь, улица, а у вас есть свои дети. Конечно, спасибо вам за равнодушие.

- Думаю, что в жизни нужно опасаться другой грязи. А где же ее мать?

- Мать ее ведет антиобщественный образ жизни. Она пьет, водит домой мужчин. Мы уже предупреждали ее...

Азаров пережил шок, все это стало для него настоящим потрясением. Потом был суд, где мать лишили прав, а саму девочку направили в детский дом. После этого Азарова пригласили работать в общественную комиссию по делам несовершеннолетних. Там он узнал для себя еще много нового, о чем тогда не рассказывали по телевидению и в газетах...

Самое тяжелое в нашей жизни - это унижение и постоянный страх за себя и близкого тебе человека. Азаров ехал как-то в трамвае и услышал разговор. Не так, чтобы подслушивал, а просто деваться от него было некуда. Разговаривала одна молодая пара.

- Знаешь, как страшно становится матерью, если ты совсем одна, без мужа?

- Но я же останусь твоим другом. Хочешь, я буду приходить к вам по воскресеньям? Я умею общаться с детьми.

- Нет, тогда лучше совсем ничего. Ты же никогда не хотел этого ребенка.

- Ты зря обижаешься. Я ведь не говорил, что ребенок мне не нужен. Конечно, я не против, если ты так решила. Просто сейчас это будет не вовремя. Пойми, у меня творческая профессия, еще нужно найти себя. Есть мысли, искания разные. Это же конец всему будет, быт заест.

Вышли они вместе у станции метро «Пионерская». Только пошли не рядом, а как-то отстраненно, вроде каждый сам по себе.

Зато подруга Вареньки, Ленка, она же Лиса, взяла и рискнула. Она из отчаянных женщин и многие называют ее безбашенной. Личная жизнь у Ленки сложилась не сразу, зато детей уже полное лукошко. Ей-то теперь что, она всех с умом раскидала. Одного в школу, второго в детский сад, а третьего в ясли отправила. Сама спешит на работу. Пробила себе через депутатскую приемную трехкомнатную квартиру. Еще

и посмеивается над Варенькой: «А ты что, на одном ребенке так и застрянешь?»

С некоторого времени Азаров стал замечать, что улыбчивых людей вокруг него очень мало. Чаще всего на лицах окружающих написана суровая замкнутость, озабоченность. Улыбающиеся и счастливые лица среди них, как солнечный блик на асфальте в пасмурный день. На таких людей даже оглядываются на улице.

Как-то вышли из дома с дочерью, а на встречу им шла женщина. Лицо у нее было совершенно застывшее, как серая маска. Какая-то отрешенность и испуг в глазах. Замечали, как смотрит бездомная уличная собака? Она боится и прячет глаза. Это было что-то похожее. Задавленное, нераскрытое женское начало... Только столкнувшись лицом к лицу, он узнал в ней свою соседку. Они тогда поздоровались и обменялись какими-то незначительными фразами. Соседка улыбнулась и снова стала прежней, той, которую Азаров всегда знал, обаятельной и излучающей тепло женщиной. Просто на это мгновение из нее ушли тревожные мысли и бесконечные заботы. Получалось, что от этого очень зависит, как будет выглядеть женщина.

Иногда о женщине говорят, что она неожиданно расцвела и похорошела. Чаще всего за этим стоят перемены в ее жизни.

Одна его хорошая знакомая как-то поделилась своим недавним разговором с дочерью. Очень она ее расстроила.

- Мам, у меня будет ребенок.

- От кого?

- От Мишки, конечно.

- А вы что, помирились?

- Нет, не помирились. Но мне от него ничего больше не нужно.

- О Боже, почему я такая несчастная мать? Мне что, всю жизнь от вас терпеть? У меня уже сил больше нет...

- Мама, не начинай, пожалуйста. Он же тогда самым лучшим был. Остальные еще хуже. У меня сейчас появился смысл в жизни, когда ребенка в себе почувствовала...

Варенька однажды спросила его, что он сам думает о любви?

- Наверное, без этого не стоит жить вместе. Правда, в жизни не все так просто. Со временем от нас уходит первое чувство увлеченно-

сти, в страстности можно тоже что-то потерять. Это как твоя юность, она не бывает вечной. Зато потом приобретаешь в семье заботливого и внимательного друга. Это зрелые отношения и они часто больше и не меняются. Могут только усиливаться.

А что сейчас сама чувствуешь, ты сильно изменилась?

- Наверное, я теперь больше стала домашним человеком и женщиной. Важно было почувствовать свою территорию и начать создавать уют. Это же лучший рецепт, чтобы завоевать мужчину. Ты даешь ему полную свободу, а он уже не хочет от тебя уходить. Ему теперь лучше дома, с тобой...

- Тогда что же такое счастье?

- Наверное, это твое внутреннее состояние. Когда тебе просто хорошо и хочется жить для близкого тебе человека.

- Ты стала очень взрослой, Варя...

- Скорее всего, такой меня делает ребенок. Это большой толчок в сознании, потому что с этого момента уже не отвечаешь за себя одну...

Хочет женщина быть красивой...

Варенька не без оснований относилась к красивым женщинам. Как же иначе, если все об этом говорили, а кто-то из подруг откровенно завидовал? Нет ничего удивительного, что с самых первых дней беременности она была озабочена своей внешностью. Здесь и кожа могла портиться и этот бесконечный набор веса.

- Папа! Как и где я набрала, ты конкретно мне скажи, - Варя встает перед большим зеркалом в дверке шифоньера и критично осматривает свою фигуру.

- Мне кажется, что вот здесь и здесь, - Азаров обводит линией по ее фигуре.

- Понятно. Так и скажи, что везде, - Варенька огорченно вздыхает. - Бедрa после рождения ребенка, конечно, станут шире, но это совершенно нормально. Над всем остальным придется основательно поработать, чтобы привести себя в порядок. Опять занятия йогой, фитнесом и сяду на строгую диету.

Быть в порядке для Вареньки означало вы-

глядеть, как на обложке глянцевого журнала. Ей 27 лет и очень хотелось знать, как она будет выглядеть завтра. Сегодня известно, что многое из этого заложено в наших генах. Тогда в ход пошли старые альбомы, Варя внимательно изучила бабушкины фото. Кажется, понравились. В их роду женщины всегда отличались хорошей внешностью и крепким здоровьем. Появилась уверенность, что можно сохранить свою фигуру и молодость на долгие годы.

Теперь она внимательно рассматривала моих виртуальных подруг на страничке в Интернете.

- Скажи, а кто это?

- Это корректор нашего журнала «Чувства без границ» Алла Пеле.

- Она красивая женщина. Я бы тоже хотела потом так выглядеть. Это же на все сто. И еще... Тебе не кажется, что она похожа на одну актрису?

Азаров только одобрительно кивнул в ответ, потому что и сам об этом думал.

- Могу даже сказать на какую именно. Это Ингеборга Дапкунайте, даже улыбка ее.

- Точно, она. Хороший европейский стиль. Мне даже сейчас можно собой заниматься. Ходьба, йога, балетный станок и так до пятого месяца. Так поддерживают нормальное кровообращение и избегают отека. А еще йога помогает готовить свое тело и мышцы к родам.

У Вареньки и сейчас не было особой диеты. Она всегда так питалась. Варя ела те же продукты, только немного больше чем раньше. Иногда даже позволяла себе немного сладкого. А что если этого хочет сам ребенок?

Можно было определенно сказать, то общий вес их семьи почти никогда не прибавлялся. Варенька прибавляла в ходе беременности, а Виктор безнадежно худел от семейных забот.

По определению самой Вареньки живот рос у нее уже в геометрической прогрессии. Скоро она пришла к неутешительным выводам. Совершенно не радовал выбор одежды в магазинах для беременных. Хотелось прилично выглядеть, но это не очень получалось. Всегда приходилось стоять перед выбором, что же купить: удобное или красивое. Вместе это как-то совсем не сочеталось. Выбор делался в пользу удобной одежды, просто сама жизнь толкала к

такому выбору. Отдельной темой была стоимость одежды для беременных. Она, видимо, теперь относилась к какому-то эксклюзиву и была значительно дороже обычной одежды. Очень быстро замечалось, что на всех этапах беременности, многие вокруг очень хотят заработать на этом дополнительно.

Азаров безуспешно пытался убедить Варю в том, что она прекрасно выглядела внешне, что беременность ее совсем не портила. По его убеждению, некоторая полнота только добавляла ей женственности. Он приводил ей классические примеры воплощения беременных женщин и молодых матерей с младенцами в живописи и скульптуре и сам себе показался очень убедительным. У его дочери на этот счет, оказывается, уже было свое особое мнение.

- Девяносто процентов женской красоты в этот период состоит из мужского воображения, - довольно категорично заявляет она.

Варенька внимательно рассматривает себя в зеркале.

- Что здесь может нравиться? Лицо округлилось, а на первых сроках появляются неприятные прыщи. Разве это красиво? Понятно, что это необходимые издержки сегодняшнего положения. Растет грудь, отдает болью. Спать на спине уже нельзя, только на боку. Иначе ребенок может задохнуться.

Хоть какая-то отдушина для нее – консультация у гинеколога. Это Сергей Юрьевич, тридцатилетний современный молодой человек. Варенька быстро пришла к выводу, что гинеколог - это сугубо мужская профессия. У Сергея Юрьевича всегда хватало терпения и такта выслушать бесконечные жалобы, понять внутреннее состояние молодой женщины. А как же иначе? На своем рабочем месте он погружался во все это в самом прямом и смысле слова. На весь период беременности – это был гуру и самое доверенное лицо. Ему можно было звонить, скинуть вопрос в Интернете в любое время суток.

Милый мой ребенок

Отдельной темой стала реакция окружающих на ее новое состояние. Диапазон эмоций оставался самым различным. Иногда он зашкаливал от восторга или откровенного пошлого

Золотое Слово - 9

чувства зависти. Это последнее, ее больше всего пугало. Женская зависть – плохое чувство. Нередко даже сердитый взгляд, слово, неосторожно брошенное, вызывало тревогу. Если чего-то сильно ждешь, то начинаешь верить во все приметы, к старушке врачующей молитвой и заговором поедешь. Ищешь любую защиту. Зато ее любимые подружки уже визжали от восторга и терли ее округлившийся живот как волшебную лампу Аладдина. Вместо джинна в таких случаях из себя выходила Варенька.

- Спрашивать об этом нужно, хочется бить подружек по рукам, - обижалась будущая мама.

Срабатывал материнский инстинкт, и она с тревогой прикрывала живот от такого повышенного внимания.

- Тут по траве ходить страшно. Вдруг ребенку сделается больно, - доверительно сказала Варенька.

Мужчины в этом отношении были проще устроены. Эмоций у них меньше, зато решения появлялись вполне конкретные. Их друг Артем, более известный в их кругу, как Монтгомери, придя к ним в гости, решил, что наступила пора и ему заводить детей в своей молодой семье. Столь же однозначен в своих выводах был дружкой их товарищ - Антон.

Вот и Машка Домбровская, давняя ее подружка, вышла замуж. Вроде, за итальянца, но он почему-то по-итальянски не говорил и жил на соседней улице. Зато уже шубу молодой жене купил.

- Скромность красит человека в серый цвет, - заявляла Машка и ни в чем себе не отказывала. Она уже четыре года работала в ювелирном салоне на Васильевском острове и знала толк в разных женских штучках. Для того чтобы завести ребенка, Машка давно созрела. Только до ее беременности было еще далеко.

- Я тоже хочу себе такую шубу и сапфировый гарнитур, - мечтает Варенька.

У Виктора на лице в этот момент написано: «Поставил себе в уме галочку. Нет, еще две галочки».

- Ходит по комнате мой маленький пузатый генерал, - острил он по адресу любимой жены. – В вашем роду все мелкие?

- Ты не понимаешь самого главного, - улыб-

нулась Варя. – Маленькая женщина - просто создана для любви. У нее всегда больше выбор мужчин.

Интерес к Вареньке рос все больше. Подруга Катя уговорила ее стать свидетельницей на свадьбе, не обращая внимания на беременность.

- Это даже хорошо. Непременно с животиком нужно быть, может, это счастье принесет.

Так получилось, что и сама невеста на свадьбе была на сносях. Ее родители потом домой увезли, а жених все еще оставался поддерживать компанию. Не факт, что потом домой к невесте поехал. На тридцатой неделе о своей первой брачной ночи говорить вроде уже не приходится.

Сцена на свадьбе произошла комичная. Пришел туда после работы муж Вареньки. Рост у него больше шести футов, одет в элегантный английский костюм. Девчонки даже через стол перегнулись, разглядывая его.

- Варя, зачем тебе одной такой большой муж? – не удерживается от вопроса долговязая и возрастная Ленка...

Ответ на такой вопрос не последовал. Варенька только снисходительно посмотрела на нее. Неужели до сих пор не знает?

Что и говорить, если даже их черная кошка Багира приходила потрогать таинственный животик Вареньки и тонко улавливала происходившие в нем движения. Ей, стерилизованной смолоду, тоже хотелось посмотреть.

- Багира, чего коготки туда запускаешь? Ты лучше сказку моему ребенку расскажи. Он уже все слышит.

Дочь нежно потрогала свой животик.

- Прости меня, мой милый ребенок. Я тебя не дам в обиду. Никому...

Правда, потом все же случилось одно тревожное событие. Тогда показалось, что на всех тогда навалилось низкое питерское небо и сдавило со всей силой атмосферного столба.

Дело это было в метро. Лента эскалатора медленно потянулась вверх. Варенька пристроилась с левой стороны, где было больше свободного и безопасного места для нее. Сзади кто-то упрямо возился, пытаясь протиснуться. Пассажиры недовольно загудели.

- Чего здесь стоишь, малявка? – окрикнул

ее грузный и не слишком трезвый на вид мужчина.

Варя не успела ответить, как последовал сильный толчок сзади в поясницу. После этого мужчина смог протиснуться и пройти вперед. А у Вареньки круги поплыли перед глазами. Как тогда не упала на движущуюся ленту эскалатора – сама не помнит. Только мысли разные в голове у нее завертелись. Липкий страх проник в душу...

Что же теперь будет? Неужели, это все? Ребенок, там внутри, сильно дернулся и теперь замолчал. Неужели вот так, запросто, сейчас могли убить ее ребенка? Потом была скорая помощь, врачи и два дня между домом и больницей.

- Ваш ребенок жив и не пострадал. Весь удар на себя приняла его мать. Правда, есть гематома на пояснице и руке, - сказал ей седой врач, поблескивая стеклами очков в тонкой оправе. – Все же неделя постельного режима вам не повредит...

Ребенок, который жил за тонкой и натянутой, как барабан стенкой живота давно все понимал и слышал. Он реагировал на просьбы Вареньки, двигался и толкался, когда нужно было показать это деду или отцу.

- Меня что-то на группу «Кино» потянуло. Раньше ведь никогда особенно не слушала. Значит, этого хочет ребенок, он уже сейчас развивается.

Варенька читала хорошие книги и ходила на выставку в Русский музей. Она уже давно общалась с ребенком и реагировала на каждое его движение. Активный толчок изнутри воспринимается ею, как его несогласие с какими-то действиями вокруг.

- Он поворачивается, смотри. Занял новую позу.

Теперь живот самостоятельно двигался и менял форму. Они оба смотрели на это волшебное действие.

Ходить стало труднее. Все же не зря женщинам дают декретный отпуск. За время беременности накопилась усталость, все время хочется спать.

- Скорее бы все это. Вот закрыть бы сейчас глаза и уснуть. Проснуться, когда уже все начнется, - мечтала вслух Варенька. - Да, я пони-

маю, что так не бывает.

А еще через неделю началась очередная сессия в институте.

- Прикинь, - поделилась своими новыми впечатлениями Варенька. – Подходит ко мне сегодня на лекции наш «препод», улыбается хитро и говорит: «Он у вас там уже ножками двигает?» А я ему под хохот всей группы отвечаю: «Нет, она у меня на занятиях мозгами двигает». Так что внучка у тебя должна быть умной. Я сейчас окончила курсы английского языка. Нужно только сходить и забрать свой сертификат. Там у меня 87 баллов. Теперь экзамены и зачеты в институте. Хорошо бы все успеть сейчас. С маленьким ребенком будет уже не до этого. Жаль, что наша вредоносная, старая мырма, она же - старший преподаватель по общей психологии, этого не понимает и предлагает нам приходиться сдавать экзамен в январе вместе с грудничком.

Дома Виктор затеял ремонт, они теперь как обычные городские птахи вили и обустроивали свое гнездо. В квартире устойчиво пахло краской и ацетоном. Вареньке иногда хотелось убежать от всего этого строительства и разорения. Но это все же не стадион «Зенит-Арена» на Крестовском острове, здесь быстрее делалось и каждая копейка была на счету. У Виктора даже 27 октября, на день его рождения, друзья пришли в рабочей одежде. Наметили такую интересную встречу без галстуков. Вначале ремонт, а уже потом все остальное. Высиживать птенцов нужно в надежном и теплом гнезде.

За последнее время Виктор сильно похудел и осунулся. Зато прибавила веса и габаритов Варенька - будущая мама. Поэтому общий вес семьи Виктора и Варвары Строговых оставался почти неизменным. Что не говорите, а ВВС – это универсальная машина...

Сотворение мира

Последние дни показались Вареньке самыми тяжелыми. Теперь ребенок внутри давил на низ живота как мешок с цементом. Его головка настойчиво пробивала себе дорогу в свободный мир, трещали косточки у Вареньки. Ее бедра уже прибавили 10 сантиметров. Теперь казалось, что все очень скоро. У Вареньки теперь

Золотое Слово - 9

42-я неделя и ее все чаще схватывала боль.

- Если меня сегодня не направят в родильный дом, то я начну превращаться в Мясню, - сказала Варенька.

- Это как же? - попытался уточнить Азаров.

- Я прямо в женской консультации начну исполнять танец беременного кибер гота...

Накануне визита в женскую консультацию Азаров дал дочери маленький образок с иконой «Знамение» Божьей Матери из собора Святой Софии города Великого Новгорода. Так, просто, чтобы она волновалась поменьше. Глянула на икону Варенька, а у нее праздник завтра - 10-го декабря.

Так и получилось. На следующий день ее направили в родильный дом. Утром вызвали такси – это по нынешним временам надежнее и быстрее. С роддомом тоже договорились заранее. Так было спокойнее.

Теперь они неслись по Сампсоньевскому мосту. Из окна Вареньке даже показалось, что машина перелетела через Большую Невку. На Петроградской стороне они на время застряли в пробке и потом начали медленно продвигаться со всеми по Большому проспекту. Наконец, справа открылась огромная чаша Петровского стадиона и машина выскочила на широкий Тучков мост. Это, словно взлет и посадка рейсового самолета. Вот и Малая Невка осталась позади. Они уже ехали по Васильевскому острову. Он низкий и плоский, как огромный язык. Можно было даже представить себе, что дома здесь поднимались прямо из воды. Они, словно идущие длинной чередой 30 сказочных витязей, ведомых своим легендарным морским дядькой.

Наконец они свернули на 14-ю линию. Многие старые городские постройки здесь уходят под землю по самые окна первого этажа. Скорее бы доехать уже... Их словоохотливый пожилой водитель только сейчас понял, что он вез беременную женщину в родильный дом. На нем сказывалась долгая бессонная ночь. В результате заехал в противоположную сторону - к Малому проспекту. Азаров с Варенькой спокойно вышли из машины и пошли обратно уже пешком. Это еще метров 800 в сторону Большого проспекта.

Успели... Приемное отделение, на здании

табличка: «Специализированный родильный дом №1, Больница доброжелательного отношения к ребенку». Можно было поверить в это обещание.

Приемный покой, куда каждые пять минут привозили новых беременных женщин. Многие из них выглядели обреченно и спокойно перед своим испытанием. Сопровождающие их родственники волновались заметно больше. На стенах холла сидели комары, как вечное напоминание о том, что Петербург продолжал стоять на болотах. Говорили, что это особый, подвальный вид зимнего питерского комара.

Рядом с Азаровым устало дремал молодой человек с косичкой и красными воспаленными глазами. От него исходил тяжелый сивушный запах. Даже комары-мутанты здесь не выдерживали и молча гибли. Азарова тоже начало подташнивать. Только Варенька ничего этого не замечала. Она спокойно сняла верхнюю одежду и взяла с собой пакеты с вещами. Теперь, кажется, все. Они поцеловались и Варенька ушла. У двери она еще раз оглянулась, и они встретились взглядом. Дальше было ее чистилище и восхождение. Врачи в белых халатах и родовая палата. Белый потолок и белые стены. Жаль, что в этом чистилище XXI века на 20 родивших женщин только один общий душ в коридоре...

Господи! Как же все это больно... В глазах мелькали разноцветные арабески. Здесь все старались делать по команде врачей.

- Кричи милая, легче будет. Теперь тужься, вот так. Дыши правильно. Хорошо.

Губы у Вареньки закушены, а из глаз лились обильные слезы. Тело ломалось, будто его разделили надвое. Это была ее Голгофа, но за нею открывалась дорога в Вечность...

...Вот он – на руках врача барахтался маленький человек. Он весь сморщенный и красный, буянил и кричал. Это был голос ее ребенка. Было без десяти пять утра 11 декабря 2013 года. Свершилось. Стоило навсегда запомнить это время и дату...

- Здравствуй, моя дорогая Варенька! Теперь в нашем родительском полку пополнение. Выглядишь очень хорошо. Да ты ли это вчера рожала?

Золотое Слово - 9

- Папа, это только хороший макияж. Он женщине никогда не повредит. Нужно всегда выглядеть королевой. А вообще мне очень повезло. Дежурила хорошая бригада врачей. Вес у твоей внучки 3400, рост 52 см. Совсем как у меня когда-то...

Молодая мамочка выглядела счастливой и сильно уставшей. Рядом с ней была крохотная темноволосая девочка. Она уже пришла в этот мир и теперь тихонько спала. Значит, не прервалась тонкая струна, цепочка времени, и жизнь продолжалась. Азаров подумал, что в такие мгновения лучше ощущается бесконечность этого мира. Он постоянно обновлялся. Бесконечными были только его страдания. Мир умирал, чтобы заново рождаться в муках. Так зерно падало в землю, чтобы потом прорасти и стать обильным колосом.

Азарову показалось, что он снова твердо стоит на земле, будто появилась у него теперь новая опора в жизни. Ведь когда-то он терял ее...

Ему вдруг захотелось, чтобы рядом с ними навсегда исчезло зло, чтобы мир стал добрее.

- Пусть исчезнут все машины для уничтожения человека вместе с их армиями, ракетами, танками и самолетами, террористами, насильниками и убийцами. Тогда наступит эра милосердия. Разве мир не заслужил этого?

«Нет, - сказал ему внутренний голос, - Так не бывает. Добро и Зло всегда следуют рядом. Как Свет и Тень. Иначе этот мир будет только серым и никто на свете не узнает, что такое счастье. Его не приносит в своем клюве Синяя птица. Пусть к нему всегда один. Нужно выстрадать, чтобы обрести его...»

...Все дальше уносила Азарова электричка его жизни. Много лет позади, все больше накапливалась жизненная усталость. Словно вода в песок уходили последние силы. Вот и увлеченность любимым делом уже не спасала его...

С давних пор Азаров привык делать записи о своих впечатлениях. Рождались мысли, которые оставались с ним навсегда. Они роились в его голове как муравейник, двигались цепочками по подкожным венам и выплескивались на бумагу судорожными знаками, превращались в новые очерки и рассказы. Они заставляли его жить и двигаться дальше. Так у него тоже создавался свой мир...

Гудели стальные рельсы. За окном вагона было темно. Эта линия в тоннеле очень длинная и долго не было остановок. Прямо напротив Азарова сидела девушка. На вид ей лет шестнадцать. Она одета по молодежной моде в курточку и джинсы, длинный кашемировый шарф свил на ее шее огромное гнездо. Здесь же наушники со змейками из тонких проводков. Ехать еще далеко и запись PINK FLOYD делала дорогу намного короче. Девушка спала, и ее совсем не волновал окружающий мир. Потому что она сама часть этого мира, скроенного из суеты городских улиц, грусти расставаний и радости встреч. Она была чем-то неуловимо похожа на его дочь Вареньку и на всех питерских девчонок. Пройдет время и такой же станет его внучка. Будет ли этот мир с ним или без него — это уже совсем не имело значения.

Среди ехавших в вагоне музыкантов была молодая женщина с маленькой трехлетней девочкой. Удивительными были у них глаза. Большие и серо-синие, как северное небо. Женщина задумчиво перебирала струны в поисках нужной мелодии. Словно улавливая его потаенные мысли, она с улыбкой кивнула ему, как давнему знакомому и запела. Это была песня Марии Машук о бесконечности времени...

*Она спит,
А на часах ее бежит время,
А на ее руке дрожат вены,
А на ее лице отражаются сны...*

ЮЛИЙ ТАГЕР

Подарок для возлюбленной Рассказ

В этот день я продолжал делать подарок для возлюбленной девушки. Нужно было ещё много работать, чтобы сделать этот подарок. Постоянно кто-нибудь отвлекал, да и сам я уже так много отвлекался, что был настроен сидеть за верстаком не отрываясь, дабы воплотить в жизнь эту маленькую мечту - желание возлюбленной. Кулон и серьги с перламутровыми рыбками. И начатая работа столь сильно привлекала, что я был спокоен - никто мне уже не помешает.

Я делал этот подарок слишком долго. Девушка могла расхотеть ждать. А я надеялся успеть сделать его и подарить ей на радость.

Накануне к маме приходила подруга, и зачем-то опять притащила угощение для моего котёнка. Я даже не успел ничего сказать, как мой Космонулька слопал её подарочек. Жили мы тогда чуть ли не впроголодь, но домашних животных кормили нормально.

Заработков у меня почти не было, так как не было заказов. Тогда все жили впроголодь.

Куда уж людям было делать ювелирные заказы, на пропитание денег не хватало, детей растить, выживать. Я, в определённом смысле, впервые имел возможность сделать что-то не на заказ, а воплотить свободный художественный замысел вне зависимости от пожеланий заказчиков. Свободный художник воплощал свою творческую мечту в жизнь. Да, изящный гарнитур для прекрасной возлюбленной.

Мама с утра укатила на дачу к другой подруге, и я, сделав все дела по дому, уселся за верстак. Работа увлекла необыкновенно. Я упоённо наслаждался творчеством и трудом в тот момент, когда Космонулька подошёл ко мне и пожаловался. Я понял, что у него болит животик, но подумал - может, обойдётся, пройдёт... Я просто не смог отложить работу и начать ис-

кать телефоны ветеринаров. Я хотел делать этот гарнитур, и даже маленький Космонавт остался без присмотра. Я сказал ему, чтобы он мне не мешал и сидел на стуле, а не у меня на коленях, как он привык.

Я проработал до раннего утра и, ничего уже не видя от усталости, свалился на диван и крепко заснул.

Проснувшись за полдень я сразу же подумал о котёнке. Космонавт - позвал я. Космонавт, Космонулька, иди сюда, где ты...

Никто не отозвался на мой зов, не прибежал, радостно мяукая, и не прыгнул ко мне на руки. Космонулька! - опять позвал я, и пошёл искать его по квартире.

Он лежал на том стуле у верстака, где я просидел всю предыдущую ночь. Я пытался его разбудить, но понимал уже - он не проснётся. Его глаза были открыты и уже не могли видеть - слизистая засохла. Он был в коме, наверное, уже давно. Теперь я вызвал ветеринаров. Врач сделал усыпляющий укол. Делать операцию было слишком поздно.

Мой маленький беззащитный котёнок умер. Существо любившее меня и доверявшее мне, зависимое от меня. Мой ласковый, пушистый, умный Космонулька умер. Ему было всего три года. Он не умел чесаться задней лапкой за ухом, и не точил коготки, как другие кошки. Он родился с каким-то физическим дефектом, и только когда менялись зубки грыз сиденья у стульев, покрывку от дивана и подол маминого пальто. И кроме этого он ничего плохого никогда и никому не сделал. А теперь он умер. Из-за какой-то чужой подачи, за которой я не усмотрел. Которую я не пресёк.

Этот маленький, доверчивый и беззащитный зверёк, мой котёнок, который любил только меня и ласкался только ко мне. Умный, послушный, с необыкновенно кротким и добрым характером. Сумевший напугать глупую и злую овчарку, заслужив её уважение. Чего не смогли ни люди, ни звери в нашем доме. Этот котёнок,

Золотое Слово - 9

родившийся 12 апреля, и потому названный мною Космонавтом. Умер...

Я позвал соседку, и мы пошли на пустырь через дорогу от дома. Там я топором выкопал ямку, и мы похоронили Космонульку.

Подарок для девушки я доделал. Но сейчас я даже имя её редко вспоминаю, с подарком я тоже опоздал.

Но моего Космонульку я буду помнить всегда.

3 ноября 2013

Жила-была девочка

Сказка

Однажды, солнечным августовским утром, на свет родилась девочка. Через некоторое время она подросла, и обнаружила, что она - мальчик. Это было трудно принять, но факт - упрямая вещь. Тогда она стала жить как мальчик. Но через некоторое время она поняла, что она хреновый мальчик, и лучше ей было бы быть нормальной девочкой, чем хреновым мальчиком. Однако факт - упрямая вещь. И девочка решила стать хорошим мальчиком. Но это было очень трудно, так как все многочисленные её друзья, всё время ей говорили, что она хреновая девочка. Сами, правда, были ещё хреннее, включая и мальчиков и девочек, за редким исключением, независимо от возраста. И когда девочка это поняла, она перестала их слушать, и ей стало легче становиться хорошим мальчиком.

Но оказалось, что хорошие мальчики очень быстро превращаются в подкаблучников у девочек, да и у других мальчиков.

И тогда девочка, которая осознала и это, решила стать нормальным мальчиком. Она сделала успешную карьеру, женилась на нормальной девочке по взаимной любви и взаимному согласию, и была совершенно счастлива.

Кстати, когда эти девочки поженились, то обществу они стали вдвое полезнее, потому что их не отвлекали от работы комплексы одиноких девочек и прочие депрессии. Были, правда, завистники, но девочки плевать на них хотели, и

таким образом не усугубляли конфликты.

Вот, собственно, и вся история. Можно только добавить, что у них появились друзья. И эти друзья были нормальными людьми. И две женатые девочки прожили долго-долго, и умерли в один день, в преклонном возрасте, так и не познав одинокой старости. Да и не велика потеря. Ведь главное - это понять чего ты в действительности хочешь, и не бояться этого достигать. Так и честность, способность не лгать себе - всегда была основой самопознания, а как говорится: «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир».

Кристалл лучистых

искр

Рассказ

В детском садике, как всегда, было тоскливо и одиноко. Суetyащиеся, спорящие, ссорящиеся, орущие и визжащие сверстники не только не привлекали моего интереса, а вызвали чувство утомления и раздражения. Я была очень тихим, спокойным ребёнком, совершенно не склонным к агрессии и соперничеству любого вида. Так, в своих грустных часах пребывания каждого прожитого в детском саду дня я каждый день ждала - когда придёт за мной мама и заберёт домой.

Дома было гораздо интересней. Там было намного спокойней и тише, несмотря на жуткую слышимость в огромной коммунальной квартире.

В нашей комнате я могла проводить время интересно для себя. Значительно интереснее, чем в детском саду. У меня были кубики, две мягкие игрушки - собаки, пластилин, краски - что-то, чем я могла заниматься внимательно и сосредоточенно, не боясь, что кто-нибудь вырвет из рук предмет игры, и совсем не нужно было этот предмет просить у кого-то на время, на какие-нибудь пять драгоценных минут, чтобы хоть немного себя занять. Просить что бы то ни было в детском саду я отучилась сразу, ввиду того, что если что-то станешь просить, то ведь жилы вытянут, а всё равно поиграть не дадут. Игрушек у меня было не много, так как

покупать их стоило денег, а мама только-только концы с концами сводила. Но я любила то многое, что было. Особенно любила меховую собаку. Она была очень уютная, и глаза у неё были как настоящие - умные, и нос блестящий. Её можно было положить с собой на подушку, и было приятно и как-то спокойно с этим игрушечным, но всё же другом.

Куклы меня никогда не привлекали, с ними просто не о чем было разговаривать. Слишком они были похожи на девочек из детского сада.

А в один из тоскливых дней в детском саду, я, как всегда, в одиночку топталась где-то в стороне от всех в маленьком дворике, где нас выгуливали в ожидании прихода родителей. И увидела на асфальте, растрескавшемся от проросшего мха, камушек. Нет, это был не простой камушек. Не обломок асфальта, не щебень, не кусок кирпича или гранита. Это был абсолютно белый, чистейший и искристый кусочек детской мечты. Я подобрала его, и он идеально подошёл к моей детской ладошке. Он не был похож на те камушки, что носили в колечках моя тётя и её подруги. Это был словно сгусток звёзд. День был весенний, светило солнце, я вышла на солнечную сторону дворика и подставила камушек под солнечные лучи. И тогда он засверкал всеми своими кристалликами, и его белый цвет на солнце светился сильнее и казался то серебристым, то золотистым, но главное - это сияние было таким чистым и светлым, как может только представить себе чистоту и красоту ребёнок, ещё не видевший в Эрмитаже мраморные скульптуры Родена.

Я налюбовалась камушком и бережно положила его в карман. Я была очень рада своей новой игрушке.

Вскоре за мной пришла мама, и мы пошли домой. Мы миновали Банковский мостик и шли вдоль парапета набережной канала Грибоедова по направлению к Невскому, за которым совсем

рядом был наш дом. Мы о чём-то говорили, но я уже не помню о чём, потому что я захотела разделить с мамой свою радость от новой игрушки. Я вытащила камушек из кармана и протянула его маме: «Мама, посмотри какой у меня красивый камушек! Я нашла его на улице». Мама слегка рассеянно взяла камушек, посмотрела на него и, сказав только: «Ничего особенного», просто бросила его в воду канала.

На долю секунды я словно остолбенела от недоумения. Она не разглядела его красоты и не отдала мне его, а выбросила, даже у меня и не спросив. Но я с детства была с очень покладистым характером и грустно шла дальше рядом с ней, тихо переживая своё маленькое детское горе и утешая себя мыслью о том, что жила же я раньше без этого камушка, буду и дальше без него. А маме не до этого, у неё свои взрослые проблемы.

8 февраля 2014

Дипломатия

*В канале Грибоедова
Кристалл лучистых искр
Лежит на дне — как следует,
Он — память детских игр.*

*От пылкости душевной
И от амбиций злых —
Он станет бурей гневной
В амбициях былых.*

*И, в память о растерзанных,
Он — как укол по нервам,
В последний раз потерянный,
Став виден — станет первым.*

10 декабря 1994

МАРИЯ ОРФАНУДАКИ

Сказочка про Фуфляка

Предыстория возникновения сказочки:

Как-то тёмной сентябрьской ночью мне не спалось. Ночь - это моё самое любимое время суток. Когда легче пишется, чётче думается. Не спалось, в голове внезапно появилось и вынырнуло наружу слово - Фуфляк. Кто такой? Почему не знаю? Стала лениво размышлять, кто же такой Фуфляк и с чем его едят? Немного подумав, решила, что это, бесспорно, имя некоего волшебного существа, сущности. Может быть, и не очень волшебной, а так, немножечко. Сказка ведь вырисовывается. Вдохновение: «Тук-тук» - уже постучалось в деревянную дверку домика. Это оно к Воображению моему в гости пожаловало для совместной работы по написанию сказочки. А потом усядутся они и чаю с пирожными попить, по окончанию процесса творческого. Итак, процесс пошёл. Мои уважаемые слушатели, рассаживайтесь поудобнее и слушайте внимательно родившуюся сказочку. Возможно, это и не совсем сказочка, а что-то среднее, между небылицей и поучительной историей. Итак: далеко-далеко, за двумя морями и тремя реками, в одной не очень близкой отсюда стране - государстве жил один большой волосатый Фуфляк. Жил-поживал, не хуже-не лучше других существ, заселяющих эту страну-государство, а где-то посерединке. Потребности у Фуфляка были достаточно примитивными и потребительскими: сладко поспать, посытнее брюхо себе набить. Подраться иногда за правое дело или же от скуки с каким-нибудь другим Фуфляком. Урвать для себя побольше и ничего не дать взамен. Простая и невыразительная, как пять копеек, жизнь. Незамысловатая. И вот однажды, встав вопреки привычке, с левой ноги, задумался Фуфляк о своём Щастье. Где оно, куда запропастилось? Почему не навещается к Фуфляку в гости? Живёт себе Фуфляк, живёт, а Щастья-то в его жизни особо не наблюдается. Непорядок! Скука заела совсем. Всё одно и то же, день за днём. И стал Фуфляк размышлять, а как ему Щастье

своё достать? Как же приманить его, чтобы оно пришло-появилось в жизни Фуфлятской? Сидел, думу думал, и осенило вдруг его! Ведь всем хорошо известно, что Щастье с неба на голову падает, как манна небесная. Обрадовался Фуфляк озарению внезапному. Взял и полез на крышу самого высокого дома. Забрался, сел и стал ждать своего Щастья, когда оно соизволит прийти-пожаловать к Фуфляку на поклон. День сидит Фуфляк, ожидает свое Щастье, второй, а на третий день утомился от ожидания, носом стал клевать. Дрёма на него навалилась. Вдруг чувствует, как кто-то трогает его за плечо. Обернулся Фуфляк и видит: стоит с ним рядом Пижня какая-то. Сама из себя тощенькая. Бело-брысенькая такая. Волосики реденькие, пуш-ком топорщатся. Ножки - двумя кривулечками. Рёбрышки жалобно торчат. Одета она в лохмотья какие-то, на макушке - бантик завязан, еле держится. Красный, в зеленый горошек. А сама Пижня в носу пальчиком указательным сосредоточено ковыряется.

- Ты кто? - Фуфляк её спрашивает, а сам взволнованно, с замиранием сердца, ответа Пижни ожидает.

- Кто я? - Пижня задорно хихикнула, и вытерла пальчиком козьявку об свои лохмотья. - Я, милый мой друг, Щастье твоё, Фуфлятское. Зачем звал-ожидал?

- Врёшь ты всё! - рявкнул гневно Фуфляк, - не друг я тебе, Пижня убогая! В зеркале-то себя видела, образина? Да не может у меня такого страшного, неказистого Щастья быть!

А Пижня стоит рядом, не отходит от Фуфляка ни на шаг. Стоит и ехидненько так, со злорадством улыбается.

- Какой Фуфляк - такое у него и Щастье, - отвечает ему Пижня.

И стало разом так горько и безотраднo на душе у Фуфляка! Неужели вот этой образины убогой он дожидался так долго? Разве об этом мечтал? Взвыл в голос Фуфляк от отчаянья, разбежался да и сиганул с крыши. И разбился...

Золотое Слово - 9

А Пижня не торопясь, вразвалочку, подошла к краю крыши и осторожно посмотрела вниз, на лежащего на асфальте Фуфляка. Тот не шевелился.

- Фуфляк, он и в Африке - Фуфляк! - передёрнула плечиками Пижня и поскакала вприпрыжку домой, пить чай с шоколадными конфетами.

А вот и не хотим мы такого печального конца сказки про Фуфляка и Щастье его Фуфлятское! Не нужна нам такая грустная развязка! В нашей сказке никто не должен погибнуть! Дурак он, конечно, тупорылый, Фуфляк этот! Но не настолько мы жестокосердны, чтобы ронять его с крыши об асфальт. Да так, чтобы насмерть. Каждый Фуфляк, да и просто Человек, и Фигня всякая, Пижня худосочная: все они Счастливы хотят. Не Щастья, а именно: Счастливы. Ищут его по всему белому свету, ждут. И представляют его все совершенно по-разному. Один - белым облаком, пушистым. А иной - Пижней щупленькой, с бантиком дурацким на макушке. А Фуфляк, если хорошенько в нём разобраться, вовсе и не такой плохой получается. Просто такой вот персонаж некультурный. Грубоватый, хамоватый, одним словом — невоспитанный. Ну, не научили его в детстве хорошим манерам! Что с того? Никогда не поздно измениться в лучшую сторону. Собаки за это за пятки не покусуют. Сидит себе Фуфляк на крыше. Счастливы своё ждёт, морду кверху задрав. Сидит, а в душу его всякие горькие мысли лезут, в сердце дырку чёрную выжигают. И самому так печально сделалось. Всю свою Фуфлятскую жизнь перед глазами неспешно прокрутил, грустную и одинокую. Сидит, аж волком выть хочется. И думает наш Фуфляк: «А кому я, собственно говоря, нужен по большому-то счёту?» Никто-то его не любит, не ждёт. Мало слышал он в своей жизни от других хороших и тёплых слов, одни лишь грубости и колкости. И друзей у него настоящих нет. Один-одинёшенек он на всём белом свете. Ну кто же его полюбит? Такого злого, грубого, неказистого? Не достоин он Счастливы! Не заслужил! Точно Счастливы заслужить можно. Совсем пригорюнился Фуфляк. Выползла из его глаза печального слеза горячая и скатилась медленно по щеке колючей, давно не бритой.

Вдруг чувствует Фуфляк, как трогает его кто-то за плечо. Тихонечко так прикасается. Обернулся и видит: Пижня стоит какая-то. Сама из себя тощенькая. Белобрысенькая такая. Волосики - реденькие, пушком топорщатся. Ножки - двумя кривулечками. Рёбрышки жалобно торчат. Одета в лохмотья какие-то, а на макушке бантик завязан, еле держится. Красный, в зелёный горошек. Стоит себе Пижня, в носу пальчиком указательным сосредоточенно так ковыряет.

- Ты кто? - Фуфляк её спрашивает, а сам уже внутри себя знает правильный ответ. Вот оно Счастливы его долгожданное пожаловало. А Пижня, в носу доковыряв, как возьмёт да и наступит Фуфляку на ногу каблучком остреньким.

- Ты чего это дерёшься? - у Фуфляка от неожиданной боли даже слёзы на глазах выступили.

А Счастливы его хиленькое стоит рядышком спокойненько, сморщив длинный, весь в конопущах, нос. Бантик на макушке от ветра слегка раскачивается.

- Ах, ты, Фуфляк дурацкий! - прошипела сердито Пижня. - С вопросами своими глупыми чего ко мне лезешь? Кто-кто? Конь в пальто! В начале меня в баньке жаркой испарь. Затем чаем напои с пирожными вкусными. А уж после в душу ко мне лезь со своими вопросами бестактными!

И так, глядя на своё Счастливы задохленькое, стало Фуфляку стыдно. Что довёл эту Пижню щупленькую до такого вот состояния плачевного, горемычного. Свалывшегося... Не проявлял о нём ни заботы, ни внимания мало-мальского. Годами не вспоминал! А сам только потребителем был жадным. От Счастливы чего-то ждал, ничего не дав ему взамен. Плохим хозяином оказался Фуфляк своему Счастливы.

Стоит, от стыда провалиться готов под крышу. Глаза свои опустил, не смотрит на Счастливы. Заплакал слезами горькими. Вдруг чувствует он, как за его ладонь могучую слабенькие пальчики берутся, сжимают её. Поднял голову Фуфляк, а Счастливы его в Облако белое пушистое превратилось благодаря раскаянию Фуфлятскому.

ГАЛИНА КОВАЛЬСКАЯ

О чем предупреждал Хэмингуэй

Она сидела у ног истекающего кровью сына и кричала, как раненое животное. Лишь когда прибежавшие на её крик люди сунули ей под нос нашатырного спирта, она перестала кричать и как бы впала в забытьё. Пока ехала скорая помощь и милиция, вся жизнь прошла перед ней, как кадры из кинофильма. В какой-то момент её пронзила мысль: «Это мне в наказание!»

Вспомнилось, как двадцатилетней девчонкой после окончания училища культуры, она была направлена в один из совхозов области на должность завклубом.

- Значит, будешь нести культуру в массы?! – встретил её управляющий совхозом. – Это нам очень надо! Без этого нам не дойти до «конечной цели!» Только вот наши массы, дочка, не простые. Трудновато тебе с ими будет. Они ж у нас все «шахматисты».

– Вот здорово! – наивно сказала она. – Будем шахматные турниры устраивать!

Управляющий расхохотался:

– Это ж не в том смысле. Они ж у нас все, что ни шаг, - то мат. А насчёт турниров-то, дак энтовые турниры у них кажин день: кто больше выпьет. А потом и кулачные бои или ещё хуже - поножовщина. Ты что же не знала, что у нас 101-й километр и рабочие бывшие зэки – кто за что отсидел?! Да вижу я тебя испужал, аж с лица спала! Не бойсь, поможем! Обращайся кажин раз. Комнату тебе дадим, совхоз богатый, всё своё; шо надо, говори, выпишем – и к кладовщику. Сама видишь, како у нас хозяйство: и сад, и пасека, и ферма, птичник, овощ всякая!

Действительно, и место было прекрасное, и хозяйство что надо. Бревенчатые избы для жилья и несколько двухэтажных домиков разместились среди чудесного парка какого-то барона. Столетние деревья различных пород, пруды, ещё сохранились аллея из сирени и берёзовая аллея, ведущая от основной дороги к совхозу. А вокруг леса, подходящие к самому посёлку, богатые разной дичью, грибами и ягодами. Вот

здесь ей предстоит жить и работать среди этих чужих людей. Как-то сложится её жизнь? Когда она шла с чемоданом к своему жилью, бабушки у двери дома встретили её возгласами:

- Смотри, каку кралю занесло к нам! Ты, дочка, знай, народ у нас озорной, не долго тебе в девках ходить-то!

Под клуб был выделен бревенчатый дом с печкой. Сцена, лавки, помещение для кино-механика - всё как надо. Намыла пол, выпростила ткани на занавески, кумача на плакаты. Любопытные заглядывали, кое-кто сплёвывал в сторону, а кто-то предлагал помощь. Привезла из района книги для библиотеки, наладила регулярный показ кинофильмов. Киномеханик приезжал из района два раза в месяц, организовала самодеятельность и даже танцы по воскресеньям. Многие парни и мужики пытались по-своему ухаживать за ней – обнять или хлопнуть по определённом месту, но встретили отпор. Пришлось не раз и оплеуху залепить, но самым надёжным средством оказалась трёхэтажная фраза, которую она выучила у этих же «шахматистов». Когда они её слышали, открывали рты, хватались за бока и от хохота у них пропадало всякое желание её лапать: «Вот это мы понимаем, а то – «культура»! Но, однако, не пропускали ни одного киносеанса. В какой-то момент она устала отбиваться от надоедливых ухажёров, и она начала задумываться о замужестве. Хотелось иметь надёжную спину и плечо, чтобы было на кого опереться в трудную минуту. Но «прынцы» на белых конях почему-то избегали 101-й километр, а вокруг неё гарцевали трактористы-«шахматисты» на своих железных конях или лихие ковбои на совхозных «Саврасках». Выбор пал на одного из них – Семёна Чижова. Он был местным и имел многочисленную родню в этой и близлежащих деревнях, а значит, всегда есть на кого опереться в трудную минуту, как ей казалось. Сыграли свадьбу. Сначала думала – стерпится, слюбится. Завела хозяйство, родила сына. Жили в достатке, он

Золотое Слово - 9

тракторист да ещё заядлый охотник. На столе частенько появлялась дичь, или «свежати́на», как там говорили. Приучил мальчонку к охоте, тот не расставался с ружьём. Но, увы, счастье было недолгим. Всеобщее пьянство захватило и Семёна. Тяжёлая работа с утра до ночи не оставляла времени ни для каких «культурных мероприятий», кроме стакана водки. Выпить, забыться, а утром снова на своего «железного коня» и так каждый день. Она пыталась как-то отучить и лаской, и грубостью, но он от водки зверел и уже стал поднимать на неё руку. Это было невыносимо, и она стала тихо его ненавидеть. Когда он являлся домой грязный, пьяный и валился с ног где-нибудь в прихожей, она, бывало, пнёт его ногой и скажет: «Хоть бы ты издох!» Он и «издох» в одночасье после очередной пьянки. К этому времени сын закончил семилетку и, как отец, стал трактористом и единственной её опорой и радостью.

Между тем, проходили годы. Она привыкла к этим нестандартным массам, и они привыкли к ней. Полюбила свою работу. Было отрадно видеть, как меняются на глазах самые отчаянные. Уже не матерятся и не курят в клубе, всё меньше на полу шелухи от семечек после сеансов. А детвора после уроков просто днюет и ночует в клубе. Её даже стали называть, вместо ироничного «эта культура», уважительно – Зоя Пална. Особенно часто забегал в библиотеку при клубе Вася Тихонов, тихий, скромный, уважительный паренёк. Придёт, сядет в уголке и ждёт, когда народ разойдётся. «Теть Зой, мне бы каку книжку или, как он там, журнал про радио, чтобы можно было починить телик или приёмник». Он слыл в совхозе «рукастым», всё умел, всё пробовал, плотничал с отцом и братьями, осваивал баян и часто подыгрывал хору. Её смущали его короткие взгляды, она была для него высшим божеством, которому он втайне поклонялся. Ему казалось, она знает что-то, что он не знает, и это «что-то» он хотел познать вместе с ней. Не смотря на годы и свою не слишком счастливую судьбу, она была ещё хороша своей зрелой красотой. Свежий цвет лица, яркие губы, карие озорные глаза, пушистый хвост из коричневых волос. Она ещё выдавала в концертах и барыню, и лезгинку. «Теть Зой, - говорил он, - если чо надо – починить, прибить, ремон-

тировать - я сдел». Она доставала ему журналы, он приходил тихий, скромный, бросающий на неё взгляды, от которых её сердце билось чаще. «Что это за наваждение, - думала она, - ведь он почти ровесник моего сына!» Его призвали в Армию и она вздохнула свободнее. «Три года, я постарею, он повзрослеет, всё пройдёт», - думала она. Вслед за Васей ушел в Армию и её сын.

Вася вернулся из Армии возмужавшим, исчезли мальчишеские веснушки, но взгляд оставался таким же наивным и робким. Он всё так же заходил в клуб, стоял в уголке и ждал, когда все разойдутся. Спрашивал «каку»-нибудь книгу или журнал и, дождавшись, когда она пойдёт домой, пытался неловко провожать её. Шёл молча, краснел, когда она обращалась к нему. «Ну, какой же он ещё ребёнок!»- думалось ей, но вместе с тем что-то зрело в её сердце, что-то среднее между материнской любовью и страстью женщины, стосковавшейся по любви.

Его частые походы в клуб уже заметили местные девчата и бросали на неё косые взгляды. Среди них было много претенденток на его руку и сердце, он был завидным женихом в совхозе. Часто бессонными ночами, обдумывая, как ей поступить, она начинала вспоминать что-то похожее из классической литературы или истории. Почему-то вспомнилась Екатерина II и её последний роман с Александром Ланским, который был на 26 лет её моложе. Но ведь это была прихоть императрицы, граничащая с клиникой. Да и в те времена такие любовные истории среди знати были делом обычным и, наоборот, было почти неприлично светской даме не иметь молодого любовника, пажа. А последняя любовь 37-летней Анны Петровны Керн к своему семнадцатилетнему троюродному брату!

«Это всегда было и будет!»- думалось ей. Но в деревне, где ничего не утаишь, это станет предметом всеобщих пересудов. «Может, нам с сыном уехать, поискать счастья в другом месте?» А может быть, ещё проще, воспользоваться испытанным методом и выдать Васильку трёхэтажную фразу, которая много раз спасала её от назойливого ухажёра. «Но нет, только не это, этот мальчик не заслужил такого обращения. Он может возненавидеть всех женщин мира и меня в том числе», - так думала она бес-

Золотое Слово - 9

сонными ночами.

В одну из таких ночей, забывшись тревожным сном, она увидела во сне человека со скиперской бородой, с ружьём за плечами. Он что-то говорил ей, жестикулируя. Она ничего не поняла, просто не знала его языка. Утром, проснувшись, она долго находилась под впечатлением этого сна. Человек из сна показался ей знакомым. Да, точно, она где-то видела его, причём, недавно. Действительно, недавно она перечитала книгу Эрнеста Хемингуэя «Снега Килиманджаро» и на первой странице был его портрет. Зачем он ей приснился и о чём её предупреждал?! Что общего между её прозаической жизнью и его романтической, полной опасности и приключений. Он известный в мире писатель, неординарный человек, обаятельный мужчина, рыбак, охотник. Охотник!! Ружьё за плечами! Вот, что общее между ним и её мужчинами. Так о чём же он её предупреждал?!

Ей хотелось посоветоваться с кем-нибудь, но хотя и были у неё подруги, довериться им она не могла, не поймут. На счастье приехала её навестить сестра. После того, как она рассказала ей свою романтическую историю, та сказала:

- Сестра, не заморачивайся, будь проще. Подумай, что нужно пареньку в его годы от женщины? Ты думаешь твоей души, твоего интеллекта? Так вот, дай ему, что он хочет, может ему не понравится и этим дело закончится.

Зоя подумала: «А сестра, пожалуй, права!»

Жарким июльским днём все вышли на покос. Её покос был рядом с покосом Тихоновых. Василёк, до пояса обнаженный, косил сосредоточенно и споро, но она чувствовала, что он искоса наблюдает за ней. Его молочно-белое тело вызвало в ней желание и чувство восхищения. «Как мраморное!» – подумала она. Через пару часов она направилась к лесу, прихватив с собой бутылку с молоком и кусок пирога. Там была заветная поляна, на которой она всегда отдыхала. Сейчас она была полна ароматом полевых цветов, которые разрослись здесь целыми букетами ромашек, колокольчиков, клевера. Она устроилась под молодой берёзкой и, разомлев на солнце, скоро задремала. Проснулась она от прикосновения, которое, как

током, пронзило её. Рядом сидел Вася. Она привлекла его к себе, поцеловала и случилось то, что должно было случиться между любящими мужчиной и женщиной. Он шептал ей нежные слова, называл Зайкой, что-то лепетал о ЗАГСе. Ей было и грустно, и смешно, и радостно. Они были одни на этой земле – Адам и Ева, и вкусили плод греха, который поначалу кажется таким сладким. А он о каком-то ЗАГСе! Но когда она окончательно пришла в себя, действительность обрушилась на неё, словно каменная стена. Что же дальше? Ведь скоро возвращается из Армии её сын. Думала, что всё закончится этим лесным приключением, но Вася не отступал и стал приходить к ней по ночам. Придёт, когда стемнеет, и уйдёт ещё до петухов. Уже слушок пошёл по деревне. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел, а деревня - то место, где нет секретов. Она с содроганием ожидала возвращения сына.

И вот он вернулся, милый, родной, единственный. Стал работать на тракторе, как и отец. Их встречи с Васей, естественно прекратились, стали от случая к случаю. Она уговаривала его оставить её. Но он говорил, что ему без неё нет жизни, и он будет ждать её сколько угодно. До сына стали доходить слухи, он стал мрачным, начал выпивать и однажды, сильно выпивши, высказал ей всё, что о ней думает, в выражениях, где самым приличным словом было «потаскуха». «Если не бросишь Ваську, я тебя убью!» - повторял он после каждой пьянки. Она плакала, не спала по ночам, и он в пьяной одуре так же рыдал с ней: «Ты позоришь меня и батьку, я тебя убью!» Не зря, видно, снился ей Хемингуэй! Ружьё всегда висело у них в сенях на гвозде, она решила его припрятать. Когда он увидел, что ружья нет, устроил настоящий погром и, не найдя его, ушёл из дома, хлопнув дверью. «Чтобы завтра же ружьё было на месте, иначе будет хуже!» Она вытащила ружьё из погреба, повесила на гвоздь и стала ждать смерти.

А тут ещё эта свадьба! Родственница мужа выходила замуж и договорилась с руководством совхоза сыграть свадьбу в доме культуры. Зое пришлось готовить зал к торжеству, установить столы, лавки, развесить разноцветные шары, подобрать соответствующие случаю пластинки,

Золотое Слово - 9

наладить радиолу. Свадьба проходила в начале сентября, погода стояла отменная, столетние клёны и дубы стояли, как красочные декорации спектакля. Столы ломились от домашних заготовок. Водки было море разлитое. Народу было много, родственников обидеть нельзя, начальство совхоза то же, одноклассников и одноклассников тем более. Горько кричали, наверно, раз 50, не меньше. Уже жених с невестой сомлели от криков и духоты, а остальные после сытной еды и выпивки начали тихо сползать под стол.

Пришлось объявить танцы и переместить празднество во двор. Те, кто помоложе и потрезвее, выгнали лавки во двор. Кто-то крикнул: «Василёк, частушки!». Вася взялся за баян. Сначала частушки были общего плана, что-то вроде:

*С неба звёздочка упала,
Прямо милому в штаны.
Ничего, что всё пропало,
Лишь бы не было войны.*

Или:

*Говорят картошку съели
Колорадские жуки.
Ничего, что нет картошки,
Лишь бы были мужики!*

Потом осмелевшие девки и бабы стали переходить на личности. Пританцовывая и растянув полушалок за плечами, одна из молодых пропела прямо в лицо Васе:

*Василёк, Василёк,
Синенькие глазки,
Не видала от тебя
Ни любви, ни ласки!*

А другая подскочила к нему и пропела:

*Гармонист, гармонист,
Положи меня под низ,
А если будет хорошо,
Положи меня ещё!*

К Зое приблизилась её ближайшая соседка и звонким, крикливым голосом выдала:

*Нас «культура» удивила,
Малолетку окрутила,
С ним ходила на покос,
Целовались в засос!*

Что тут началось! Зоя убежала с поляны в парк, Вася перестал играть. Все загалдели, зашумели, началась драка. Сын Зои подскочил к Васе, вырвал баян, бросил его в кусты, повалил Васю с лавки и начал бить. Все кинулись их разнимать. Недаром же говорят: какая русская свадьба без драки! Вдоволь наматерившись, все стали расходиться. И тут раздался роковой выстрел!

Эпилог

Сын Зои скончался в больнице, не приходя в сознание. Он выстрелил в себя из охотничьего ружья. Вот о чём предупреждал её Эрнест Хемингуэй! Ведь он покончил с собой именно так!

Зоя и Вася поженились и, осуждённые всей деревней, прожили вместе до самой её смерти. Он заменил ей мужа, сына, весь мир, всю Вселенную. Была ли равноценной эта замена? Кто знает...

МАРИНА КАМЕНЕВА

Новая жизнь

Эта звезда умирала. Слишком много в ее ядре накопилось топлива, слишком оно было разогрето, чтобы все продолжало оставаться таким, каким было сотни миллионов лет. Казалось, что она стала похожа на чайник, вода в котором уже начала кипеть, и крышка смешно подпрыгивает сверху. Но, в отличие от чайника, эту звезду никак нельзя было снять с огня, она должна была неумолимо вскипеть и взорваться, став сверхновой. Уже несколько сотен лет звезда словно посылала в космос призыв о помощи, испуская потоками свою энергию, свои лучи. Но, видимо, их мощности не хватало, чтобы кто-нибудь мог ей помочь. Это была агония. Последние атомы газа, находившегося в ее ядре, уже начинали распадаться, а жар стал настолько невыносим, что даже за сотни миллионов километров он чувствовался бы, очутись рядом человек. Но никого рядом не могло быть, потому что эта звезда находилась так далеко от планеты Земля, что даже проживи человечество столько, сколько прожила звезда, все равно, ни один человек и ни один космический зонд не долетел бы до нее. Но что не под силу людям, под силу свету. Лучи энергии, испускаемые звездой, смогли преодолеть миллионы световых лет и увидеть другие галактики, такие, как Млечный Путь. Возможно, еще динозавры могли любоваться на свет далеких вселенных, который долетал до нас. Но динозавры были слишком глупы, чтобы задуматься о том, что же находится там, за пределами их вселенной, которая ограничивалась лесными джунглями их родной земли. В то время, когда динозавры бродили по нашей планете, звезда была еще жива, она светила ярко и была полна энергии. Она наблюдала, как другие звезды, из соседних галактик, превращались в сверхновые или квазары, и не могла представить, что и ее ждет подобная участь, впрочем, как все звезды нашего космоса. Ведь абсолютно все в этом

мире рождается и исчезает, когда приходит его время. Даже звезды.

Казалось, что ее агония будет длиться бесконечно долго, еще сотни и сотни миллионов лет, но все же это был конец. Ее внутреннее ядро было настолько раскалено, что уже не могло сдерживаться. Мгновение, и по газовой поверхности пронеслась будто конвулсия, судорога, заставившая звезду вздрогнуть. Ее оглушающее шипение будто на мгновение замерло, затихло и вспыхнуло невероятно яркой вспышкой. На миллионы километров во все стороны понеслись лучи и обжигающий газ, ранее наполнявшие звезду. Еще мгновение, и вместо огромного шара, настолько огромного, что невозможно и за несколько лет облететь его по орбите, остался только маленький шар, не больше нашей Земли. Этот шар был ослепительно белый, словно состоял из чистого первозданного света, в котором еще не было даже примесей других цветов. Горячие лучи этого белоснежного шара свидетельствовали о рождении новой жизни, которая уже никогда не будет прежней. Но только соседние звезды были свидетелями этой поистине грандиозной катастрофы.

Раб посмотрел на небо. Это небо было синим, с легкими белыми облаками, которые бежали в сторону востока, унося с собой надежду на дождь. Раб понимал, что облака никогда не проливают дождей, но он немного надеялся, что, собравшись вместе, облака превратятся в тучу, а у той значительно больше шансов напоить землю водой. Раб изнывал. Его спину ломило от тяжелой работы, которую он делает уже много лет. Его опухшее от голода тело не могло долго выдержать подобной работы, но это была та жизнь, о которой, он знал, мог только мечтать раб в его положении. Он слышал от других, что многие, кого захватывали и

Золотое Слово - 9

делали рабами, наследуют куда более суровую жизнь, чем эта каменоломня. Он слышал жуткие истории о пытках и истязаниях, настолько кошмарных, что даже мысли о них причиняли дикую боль.

В ночи, когда хозяева спали, рабы шепотом рассказывали друг другу истории, в которых не было иного конца, только смерть. Но никто не желал умирать, даже будучи рабом.

Солнце палило нещадно. Казалось, что мозг расплавился настолько, что уже никаких мыслей в нем не осталось. Только биение сердца все еще говорило, что он жив. Он слышал грубые окрики охраны, свист кнута, подстегивающего очередного несчастного, который настолько выбивался из сил, что уже не мог подняться. Чувствовал запах песка и горячего камня, ощущал шершавость своего языка, которым уже не мог ворочать, так как жажда была невыносимой.

Но время для питья еще не пришло. Только когда солнце будет в зените, пройдет мимо человек, несущий огромную бочку с водой, давая выпить из нее каждому рабу. Но, к сожалению, рабов было слишком много, а бочка была одна. Чтобы экономить на воде, ее наливали в маленькую кружку, которая висела у каждого раба на шее. Но это был лишь один глоток, который не давал успокоения. От этого жара и отсутствия воды кровь быстро густела и человек умирал. Но римляне не были бы собой, если бы не сделали все, чтобы в каменоломнях не было недостатка в рабочей силе. Они воевали везде и всюду, и их империя была огромной. Они считали, что несут варварам свою цивилизацию, но далеко не все варвары были с этим согласны. Что ж, несогласные долго в Риме не задерживались.

Раб посмотрел в сторону, туда, откуда подвозят воду. Он увидел пыль на дороге, знаменующую то, что скоро здесь будет повозка с бочкой воды. Он облизнул пересохшие губы, но слюны почти не было. Сегодня будет жаркий день, подумал он. К нему сзади подошел охранник, человек в короткой тоге с папирусом в руке. Это был Ирий, мастер резьбы по камню.

- Сегодня будет очень жаркий день, - словно читая мысли раба, сказал Ирий. Но это даже хорошо, ведь чем жарче день, тем прохладнее в нашей мастерской. Думаю, тебе надо посмотреть на тот фрагмент, который я вырезал сегодня. Это будет прекрасное панно, на котором великий Зевс побеждает своего отца, Кроноса, тем самым становясь верховным Богом и выполнив свое предназначение. Думаю, императору понравится моя работа и он сможет оценить ее по заслугам. А когда я расскажу ему, в каких условиях я смог ее сделать, каких трудов мне стоило разыскать этот мрамор, он определенно сделает меня главным резчиком.

Раб посмотрел на Ирия. Это был взгляд коровы, которая мерно жуёт траву на лугу и глядит на пастуха. Ирий бросил презрительный взгляд на раба и молча повернулся. Он пошел в мастерскую, где столько времени упорно работал над мрамором. Раб медленно поплелся за ним. Когда-то, очень давно, когда звезды были другими, в краю, в котором бывает не только жара, но и холод и идет снег, он жил со своей семьей. Он был счастлив, хотя сейчас он уже не помнил о том, что такое счастье. Но пришли римляне и убили его семью, а его захватили в плен. Они поставили на него свое клеймо и бросили в каменоломню на самую трудную работу. Но ему повезло: у старшего резчика умер помощник и необходимо было найти кого-то, кто умел держать в руке не только кайло. Раб вызвался, он сказал, что на своей родине был кузнецом и знает, что такое железное искусство, поэтому сможет обучиться и резьбе по камню. Его взяли. Но старший резчик быстро понял, что юный раб наврал, никакой он не кузнец, но это было неважно. Искать нового человека было трудно, многие не понимали латинского и были слишком напуганы. Необходимо было доделать заказ императора, вытесать панно, где император и боги были вместе на Олимпе. Резчик понимал, что эго императора превзошло уже все ожидания, но высказывать свои мысли не спешил. Ему было все равно, кого и как изображать, лишь бы получать награду и привилегии в этой ужасной дыре, из которой еще никто не вышел на своих двоих. Он довольно быстро

Золотое Слово - 9

обучил всему юного раба, сделав его своим помощником. Потом, отойдя от дел, он наблюдал, как раб становится профессионалом и уже может сам побороться за свою жизнь.

- Однажды ты сделаешь такую работу, от которой у всех закружится голова. Они будут кричать от восторга. Но не это главное. А главное то, что ты можешь стать свободным и быть резчиком в Риме, у тебя будут почет и уважение. Старайся, и так будет.

Раб не слушал этих речей. Он был слишком подавлен и напуган, чтобы бороться. Он стал искусным мастером, но ничего выдающегося так и не сделал, тем самым навсегда оставшись рабом. Но его мастерство все же не было забыто. И вот теперь, этот заносчивый Ирий, тоже раб, просит его совета, просит посмотреть его работу, будто его мнение ему так важно. Казалось, что Ирию плевать на раба, которого уже давно отстранили от работы в мастерской ввиду его ухудшающегося зрения, но навыки работы у раба были более солидны, чем у Ирия, и тот понимал это.

Ирий мечтал прославиться, он делал несколько дел одновременно: днем он выполнял заказы римских патрициев, а вечером вырезал в мраморе, самом дорогом и прекрасном, который нашли в этой каменоломне, другое панно которым он надеялся покорить императора. И ему был нужен совет старого мастера.

Раб зашел в прохладу мастерской вслед за Ирием. Здесь было просто божественно холодно, в углу стояла бочка с водой и раб почти мечтал погрузить в нее свои руки. Увидев взор раба, Ирий хмыкнул. Что ж, недолго осталось этому старику на свете, жара и жажда делают свое дело очень хорошо. Будет жаль потерять такого мастера, но на свете найдутся и другие, кто будет расторопнее.

- Можешь выпить воды, – сказал Ирий, - но не смей совать в воду свои грязные руки. Там, у бочки, стоит кружка, которой можно зачерпнуть.

Раб приблизился к бочке, взял кружку и зачерпнул воды. Уже долгое время он не видел столько воды сразу, рядом с каменоломней нет ни единой речки или ручейка, где бы вода сво-

бодно бежала, вливаясь в другие, более бурные потоки. Эта вода показалась рабу драгоценным даром, который ему послали боги. Он поднес кружку к губам и начал пить холодную воду. Она обжигала глотку своих холодом, устремилась вниз, в пищевод. Казалось, что он пьет не воду, а кровь, которая стала тут же бежать по его телу, словно миллионы ручейков, наполняя его силой и жизнью. Это было подобно дождю в пустыне, когда за несколько минут из земли поднимается трава и цветы, которых еще минутой назад даже не было видно. И в одно мгновение все вокруг цветет и пышет жизнью.

Вода и прохлада мастерской сделали раба счастливым. Ему не хотелось уходить отсюда. Ему казалось, что умереть вот здесь, под этой благословенной бочкой, было бы величайшим счастьем и драгоценнейшим даром богов. Но грубый окрик Ирия вернул раба на землю.

- Старик, иди сюда и посмотри мою работу.

Раб медленно поставил кружку и поплелся вперед. Подойдя ближе к стене, на которой Ирий вырезал панно, он пытался посмотреть, что же Ирий уже сделал. Но его глаза были уже настолько слабы, что полумрак мастерской сделали панно почти невидимым. Ирий грубо толкнул старика:

- Не видишь, так потрогай, старый дурак.

Раб медленно поднял свою ладонь и провел по шершавому камню. Что ж, подумал раб. Кое-что Ирий научился делать, но он отнюдь не мастер. Его рука нащупала неумелые и грубые штрихи, где-то резец снял слишком много, где-то пропустил, и получилось не очень ровно.

- Что скажешь, старик? Это работа мастера?

Хотя Ирий и выглядел слишком грозно, в его голосе раб уловил нотки страха и неуверенности, впрочем, он был слишком утомлен, чтобы порадоваться этому.

- Это работа мастера, - только и смог вымолвить раб.

Ирий, казалось, не ожидал такого ответа. Его широкое лицо, отмеченное беспощадным римским солнцем, искривилось в маске удивления, но потом засияло, словно свеча. В его го-

лове промелькнула было мысль, что раб может ошибиться, он уже стар и его память, как и его руки и глаза, отказываются ему служить дальше, но эта мысль была подавлена также быстро и жестоко, как подавлялось любое свободолобие в этих каменоломнях. Все, буквально все было сейчас подчинено триумфу Ирия, и он не желал, даже в собственных мыслях, сделать предательские выпады.

- Можешь идти. Впрочем, стой...

Раб медленно поднял голову. Он ждал, какое же приказание Ирий ему даст. Он надеялся, что это не будет его возвращение под палящие лучи. Блеклые глаза раба уставились на Ирия, но тот не замечал их взгляда.

- Можешь остаться в мастерской. Вчера к нам поступил новый раб, он молод и знает толк в мраморе. Можешь обучать его, ведь ты слишком стар для помощника, а я не могу заниматься всем в одиночку. Мне, как мастеру, необходим слуга, который бы выполнял за меня всю грязную работу. Этому рабу оказана великая честь.

Ирий хмыкнул, в его голове мелькнула мысль о той великой славе, которая скоро обрушится на него, подобно водам разбушевавшегося океана, смывающего все на своем пути. И, как гигантские волны были подчинены силе подземных толчков, так и его слава и почет были подчинены его таланту. Наконец-то он сможет встать в полный рост перед этими зазнавшимися римлянами, которые смотрят на него свысока, а в их взгляде, который они все же бросают на него, читается презрительность. Он - раб, вещь, которую не жалко никому, станет человеком. Да, к этому стоило идти всю жизнь, за это стоило бороться.

Не отдав никаких распоряжений, Ирий развернулся и пошел прочь из мастерской. Его голова была занята уже мечтами о своем величии, как резчика, он уже не помнил про раба и его нового подмастерья. Раб был этому рад. Он поспешил к бочке с водой, так как знал переменчивый нрав Ирия. Ведь тот сможет явиться к нему в любое время и выгнать снова под горячие солнечные лучи, тем самым забирая шанс на жизнь. Раб опустил в воду свои уставшие узловатые руки, почти коричневые от загара, хотя

когда-то, очень давно, словно в другой жизни, его кожа была белой, а солнце было мягким и ласковым. Но, очевидно, он уже мертв, а это тот ад, про который ему говорила его мать, здесь все время ужасно жарко. Вода казалась тем проводником, который мог вывести его из этого ужасного подземного мира на свет. И сейчас от этого проводника зависела вся его жизнь, хоть и осталось ее всего лишь несколько капель. Раб задумался о новом пленнике, которого ему приведут. Ирий сказал, что тот вроде понимает, как работать с мрамором. Это хорошо, ведь у раба нет сил обучать чему-то с самого начала, эта работа стала ему уже не под силу. Каким будет он, этот молодой пленник, тихим и покорным, как он сам, или испуганным и робким, как тысячи других, которых раб видел в своей жизни в каменоломне. Он даже не подумал, что новичок может быть мятежным и неуступчивым, потому что в этих местах такие долго не живут.

На следующий день раб проснулся очень рано, еще солнце не взошло над горами, и ночная прохлада висела в воздухе. Где-то вдалеке, в лесах, что покрывали кое-где горы, пели ночные птицы. Их пение в чистом воздухе разносилось очень далеко и его могли слышать все, кто не спал ночью в каменоломнях. Римские солдаты, наслаждаясь ночной свежестью, слушали это птичье пение и вспоминали свою родную землю, рабы, подложив под голову руки, так как ни о каких подушках речь не шла, думали о своей жизни и о том, что ждало их в будущем. Но чаще всего это будущее было столь мрачно и безрадостно, что птичьи песни давали не покой, а причиняли ужасную боль, напоминая об ушедшем.

Не успели ночные птицы закончить свою серенаду, как двери мастерской распахнулись, и внутрь зашел Ирий и несколько солдат.

- Вставай, старик, - Ирий зло отшвырнул поднимающегося с пола раба и тот отлетел, словно тряпичная кукла, к стенке, свалив по дороге стол с инструментами. - Я не для того позволил тебе остаться здесь, чтобы ты развалился и дрых, как патриций. Или ты хочешь вернуться туда, где тебе самое место, и снова заняться мрамором?

Золотое Слово - 9

Но это был скорее злой посыл, нежели вопрос. Раб медленно, насколько могли позволить его больные кости, поднялся и посмотрел в сторону Ирия.

- Этот мальчишка теперь на твоей совести. Он будет учиться у тебя всему, чему тебя учил когда-то мастер. За его работу ты будешь отвечать своей головой, и поверь, не думаю, что она надолго задержится на твоей шее, ведь, посмотреть на тебя, так будто смотришь в лицо самой смерти.

Ирий отступил в сторону, и раб увидел, как из-за спины солдат выходит ребенок. Этому мальчику было примерно лет четырнадцать, в его взгляде уже проглядывался мужчина, но весь облик говорил еще о детстве, о том, что совсем недавно он жил в мире волшебства, в котором пребывают все дети, и не успел понять, в какой мир попал он теперь. Солдат толкнул пленника и тот молча повалился на пол, словно куль.

- Вот, лепи его. - Ирий подцепил носком ноги лежащего на земле пленника и удалился в сопровождении солдат.

Пленный мальчик оказался действительно довольно смышленным и сообразительным, рабу доставляло истинное удовольствие вылеплять из него все, что ему захочется: пленник был словно податливая мягкая глина в руках горшечника. Никогда раб не видел столь искреннего желания и трудолюбия, какие проявлял этой мальчик. Дни проходили за днями, а мастерство юного ученика росло прямо на глазах, раб думал, что когда-нибудь этот мальчик станет лучшим каменщиком, резчиком и просто мастером своего дела. Он в душе надеялся, что подобная участь облегчит страдания бедного пленника, сделает его невольную жизнь чуточку краше, и уж точно спасет его от безвременной кончины от перетруждения и угнетения. Но маленький пленник сколь пылко выражал желание учиться, столь же пылко желал свободы. Раб понимал, что тот еще слишком юн, еще хорошо помнит свое детство, проведенное на вольных лугах, чтобы полностью смириться со своей участью, но пленник с каждым днем становился все более одержим идеей побега.

- Я смогу убежать - каждую ночь, перед сном, пленник грезил о свободе.

- Ты далеко не убежишь, тебя поймают и замучают до смерти, а то и еще хуже, - все время отвечал ему раб, он был слишком мудр и от этого слишком жесток.

- Нет, я смогу, когда-нибудь их внимание притупится, и они перестанут следить за мной, я смогу убежать, я знаю, в какой стороне море, проберусь на корабль и вернусь домой.

- Слова глупого мальчишки! - рабу уже надоели эти крамольные речи о побеге.

Он не хотел, чтобы что-то менялось в его жизни, не хотел, чтобы эта единственная радость, доставшаяся ему на закате его лет, была так жестоко вырвана из его сердца и души, погрузив ее в мрачные пучины отчаяния и горести. Раб просто боялся, за себя, ведь его могли обвинить в содействии побега, за пленника, что тот мог погибнуть от ножа римлян. Старик искренне не понимал, что же так тянет мальчишку на волю, ведь тот мир, который был за пределами каменоломни, стал для него чем-то нереальным и оттого пугающе опасным. Старик не помнил вкус воли, вкуса свободы, от которого твоя душа стремится ввысь, а сердце замирает от счастья, когда ты готов отдать жизнь, чтобы умереть свободным, а не влачить жалкое существование в клетке. Клетка давно стала для раба настолько привычной, что он уже не замечал холода ее прутьев. Но мальчик еще знал, еще помнил, что такое свобода, и он рвался, словно дикая птичка, на волю и готов был ради этого разбить грудь о прутья решетки.

Однажды утром раб был разбужен пленником, который тряс его за плечо.

- Проснись, ну же, ты слышишь меня? Проснись скорее. Скоро рассвет, и ты должен вставать.

Старик еще не отошел от сна, и не мог быстро сообразить, где он находится и что происходит. Первой мыслью, промелькнувшей у него в голове, была мысль, что за ним пришли стражники, чтобы увести на безжалостное солнце и оставить там. Его сердце сжал страх, но глаза, увидев всего лишь мальчишку-подмастерья, подсказали, что ниче-

го страшного не произошло, и раб расслабился. - Что тебе не спится, глупый мальчишка. Вот увидишь, я проучу тебя, заставлю тащить камни из каменоломни в самый солнцепек, и посмотрим, как ты будешь проявлять свою дерзость.

Раб уже хотел повернуться на другой бок и снова сомкнуть глаза, но что-то во взоре пленника его удивило и заставило приподняться. Горло сжала ледяная рука нехорошего предчувствия и раб спросил:

- Что произошло?

- Там, на небе, знак. Посмотри, знак...

Мальчишка был так взволнован, его голос срывался и дрожал, а мысли, очевидно, путались, потому что он так и не смог внятно пояснить рабу, что же происходит. Поняв безрезультатность попыток объяснить суть происходящего, мальчишка потянул раба за руку, призывая встать и пойти за ним.

- Давай же, быстрее, а то знак пропадет.

- Какой знак, дурья твоя башка! Ты сошел с ума! - раб был крайне недоволен поведением пленника.

- Знак, на небе. Я сидел и смотрел на небо, и вдруг свет. Это знак. - Мальчик был взволнован. Он боялся, что старик слишком медленно идет, и знак, который так поразил его, исчезнет с небосклона. В том, что это действительно знак, раб не сомневался.

Наконец они вышли под небо и посмотрели наверх. В темной вышине, в которой все еще горели огнями звезды, но вдалеке уже начался занимать рассвет, одна звезда горела особенно ярко. Ее сияние, ее огненную пульсацию нельзя было не заметить. Казалось в далекой темноте бьется маленькое яркое сердце. Такого раб еще никогда не видел. Действительно, появление этой необычной звезды было странным и пугающим. Краем уха раб услышал крики солдат, которые также завороченно всматривались в небо, как и он. Все чаще звучали зловещие предзнаменования, о которых могла предупредить странная звезда. Многие думали, что это сам Юпитер зажег свой огненный факел, чтобы опалить Землю огнем своего гнева, насылая болезни и мор. Другие верили, что этот свет озна-

чает великую победу в великой битве, которую римляне ведут в далекой земле. Ни один из них не знал, что это всего лишь свет умершей звезды, который наконец достиг пределов Земли. Пленник горячо зашептал на ухо, склонившись к рабу:

- Это знак, старик. Знак, что пришел конец моим страданиям и все скоро закончится. Я долго молился о свободе и мои молитвы были услышаны. Посмотри, как бьется это сердце в небе, это сердце моей матери, которая ждет моего возвращения.

- Не будь дураком, - раб только зло одернул мальчишку. - Никакой это не знак, просто один из богов решил подшутить над нами, показывая свою силу.

Раб развернулся, чтобы уйти в мастерскую, к бочке с водой. Солнце на небосклоне только начало проявляться маленькой желтой линией у горизонта, а от камней и песка уже шел жар, обволакивая тело, словно воск. Заметив, что за ним никто не идет, раб обернулся и увидел хрупкую фигурку пленника, стоявшего на уступе и всматривающегося в небо. На секунду рабу стало жаль бедного мальчика, так горячо верившего в знаменование, которого на самом деле не было. Он не стал звать мальчишку, а просто ушел в прохладу мастерской и принялся за работу, которую не закончил вчера. Через некоторое время пленник вернулся и, не сказав ни слова, взялся за резец. Сегодня его искусство было особенно вдохновенным, будто он работает в последний день жизни. «Такой юный и такой талантливый, - думал раб. - Жаль, что он не увидит ничего, кроме стен этой мастерской за всю свою жизнь. Впрочем, может, когда-нибудь он сможет попасть в Рим, к императору, где его талант могут оценить по достоинству». Раб искренне полагал, что возможность предстать перед императором великого Рима и есть единственное, что ценно в этой жизни. Но мальчишка думал иначе. Он, в отличие от старика-раба, видел прутья клетки, сжимавшей его, чувствовал зловонное дыхание этой неволи и не мог больше переносить подобной жизни.

«Все что угодно, только не эта каменоломня. Пусть поймают, пусть убьют, но это будет

Золотое Слово - 9

истинная свобода», - так он думал, пока его руки выполняли машинальную работу. «Нет, не могут поймать. Этот знак, в небе, он о том, что я должен бежать, должен попытаться. Ведь боги услышали мои молитвы и просьбы о помощи», - пленник так неистово работал резцом, что срезал слишком большой слой мрамора. Это не ускользнуло от внимания раба: «Аккуратнее, растяпа. Ты испортишь всю работу, и тогда я прикажу выпороть тебя». Несмотря на характер замечания, голос раба не был злым, а скорее уставшим и печальным.

Мальчишка посмотрел на старика, сначала глазами, полными отчаяния и страха, но, вглядываясь в изможденное лицо раба, видя его глубоко посаженные глаза цвета пыли, которой пропиталось все вокруг, его морщины, избородившие лоб, щеки и подбородок, его выгоревшие на солнце волосы, сердце немного успокоилось и засветилось надеждой. Этого взгляда в лицо будущего было достаточно, чтобы принять решение окончательно и бесповоротно. «Бежать», - только эта мысль была теперь единственной и верной.

Весь день они проработали, даже не взглянув друг на друга, не проронив ни слова, тем самым отдаляясь друг от друга и противопоставив себя друг другу.

Ночь, не принеся должного отдыха и успокоения, прошла тихо. Раб не спал. Его старое сердце предчувствовало опасность, но изможденный разум не желал ему верить. За годы

плена раб научился мыслить, он знал только приказы и не желал ничего менять. Ближе к утру, почти приказав себе заснуть, раб забылся коротким и беспокойным сном, не принесшим никакого облегчения. Проснулся он от криков, доносившихся снаружи. Медленно встав, потянув свои дряхлые кости, раб прошел к двери, распахнул ее и глянул в белоснежную от раскаленного песка даль. На улице царил какой-то суматоха, бегали солдаты, раздавались гневные голоса надсмотрщиков и неустанное щелканье кнута. Вдали, на границе своего зрения, раб смог разглядеть нескольких человек, несущих что-то в руках. Это были солдаты, он узнал их по высоким перьям на шлемах и по сиянию солнца на доспехах. Когда они поравнялись с рабом, тот увидел, что в руках у них носилки, на которых лежит чье-то тело, обгащенное кровью. Мечи солдат тоже были красными от запекшейся на них крови. Вглядевшись в мертвое лицо, раб узнал пленника. Рука, так долго сжимавшая его сердце, наконец отпустила свои мертвые ледяные объятия. Лицо пленника было безмятежно счастливым, а взгляд широко распахнутых голубых глаз был устремлен в небо, в его спокойную свободную высь, где навеки поселилась душа мальчика. «Он обрел свободу, о которой мечтал», - прошептал раб, глядя на мертвого мальчика, который уже не был пленником, и медленно побрел в прохладу мастерской, облизывая пересохшие губы в предвкушении ледяной воды.

Золотое Слово - 9

Вновь все сначала.

Ощущается разница между тренировками в спортивном зале зимой и весенними – на свежем воздухе.

Вечер. За горизонт заходит солнце. Все вокруг покрывается прекрасным розовым цветом заката. Тело «поет» от прилива энергии и забытых ощущений. Уставшие и довольные спортсмены собираются у палаток. Звучат шутки и песни под гитару.

Дней для тренировок остается мало. Через две недели восхождение на вершину Чимган, расположенную в отрогах Чаткальского хребта западного Тянь-Шаня. Вершина его покрыта снегом и в хорошую погоду видна из Ташкента. А через месяц – встреча друзей на суровом и недоступном во все времена года Памире. Там ошибка, сделанная при восхождении, может стоить жизни. Время пролетает быстро.

Чимган. Сколько здесь у подножия отрогов колышется флагов?! Каждое спортивное общество Ташкента флагом обозначило свое место. Отбираются опытные выносливые спортсмены для создания единого спасательного отряда базового лагеря, готовые по первому сигналу любой восходящей группы выйти им на помощь. Экипировка спецодеждой и снаряжением у них полная, в необходимом комплекте. Лев с Хамидом попадают в этот отряд. Потянулись группы альпинистов к вершине по разным маршрутам. Спортсмены имеют контрольный срок восхождения. Время идет медленно. Звучит отдаленный грохот – сошла снежная лавина. В это время года они часто стремительно проносятся вниз, сметая все на своем пути.

«Не попасть бы восходителям на маршруте в этот ад», – сверлила назойливая мысль.

День подходит к концу. Все группы вернулись с маршрута, кроме одной. Предчувствие беды не дает покоя. Вышло контрольное время. Группа не возвратилась. Что-то произошло. Все в напряженном ожидании. Небо прорезала красная ракета. Спасательный отряд срывается с места. Они ускоренным шагом следуют по маршруту группы...

Картина открылась ужасающая. Потерпев-

шего, привязанного к четырем спаренным ледорубам, друзья несут на плечах, часто сменяя друг друга.

– Что случилось? – прозвучал первый вопрос к руководителю восхождения.

– Даже рассказывать страшно. Случилась беда после того, как отрядом была покорена вершина. Время контрольное было на исходе. Все это понимали. Игорь решил ускорить спуск с вершины. Он быстро отвязался от «связки» (2), в надежде проверить устойчивость и глубину снега на склоне для спуска глассером. Мы даже не успели ничего понять, как он уже был на ногах и рванулся вниз. «Куда? Вернись немедленно!» – вскричали мы, чуть ли не хором. «Я мигом. Только прочность фирна (3) проверю. Пролечу метров десять и приду!» – крикнул он, не останавливаясь.

Это были его последние слова. Ступив на снежный склон, он тут же развил приличную скорость. Глассером (4) он умел ходить.

От постоянно увеличивающейся скорости скольжения и резкой потери высоты у него, видимо, ослабло внимание. Из-за наступивших сумерек он не заметил небольшую часть скалы, едва выступавшую из-под прочного слоя снега, которую легко обошел бы в другой ситуации. Трикони (5) на ботинках зацепились за нее и остановили движение ноги. Это и стоило ему жизни. Не сумев остановить инерцию тела, он перевернулся в воздухе. Мы все видели, как он взмахами ледоруба пытался зацепиться за склон, но тот был очень крутым, а тяжелый рюкзак за спиной только увеличивал скорость падения Игоря. Так и долетел он вниз головой до подножия склона...

Как бывает порой несправедлива судьба! На самом взлете жизни спортсменов ушел в мир иной...

Этот случай всех покорителей Чимгана привел в шок. Восхождения были остановлены.

Уже у подножья гор, на проселочной дороге, перемалывая колесами в глубокой колее разбухшую глину, надрывно гудят машины. В особо трудных местах, когда их лошадиные силы не в состоянии справиться с возросшей нагрузкой, включаются спортсмены. Они цепляют за

машины свои капроновые веревки и, впрягаясь, волокут грузовики вместе с вязкой почвой до дороги с более твердым покрытием.

С тяжелым чувством альпинисты уезжают в Ташкент. Весна в полном разгаре. Идет проливной дождь. Завтра первое мая.

Памир

Покачивается из стороны в сторону плацкартный вагон. Ритмично стучат колеса на стыках рельс. Поезд везет Льва, Хамида и их друзей в Фергану – живописный край Средней Азии. Слева, по ходу движения, видны подошвы гор. На их склонах пасутся стада баранов. Стоят нарядные яблони, покрытые розовым многоцветьем. Рукотворные каналы Сырдарьи, как щупальца осьминога, охватывают Ферганскую долину и дают жизнь садам, бахчам и хлопковым полям. Ребята, по традиции, под аккомпанемент гитары поют необычные для попутчиков, веселые песни:

*В основе спорта альпинизма,
Всегда стоял вопрос еды.
Коль не накормишь альпиниста,
Он не туды и не сюды...*

Аудитория из слушателей вагона подходит все ближе и ближе к поющей группе. Проводник, в знак благодарности, улыбаясь, угощает исполнителей песен крепким чаем. У всех поднятое настроение.

Фергана.

Пассажиры вагона тепло прощаются с веселыми ребятами.

От Ферганы до пункта назначения пятьдесят километров. Альпинисты с трудом размещаются в маршрутном автобусе. Его проход забит рюкзаками. Терпкий запах пота сидящих пассажиров затрудняет дыхание. На конечной остановке все покидают его с облегчением и сразу попадают в объятия дурманящего чистого горного воздуха.

Бесконечное свободное пространство открылось взорам ребят. Вдали расположились

фруктовые сады. С другой стороны, у самих гор, точнее, на их отрогах, за которые зацепилась небольшая кишлак Шахимардан, паслись несметные стада овец. С того места и начинается путь на Памир.

Дошли до кишлака. Стремительно несется вниз поток чистой, хрустальной воды – это результат таяния ледника, расположенного высоко в горах. Любители решили окунуться в ее волны, но, стоило им лишь коснуться поверхности воды, как отскочили они от нее, будто ошпаренные. Ледяная вода отпугнула даже смельчаков.

Пользуясь ее низкой температурой, здесь готовят неповторимо вкусное сливочное мороженое. Пройти мимо невозможно. Когда еще улыбнется счастье испытать удивительный по своим вкусовым качествам подобный десерт? Изготавливают его в присутствии покупателей. В речку опускается жбан в форме цилиндра, наполненный сливками с фруктовыми добавками. Через его крышку установлена вертушка с ручным приводом. Раскрученная масса сливок, касаясь стенок жбана, примерзает к ним. Через минут пять прекрасное мороженое готово. Сосуд вынимается из воды и каждый желающий получает свою порцию питательного и чрезвычайно вкусного мороженого, которой, как правило, не ограничивается.

Группа двинулась по маршруту. Расслабляться нельзя. Слева и справа – густые заросли арчи – азиатского можжевельника и туи – дерева из семейства кипарисовых. Воздух напоен хвойным ароматом. Щебечут птицы, но чем выше поднимается группа, тем пернатых становится меньше. Высокие горы им недоступны. Шум реки отдается звоном в ушах.

Речка – азимут пути к альпинистскому лагерю. Идти приходится забирая круто в гору. Здесь не до песен. Лямки тяжелого рюкзака, хоть они широкие и мягкие, ощутимо врезаются в плечи. Ноги становятся ватными, давно мучает жажда, но все стойко переносят временные неудобства. Узкое ущелье, по которому идет отряд, круто поднимается вверх. Редуют деревья. На этой высоте птиц нет вовсе. Царствуют одни красавицы горы, уходящие своими снежными

Золотое Слово - 9

вершинами в небо, в бесконечность, растворяясь в гуще облаков. Каждый спортсмен ощущает это очарование своим сердцем. И нет силы, способной остановить восхождение. Горы манят, диктуют свои условия, и человек принимает их, боясь расстаться с мечтой и чудом, ощущаемым душой.

Через четыре привала, на закате солнца, все доходят до базового лагеря, расположенного на широкой скальной площадке. Отсюда, с высоты более двух тысяч метров над уровнем моря, через два дня альпинисты совершат бросок на долгожданный легендарный ледник Федченко. Эти дни необходимы организму для отдыха и адаптации к горным условиям.

В лагере новый отряд ждали и приготовили добрый ужин, после которого зазвучали песни под гитару. Девушки подпевали, их оказалось достаточно много. Добрая половина из них имела большой опыт восхождений.

Лев заметил активную черноокую смуглянку украиночку. В спортивном лагере все друг к другу относятся проще, чем в городе. Здесь действует закон братства. Раиска оказалась из медицинского института, приехала в горы вместе со своей неразлучной подругой – Нурией.

Перед предстоящими тяжелыми высотными восхождениями, группа приступила к тренировкам по прохождению сложных маршрутов.

В назначенный день, после плотного завтрака, предварительно изучив маршрут движения, все отряды альпинистов двинулись на ледник. Погода благоприятствует. Груз нести приходится самим. Шерпов (6) не предусмотрено. Рюкзаки потяжелели от дополнительного снаряжения, взятого с базового лагеря. Пройдена скальная гряда. Маршрут выводит отряд на ровную площадку, подготовленную природой как бы специально для отдыха. Вокруг, куда бы ни бросил взгляд, видны одни лишь скалы. Некоторые из них свободны от снега – это поработал пронзительный ветер. Другие – укрыты снежным одеялом. А где-то далеко внизу зеленым ковром стелются кроны деревьев. Но с этой высоты их уже не видно.

Привал.

Не снимая с плеч рюкзак, Лев садится к подножью скалы, рюкзаком опираясь на нее. Вздых облегчения. Усталость разливается по всему телу. Шумное дыхание постепенно успокаивается. Высоко несутся белые облака. Чистый голубой цвет неба завораживает. Не хочется отрывать взор от этой красоты. Защелкал затвор фотоаппарата. Сняв с плеч рюкзак, Лев машинально охватил взглядом всю площадку. В ложбинах скал, с подветренной стороны, куда земляной грунт случайно занесло ветром, выросло семейство эдельвейсов – цветков любви. Они, освещенные солнцем, расцвели на радость девушкам-восходителям. Первый маленький букетик из этих удивительно нежных цветов с бархатными, на ощупь, мясистыми листьями, Лев дарит черноокой Раиске. Волею судьбы она, вместе со своей подругой, попала в его отряд.

Снова в путь. Дошли до снежного склона. На ботинки одеваются «кошки» (7). С ними идти по снежному склону легче. Наклонное плато упирается в бесконечные скальные гряды. Техническая сложность восхождения возрастает. Начался вертикальный подъем.

Первая стенка. Одолевается спокойно. Не зря прошли тренировки в Паргосе, на Чимгане. Пройдена вторая, третья... Дышать трудно. Грудь сдавливают неведомые силы. Сказывается высота. Еще немного усилий... уникальный ледник Федченко раскрывается во всей своей красе.

Он находится на высоте более четырех километров над уровнем моря. Длина его превышает семьдесят километров, при ширине – около трех. Толщина льда – более километра. Необъятное скопление пресной воды. При солнечном освещении он оживает. Ледяные нагромождения порождают все цвета радуги. Неземная красота.

Находится ледник на наклонных скальных образованиях и под тяжестью льда постоянно движется в сторону уклона подошвы. Но его движение можно ощутить лишь приборами. Постепенное таяние льда питает множество горных речек, в том числе и нашу знакомую.

Вечереет. Поставлены палатки. Приготов-

Золотое Слово - 9

лен ужин. Надвигается ночь. Быстрое наступление темноты – это особенность здешних широт. Южный небосвод вспыхивает россыпью звезд. Штурмовой лагерь обустроен. Настало время отдыха. Звучит песня под гитару.

Два дня на акклиматизацию и уже с этого места начнется штурм вершин, примыкающих к леднику.

Утро удивило альпинистов обилием выпавшего снега. Он ровным слоем покрыл ледник и палатки. Прохладно, но с первыми лучами солнца потеплело. Началась подготовка к штурму вершин. Все альпинисты распределились по отрядам. Им уготованы индивидуальные маршруты.

Лев со своей группой прошел ряд стенок, снежные и скальные склоны. Ледник остался далеко внизу, восхождение идет спокойно. Прошли еще одну длинную гряду, уходящую вверх отдельными пиками. Группа попала в сплошное «молоко». Не видно ног. Это первая, насыщенная влагой, плотная туча. Пробивались сквозь нее с повышенной осторожностью. Дышать трудно. Холод пронизывает тело. Надели под штурмовку теплые вещи.

После короткого подъема голова вышла из-за туч, а корпус по-прежнему находился в «молоке». Ощущение удивительной раздвоенности и полета над облаками. Вся красота гор предстала пред глазами. Альпинисты очутились в зоне прекрасной погоды – сверкало солнце, развернулась великолепная панорама покрытых снегом, замысловатых по форме бесконечных вершин. Впереди стоял настоящий минарет, кстати, так и называлась вершина – это ориентир.

Взошли на гряду и тут же в своем великолепии раскрылась долгожданная вершина – конечная цель восхождения. Силы на пределе. Привал. Все с интересом рассматривали пик, уходящий высоко в небо. Лев подсчитал время, которое необходимо для подъема и спуска до базового лагеря – ледника Федченко.

– Где-то задержались. К контрольному сроку не вернуться. Ускорить передвижение нет возможности – тяжелые рюкзаки и разряженный воздух в этом не помощники. Что пред-

примем? – спросил Лев. И тут кого-то осенила идея. Вся группа ухватилась за нее, как за спасительную идею:

– Вершина – рукой подать. Оставляем рюкзаки и теплую одежду на месте привала. Берем штурмовки и самое необходимое снаряжение. Часа через два добираемся до вершины. На обратном пути вещи забираем.

Так и сделали. Однако, как выяснилось позже, решение было принято ошибочное.

Перед тем, как тронуться на штурм вершины, Лев, на всякий случай, вынул из рюкзака шоколадные конфеты и набил ими карманы. Группа двинулась в путь. Налегке идти – было одно наслаждение. Натягивая перила, прошли стенку за стенкой. Но взгляд, брошенный на вершину, не радовал. Она не «приближалась», хотя времени прошло изрядно. Создавалось ощущение, что вершина поднималась вверх вместе с группой. Глазомер обманул. В условиях гор это случается часто. Пройдя поворот, вышли на северную часть склона. Сильный холодный ветер ударил в лицо. Чудом не свалились с ног.

Это был первый момент, когда группа пожалела, что теплые вещи остались далеко внизу. Почувствовали усталость и голод. Пригодились конфеты. В какой-то степени шоколад приглушил его. Стало вечереть. Прибавили шаг, но он не ускорил движение группы. Сказывался недостаток кислорода в воздухе. Темп снижен. Взошли на вершину «на последнем дыхании». «Красота! Вот она, великолепная, спокойная, но труднодоступная, однако, манящая и желанная. Похоже, что рука Творца создала в этом месте поистине дивный, чарующий, доселе незнакомый мир. Только ради не испытанного ранее ощущения безграничной свободы стоило на тебя подняться», – восторгался Лев.

Чувство радости и гордости переполняло его. Душа ликовала.

Панорама открылась поразительная. Всюду раскинулись бескрайние снежные горы с причудливыми формами. Острые пики некоторых вершин были направлены в небо, как ракеты перед стартом. Внизу ущелья оказались закрытыми опустившимися тучами-барашками, что давало ощущение неземного пространства.

Золотое Слово - 9

Последние лучи солнца покрыли сказочной позолотой горы и поверхность скученных туч.

Альпинисты поздравляли друг друга с победой. Искренние объятия. Охватившее всех чувство беспечности, возбуждения и радости необходимо было немедленно подавить, иначе спуск невозможен. Каждый это понимал, однако ликование продолжалось...

Несколько фотографий на память. Оставлена записка под туром (8) с данными группы, покорившей вершину. Печально было расставаться с фантастическим местом, но установленное время на штурм вершины уже вышло.

Не прошли и одну треть пути вниз, как село солнце. Мгновенно начался сильный и обильный камнепад. Скалы содрогались от ударов «чемоданов» (9). Громкое эхо оглушало отряд.

– Всем прижаться к скалам, – раздалась команда.

Но и без команды альпинисты слились с ними. Минут десять длился непрерывный камнепад. Он закончился внезапно, как и начался. К счастью, серьезных ушибов никто не получил, хотя над головой каждого пролетел не один кусок скальной породы.

Лица и руки у всех были посечены мелкими острыми осколками. Все обошлось. Камнепад в горах – явление не редкое. Обычно он начинается сразу, после захода солнца. За день скала прогревается, но только стоит солнцу зайти за горизонт, как атмосфера начинает дышать холодом. От разности температур скалы трескаются. Один упавший камень порождает лавину. Все позади. Вновь слышны шутки, смех и рассказы. Каждый испытал шок. Все понимали, что были на краю гибели.

Группа продолжила спуск. Темнота наступала быстро и вскоре стала сплошной. В этой ситуации передвижение опасно. Необходимо оборудовать ночевку. Однако, теплые вещи, вместе с палатками, взятыми на случай непредвиденного ночлега, остались далеко внизу. Группа вынуждена двигаться, страхуя друг друга. Все понимали, что контрольный срок закончился и, без сомнения, навстречу идет спасательный отряд.

Светом фонарей альпинисты уточняют

маршрут движения. С трудом натягивают перила. Подошли к бесконечно уходящей вниз отвесной стенке. Дно ее находится вне досягаемости фонарей. Пропась. Стали прощупывать руками скалу и нашли уступ, идущий поперек стены. Он был узким, шириной с ладонь. Пройти по нему, без перил – невозможно. Группа решает – одного добровольца привязать страховочной веревкой и, зависнув над пропастью, перебирая кистями рук по уступу, перейти ему на другую сторону. Затем, натянув перила над уступом, переправить всю команду.

Работу эту взял на себя Лев. Застраховавшись веревкой, зависнув на пальцах, он медленно двигался на другую сторону скалы. Руки непереносимо ноют, кажется – вот-вот разогнутся пальцы и тогда – падение. Группа, затаив дыхание, следила за опасным перемещением Льва. Наконец, нога его нащупала скалу – край пропасти. Это уже опора. Все облегченно вздохнули. Неприятные ощущения – позади. Первопроходец никак не мог разжать пальцы. От напряжения их свело судорогой.

Некоторое время понадобилось на натяжение перил. Команда успешно перешла на другую сторону пропасти. В это время внизу замигали фонари. Отряд, вышедший на помощь, сигнализировал группе. Зеленым светом фонаря Лев послал информацию, что все в порядке, все здоровы, спускаются вниз.

Встретились со спасательным отрядом. Оказалось, – они нашли сложенные на склоне горы рюкзаки и ситуация выяснилась.

Через некоторое время альпинисты вышли к базовому лагерю.

Предвкушение калорийного ужина и заслуженного отдыха прибавило силы. Все, пре небрегая связкой, быстрым шагом прошли к палаткам. Все, кроме Льва. «Выложившись» на восхождении, он потерял силы. С трудом, встав на четвереньки, Лев медленно продвигался к лагерю на четырех точках опоры. Слышен смех, песни ребят:

*Умный в горы не пойдет,
Умный горы обойдет,*

Золотое Слово - 9

*Потому что он,
В горы не влюблен,
Это ясно, там опасно,
Там большой уклон...*

Более двух часов он преодолевал это оставшееся небольшое расстояние...

На следующий день, утром, вновь восхождение, только на другую вершину.

Сезон на Памире для альпинистов прошел удачно, только лица их стали черными от загара, а кожа струпьями слезала со щек, лба и носа. В горах солнце безжалостно обжигает все открытые места. И нет от него спасения. Способствует этому и постоянно дующий ветер.

Лагерь свернут, поезд везет всех участников восхождений в Ташкент. Как всегда, звучит песня под гитару.

Льву не хотелось вот так, просто, расстаться с красавицей Раиской. Он пошел на хитрость – отдал ей свой паспорт, якобы, на хранение, и об этом постарался напрочь «забыть». Уловка удалась. О паспорте, к радости Льва, славная девушка по приезду в город, так и не вспомнила.

Приехав в Ташкент, он каждый день ждал прихода к нему домой милого Райченка. Должна же она отдать паспорт хозяину, благо, в нем есть его адрес. И дождался, чтобы уже никогда не расставаться.

(1) Яхин Хамид – позднее, заслуженный мастер спорта СССР. За покорение вершин четырех семитысячников Советского Союза – пика Коммунизма, Победы, Ленина, Корженевской, удостоен звания «Снежный барс» – жетон №200.

(2) «Связка» - группа альпинистов, соединенная одной веревкой.

(3) Фирна - плотный крупнозернистый слежавшийся снег.

(4) Ходить глассером - быстрый способ передвижения альпиниста на ногах при спуске с горы.

(5) Трикони - металлические зубцы, закрепленные на подошве альпинистских ботинок.

(6) Шерпы - народ Непала, живущий в Гималаях. Охотно нанимаются на работу к альпинистам в качестве носильщиков груза при восхождении.

(7) «Кошки» - длинные металлические шипы на легкой рамке. Надеваются на альпинистские ботинки и пристегиваются к ним специальными зажимами.

(8) Тур - составленная пирамида из обломков скал.

(9) «Чемоданы» - так в альпинизме называют большие куски скалы, летящие во время камнепада.

НИНА ОЗЕРОВА

Ленинградский этюд

По тротуару Невского проспекта среди многочисленной толпы прохожих, не спеша прогуливались двое – мужчина и женщина средних лет. Легкий загар освежал их лица, видно было, что они недавно вернулись из отпуска и наверное с юга. Они не выглядели усталыми, хотя был конец недели – долгожданная пятница. Был вечер сентябрьского «бабьего лета». На эту пару обращали внимание прохожие. Он был в светлом костюме, в рубашке с галстуком и безукоризненных полуботинках. Она в платье из крепдешина красного цвета в черную полосу и поверх платья белый легкий жакет. Все это дополняли красные туфли и маленькая белая сумочка. Понятно, что прическа и макияж были безупречными. А надо заметить, что в те далекие времена (четверть века назад) было принято среди ленинградцев если и приезжать на Невский проспект погулять или просто сходить в кино, то приезжать наряженными – «себя показать и на людей посмотреть». Так было заведено с тех самых незапамятных времен, о которых пишет Н.В. Гоголь в повести «Невский проспект». В те времена, о которых идет мой рассказ, по Невскому проспекту не прогуливались молодые люди в майках и шортах, пляжных шлепанцах на босых ногах, о девушках не буду и говорить... «О времена, о нравы»...

Итак, была долгожданная пятница, когда можно было не спешить после работы домой, а поехать на Невский и сходить в кинотеатр «Аврора» или «Титан» на новый фильм, или посидеть кафе-мороженом негласно именуемом «Лягушатник» и там, под зеленым абажуром, на диване полакомиться пломбиром и выпить рюмочку коктейля с клубничкой. Или зайти в знаменитое кафе «Север», что рядом с рестораном Нева, и заказать там бокал шампанского и фирменные профитролы в шоколадном соусе, а выходя погладить лапку чучела медведя, стоявшего перед выходом.

Погода в Ленинграде летом ли, осенью мо-

жет всегда преподнести сюрприз в виде внезапного дождя. Поэтому такая незаменимая вещь, как зонтик, всегда должна была находиться в дамской сумочке. Зонтики всегда были в моде – трех сложенных, четырех сложенных, автомат или простой – любой, но должен быть!

Итак пошел дождь. И наша пара, проходя мимо магазина грампластинок «Мелодия» решила зайти в него и переждать дождь. На весь торговый зал звучала одна из последних песен А. Розенбаума – «Вальс бостон». Вышла вторая пластинка его песен. Люди брали её, что называется, нарасхват. Народу здесь было как всегда много. Одни толпились у прилавка, кто-то в очередь в кассу, кто-то стоял поодаль и внимательно слушал слова песни: «На ковре из желтых листьев в платье простом, из подаренного ветром крепдешина...» Наверное, каждого, кто находился здесь, каким-то образом трогали слова этой песни, этой поистине Ленинградской песни в этот теплый осенний вечер. Стопка пластинок на прилавке таяла на глазах.

Со словами «Пожалуй, я куплю эту пластинку!» мужчина отошел от своей спутницы. Пока он стоял очередь в кассу и расплачивался, она отошла к окну и тоже слушала песню. Оглядывала людей, прохожих за окном. И подумала, что очень соскучилась по родному Ленинграду, несмотря на месяц, проведенный на море. И что ни красоты южной природы, ни жаркое солнце, ни прекрасные пляжи, ни южное небо с яркими звездами не заменят ей любимого города, прекрасного в любую погоду. Невидимые нити связывали её судьбу с судьбой города. Проходя по Невскому мимо костела святой Екатерины, она вспоминала, что здесь крестили её дедушку в 1899 году, ей было жаль, что она никогда не видела ни бабушку, ни дедушку, разве что на старинных фотографиях. Дед, умерший в блокаду, похоронен на Пискаревском кладбище. А мама, пережив блокаду совсем юной девушкой и похоронив бабушку, закончив кур-

НАТАЛИЯ РЕМОРЕНКО

Заколдованные деньги

Сказка

Миша с Соней возвращались из школы домой. У Миши было пять уроков, он учился в пятом классе, а у Сони четыре, поэтому ей пришлось целый урок ждать брата. Выйдя из школы, они поторопились домой, где ждал их вкусный обед.

- Миша, почему после пятого урока ты долго не выходил? - удивлённо спросила Соня.

- Ой! Прости, я забыл тебя предупредить, что у нас сегодня классный час, - ответил Миша.

- Да ладно, я зря время не теряла, стих выучила на завтра. А классный час интересный?

- Очень интересный! Про совесть и честность рассказывали, о том, что они всегда с нами. Что быть добрым и порядочным очень важно в жизни. Я вот всегда буду честным. Вот держи конфету, было две, я одну съел, а вторую тебе оставил, всё честно! Это меня сегодня Васька, друг мой, угостил, а я тебе оставил, - гордо сказал Миша, протягивая конфету сестре.

- Спасибо! - поблагодарила Соня и, быстро развернув фантик, опустила конфету в рот.

- Вкусная! Да, хорошо было бы, если б все были честными и добрыми! А ты всегда такой будешь? - спросила сестра брата.

- Всегда! - уверенно ответил Миша.

Они дружно шли домой, махая портфелями, рассуждая о честности и доброте.

До их дома оставалось уже совсем немного, как вдруг впереди они заметили старую бабушку, которая шла тихим шагом.

- Если бы у бабушки в руках были сумки, я бы ей обязательно помог, - уверенно сказал Миша.

- Но у неё нет сумок и идёт она хоть и тихо, но уверенно, - продолжила Соня, и помочь ей нечем. Жаль.

Вдруг бабушка остановилась, оглянулась, увидев Мишу с Соней, улыбнулась, и тихим шагом продолжила свой путь. Когда ребята почти

догнали бабушку, она вдруг опять остановилась и засунула руку в правый карман своего платья. Доставая что-то, бабушка не заметила, как из её кармана выпали деньги. Она опять что-то положила в свой карман и пошла дальше, не оглядываясь.

- Смотри, Миша, бабушка деньги потеряла! - вскрикнула девочка.

- Не кричи Соня! Я вижу! Пойдём, - чуть шёпотом произнёс мальчик.

Они подошли ближе и увидели на земле четыре бумажки по пятьсот рублей. Миша тут же поднял деньги.

- Надо догнать бабушку и отдать ей деньги, - сказала Соня. - Надо поторопиться, а то она сейчас скроется за углом, - торопила Мишу сестра.

- Подожди, не шуми, - пряча деньги в руках, ответил Миша. - Мы не успеем. К тому же может бабушки деньги и не нужны, раз она такая неаккуратная. Зачем стареньким деньги, они же конфеты даже есть не могут, на что же им тратить.

- Ты, чего, Мишка, - возмутилась Соня. - Ты же только что мне о честности и о совести говорил, а сам...

- А, ну да, насчёт честности, ты права. Миша посчитал деньги, там было ровно две тысячи рублей, четыре купюры по пятьсот. Две из них он протянул сестре.

- Ну вот, теперь честно, мне тысяча и тебе тысяча рублей! - довольно произнёс Миша, отдавая половину сестре.

Соня растерянно держала деньги в руках, не зная, что дальше делать, а Миша быстро спрятал свою долю в карман.

- Пошли домой, Соня! Мама нас уже заждалась наверно, - сказал довольный Миша.

- Нет, нельзя так. Давай вернём деньги бабушке! Мишка, побежали, догоним её,- уговаривала сестра брата.

- Ты можешь что угодно делать со свои-

Золотое Слово - 9

ми деньгами, Соня, а мне мои пригодятся! Ох, сколько я всего куплю... - задумчиво сказал Мишка, смотря куда-то вдаль, мечтая о покупках.

- Ну и как хочешь, а я деньги верну бабушке! - сказала уверенно Соня и побежала догонять бабушку.

Бабушка только что скрылась за углом, но Соня её успела догнать, прежде чем та дошла до остановки на троллейбус. Видимо, она собиралась уехать. Подбежав к бабушке, Соня протянула деньги:

- Возьмите, пожалуйста, это ваши деньги! Они выпали у вас из кармана, - быстро выпалила Соня.

Бабушка посмотрела на девочку, улыбнулась и взяла деньги:

- Спасибо, девочка! Видно, что ты с совестью дружишь. Но тут не все, ты не знаешь где остальные, у меня ведь две тысячи было, а тут только одна?

Щёки у Сони покраснели, ей было стыдно за брата, и обманывать бабушку она не могла и про брата рассказать тоже. Она просто молчала, наклонив голову.

- Ничего, не переживай девочка, - выждав небольшую паузу сказала бабушка. - Я тебе секрет один расскажу: деньги те заколдованные. «Кто взял чужое, потеряет своё», передай мои слова своему брату. А мне пора, троллейбус мой подъехал. Иди, иди, милая, и не расстраивайся.

Бабушка быстро зашла в троллейбус и исчезла вместе с ним. Соня подумала, что ей, наверно, это показалось, и она просто отвернулась и не увидела, куда поехал троллейбус. Вернувшись к брату, она передала ему все слова бабушки.

- Да ну её, скажет тоже, заколдованные деньги! - возмутился Миша и, вынув их из кармана, стал их разглядывать.

- Деньги как деньги, тоже мне, придумала, заколдованные! Пойду сейчас и потрачу их, и посмотрим, какие они заколдованные!

- Может не надо, Миш,- тревожилась за брата Соня. - Может, завтра эту бабушку встретим, и ты вернёшь ей деньги.

- Вот ещё! Нет! Пойдем в магазин! Сама всё увидишь. - Миша схватил Соню за руку и

повёл в магазин.

Соня категорически заявила, что ей ничего не надо и что даже её любимые конфеты, купленные на эти деньги, она есть не будет.

- Ерунда! - сказал Миша и стал набирать в корзинку всяких сладостей.

Подойдя к кассе, он протянул одну из пяти соток, при этом подмигивая сестре.

Продавец взяла купюру и стала её разглядывать. Потом обратилась к Мише:

- Ну что, молодой человек, будем играть или платить?

Миша ничего не понимал:

- Я же вам дал пятьсот рублей! Вот они у вас в руках!

- Мальчик, хватит шутить, - строго сказала продавец, возвращая купюру назад. - Ты что, хочешь расплатиться за товар простой бумагой? Кстати, на этой простой бумажке написано, что ты обманщик.

Миша быстро забрал купюру назад и протянул вторую.

- Я наверно перепутал, вот возьмите, это пятьсот рублей.

Продавец взяла вторую купюру и тут же разозлилась:

- Ты что, мальчик, поиграть со мной решил? Опять бумажку подсунул, а на ней написано «этот мальчик - лгун». Это тебе не детский сад, посмотри уже целая очередь за тобой выстроилась, а ты всё шутишь! Охрана, ну-ка поговорите с этим юным юмористом, а мне некогда, людей обслуживать надо, уже очередь возмущается.

Подошедший охранник забрал корзинку у Миши:

- Ну, пойдём, шутник, родителям звонить. Пусть с тобой разбираются.

- Это не я, это бабушка виновата, она деньги заколдовала, - сказал Миша.

- Ну вот вызовем родителей, пусть сами и с вами, и с бабушкой разбираются. А в магазине так шутить нельзя.

- Дяденька, отпустите нас, мы больше не будем. Мы сами виноваты, бабушка тут не причём. Правда, Миша? - слёзно просила Соня.

Кое-как они уговорили охранника отпустить их. Миша не мог поверить в заколдованные деньги и решил ещё раз проверить их. Как

Золотое Слово - 9

Соня его ни уговаривала, он всё же зашёл в магазин игрушек, чтобы купить себе робота, о котором давно мечтал, и стоил он как раз тысячу рублей. Но когда они подошли к кассе, произошло то, же самое, что и в предыдущем магазине. Только здесь продавец незамедлительно позвонил родителям, и они тут же примчались в магазин. Придя домой, возмущённые родители не могли понять, о чём наперебой рассказывают Миша с Соней. Немного успокоившись, они выслушали Соню. Девочка спокойно всё рассказала, а Миша при этом стоял с опущенной головой, ему было очень стыдно.

- Да, - сказал папа, - ну и дела! Разве ты не знал, что чужие деньги брать нельзя!

- Знал, - ещё больше краснея, произнес еле слышно Миша.

- Знайте, дети, бабушка права, чужие деньги всегда заколдованные. Возьмёшь их, а потеряешь совесть, честность, покой, сон и доверие!

- Поэтому бабушка сказала: «Кто возьмёт чужое, потеряет своё?» - спросила Соня.

- Да, дочка, потерять совесть и доверие, гораздо страшнее, чем потерять деньги! - сказал папа.

- Я верну деньги бабушке, найду её и отдам её заколдованные деньги, - всхлипывая, сказал Миша, вытирая слёзы, ведь он так не хотел потерять доверие его близких людей, что поняв это, он расплакался как девчонка. Соня плакала тоже, ей было жалко брата.

- Ну, всё, слезами горю не поможешь, хватит плакать, - строго сказал папа, завтра всё исправишь.

Весь вечер Миша провёл молча, раздумывая о том, как ему найти бабушку завтра. Деньги лежали на тумбочке, как бы напоминая о себе и о том, что произошло.

- Скорей бы настал завтрашний день, - думал Миша. Всю ночь он проворочался, ему не спалось. А в голове всё время проносились слова бабушки «Чужое возьмёшь - своё потеряешь», «заколдованные деньги».

Наконец-то утро, и дети, встревоженные предстоящим днём, умчались в школу. На уро-

ках они всё время заглядывали на часы, казалось, что время тянется, как резиновое. После уроков дети направились в ту сторону, где встретили бабушку вчера. Они ходили по тротуару туда и обратно, но бабушки нигде не было.

- Ну, всё, наверно, бабушка не придёт, - отчаялся Миша.

- Придёт! Обязательно придёт! - поддерживала брата сестра. - Ей же нужны её заколдованные деньги, она придёт, подождём!

Они прождали весь день, но бабушки не было. На следующий день её опять не было. И только на третий день Соня увидела на остановке бабушку - да, ту самую бабушку, которая собиралась сесть в троллейбус.

- Вот она, Миша, побежали, а то она уедет, - крикнула Соня и побежала на остановку, Миша бежал за ней.

- Подождите, не уезжайте, бабушка! - кричал Миша.

Бабушка оглянулась и, увидев бегущих детей, пошла им навстречу.

Миша без промедления протянул деньги бабушки:

- Вот, возьмите, это ваши деньги! Простите меня, пожалуйста!

- А, мои заколдованные деньги! Спасибо, милый! Они мне очень, нужны! А вы молодцы, нашли меня. За ваш поступок, вот вам подарок от меня, - и бабушка достала из другого кармана две монетки. - Это вам на память от меня, не бойтесь, они не заколдованные, настоящие, берите!

Миша с Соней неуверенно взяли монеты и поблагодарили бабушку.

- Ну вот, мне пора, и помните, чужие деньги - заколдованные деньги! - улыбаясь, сказала бабушка и быстро зашла в троллейбус, который взялся неизвестно откуда.

Помахав детям рукой, она исчезла вместе с троллейбусом.

Миша с Соней ещё долго стояли в недоумении, видя всё происходящее. Затем крепко сжав свои монетки в кулачках, счастливые, побежали домой.

СВЕТЛАНА ПАНОВА

Приключения Нансона (Продолжение)

Глава, объясняющая события, описанные ранее

Итак, Нансон со Славой превратились в летучих насекомых. Они подхватили за передние лапки Катю с Викой и роем вылетели в открытое бабушкой окно.

- Возвращайтесь скорее! – кричала им вслед старушка.

Нансон сориентировался на местности и взял курс на север, где чернела кромка дальнего леса. Полёт проходил вполне спокойно, если не брать во внимание поведение девочек. Они, конечно, могли бы вести себя и потише. Но когда собирается больше двух ребят, то спокойствия не жди. Они начинают хохотать, толкаться, пинаться, мало соображая, где находятся. Так и наши герои вели себя, вероятно позабыв, что они высоко в воздухе, а не где-нибудь в школьном коридоре на перемене. Наконец Нансон увидел муравейник. Путешественник принял решение о приземлении и подал соответствующую команду: сложить крылья. Выполнил её один только Слава. Девчонки же всё перепутали. В результате все повалились друг на друга и получилась куча мала. Между тем уже наступал вечер.

«Как бы не опоздать, а то придётся ночевать на улице», - подумал Нансон. Он ведь знал, что муравьи рано ложатся спать. И хотя погода для середины сентября стояла довольно-таки тёплая, ночь обещала быть сырой и прохладной. Но они успели вовремя. Главный вход в муравейник был ещё открыт, туда загоняли последнее стадо тлей, чтобы вести их на вечернюю дойку. Нансон подошёл к вахтёру и попросил доложить царице о своём прибытии. Вскоре каждый из гостей получил по пахучему пропуску, и они были допущены в покои Лили.

«Сейчас, наконец, я увижу царицу», – думала Катя.

Вика же просто озиралась вокруг. Ребят по-

разило убранство и устройство муравейника.

«Прямо дворец какой-то. Вот бы никогда не подумал, что такие муравейники бывают», – размышлял про себя Славка, оглядывая помещения, которыми вёл их Нансон. Подойдя к тронному залу, Нансон сунул охраннику под нос свой пропуск и прошёл первым. Все остальные, осторожно ступая, проследовали следом. В честь гостей накрыли праздничный стол. Он ломился от обилия угощений. Чего тут только не было: тушёные и солёные грибы, взбитые сливки, приготовленные из тлиного молока, берёзовый сок и ещё с десятков экзотических блюд, которых никогда никто из наших друзей не пробовал. Во главе стола сидела сама царица, а по бокам муравьи-старейшины. Лили жестом пригласила гостей садиться.

- Ну как, Нансон, ты конечно выполнил моё поручение и отнёс дневник? – спросила она.

- Я не смог этого сделать, ваше величество? – после некоторого молчания признался насекомый.

- Что же тебе помешало, друг мой?

И Нансон поведал Лили о том, что произошло с ним и его друзьями: о сбоях в работе пульта и о неожиданном превращении детей в насекомых.

План Лили

Царица внимательно выслушала Нансона.

- То, от чего в передатчике произошёл сбой мне понятно, – наконец, произнесла Лили. – Там попросту произошла утечка экдизона. Им обычно управляют подобную аппаратуру.

- А что это за экдизон такой? – спросил Нансон.

- Это гормон линьки, который участвует в превращении личинки насекомого в куколку, а затем в бабочку. Наши учёные добывают его из листьев тисса, поедаемого шелковичными червями. Таким образом любое насекомое про-

Золотое Слово - 9

стым нажатием кнопки в одну минуту способно превратиться в летучее существо.

- Но почему же я превратился не в бабочку, а в человека, а дети, наоборот, в насекомых? – поразился Нансон.

- Этого я не знаю, - огорчилась Лили. – Но завтра у большого дуба состоится слёт букашек-биологов, придут и посланцы главного Хранителя. Я вновь посылаю тебя туда и прошу отнести дневник. Там соберутся мудрейшие из насекомых, и они, конечно, помогут детям. А сейчас вам надо хорошенько выспаться. В муравейнике отведут вам лучшие комнаты.

Тут к нашим путешественникам подошёл рассылный. Им оказался ни кто иной, как Глухой. Нансон его сразу узнал. Глухой устроил на ночлег Катю с Викторией, перепоручив их горничной, а потом вернулся за Нансоном и Славой и повёл их к себе в келью.

- Ну как вы тут поживаете без меня? – спросил Нансон Глухого.

- Да в общем неплохо, – ответил муравей. – После постройки нового гнезда особых приключений не случилось, если не считать новых попыток людей вновь проникнуть в муравейник.

- Каких людей? – удивился Слава. – Разве тут до нас уже побывали люди?

- Да, друг имеет ввиду мелких людишек, раньше проживавших у муравьёв, – пояснил Нансон.

- А как они к ним попали?

- О, это длинная история, - сказал Глухой. – Много веков назад случилась на Земле страшная катастрофа. В древних папирусах дедушки Ноя указано, что не последнюю роль в произошедшем сыграли люди. Они взорвали какую-то страшно большую бомбу, от которой в воздух поднялись целые тучи пыли. От смрада невозможно было дышать. Всё небо тогда заволочло пеплом. Многие животные от этого погибли. Насекомые спаслись тогда тем, что укрылись в своих домах под землёй. Термиты, например, замуровали себя в каменных дзотах. С тех пор они там и живут. Муравьи же построили подземные муравейники.

- А как же люди? – спросил Слава.

- После последующего затем оледенения, оставшиеся в живых ушли жить в пещеры. Но

некоторые из них так измельчали, что стали походить на букашек. Не имея средств к существованию, они попросились в муравейник. Муравьи сжалились над ними и взяли людишек к себе. Но те отплатили им чёрной неблагодарностью, открыв ворота разбойникам-ломехузам. Но, построив новый дворец, мы теперь и близко не подпускаем к нему людишек.

- Почему же вы пустили в муравейник нас? – спросил Слава. – Ведь мы же тоже люди.

- Человек человеку рознь. И вы не такие, как они. Даже превратившись в букашек, вы остались людьми с большой буквы. Ну, всё, хватит разговоров, завтра рано вставать. – заключил Глухой и пошёл готовить спальные места.

Друзья превосходно разместились каждый в своём отсеке. Лёжа в деревянной колыбельке, Славка чувствовал себя довольно-таки странно. Он не знал куда девать ему свои многочисленные конечности, наконец, он сложил их попарно на животе. Ещё сегодня утром он ни о чём таком не думал. Какие-то мелкие букашки его вовсе не волновали. Он и помыслить не мог, что сам превратится в зелёное существо. Как он жалел теперь, что не изучал повадки и образ жизни насекомых, возможно, это ему сейчас помогло бы. Правда, здесь он не случайно. Его согревала мысль, что он не оставил девочек в беде и будет им надёжной опорой. При этом он глубоко вздохнул и, наконец, забылся тревожным сном. Катя же с Викторией долго не могли уснуть. Они осмотрели колыбельки, в которых предстояло им спать, но лечь туда не спешили. Вдоль стен были расставлены корзины, а может быть ходунки, наполненные чем-то блестящим. Они заинтересовались у горничной, молоденькой рыжей муравьице, что лежит в корзинах. И она объяснила девочкам, что там хранятся разные ритуальные принадлежности.

- Вот это, например, - горничная достала какие-то тоненькие нити, - накладные усы царицы. Лили надевает их во время праздников.

- А можно посмотреть? – спросила Вика.

Горничная передала ей украшение. Усы горели и переливались всеми цветами радуги, чем вызвали восхищение обеих девочек. Они, наверное, до полуночи рылись в корзинах, всё перебирая прозрачные серьги и серебристые

кольца, примеряя их на свои шупальца.

- Эти кольца серебряные? – спросила Вика.

- Нет, - ответила горничная, - они покрыты специальными чешуйками, поэтому так блестят.

- Вот бы пойти в этих бусах на дискотеку, - сказала Вика, обмотав извилистую зелёную шею янтарём. – Бывают тут у вас дискотеки?

- По праздникам иногда, - кивнула головой муравьиха, складывая украшения обратно в корзины.

Вдруг, она наткнулась на миниатюрную шкатулку из чёрного бархата. Горничная раскрыла шкатулку. К шёлковой подкладке был прикреплен золотистый жук.

- Ой, какой хорошенький, - запищали девчонки.

- Это подарок царице – священный жук Скарабей, – сказала горничная.

- А для чего он нужен? – спросила Катя.

- Для ритуала какого-то, - повела плечами горничная.

На следующее утро

Рано утром, когда пастухи только выгоняли на пастбища первые стада тлей, наши путешественники, выпив по кружке молока, уже готовились к отлёту.

- Надеюсь, на этот раз всё пройдёт нормально, до свиданья! – махала им из окна платком Лили.

Не прошло и минуты, как четверо путешественников взмыли в воздух.

Теперь всем, надеюсь, стало ясно откуда вдруг на поляне возле большого дуба появились наши друзья. Они поднялись в президиум и тогда все букашки их увидели. Сидевшая во втором ряду Нюся, которая, готовясь к своему выступлению, очень волновалась и вообще ничего не видела и не слышала, тут, вдруг, подняла голову и тоже их заметила. В странном зелёном насекомом, похожем на кузнечика, она сразу узнала Нансона.

- Боже мой, это же Нансон! – воскликнула Нюся.

Тем временем насекомыш протиснулся к председателю и попросил слова.

- Уважаемые участники слёта! – начал свою речь Нансон. – Мне очень неудобно прерывать речь нашего гостя, но я хотел бы сделать заявление, которое поможет нам всем во многом разобраться. Я нахожусь здесь по поручению царицы муравьёв. Она просила меня передать в центр информации свои дневниковые записи. Вот они. Так получилось, что вместе со мной прибыли сюда те, с кем хотел встретиться посланец главного Хранителя. Это мои друзья, люди. И пусть они ещё только дети, но конечно вырастут и смогут сами тогда управлять нашим общим домом – планетой Земля.

Вперёд выдвинулись Слава, Вика и Катя. Они слегка поклонились зрителям.

Тут в зале раздался дикий хохот, переходящий в комариный писк и улюлюканье.

- Какие же это люди! – кричали с мест букашки. – Что, мы людей не видели что ли!

- Прошу тишины! - резко пропищал архивариус. – Ну, хорошо, а чем вы докажете, что действительно люди?

Тогда, порывшись в своём рюкзаке, Слава извлёк тетрадь. На обложке красовалась надпись:

Тетрадь

По биологии ученика 7 «Б» класса

322 школы

Огородникова Вячеслава

Старейшины насекомого мира вместе с посланцами с интересом рассмотрели предъявленный документ и, посоветовавшись, решили перенести собрание на следующий день для детального изучения тетради. Скоро все букашки расползлись по сторонам. На поляне под большим дубом остались лишь посланцы, старейшины во главе с Ноем, наши друзья, да ещё Нюся, которая забралась на сцену по приставной лестнице. Позади Нюси, правда, карабкался ещё кто-то, но она не обратила на это внимания.

В центре информации

Все букашки вместе с нашими друзьями подползли к дубу. Ной дёрнул колокольчик.

Раздался мелодичный звон, и у подножья тут же отворилась маленькая дверь. Навстречу гостям выполз небольшой жучок. Им оказался жук-точильщик Шок. Он приветливо зашевелил усиками, пропуская всех вперёд. Затем прикрыл дубовую дверь и нажал кнопку скоростного лифта. Букашки заполнили его до отказа. Чтобы всем разместиться в кабине многие забрались на стены и даже на потолок. Вычислительный центр располагался высоко наверху, в самой большой ячейке. В стены были вмонтированы удобные кресла, в которых лежали и сидели жуки и личинки. Слава, Вика и Катя тоже забрались в одно из кресел, дожидаясь пока старейшины изучат тетрадь. Нансон с Нюсей расположились неподалёку. Вдруг к ребятам подошли два неизвестных насекомышам и представились работниками центра.

- Так вы и есть те самые ребята, которые превратились в насекомых? – спросили они.

- Да, – за всех ответил Слава.

- Как же это случилось?

- Мы нечаянно воспользовались аппаратом нашего друга Нансона, превратившего его в человека, а тот дал сбой.

- А где же сейчас аппарат?

- У Нансона в рюкзаке, – пропищала Вика и показала щупальцем в сторону соседнего кресла.

Тут створки дверей, соединяющие две соседних ячейки, раздвинулись и на пороге появились посланцы, архивариус и жуки-старейшины.

- Ну, достойные отроки, мы изучили ваши записи. Не всё в них нам до конца понятно, но безусловно ясно одно: вы действительно люди, – подёргивая передней лапкой левый ус, сказал посланец.

- Теперь нам стоит заняться аппаратом, так неудачно превратившим вас в насекомых, - повернувшись к детям воскликнул архивариус Ной.

- Да, да, покажите-ка нам его, – подтвердил посланец. - У нас большой опыт в использовании такого рода техники.

Нансон радостно подхватил свой рюкзак и устремился навстречу иноземным гостям. Развязав щупальцем тесёмки, он быстро распахнул его, но пульта там не оказалось. Он бесследно исчез.

Рассказ Навозного жука

Следующий день выдался замечательный, просто летний. Недаром говорят, что в середине сентября наступает бабье лето. Солнце слепило глаза, в высокой траве стрекотали кузнечики, а на лугу под старым дубом проходила паучья ярмарка. Многие известные компании участвовали в ней. Тут можно было видеть рекламы таких фирм, как «Человек-паук», «Паук Плюс» и даже несравненные «Кружева Арахны». Весь луг был бел от тончайшего полотна. Пауки наткали его столько, что им можно было бы обернуть весь мир, насекомых одеть в чистые белоснежные рубашки, а букашек-первоклашек нарядить в кружевные передники. Такого количества всевозможного народа из мира насекомых здесь давно никто не видел. Кроме развешанной и разложенной паутины, ярмарка пестрила и другого рода изделиями, всякими яствами и напитками. Насекомые и насекомых носились вдоль ярмарочных рядов и ощупывали усиками товар. В воздухе роились тучи комаров-долгунцов. От ветра, поднятого их крылышками, трепетала лёгкая паутина. Все бегали, суетились, пытаясь запастись тканью на целый год, и только неповоротливые жуки-старейшины смотрели на всю эту суматоху свысока. Забравшись на нижнюю ветвь дуба, они толковали о своих проблемах, спорили и рассказывали интересные истории из своей жизни. Среди прочих выделялся огромный жук Навозник. В своём чёрном блестящем фраке он выглядел настоящим баринном.

- Вот вы говорите ярмарка, ярмарка, - жужжал Навозник глухим басом. - А знаете вы, к примеру, кто такая Арахна?

- Президент одной из фирм, - пискнул кто-то.

- Ха! Президент. Это Женщина-Паук! По преданию, когда-то давно богиня Афина превратила рукодельницу Арахну в паука за то, что та выткала покрывало, по красоте не уступающее её изделиям. С тех пор живёт Арахна пауком, а ныне возглавляет знаменитую фирму. По прочности нет равных тканям этой компании.

Тут к жуку подседа зеленоглазая маленькая букашка – Нюся.

- Скажите, - пропищала Нюся. – А не пыталась эта Арахна превратиться обратно в человека?

- Да она много раз превращалась в женщину.

- Почему же она сейчас паук?

- Вероятно, в облике паука ей жить интересней. Здесь, в мире насекомых, она знаменита, а у людей её никто не знает.

- А что, к примеру, надо, чтобы превратиться из букашки в человека?

Жук почесал щупальцем за усиком.

- Надо прежде всего быть человеком. Если ты никогда им не был, то очень трудно им стать. Знал я в молодости одного жука. Всё хотел в люди выбиться.

- У него наверное машинка превращательная была? – поинтересовалась Нюся.

- Да нет, он больше на волшебство надеялся. Был у него один талисман старинной работы. Так вот с помощью этого предмета он и хотел добыть богатства и стать человеком. Почему этот жук считал талисман волшебным и как он к нему попал, это отдельная история. Рассказывали, что достался он ему от прабабки, а ей будто передала украшение перед своей смертью дальняя родственница по материнской линии, древняя старуха жучиха. А старухе вроде бы жук короед завещал. Он на корабле по морям и океанам путешествовал и из Африки его привёз. Когда старый буфет из кают компании выбросили, где жук обитал, пришлось ему на берегу поселиться. Долго талисман у него в сундучке хранился. А старая жучиха франтихой в молодости была, вот жук ей его и подарил. А красивый тот талисман был - страсть, потому что блестел как золото, украшенный надкрыльниками Златок. Есть такие красивые жучки, из них древние египтяне себе брошки и браслеты изготавливали. А тот талисман в виде жука был сделан. И на спине того жука волшебные заклинания начертаны были. Древние люди ему как божеству поклонялись. Вот мой знакомый и хотел посредством этого украшения в человека превратиться. Но, сколько он ни старался, ничего у него не вышло.

- А где сейчас этот талисман?

- Да говорят, у муравьёв.

В павильоне

Нюся кубарем скатилась с дуба и побежала разыскивать друзей. Она потеряла их, когда Нансон увёл Славку, Катю и Вику в гости к старому архивариусу. Нюся увидела внука архивариуса – Шока. Тот сидел за компьютером, производя какие-то сложные вычисления.

- Что ты делаешь? – спросила Нюся.

- Разыскиваю аппаратуру, работающую на экдизоне, дедушка велел.

- Ну и как, нашёл?

- Да. Всего существует три агрегата, один находился у муравьёв, второй у бабочек, а третий у луговых шмелей. Из них лишь у муравьёв он был исправен. Остальными давно никто не пользовался. Все они в разобранном состоянии лежат в кладовке.

- Понятно, а где ребята?

- Вроде, они вчера на ярмарку собирались.

Нюся включила крейсерскую скорость и понеслась осматривать ярмарочные ряды. Она, как метеор пронеслась по лугу, но никого не встретила. Остановившись на перекрёстке, Нюся в нерешительности покачала усиками. Вдруг ей под ноги покатались пестик, тычинки и другие запасные части от колокольчика. Она подняла голову и вдруг увидела на высоком, раскачивающемся на ветру стебельке Славку. Как ни в чём не бывало, он сидел на самом вершине, засунув голову в синий колокольчик.

- Ты что там делаешь? – удивилась Нюся.

- Да, вот громкоговоритель попросили отремонтировать.

И правда, через несколько минут из исправного колокольчика, как из репродуктора, вдруг послышалась тихая музыка. После этого Славка, словно заправский мастер лихо закинув ранец на плечо, спустился вниз.

- Слава, где Нансон и Катя с Викой?

- Да в соседнем павильоне.

- Пойдём скорее к ним, мне надо вам кое-что рассказать.

В соседнем павильоне проходил мастер-класс. Паук Крестовик всем желающим показывал, как надо плести паутину. Неподалёку от паука стояли Вика с Катей и, как зачарованные, следили за его действиями. Вдоль станка

Золотое Слово - 9

на котором работал паук была натянута огра- дительная нить. За неё заходить было нельзя, потому что можно было запутаться в паутине. Но девочки всё время норовили прикоснуться к клейким кружевам. Хорошо еще, что Нансон следил за ними и вовремя оттаскивал назад. Внизу в глубине павильона на низенькой ска- мейке сидела сгорбленная старуха. Она тоже наблюдала за пауком, но не говорила ни слова и, только когда тот закончил работу, встала со своего места.

- Ну что ж, - сказала старая паучиха, зада- ние выполнено на «Отлично» .

Она разогнула сгорбленную спину, сдёрну- ла седой парик и отбросила в сторону старую шаль. Глаза паучихи горели молодым огнём.

- Разрешите представиться, Арахна.

Все удивлённо ахнули.

- Вот она, несравненная Арахна! – подума- ла Нюся. – Сейчас я всё у неё узнаю.

Но не успела Нюся подбежать к ней, как Арахна метнулась к невидимой паутине и бы- стрее молнии взлетела по ней вон из павильо- на. К поражённой Нюсе подошёл Славка.

- Ну, так что ты нам хотела сообщить?

А что же дальше

Ребята шли по дорожке, направляясь к Шоку. Нюся семенила рядом и тараторила без устали. Она рассказала друзьям о Женщине- Пауке, о волшебном талисмани.

- А не тот ли это ритуальный жук Скарабей, который хранится у царицы муравьёв, - вспо- мнила Катя.

- Точно, - подтвердила её предположения

Вика. - Мы действительно видели в сокровищ- нице у Лили какого-то золотого жука.

- Надо пойти к царице, и пусть она нам по- может превратиться обратно в людей! – крик- нул Славка.

- Постойте, - воскликнул Нансон. - Но ведь Лили не смогла нам помочь, видно она и сама не знала волшебные свойства того талисмана.

Так, разговаривая, они прошли ещё с пол- часа. Наконец, по обеим сторонам дороги стали попадаться огромные бочонки опавших желу- дей, это означало одно: скоро появится и боль- шой дуб. Вскоре ребята увидели жука-короеда. Он стоял в компании архивариуса и пришель- цев и что-то показывал им. Подойдя поближе, друзья увидели, что в лапках у него чертёж. Оказалось, что это и есть схема аппарата, пре- вратившего детей в насекомых.

- На качество работы прибора, я думаю, по- влияла близость какого-то магического пред- мета, – произнёс один из посланцев, худой, облезлый таракан. - Биополе его оказалось на- столько сильным, что изменило весь конечный результат. Поэтому ваш друг и превратился в человека, когда же действие поля ослабло, про- изошёл обратный эффект и дети, получившие дозу экдизона, стали летучими букашками. Не- обходимо выяснить: где находился аппарат до того, как его вручили Нансону. Не было ли око- ло него какого-нибудь волшебного амулета или перстня.

- Конечно был! - закричали хором наши друзья.

- А, превращённые гости! - воскликнул ар- хивариус, пропуская ребят вперёд. Клянусь па- пирусом, им есть что нам рассказать.

Продолжение следует

ОЛЬГА САФАРОВА

Саломэя

Повесть

(Окончание)

Азартные игры

Утром Мею разбудил телефон, далёкий голос Антона:

- Вчера не мог дозвониться, моя ладушка, киска-лапушка, ну не сердись, я вылетаю сегодня же, но... но - в Николаев, в тамошнюю Инспекцию, и оттуда, клянусь, - сразу же в Сочи, это ведь рядом совсем, завтра же на пароходе прибуду... ну, отрубишь мне повинную голову, чародейка, Саломея моя, и я с головой под мышкой пойду в Сочинскую Инспекцию править государеву службу... - внезапно их разъединили...

Мея с трубкой в руках невидящими глазами смотрела на своё отражение в зеркале туалетного столика, в голове всё смешалось - милый родной Антон... а как же вчерашнее наваждение, эта пугающая (придётся называть вещи своими именами) внезапная животная страсть? Этот опасно-притягательный Ивар, этот викинг-завоеватель? Надо что-то делать... или не надо? Надо... надо на сегодняшний день убраться из этого опасного бермудского треугольника - «Камелия», «Приморская», Цирк, - уехать на целый день на какую-нибудь экскурсию, что ли... или пойти на городской пляж в «Ривьеру», где наверняка не будет знакомых? Да, на городской пляж, потом на рынок за фруктами, потом можно в кино - до самого позднего вечера, а там видно будет!

Она приняла душ, натянула джинсы и лёгкую блузку из шитья, небрежно скрутила волосы на затылке; так... Сашины очки на нос, пляжную сумку через плечо и быстро - на улицу...

А на улице... - в белоснежной, небрежно растёгнутой на загорелой безволосой мускулистой груди рубашке, её ждал викинг-

завоеватель Ивар, на воображаемых знамёнах которого было написано: «возьму и будь что будет!», а в кармане лежал ключ от домика где-то за вокзалом.

И они сначала отправились в «Ривьеру», подальше от чужих глаз. Там, в простенькой забегаловке ели какие-то плюшки с жидким кофе и нервно смеялись, как дураки, над всякой ерундой, смехом маскируя своё возбуждение и дрожь в руках... и он ей промурлыкал на ушко: «странники в ночи», и у неё бегали сладкие мурашки по позвоночнику, а его чудовищно восставшее мужское естество еле умещалось в плавках под джинсами...

Мея сняла Сашины очки, она не хотела ничего видеть, кроме светлых глаз завоевателя, таких пугающе близких... И вот они теперь уже в такси... и этот дурманящий запах его тела... а он, зарывшись лицом в её распутившиеся волосы, еле сдерживал себя...

Вот щёлкнул дверной замок, отгородивший их от всего мира и, побросав одежду куда попало, прямо на ковре - на волшебном ковресамолёте - они, слившись, поплыли в невесомости по медовой реке... - и в горячечном беспомоществе «стали двое - едина плоть...».

Ах, медовая река, пьяные берега, жаркие всполохи, истомные вздохи... положи меня как печать на сердце твоё...

И вот она - Любовь, неотвратима как Рок, прекрасна как заря первозданная, грозна, как полки со знамёнами...

* * *

А на пляже «Камелии» Андрей усердно дружил с Пейсашкиным, нащупав интересующую того тему - коллекционирование марок.

Золотое Слово - 9

Андрей знал много всего понемногу и умел поддержать разговор на любую тему. Абрам повествовал о какой-то «гвинейской розовой», и Андрей успешно «соответствовал», ожидая начала условленной игры, назначенной на двенадцать дня.

И наконец они собрались в номере Лео: сам иллюзионист, Андрей и Павел Бута, без секундантов и помощников, как было договорено: деберц на троих, по десятке за очко. Распечатали новую колоду, купленную в киоске гостиницы, кинули жребий кому сдавать, выпало Лео (как оказалось впоследствии, очень удачно, что именно ему).

Пошла игра, как положено, без лишних разговоров, слышались только заявы и термины: фреза, берц, полтина, белла. Андрей чувствовал себя уверенно: предупреждён – значит, вооружён, он помнил: Мея сказала про правую руку Седого. А тот уже выпустил «лишака» (лишнюю карту), но, поймав взгляды Андрея, озадачился, сбился с ритма. «Как же так, - подумал, - я же поменял руку». Андрей нейтрализовал «лишака» парой финтов, взглянул на Лео, тот сопит, ничего пока не видит, порядочно проигрывает. Ловкость рук освоить гораздо проще, мелькнуло у Андрея на краю сознания, а вот освоить психологическое манипулирование людьми...

Игра идёт своим чередом, и постепенно Андрей осознаёт: по всему получается, что он сам и Седой меж собой бьются за куш иллюзиониста, может быть, Седому «маяк» послать - объединиться против лоха... Но как? - он, Андрей, с Седым первый раз играет, условных «маяков» нет...

Чужая сдача, гляди в оба, Андрей, как бы «врезку» не пропустить, опа! – и вдруг Лео попёрло, да как попёрло!

Андрей незаметно одним глазом - на Седого, видит, что тот тоже всё происходящее плотно сечёт, опасается вольт сделать. Другим глазом Андрей - на Лео, тот чисто играет, точно – чисто! Значит ему редкостное, так называемое «фраерское счастье» пошло. Вот этого они со старым каталой цирковым не предусматривали!

Лео, пыхтит, прёт как на буфет... Седой и Андрей оба в проигрыше, они своими финтами просто друга друга нейтрализуют, и внезапную «фраерскую пруху» Лео им не перебить. Остаётся только один выход, понимает Андрей, аннулировать игру, поймав на «лишаке» Седого за руку - в переносном смысле, конечно, в прямом смысле хватать партнёра за руки - игрецкая этика не позволяет, да за такое и прибить могут.

Единственный способ выявить «лишака» - это пересчитать колоду - ну, а если Седой его уже убрал? Уронить пару карт на пол? - но сейчас не было договорённости, как иногда бывает: если карта на полу – игра аннулируется.

А игра идёт, Лео в экстазе, Седой озабочен, Андрей, перебирая варианты в голове, держит фасон – невозмутим, собран, а сам лихорадочно ищет решение...

И вдруг его озарило - есть, есть выход! - Андрей надсадно раскашлялся, взмахнул платком, утираясь и, когда Лео на него взглянул, исхитрился в коробку из-под карт, где уже лежали ненужные в деберц шестёрки, - умудрился засунуть восьмёрку бланковую, и спихнул локтём коробку со стола. Седой, похоже, понял его маневр, поднял коробку, понёс её косо над столом, и... - законные четыре шестёрки и беззаконная восьмёрка выскользнули на всеобщее обозрение:

- ...Ба, так мы же неполной колодой играем! Да-а-а... Обидно! Случайность, конечно, но игра аннулируется...

Восклицания, ругательства, всеобщее недоумение, выяснения, как такое могло произойти? Кто первый сдавал? – так Лео сам и сдавал первым - по жребью. Да, партнёры верят, верят, что случайно! Но - по правилам – игра аннулируется, все остаются при своих...

Лео готов был лопнуть от разочарования и злости... Азарт и озноб от напрасного, нереализованного «фарта» кипели в нём, он принёс коньяк, хватил для успокоения нервов и стал требовать начать новую партию.

Андрей и Седой, переглянувшись, согласились, но «...вечером, попозже, с секундантами и свидетелями...» И надо, мол, попросить «диспетчера» - старого Макса подобрать четвёртого

Золотое Слово - 9

партнёра. А почему бы и не Марка Тучу - предложил Седой (подумал: «Ну, вот я тогда с ним за игорным столом и поквитаюсь»).

Немного успокоившийся Лео вовремя вспомнил, что ему в цирк надо, проверить всё - завтра первое вступление, а он – гвоздь программы, и второе отделение – целиком его. И отбыл, расстроенный.

* * *

А в это время в маленьком домике за вокзалом двое, тесно обнявшись, полураздетые, - она в его рубашке, он в полотенце на бёдрах, босиком - медленно танцевали-покачивались под томительную мелодию «странников в ночи»; он поднимал её на руки, тихо кружил под музыку и шептал неразборчивые заклинательные слова, они пили молодое лёгкое вино и не могли оторваться друг от друга... И время остановилось для них в этот первый день творения их любовной вселенной, и длились секунды - как век, а часы истаявали - как секунды...

Но... на дневном представлении его подменил приятель-канатоходец, а к вечернему - ему надо было вернуться.

Когда он поймал такси, она настояла, что поедет одна, а он пусть тоже добирается один, - он неохотно подчинился, помог ей сесть на заднее сиденье, назвал водителю адрес и сунул ему деньги. Машина отъехала, он расстроенный, обиженный, недоумевающий смотрел вслед...

Сидя в машине, Мея в любовном томлении всё ещё была полна им, медовая волна так и обдавала её, накатывала и растворяла её в почти непереносимом головокружении. Господи, что она делает, что творит! Где её голова... пора включать разум... Какая голова, какой разум?... - голова отключилась, как только он к ней прикоснулся вчера в бассейне... Как, это было только вчера?! – Боже, и так сразу, на следующий же день она сдалась на милость победителя, завоеватель захватил её в плен, ах! – но какой сладкий плен...

Машина остановилась, она надела Сашины

очки и с гордо поднятой головой прошла через холл и дальше по лестнице – к себе. Что ещё сейчас можно было сделать - только делать вид: ещё утром она действительно была свободной и гордой, а сейчас - полонянка, данница страсти - она с трудом держала высоко свою повинную, подъярёмную голову.

Стоя под душем, она вспоминала, что ей утром сказал Антон... Господи, бедный Антон, как теперь, что теперь? Сегодня он в Николаеве, завтра будет, наверное, к вечеру, если на пароходе... Нет, она, преступная жена, не сможет даже взглянуть на него, надо улететь в Питер до его приезда - ну, как будто её вызвали срочно на работу... А как же Ивар? – при мысли о нём дрожь вожеления побежала по телу, она нарочно пустила холодную воду, ойкнула и, вытерпев секунд двадцать, выскочила из-под душа. Дрожа в махровом халате, воззрилась на себя в зеркале - она ли это - холодная, спокойная, рассудительная северянка с медленной кровью и трезвой головой? - да, была такой до вчерашнего дня! Слёзы брызнули из глаз, и она лицом вниз упала на кровать, затихла и внезапно заснула. И ничего удивительного - она изнемогла от любви...

Ивар же, посадив её в такси и посмотрев вслед с обидой в душе, поймал машину и, откинувшись на заднем сидении, всё ещё остро чувствуя её запах, вкус и прикосновения, думал, да понятно, она не хочет, чтобы их видели вместе там, где много знакомых... - муж и всё такое... не стоит обижаться; ну, а чего он ожидал? - что она всё оставит и прямо отсюда с ним вместе бросится в цирковую гримёрку и в гастрольные скитания?

Он то улыбался, то хмурился - нежность, сладкое опустошение и радость обладания мешались с горечью, обидой и предчувствием неминуемой потери - и тем острее он её хотел, опять хотел, бешено хотел...

В цирке шталмейстер попенял ему за дневную замену, партнёры что-то рассказывали, он как-то отшучивался, потом ушёл в свою гримёрку... В голове вертелись планы - перевестись в Ленинградский цирк, что ли, или тренером в Цирковое училище, а может быть, на кафедру

Золотое Слово - 9

спортивной гимнастики в Лесгафта? – Ага, сейчас! - Она что – уже попросила его об этом? - А его и не надо просить! – он сам решит, что делать, он её взял - и будь что будет...

И он пошёл на арену разминаться перед выступлением.

* * *

Проснулась преступная Мея от волчьего голода, и тоже не удивительно - энергетические затраты любовных объятий требовали восполнения. Она отправилась в ресторан, закрыла дверь номера, повернулась и... - из дальнего конца коридора ей навстречу шло чудовище-Минотавр - приземистое существо с громадной рогатой квадратной головой, за ним поспешал кто-то, кажется, с копьём наперевес... Она поспешно достала Сашины окуляры, водрузила... фу-у-у... - это кривоногий рабочий несёт на голове перевёрнутое кресло, а второй тащит следом оконный карниз наперевес, они вошли в номер наискосок напротив – ремонт, наверное...

В ресторанном зале она сразу увидела Пейсашкина с Андреем, они обедали и оживлённо беседовали. Абрам встал, перехватив её на полдороге к соседнему столику, проводил за свой, махнув на ходу официанту. Мея сделала заказ и отпила воды из налитого Абрамом бокала.

Тихо наигрывала пианистка, принесли заказанное, Мея с аппетитом принялась за еду, ожидая, что Пейсашкин спросит, почему она вчера так быстро ушла. Тот, ласково поглядывая на неё своими глазами-маслинами навываке, ни о чём не спрашивал, досказывал Андрею что-то про первую американскую марку. Потом извинился, сослался на деловую встречу, встал из-за стола, на ходу рассчитался с официантом за всех, игнорируя возражения Андрея и Меи, и ушёл.

Мея, сняв очки и приступив к десерту, взглянула на Андрея: знает он что-нибудь или нет, ведь Ивар его приятель. Нет, похоже, не знает. Андрей действительно ничего не знал Ивар никогда не распространялся о своих победах. Андрей же был весь в переживаниях по поводу

аннулированной игры и предстоящей сегодня поздно вечером большой игровой баталии.

И вот он, неожиданно для себя, памятуя, что именно Мея сказала ему о правой руке Седого, вдруг начал рассказывать ей о «лишаке» - лишней подброшенной карте, о «фраерском везении» Лео, перебившем волею случая все их финты; говорил, забыв о законе фартовой конвенции «не мести языком перед фраерами», не болтать, - и напрасно: за соседним столиком, спиной к ним сидел, наострив ухо, Марк Тучинский, которого диспетчер Макс сговорил на сегодняшнюю игру. Мея без очков, да к тому же со спины, его в упор не видела, а Андрей и не знал его в лицо. Ах, будь она в очках - многое в дальнейшем пошло бы иначе для некоторых участников событий! А она, думая о своём, вроде бы внимательно и доброжелательно слушала, машинально повторяла жесты Андрея, входя с ним в единый ритм и тем самым ещё больше располагала его к откровенности.

Марк же слышал не всё, но и пары специфических слов ему хватило, чтобы сделать свои выводы. Андрей закончил свою тираду словами: «...и вот, Мея, сегодня ночью будет игра «лоб в лоб», то-есть, по-честному, поэтому с секундантами, помощниками и со всей нашей бригадой».

«Лоб в лоб, - подумал Марк, - ну-ну...» - и усмехнулся про себя.

Мея, кивая, ни слова не слышала, мучительно соображая, как обставить свой внезапный отъезд, - и нужно ли это делать; как увидеть Ивара, и - надо ли его видеть; Антон парходом прибудет завтра поздно вечером - нет, она не в силах о нём думать; а Ивар – она не в силах о нём НЕ думать... Боже, как трудно быть женщиной и как всё просто у мужчин!

Она ошибалась – её мужчины тоже были в мучительных раздумьях. Антон из Николаева безрезультатно названивал ей в номер: внезапно оборванный утренний разговор поселил в нём тревогу, её голос был отрешеннее и холоднее, чем обычно, или ему показалось? Конечно, он сам виноват, надо было не отправлять её одну, брать отпуск, а не командировку. И этот инспекционный рейс Николаев-Сочи, причапа-

Золотое Слово - 9

ют только завтра поздним вечером...

Ивар же, отработав номер, сбежал от поклонниц и, стоя под душем, изводился, вспоминая, заново переживая сотворение - со-творение их небывало ослепительной вселенной Любви, парение-невесомость, шептания-заклинания, взрывы-замирания, и... секунды длились как век, и она – «как печать на сердце моём...» - а она уехала одна, оставив его посреди улицы... Нет, решил он – сейчас побреюсь, оденусь, и пойду в «Камелию», просто подойду, возьму её за руку и поведу ужинать в ресторан, будь там хоть кто угодно из её окружения, а потом увезу из гостиницы...

* * *

Мея очнулась от своих мыслей, взглянула на Андрея, тот как раз закончил что-то говорить и смотрел на неё вопросительно

- Да-да, – сказала она невпопад, он кивнул и улыбнулся, значит, ответ получился правильный.

Ей не хотелось идти в номер, и она попросила Андрея проводить её в бар. Он подал ей сумочку, она сунула туда очки и они пошли. Он помог ей устроиться на высоком стульчике у стойки, заказал себе и ей martini (она сама заплатила за себя) и минут через 15 извинился и ушёл - ему надо было перед игрой встретиться с Максом-диспетчером.

Она осталась одна, одиночество среди толпы, как хорошо: не видит ничего вокруг своим туманным взглядом, и не надо. Бармен у дальнего конца стойки вполсилы звука включил магнитофон – тяжёлый рок, Ингви Мальмстим, её любимая композиция «Queen in Love - Влюблённая королева». Мея слушала бешеные аккорды и мощный вокал, в её неверных глазах витало что-то радужное - наверное, строй бутылки за нечёткой фигурой бармена, взмывала музыка, знакомые слова – «влюблённая королева», это же про неё ... Что там дальше по тексту? Да-да, вот-вот - обманутый муж отправил их обоих на костёр... на костёр? Да она уже на костре.

И мысли побежали всё по тому же кругу,

как планеты вокруг солнца по своим орбитам, и когда она в десятый, наверное, раз сказала себе - уеду сегодня, сейчас же, первым же рейсом... - на соседнем стуле у стойки возник Ивар, обнял за плечи, взял её руку и положил ладонью себе на сердце. В ладонь отдавались мощные толчки, он прижал её руку теснее и тихо сказал:

- ...Вот так ты схватила меня и держишь...

Потом перенёс её руку на молнию своих джинсов, сквозь шершавую ткань её ладонь наполнилась... и не вместила... смутная действительность поплыла...

- ...Вот так ты схватила меня и держишь...

- прошептал он в её раскрывшиеся губы и поцеловал.

К залу они сидели спиной, высокая стойка по грудь заслоняла их от бармена, неистовые аккорды возносили слова «fire... feel the fire Your burning desire...» - огонь, во мне огонь твоей пылающей страсти... - гремела музыка его смятения, гремело сердце в ритме рока, Рока... - он сам от себя не ожидал такого... «I've lost control of mind and body...» - я потерял контроль над сознанием и телом, - пел задыхающийся голос – это про них, это они всё потеряли и обрели друг друга... Страсть уносила их ...

Она перевела дыхание, он взял её пальцы в рот и нежно покусал. Бармен с интересом посмотрел на красивую пару - норвежцы? - нежно зардевшаяся очаровательная русая девушка с рассеянным взглядом и взволнованный брутальный красавец с косичкой на затылке.

- Something for you? - подойдя, спросил бармен.

- Vodka on rocks, - глубокий баритон парня.

- Water on rocks, - хрустальный голос девушки.

Бармен подал просимое, девушка, пригубив, застенчиво взглянула на парня, тот залпом выпил свою водку, смущённо улыбнулся ей:

- Я так есть хочу, со вчерашнего дня, с самого праздника Симхастойра ничего не ел, да и там почти не ел - всё на тебя смотрел, русалка. Пойдём... - встал, застегнул блейзер, положил

Золотое Слово - 9

деньги на стойку, взял её за талию, снял с высокого стула и повёл в ресторан; бармен смотрел им вслед: шведы?..

Мея, оглушённая этой прилюдной музыкально-эротической интерлюдией, завожжённая, покорённая, влюблённая, смотрела, как ест кровавый ростбиф её герой, вертела стакан с водой и думала – а я и не знала, что так бывает... я его схватила и держу?.. Это он меня схватил и держит за те же места... И она опять покраснела...

Подошёл официант, получил деньги, сказал по-английски, что заказ в такси, такси у входа, поклонился, отодвинул Мею стул. Ивар, как и собирался, взял её за руку, повёл на улицу, усадил в такси, сел рядом и закрыл ей рот поцелуем.

Маленький домик за вокзалом ждал их, в пакетах оказалась всякая съедобная всячина. Фрэнк Синатра запел «странники в ночи», и они станцевали свой, ставший для них ритуальным танец, а потом медовая река понесла их в неведомость уже не лихорадочно-хаотично, бросая то в жар, то в пожар, а открывала им свои потайные бухточки и волшебные берега, чему они и предавались без устали, творя свою вселенную Любви, открывая друг в друге всё новые тайны ...

* * *

Поздним вечером на 10-м этаже гостиницы «Москва», в обычном номере, собралась большая компания серьёзных мужчин для серьёзной игры в покер «лоб в лоб», то есть, по-честному. А кто и когда, спросите вы себя, играл по-честному? Дети - и то жулят. Но конвенция – есть конвенция, игрецкий договор – игра лоб в лоб...

Лео, Седой, Туча и - четвёртым пригласили очень упакованного и авторитетного Азербайджанца с чемоданом денег и тремя секундантами.

- Карты проверять будете? - вежливо спросили Азера.

- Распечатывай, - буркнул тот в ответ. Его же секундант и распаковал колоду на 52 листа.

Седому досталась сдача, и он лихо начал врезать карты. То продольной, то поперечной врезкой, замечают это пока только Туча и сочинская бригада. Ну, в этой игре врезка мало что значит. Так, на всякий случай, подстраховочка. Наконец, Седой сдал карты, даже не попытавшись что-то «протолкнуть». Минут 15 идёт игра - и вот сдача Азера, он вполне профессионально затасовывает нужный расклад, но видит это только Макс, даёт «маяк» остальным, те финтами нейтрализуют, а Седой чистенько исполнил вольт со стола. А Лео - «порченный пассажир», и сам что-то почуял, как умел, ненавязчиво бегло проверил колоду на крап, но ничего не обнаружил. Ну, это всё присказка, а сказка - когда всё сойдётся в нужный момент, и на этом можно будет крупно взять...

Туча же, подслушав Андрея в ресторане, думает, что Седой играет на «лишаке». А тот, наученный предыдущей аннулированной игрой, ничего не вбрасывает. Лео играет пока чисто, с переменным успехом, давешнего форта – нет как нет. А четвёртый партнёр - очень авторитетный Азер. И у каждого, естественно, куча секундантов, местная бригада вся тут же. Ставки огромные, и вот Туча, вопреки конвенции, сам начинает играть на «лишаке».

Вторым помощником Азера Макс поставил Андрея, а для чистоты игры лоб в лоб, одного из Азеровских парней поставил секундантом к Лео – для равновесия и пригляда.

Старый Макс финт Тучи просёк, дал «маяка» Андрею, и тот нагнулся и что-то Азеру сказал. Туча зыркнул, всё понял и аккуратно так, проводя рукой мимо колоды, сбросил в нее карту, а другой рукой через ход такую же карту вольтом убрал. А руку нарочно продолжает держать «ковшиком», словно в ней еще остался «лишак».

А правило игрецкое такое: если засекли, что у тебя лишняя карта, весь банк достается соперникам. Азер поэтому после шепотка Андрея начинает поднимать ставки, чтобы на максимальном банке поймать «лишака». Дошли до астрономических сумм, у всех всё на кону, гора денег, и вот тогда Азер говорит Туче:

- Ну, чито, брат, даставай сваю карту.

Золотое Слово - 9

Туча показывает пустые руки, отгибает манжеты и кивает на колоду, мол, если хочешь меня уличить, пересчитай. Проверяют колоду - все карты на месте, лишних нет.

Азер - усы дыбом, красный, ощеренный, весь вне себя - невесть откуда вытаскивает нож и, сидя, из-под руки себе за спину метит в Андрея, целя ему в пах за ложную наводку... Тот увёртывается... И вот кто-то из секундантов уже достал стволы, кто-то - кастеты, Азера скрутили, Сочинская бригада кинулась на выручку Андрею, вытолкнули его в суматохе из комнаты, а у кого-то в руках уже выкидные ножи...

Шум, гам, разборка, а «лишака»-то нет - и Азера на авторитете и понтах заставляют продолжать игру, тот смиряется, мигает двум своим абрекам и посылает их за деньгами; с чемоданом денег возвращается только один; все понимают: второй ищет Андрея.

Ну, тут пошла другая игра, если уж Азер так себя показал. Все понимают - конвенция побоку! Позволили ему достать свою колоду, его же абрек и распечатал.

Все партнёры свои распри забыли, на Азера вызверились. Тут и Лео на своей сдаче как-то хаотично врезал колоду несколько раз, дал Азеру снять. И следом за тем ему был негласно «предъявлен» партнёрами весь арсенал трюков, полный шулерской боекомплект, - предъявлен мастерски, с виду не придерёшься: несколько вариаций на «лишаках», четыре разновидности вольта, «гнутка», «кладка», «чёс» врезкой и счетом. Озлившись, все старались, даже Лео действительно оказался - сильно «порченный пассажир». Ну, спускают Азера по полной, будет знать, как с ножами кидаться на официальной игре, не в подворотне ведь!

Дальше - ещё интереснее. Партнёры спасовали, Азер менял три карты, Туча одну. А то, что своя итоговая комбинация будет «фул» дам, Азер (тоже не промах) знал еще до того, как начал тасовать. Он знал и то, что у Тучи будет «фул макс», а тому это будет неведомо. Новый трюк, который Азер использовал, не мог быть никому знаком, так он полагал - и ошибся...

- Слово? - спросил Азер, стараясь равно-

душно глядеть в глаза партнёра.

- Пас, - кротко сказал Туча после некоторой паузы; значит, знает - подумал Азер, еле сохраняя спокойствие; собирая карты, попытался бегло выяснить - неужто просчитался, сдал ему пустую карту, а не «фул макс»?

Ну, уж при следующей сдаче (уж Азер постарался) ошибки точно быть не могло, а Туча взял и пасанул на «каре» валетов при Азеровских королях. Тот при очередной сдаче блефанул, - дал плюс на мелкой «паре». Соперник переплюсовал и так несколько раз. «Всё знает, собака!» - с отчаянием понял Азер... А Туча переплюсовывал до тех пор, пока Азер не спасовал окончательно... - проигрыш был огромный, он ещё остался должен немислимую сумму.

Потом по шулерской мельнице Харькова, Одессы и аж до Москвы ходили байки, как Старый Макс попользовал «лишака» Тучи вслепую и всеми продирижировал, чтобы завести и развести Азера. Всё удалось, да вот только на поножовщину он не рассчитывал, теперь Андрея надо было прятать.

* * *

На следующий день после полудня Ивар привёз утомлённую, зацелованную возлюбленную на машине в «Камелию», в машине она задремала головой на его плече, ион на руках внёс её в холл гостиницы мимо вытаращившего глаза швейцара и открывшего рот портье, бросив им на ходу:

- Дама на корте ногу подвернула...

- Может быть, врача?- бросился навстречу портье.

- Я - спортивный врач, сам справлюсь...

Мея только диву давалась на руках у своего флибустьера: вот это находчивость, вот это самообладание! Парню море по колено, ва-банк пошёл - а если Антон в номере?

Портье догнал Ивара, протягивая конверт:

- Вот, даме радиограмма пришла с парохода «Крым»...

Мея, обнимая одной рукой Ивара за шею, вальяжно протянула другую, взяла конверт,

Золотое Слово - 9

чуть ни прыснув от комизма ситуации. Он нёс её по лестнице, навстречу попала дама - «психлавеца», остановилась в изумлении, собачка тьякнула. Портье у подножья лестницы пояснил «психлавице»:

- Дама ногу подвернула...

В коридоре, рядом со свернувшимся на стене шлангом-удавом, они оба расхохотались.

- Да поставь ты меня, наконец, сумасшедший!

- Да, я сумасшедший, очень опасный безумец...

- Что да, то да, опасный безумец... - согласилась Мея и на ходу разорвала конверт: «Идём в Сочи на ходовых испытаниях теплохода, буду поздно, жди сюрприза, Антон» - как это он без нежностей обошёл, подумала Мея, ах, ну да – радиogramму радист отбивает, Антон постеснялся ему свои нежности доверять.

Боже! О какой ерунде она думает, когда надо что-то предпринимать, вот ведь есть такие счастливые женщины, которые могут спать с двумя мужчинами одновременно, то есть, конечно, по очереди... фу, бред какой, какая очередь! – ужасно, а она не может, не сможет! Сюрприз он ей к ночи готовит, наверное, как тогда в Анапе – влезет в окно, засыплет цветами и предъявит свои супружеские права, романтик хренов! – внезапно рассердилась она на безвинного, обманутого мужа... Как это – безвинного? – а не надо было её одну оставлять в «городе Сочи, где тёмные ночи» и викинги творят набеги и похищают чужих жён...

Они уже вошли в её номер и стояли, обнявшись, не в силах разъединиться... Радиogramма валилась на полу, Ивар поднял и прочитал.

- Ты сейчас же пойдёшь со мной... - решительно сказал он, даже не думая, что будет дальше.

- Да, я сейчас пойду с тобой, вот только напишу записку, что меня срочно отзывают из отпуска на работу, а вечером прямо из цирка ты проводишь меня в аэропорт и я любым рейсом, за любые деньги, хоть в багажном отделении, хоть в кабине пилотов, хоть сидя на крыле – улечу в Питер... Я не могу с ним встретиться, пусть он тут один поживёт ...

Она побросала самое необходимое в большую сумку, переделалась в ванной в белые джинсы и чёрную шёлковую блузку, наскоро написала записку, оставила её на столе посредине комнаты. Она надела Сашины очки, он взял её сумку, и они чинно спустились в холл.

- Как нога? – поинтересовался портье, глядя во все глаза.

- Я вправил, но нужно показаться хирургу... - Ивар сделал серьёзное лицо. – Вызовите, пожалуйста, такси.

- А вот как раз у входа стоит, прошу... - швейцар открыл дверь.

В такси они хохотали, как безумные.

- Что мне вправил, куда и как именно... - сквозь смех бормотала Мея. - Боже, какая я стала бесстыжая!..

- Да вот я тебе сейчас покажу, соблазнительница, - целовал он её за ушком, - вот прямо здесь, в машине...

- Молодожёны, что ли? - обернулся пожилой водитель, тоже смеясь.

- На дорогу смотри, отец, а то ослепнешь от красоты моей русалки, - посоветовал Ивар, расстёгивая ей блузку, снимая очки и выдёргивая шпильку из волос.

- Угомонись, сумасшедший, вот твой цирк уже...

Попросили остановиться сзади, у служебного входа. Мея наскоро заколола узлом волосы, и они вышли, стараясь сохранить серьёзность и прыская, как нашкодившие дети.

Он повёл её лабиринтами-закоулками, пахло лошадыми, мокрыми опилками и, потом, она снова была без очков (Ивар снял их с неё в машине и сунул себе в карман). В сумрачном чреве цирка она смутно видела какую-то машинерию и странных людей, занятых странными делами. Он привёл её в служебный буфет, сдал на попечение толстой добродушной буфетчице, шепнул Мее:

- Бывшая знаменитая воздушная гимнастка Крошка Мэри.

- Мэри, дай, пожалуйста, моей девушке кофе покрепче, а потом отведи в мою гримёрку, или пусть здесь посидит, как захочет... Мне надо разминаться. Мея, я к началу представле-

Золотое Слово - 9

ния за тобой зайду и отведу в зал, после первого отделения вместе знаменитого Лео посмотрим... - и исчез вместе с её очками в кармане, на ходу здороваясь с кем-то пёстрым, и хлопнув по плечу какого-то гиганта.

Толстая Мэри принесла ей большую чашку крепчайшего кофе, села напротив, подпёрла круглую щёку пухлой рукой и сказала басом:

- Ну что, девка, захомотала нашего красавчика, взнудала жеребца! Вижу, вижу, как он на тебя смотрит... А ты это серьёзно или на курорте только побаловаться? Да и то сказать, сторонние у нас не приживаются, жизнь у нас тяжёлая, кочевая, а ты, я смотрю, как цветок полевой и образованная, наверное... - и улыбнулась милой ласковой улыбкой.

И Мея неожиданно для себя расплакалась и прошептала:

- Ой, да не знаю я ничего, муж вот сегодня придет, а я в Питер сегодня же сбегу, работа там, дом, родители, жизнь совсем другая...

Мэри вытерла ей слёзы чистой салфеткой:

- Да-а-а, девушка, попалась ты... Пойдём, я тебя к нему в гримёрку отведу, поспишь там, на диванчике... Вон, у тебя какая синева томная вокруг глаз, до начала представления отдохнёшь... - и повела её лабиринтами неведомо куда, привела и ушла.

Мея прилегла на диванчик, прикрылась пледом, пахнувшим его запахом и его одеколоном «Роша глоб», успела подумать: «Боже, что я вытворяю, как бродячая комедиантка какая-нибудь тут», - и заснула...

* * *

А в это время от Сочинского Морвокзала к гостинице «Камелия» мчалось такси, Антон в нетерпении глядел в окно, вот подъехали, вот портъе проверил паспорт, какие-то списки и картотеку и выдал ему ключ... Вот он тихо стучит в дверь полулюкса, вот стучит погромче - мимо, задрав хвост прошла чёрная кошка, потёрлась о его ногу: а ну, брысь... Он открыл дверь ключом на тяжёлой бирке, свет косо падал из приоткрытой двери ванной... В номере было тихо той тишиной, когда в помещении

никого нет, он поставил чемодан, нашарил выключатель, вспыхнул свет - да, Мея нет. Где она гуляет? Встретила знакомых и с компанией, наверное, где-нибудь развлекается... А вот и записка посреди стола - без обращения, торопливый почерк: «Должна немедленно улететь, отозвали... таможенные коносаменты... внеплановая поставка... Выборг, пограничный пункт Торфяновка...»

Ах ты, чёрт побери, этот Финторг долбанный, бедная девочка - из отпуска вырвали, ах, как обидно! Он так соскучился, так рвался - то одно, то другое, и вот на тебе! Он в сердцах кинул большой пакет в красивом импортном пластиковом мешке - сюрприз ей приготовил, тончайшую лёгкую итальянскую длинную дублёнку, у моремана в Николаеве купил.

Так, сейчас уже поздно, завтра надо в местную Инспекцию с утра - оттуда он будет звонить домой в Питер, родителям и в Финторг, может быть, поймают её, а то в Торфяновку на границу вообще невозможно позвонить...

И он, утомлённый длинным морским переходом и донельзя расстроенный, кинулся на кровать - постельное бельё ничем не пахло, ни женой, ни её духами - горничная уже сменила постель.

* * *

А в таинственных цирковых недрах, в маленькой гримёрке Макс втолковывал Андрею:

- Ищут тебя азеры, сынок, и ведь найдут, суки... Дикае люди, как говорится, дети гор, звери, ведь и прирезать могут. Надо тебе отъехать на время куда подальше. Прости, что я тебя невольно подставил, я ведь видел, как Туча «лишака» сливает и вольтом колоду уравнивает, тебе отмашку дал, чтобы Азер со своим «разоблачением» фраернулся... но кто ж знал, что он тебе в причинное место ножом тыкать начнёт! Ты сегодня из цирка - ни ногой, сиди на представлении, будь на людях всё время, чтобы не подобрались, мы ведь их в лицо знаем, хотя они все на одно лицо - чёрные, носатые, усатые. Да и главный Азер, обутий нами так удачно, может и других подослать. Я подумаю, посоветуюсь с

Золотое Слово - 9

нашей корпорацией, деньги есть – куш знатный взяли, всем хватило, отдыхай пока.

- Да мне бы в «Камелию» надо, я там с нужным человечком задружил, москвичом упакованным, со связями коронными в Москве, через него на таких жирных сазанов выйти можно.

- Я сказал, не моги из цирка ни ногой, пошли ему сейчас с Петькой-униформой две контрамарки - ко второму отделению как раз, сядь рядом и дружи весь вечер на здоровье.

Сказано – сделано, и вихрастый Петька-униформист погнал в «Камелию» с фирменным цирковым конвертом с двумя билетами на лучшие места в первом ряду, с наказом – разыскать Пейсашкина и вручить.

* * *

Мею разбудили лёгкие прикосновения к волосам, она открыла глаза, рядом на диванчике в чёрном обтягивающем трико сидел её возлюбленный и гладил её по головке, как маленькую, потом посадил её себе на колени, покачивая, и они утонули близко-близко глаза в глаза. Вокруг его узких светлых глаз тоже лежали истомные синие тени - следы бессонной ночи. Он вынул шпильку из её волос, уткнулся ей в шею и, вдыхая её вожденный запах, зашептал невыразимое, непроизносимое, запретное, заповедное, известное только им двоим...

Но...

- Надо идти работать номер, сегодня я - силовым жонглёром и партерным акробатом, воздушной групповой акробатики не будет – оставляют побольше времени для Лео, - он поставил её на ноги, глянул вниз на себя и засмеялся: - Что ты со мной делаешь, Саломея-совратительница! Хорошо, что викингскую тунику надевать - она чресла прикроет, а то если бы в тесном трико – это же невозможно... - и переделся за ширмой, - надел кожаную короткую тунику с тяжёлым поясом в бронзовых узорных бляхах, на руки выше локтей и на запястья – витые браслеты, на ноги какие-то шнурованные поножи и на левое плечо – приколотый круглой узорной фибулой багровый

плащ.

Мея залюбовалась:

- Ну, ты просто - скандинавский бог Тор.

- А я и есть – потомок Тора, наша родовая фамилия Торскёльд, значит – щит Тора...

Он вынул из рубашки на спинке стула её, то есть Сашины дымчатые очки:

- Надень, я хочу, чтобы ты меня видела.

На этот раз лабиринтов не было, он вывел Мею в широкий проход с бархатным занавесом в конце, в разрез которого была видна арена, где прыгал и верещал клоун. Ивар подозвал униформиста:

- Пожалуйста, посади мою девушку поближе и поближе, Кеша.

Тот кивнул и усадил её во второй ряд недалеко от лестницы.

На манеже клоун сделал кульбит и, кувыряясь, пропал в разрезе занавеса, униформисты выкатили платформу с грудой чего-то тяжёлого, блестящего и угловатого. Шпрехшталмейстер во фраке хорошо поставленным голосом объявил:

- Великолепный ИварТор!

Оркестр заиграл «Полёт валькирий» Вагнера, и бог Тор вышел на арену, поднял ответственно руку - зрители заорали и захлопали. Он сбросил плащ и стал творить чудеса с большими двуручными мечами – мечи, вращаясь, сливались в сплошные сверкающие круги, потом летали и устремлялись ему в руки круглые тяжёлые щиты с бронзовыми руническими вставками. Двусторонние боевые топоры-секиры крутились, высекая искры и свистя в унисон с оркестром, а огромный тяжёлый молот улетал и возвращался в мельтешении бронзовых цепей навстречу копыю с зазубренным наконечником. Бой с тенью - выпады, вольты, тройные сальто, - секира в одной и щит в другой руке, - круговерть тяжёлого сверкающего металла, стремительная пластика, взмывающие звуки скрипок...

Взрывом фанфар закончилась музыка, он победно поднял обе руки, под крики и аплодисменты пошёл к занавесу, в красном бархатном разрезе остановился, обернулся и отсалютовал Мее мечом. Шталмейстер ещё пару раз выводил

Золотое Слово - 9

его на аплодисменты и, величественно указывая рукой, провозглашал: «Великолепный Ивар Тор!». Потом на арену вылетели наездники, и завертелись гривы и плюмажи. Мея не очень-то смотрела, уйдя в свои мысли: Господи, если бы ей сказали неделю назад, что она влюбится в циркача, она не поверила бы... - и вот, она сидит в цирке, где с детства не бывала, собирается сбежать от мужа... - уже, считай, сбежала... и не знает и не хочет знать, что будет дальше...

И тут Мея увидела через слабоватые для неё Сашины окуляры усаживающихся в первом ряду, почти напортив, Пейсашкина, его дебилую даму в бриллиантах и Андрея, они махали ей и улыбались, она помахала в ответ.

Наездников сменили два клоуна, Мея их с детства боялась, её пугали их красные, как резаные раны, распяленные рты. Она сняла очки, чтобы не видеть страшных клоунов; и тут - сладкие мурашки побежали у неё по спине - рука Ивара обняла её за плечи, он присел рядом - сильная шея в расстёгнутом вороте, мокрые после душа волосы, и этот его упоительный запах, его дыхание, его голос, от которого всё внутри вибрирует и тает:

- Я через дирекцию заказал билет на самолёт тебе на завтра, на первый рейс, на 9.10... А сейчас, сказка моя, ну его, этого Лео... я не могу, я сейчас просто умру от любви... Поехали, я вызвал такси, а утром я отвезу тебя в аэропорт...

И они встали и, взявшись за руки, пошли на выход, и ей было всё равно, видит это кто-нибудь или нет. Домик за вокзалом снова стал их приютом, играла тихая музыка, и ласки их были тихими, нежными, и долгими, а разговоры детски-нереальными:

- Давай сбежим в цыганский табор, у меня есть друг-цыган, и будем кочевать по Закарпатья, я буду крутить сальто на улице на ковре, а ты будешь собирать деньги в шляпу... - говорил он ей, наматывая прядь её волос на палец...

- Давай сбежим в коммуну хиппи, есть такая в Литве, и будем жить жизнью детей-цветов... - говорила она, расплетая его косичку.

- Давай поедem по турпутёвке куда-нибудь за границу, в Югославию, например, и сбежим там, станем невозвращенцами и будем путешествовать автостопом по всему миру. Или на мотоцикле... Скорость и дорога в неизвестность - знаешь, какой это кайф... - фантазировал он...

Они вторую ночь не спали и изнемогали от любви, и медовая река уносила их, укачивала медленным ритмом, баюкала - и они уснули, обнявшись, часов в пять. Ивар с вечера договорился с таксистом, и тот заехал за ними в семь. Всю дорогу до Адлера они молчали, держась за руки, её голова у него на груди. Они простились без слов долгим поцелуем, обмирая от нежности и печали. Он, сняв с себя, надел ей на шею золотую цепочку с подвеской - руной Тора...

И вот Мея, вся заледеневшая от печали, бессонницы и утреннего холода (она забыла, что у неё свитер в сумке), поднялась по трапу, оглянулась на высокую фигуру Ивара и обречённо пошла на своё место...

Он, проведив взглядом самолёт, пошёл в буфет с намерением напиться, но там ничего не было, кроме мутного кофе и чёрствых бутербродов, но добросердечная тётка за стойкой за четверную цену вынесла ему бутылку портвейна в газетке, он сел в ожидавшее такси, вышиб пробку и глотнул ядрёной отравы.

Таксист рулил по серпантину дороги, сочувственно поглядывая на пассажира, а тот пил и не пьянел. Его пустая и лёгкая голова кружилась, ужас невосполнимой потери затопил его.

* * *

В цирке же, после ухода эти двоих одержимых любовью, события развивались следующим образом.

Объявили антракт, после которого началось триумфальное, как всегда, выступление великого иллюзиониста - люди сгорали и вновь возникали, распиливались и снова обретали целокупность, отрезанные головы на подставках разговаривали и исчезали в дыму, прелестная жена-ассистентка украшала представление и всё шло великолепно, когда по проходу между

рядами к сидящему рядом с Пейсашкиным в первом ряду Андрею с двух сторон стали пробираться два абрека. Им было велено культурно с двух сторон прихватить Андрея, сказать - выйдем на пару слов – и вывести тихо из цирка, а потом доставить главному Азеру для дальнейшего обмена на половину Азеровского проигрыша. План был великолепный – в разгар феерического представления, элемент неожиданности, жесткий, но тихий прихват. Макс из-за занавеса всё видел, но и мадам Лео, равнодушная к ясноглазому мальчишке, тоже это видела и знала от мужа о событиях на катране.

А на арену уже вывозили сверкавшую изнутри будку для номера с исчезновением человека и вторую, пока закрытую, где исчезнувший должен был потом появиться. Абреки приближались, Макс ничего не мог сделать, но мадам Лео шепнула что-то мужу, и тот громко провозгласил:

- А вот сейчас мы попросим кого-нибудь из зрителей, Мила, пригласи молодого человека... - и указал на Андрея, - ...вот вы, пожалуйста...

И жена Мила с милой улыбкой подошла, протянула Андрею руку, и тот, перепрыгнув через барьер, вышел на арену, оглянулся с улыбкой на Пейсашкина с его дамой – и похолодел: не доходя буквально двух шагов до его теперь пустого кресла, застыли в растерянности два черноусых абрека.

Макс затаил дыхание, Мила подвела Андрея к сверкающей будке на колёсах, две прелестные полуголые девушки с двух сторон под локотки помогли ему туда подняться, - ну, хорошо, что не азеры ухватили под белы руки, - пронеслось в голове у парня уже внутри закрытой и поехавшей в круговую кабинки.

На арене униформисты подкатили и поставили рядом вторую пустую, теперь уже открытую кабину, музыка грянула, Лео что-то прокричал, грохнул холостой пистолетный выстрел, - первая открылась, из неё вместо Андрея выскочил пёстрый клоун и заскочил во вторую, снова грянул выстрел – вторая кабинка закрылась, её крутанули, - снова выстрел, она распахнулась – из неё вышла сияющая красавица в алом плаще и перьях, а Андрей так ниоткуда

и не появился, вообще исчез... Две открытые пустые кабинки вертелись на арене...

Старый Макс бежал закоулками под ареной и нашёл парня, когда тому помощники Лео помогли выбираться из тесного секретного устройства. Он вывел Андрея из подвала через какой-то наклонный люк, сунул ему деньги и паспорт, посадил в пёстрый фургончик с надписью «Сочинский цирк» и напутствовал водителя:

- Гони в аэропорт, а ты, Андрей, первым же рейсом - в Москву... дай телеграмму, как долетишь, - на адрес Крошки Мэри... - и сам со служебного входа вернулся.

Ему навстречу, поводя по сторонам носами как самонаводящиеся торпеды, шли два азера, рядом конюхи вели лошадей, рабочий подметал проход. Макс мигнул пожарнику, тот вахтёру, и они двое начали теснить абреков:

- Почему посторонние шляются тут, а ну к ядрёной матери отсюда... - и уже дюжий конюх подходил с вилами наперевес; абреки, скалясь и ворча, вышли на зады здания цирка и зарыскали среди сараев и мусора...

Под куполом цирка гремели аплодисменты, представление продолжалось, а поздно вечером, когда всё закончилось и в цирке разбирали декорации и увозили с арены иллюзионные приспособления, в роскошной обширной гримборной знаменитого артиста сидели и пили коньяк и крепкий чай сам Лео, его жена-ассистентка и Макс. Они обсуждали происшествие с абреками:

- Хорошо, что я вовремя увидела... - говорила Мила.

- Да, а я еле успел разрулить такой внезапный форс-мажор... - иллюзионист выпил ещё стопку и утёр испарину...

- А я всё издали видел, да ничего не мог сделать! - восклицал Макс. - Ну, а ты лихо разрулил, на то и волшебник, народный артист! - Старый Макс тоже выпил, руки его дрожали. - Утром телеграмму надо ждать, как и что...

Старый катала надеялся, что Андрей будет в безопасности и сумеет в дальнейшем воспользоваться связями Пейсашкина в Москве - они ведь успели подружиться на почве филателии: Андрей обещал достать Абраму раритетную

Золотое Слово - 9

марку «перевернутая Дженни», правда, все филателисты знали, что это нереально, их всего 7 штук в мире, но Абрам, как истый коллекционер, надеялся и верил, а Андрей умел входить в доверие.

* * *

...Мея, вся заледеневшая от переживаний, бессонницы и утреннего холода, поднялась по трапу, оглянулась на высокую фигуру Ивара и обречённо пошла на своё место, села, пристегнула ремень и закрыла глаза.

Самолёт ровно гудел, вот бы заснуть и всё забыть, хотя бы на время...

Она то задрёмывала, то, вздрогнув, просыпалась. Ей мерещились летающий молот Тора, развалины незнакомого города и мутная штормовая волна прибоя, шипящая пеной и глухо гремящая камнями, - а это гремела тележка, которую катила по проходу стюардесса и предлагала напитки. Мея попросила чего-нибудь покрепче, ей подали пластиковый стаканчик с коньяком на доньшке. Глотнув, она опять задремала, и вот - она спускается по широкой лестнице между двумя мужчинами: справа - Антон, слева - Ивар, внизу клубится туман... из тумана возникают рога Минотавра... Нет!... Надо проснуться и что-то решить! Она села прямо, попросила кофе...

Итак, готова ли она жить вместе с Иваром, готовить обед, стирать и гладить, пылесосить и ждать его с работы, если он переведётся преподавать в институт Лесгафта? Она не готова, да и он тогда неизбежно погаснет в этой рутине без цирка, станет другим, и неизвестно каким, и не простит ей этого. А если не Лесгафта, а так, как есть? - значит, она будет ездить с ним на гастроли с цирком, сидеть на представлении или ждать его в гостинице? А как же её работа, если её не выгонят из-за скандального разрыва с мужем, так она сама уйдёт - гастрольная жизнь ведь потребует... А если мотаться по гастролям, то какая работа? В цирке - но кем? Ну, предположим, экономистом, ну, бухгалтером - невозможно! - рядом с великолепным Тором - богом молний и грозы - быть крысой канцелярской? Нет, невозможно - уйдёт всё её очарование, вся её тайна, её непостижимость, недоступность... А если не работать, занимать-

ся собой и видеться с ним несколько часов между концом вечернего представления и началом утренней тренировки, но зато каждую ночь - так эта рутина надоест ему рано или поздно - и скорее рано, чем поздно - а в цирке красотишки полуголые вокруг него млеют...

Разве что, действительно, к цыганам в табор - она танцует, он крутит двуручные мечи и боевые топоры... или в нищие грязные хиппари? - ну уж нет, только не это! Оба на подтанцовки в рок-группу? - там наркотики и свальный грех, пьянки и разборки... На мотоцикл - и по стране? Страна большая - мчаться, останавливаться в гостиницах, обедать в ресторанах... Да-а-а - а на какие шиши?

Опомнись, Саломея - это ж детский лепет какой-то!

Так - или ничего не менять, ничего не было, всё забыть, выйти на работу, и напроситься в командировку в Финляндию, пока Антон в сочинской Инспекции будет ещё несколько дней - за это время можно остыть, отдышаться, прийти в себя - стать прежней? Прежней? А сможет ли она быть прежней? Ну, можно потом ещё что-нибудь придумать, недомогание какое-нибудь, забраться в какой-нибудь дальний санаторий, потянуть месяца два и вернуться к любящему мужу, как ни в чём не бывало? Он хороший, заботливый, любит её... Он умный, красивый, модным нынче карате занимается... Он остроумный, начитанный, с ним интересно! Когда они вместе входят на концерт, на вернисаж или... да куда угодно! - все оглядываются на них с восхищением... А если никуда не сбегать? Вот он вернётся из командировки из Сочи дня через 3-4, он её обнимет, наговорит кучу своих смешных нежностей...

Мея постаралась как можно явственней это всё вообразить: вот они пойдут в спальню, он её нежно разденет, проведёт рукой между... ах! - нет... сможет ли она? Нет не сможет, да и не представляет она это сейчас, ещё не остывшая от других объятий, от неведомых ей доселе таинств... - от одной этой мысли медовая волна окатила её изнутри... Она стиснула в руке талисман с руной Тора... - нет, она не сможет...

Надо потянуть месяца 2-3 под любыми предлогами, какие-нибудь курсы повышения квалификации после санатория где-нибудь подалее, во Владивостоке, например...

Золотое Слово - 9

Или дать взятку кому надо, и уехать поработать, скажем, на год-полтора в Хельсинское представительство Ленфинторга, и забыть их обоих, начать новую жизнь с каким-нибудь... каким? – ну там видно будет. Единственно, что она точно знает - Ивар её разыщет где угодно.

А сейчас из аэропорта она поедет к родителям, позвонит начальнику, что-нибудь наврёт и выпросит на завтра командировку в Торфяновку на границу, там её никто не достанет при всём желании, даже по телефону.

Самолёт пошёл на посадку....

Через день в Торфяновке, сидя вечером на крылечке домика служебной гостиницы и глядя на могучие сосны и гранитные валуны, Мея приняла решение.

* * *

А в это время в поезде Сочи - Харьков труппа акробатов и жонглёров ехала на новые гастроли. В вагоне-ресторане сидел со стаканом рома Ивар и, не видя, смотрел на мелькавшие за окном пейзажи и телеграфные столбы, в кулаке он комкал и подносил к лицу шёлковый шарф, забытый ею у него в гримёрке, и вдыхал слабый запах её волос. Он мысленно перебирал те же варианты будущего, что и Мея. Институт Лесгафта и цирковое училище отпадали – эта размеренная жизнь не для него; возить её по гастролям - нет, это не для неё; вернуться в СКА, упорно тренироваться, взять первенство Союза, потом Европы и далее везде, и она с ним будет ездить повсюду... - нет, ему 26 лет, стар он уже для большого спорта. Ограбить банк? Фу, детство какое... или - Старый Макс и Андрей по дружбе поспособствуют ему выиграть в покер чемодан денег, и они с ней вольными птицами – куда захотят? А что ... А может быть, в составе Питерского Военно-исторического Клуба организовать средневековую рыцарскую секцию, в Ивангородской или Выборгской крепости проводить фестивали с реконструкцией битвы Ливонских рыцарей с Новгородской дружиной... Или клуб - Рыцари круглого стола короля Артура; он сам - Ланселот, его зеленоглазая чародейка – Гвиневра... и - сказка продолжится ... А жить на что?

А сейчас самое главное - ему невыносимо думать о её муже, хотя он знает, что тот пока всё

ещё в Сочи, но... НО... Бешеная ревность терзает его... «безжалостная, как Ад, ревность...» - и кто сказал, что ад – это пекло? – нет, ад – это ледяное озеро Коцит в тёмной преисподней! И грудь ему разрывают отравленные зазубрины ледяной чёрной глыбы Адовой ревности... Одним глотком он выпил ром и встал.

Он принял решение...

Поезд тормозил у платформы, прибыли в Ростов; он заскочил в своё купе, схватил сумку, бросил удивлённому руководителю труппы:

- Считай, что я отстал от поезда... - и прямо с вокзала поехал в аэропорт и первым же рейсом - в Питер.

* * *

Несколько месяцев спустя в болгарском портовом городе Варна, Антон сидел утром за столиком в уличном кафе. Девушка с подносом несла его завтрак, за её спиной в дверях мелькнул женский силуэт, знакомый жест, поворот головы – Мея? У него задрожали руки... - нет, ошибся... Перехватило горло, невозможно дышать... Они ведь всё ещё женаты, иначе бы его не выпустили работать за границу... Он заказал двойной виски...

А в это же время неподалёку от небольшого эстонского городка на развилке дорог суетились люди, таскали с места на место аппаратуру, подсвечивали софитами, покрикивали в мегафон. Щёлкнула хлопушка, визгливый женский голос выкрикнул:

- Сцена пятая, дубль третий, драка байкеров...

- Каскадёры - приготовились... мотор! - рывкнул мегафон.

Взревели двигатели, понеслись мотоциклы, подсечка... - один пошёл юзом... покатился по земле высокий парень с лисьим хвостом на поясе... пошла махаловка, замелькали цепи, блеснули кастеты....

- Плёнка кончается, немного осталось... - крикнул оператор режиссёру.

- Ладно, сейчас четвёртый дубль сделаем, сколько плёнки хватит, потом подмонтируем, если что... Каскадёры, приготовились!

Парень с лисьим хвостом плеснул себе на руки воды из бутылки, наскоро умылся, оседлал свой разрисованный драконами байк, газанул...

Золотое Слово - 9

- Куда?! - всполошился помреж.

- Опаздываю к автобусу... - донеслось сквозь улетающий рёв.

В городке на маленькой площади уже выходили пассажиры из междугороднего автобуса, когда из боковой улочки вылетел мотоцикл, заложил вираж и остановился перед русской девушкой в дымчатых очках, в чёрных джинсах, серебристой ветровке и со спортивной сумкой через плечо. Байкер схватил её в охапку:

- Как я истосковался, сказка моя...

- А я только на два дня вырвалась... А зачем лисий хвост?

- Только на два?!.. А хвост - чтобы следы хвостом замечать... Ну, просто наша банда в фильме называется «Лисьи хвосты», а я прямо со съёмки сорвался, боялся - не успею...

- Так я знаю, где тебя искать, нашла бы...

- А я хотел встретить... Так погнались давай, я целый месяц об этом мечтал... А в гостиницу - потом...

Мея тесно прижималась всем телом и щекой к его спине, он обмирал, чувствуя кольцо её рук и её трепет, - они понеслись полевой дорогой, потом влетели в берёзовую рощу, Ивар затормозил, свернул между берёзами, остановился на полянке.

Грохот смолк, стали слышны птичьи разговоры и шум листвы. Он сбросил чёрную косуху на траву, скинул бандану, в нетерпении растегнул её блузку и все молнии, какие только на них были, и... - медовая река затопила и унесла их...

Сверху на них весёлыми глазами смотрела белка...

Через два дня он подсаживал её в автобус и, неохотно выпуская её руку, говорил:

- В конце месяца съёмки закончатся, и я на неделю приеду в Питер... А потом - буду в Крыму штурмом брать с крестonosцами Константинополь до глубокой осени.

- Да, приезжай поскорей... Позвони, ког-

да. Я возьму отгулы, белые ночи начнутся... На Островах наймём лодку и там, качаясь на волне, мы... - и она зашептала ему на ухо...

Он поднялся к ней на ступеньку и стиснул её плечи:

- Саломея, беззаконница-бесстыдница моя...

- Девушка, за-аходите уже, автобус отправля-а-еттсся... - вернул их к действительности голос водителя с прибалтийским акцентом.

Ивар смотрел вслед, пока автобус не скрылся за поворотом; в стороне стояли помреж и две ассистентки.

- Какая любовь!... - вздохнула ассистентка постарше.

- Да-а-а - любовь... Да видятся только раз в месяц, если не реже... - завистливо добавила ассистентка помоложе.

Помреж пробормотал:

- Да, я его понимаю... Но выговор за самовольный уход со съёмочной площадки - всё равно закачу!

- Да ладно тебе, он же не актёр на главную роль, а каскадёр; остальные и без него хорошо сработали в последнем дубле, ну, смонтируете там... - заступились ассистентки.

Помреж вздохнул, встал в позу и продекларировал, воздев палец:

- Дорогие девочки, девушки, женщины, тётки, дамы, бабы, матроны и старушки! Если вам посчастливилось, и у вас случилась такая любовь, любовь-сказка, любовь-праздник, любовь-печаль расставаний и лихорадочное счастье встреч, то не испытывайте такую любовь бытом: быта она не выдержит.

- А как же семья, дети? - задумчиво проговорила та, что постарше.

- Н-ну, иногда, правда очень редко, любовь-сказка превращается в тихую семейную привязанность... - мудрый помреж мечтательно прикрыл глаза.

АННА СКВОРЦОВА

Отец Сергей

Воскресный день катился к вечеру. Солнечные блики, которые дарила вечерняя заря, играли в фужерах с вином. Накрытый стол уже потерял свою красочную помпезность и мало интересовал сестричек. Насытившись красотой и вкусом яств, они время от времени нарушали гармонию бликов, наслаждаясь ароматом вина. Рот был всегда чем-то занят: то конфетой, то разговором ни о том, ни о сём.

И вдруг Татьяна Акимовна, сбив с мысли Жан Павловну, сказала:

- А я сегодня в церкви была, правда, народу было много. Грешна, не люблю толпу. Что за праздник такой?

Удивлённая Жан Павловна ответила спокойно:

- Воскресенье, маленькая Пасха.

На этом разговор закончился, потому что Татьяна Акимовна засобирилась домой.

Живёт она на другом берегу Волги, в Саратове, на мосту и к его подъезду всё время - пробки, а ей хотелось посмотреть ещё НОВОСТИ.

Но спокойствие Жан Павловны было нарушено воспоминанием о церкви. Сегодня, она тоже была в ней, правда в другой, в Энгельсе их семь. Она не могла найти объяснения происшедшему и, рассуждая вслух сама с собой, искала ответ и не находила его:

- Ну да, мурашки могут быть от страха, от холода, но на коже. Почему же у меня они появились внутри, на сердце? Я же их почувствовала!

И ей очень захотелось сохранить это ощущение:

*Однажды в церкви я была.
Немного припоздала.
В Приделе Утренняя шла.
В притворе я стояла.
Вдруг чистый голос с Алтаря
Волной коснулся уха,
Легко под сводами паря,
Вибрировал для слуха.
Особым тоном он проник,
В груди дав трепет сразу.*

*Без камертона, как двойник,
Крепил мурашек фазу.
Они рождались все внутри.
Не видно их на коже.
Я ощутила бугорки
На сердце моём тоже.
Себе задать смогла вопрос:
- А что же это было,
Какой фантазии курьёз,
Какой загадки сила?*

Поиск ответа на вопросы заставил обратить внимание на Батюшку, который недавно появился в храме. Он не только своим голосом привлёк её внимание:

*Не страшен стал погоста вид.
Часовня Богу появилась.
Ты служишь Богу, как Давид.
В приходе вера укрепилась.
Творит твой голос чудеса,
Прочь гонит сразу дух забвенья,
Возносит Славу в Небеса,
Несёт волну на исцеленье.
Широк диапазон его:
Певучесть, сила, бархатистость.
Вибрация крошит легко
Болезни, горечи ребристость.*

Но и какой-то загадочной силой. Разговор с подружкой тоже не дал ответа, а Жан Павловну это волновало:

- Почему этот батюшка мне снится? Другие же не снятся!

Ответа не находила, в церкви вела себя достойно: не разговаривала, внимательно слушала проповедь Отца Сергея, так звали батюшку, про себя отмечая, что проповедь слабая, не подготовленная. Потом корила себя:

- Не тебе его судить, судит только Бог.

Однажды идя из магазина, отчётливо услышав его голос внутри себя, заволновалась:

- Ты почему сегодня не пришла?

И успокоилась, мысленно дав ему ответ:

Золотое Слово - 9

- Я приду, я обязательно приду на Рождество:

*В Церкви славили Христа,
Рождество ты прославлял.
Ну, а я послала мысль,
Поскорее оглянись.
Ведь душа твоя звала
И меня в Храм привела.
Радость поиск твой принёс.
Без букетов и без роз.
Передали всё глаза,
Взгляд летел, как стрекоза.*

Но однажды, лёжа в постели, она отчётливо услышала его голос:

- С добрым утром.

Приятное удивление быстро разогнало сон:

*Сегодня было пробужденье
Мистично связано с тобой.
Твой голос вызвал удивленье,
Тебя, жаль, не было со мной.
Слова звучали утром зимним
Спокойно, чётко и легко,
А пожелание так дивно
На сердце с нежностью легло.
Привычных всем таких два слова,
Летело «С добрым утром» мне.
Твоя душа с любовью снова
Сквозь ночь прошла, но не во сне.*

Всё это позволило Жан Павловне сделать такой вывод, открытие:

*Потом открыла для себя,
Что мы читаем мысли.
Наверно, в жизни той, любя,
Телепатически зависли.
На уровне души с Отцом
Крепилось всё общенье.
Живая мысль была мостом
На радость удивленью.
Встречались души и во сне,
Даря тепло приятно,
Чтоб в наступившем нашем дне
Душе было отрадно.*

И действительно общение во сне было очень тёплым, заботливым, но не переходящим гра-

ниц дозволенного, причём разговор напоминал разговор давних друзей, а в жизни всё общение сводилось к дистанционному:

*Я однажды, сложив руки,
Протянула их тебе,
Просто так, без всякой муки,
Позабыв о злой борьбе.
Но в душе моей волненье,
Голова втянулась в грудь,
И твоё благословенье
Подарило страха жуть:
Мне казалось будто вечность
Пролетела в этот миг,
Там судила я беспечность
За порывный души бзик.
Лишь руки холодной чувство
Отрезвило сразу вдруг,
Погасило мыслей буйство,
Дав взамен покоя круг.
Я невольно улыбалась,
Ты икону целовал,
Как же сердце ошибалось,
Ты тепла мне ведь не дал.*

Такие загадочные явления не давали покоя Жан Павловне, но светский и религиозный этикет держали всё на уровне души:

*Не могу сказать об этом.
Ты - наставник, духовник.
Страх греха живёт при этом.
В мысли он легко проник.
Я душой с тобою рядом.
Расстоянье наяву.
Всю окуривает ладан.
Чувства спрятались в мечту.
Выразить в стихах возможно
Весь порыв своей души.
Наяву признаться сложно,
Там стеснения межю.*

Однако для её души были маленькие минуты радости, которые она хранила в своём сердце, скрывая от подруг и родственников. Это было её мистичное счастье, незримое, видно, взятое из той жизни, потому что она чувствовала каким-то шестым органом, что она тоже нужна ему. Когда на проповеди он терял какое-то слово, она мысленно ему его посылала и он

Золотое Слово - 9

его повторял. И даже в этом случае, когда на Крещенье толпа теснила её и лишала возможности взять Крещенскую воду на помощь пришёл Отец Сергей и не ушёл до тех пор, пока она не взяла её:

Как обычно на Крещенье,
Много люда за водой,
Потому что очищенье
Бог даёт Водой Святой.
И стоит она годами,
Исцеляя всех больных
Чудотворными дарами,
В наших ёмкостях простых.
Нужно взять благоговейно
И без шума у чанов,
С трепетом в душе елейным,
С сильной верой у кранов.
Среди давки так однажды,
Как Давыдов в шубнике,
Наводил порядок дважды,
Чтоб воды взяла себе.
Отцу Сергию спасибо,
Дар Святой домой несла,
Не возмёмшь его где-либо,
В Храме место для добра.

Это шестое таинственное чувство несло много радости, тепла и счастья без слов. Сны подкрепляли его. Поэтому когда зазвонил телефон, неся красивую, тёплую для души мелодию без слов, Жан Павловне показалось что это Отец Сергей. Она не думала о том, где он мог взять номер её телефона, она просто это чувствовала:

Зимний вечер Рождества,
Может быть Крещенья
Дал душе час торжества,
Радость восхищенья.
Затрещал мой телефон
С чувством предвещенья,
И тепла душевный фон
Дал мне изумленье.
В трубке музыка лилась,
С чувством умиленья.
Из души, видно, рвалась
Скрыв твоё виденье.
Без начала, без конца
Ласки осязанье
Шло от тайного лица,

В виде обаянья.
Зачарованность была,
Воли покоренье.
Дух любви в душу внесла,
Вызвав удивленье.
Силы я в себе нашла,
Трубку положила,
Но в душе сказка жила,
Радостью светила.

Но однажды он всё-таки показал свою ошеломляющую силу. Видно по-другому не мог. Жан Павловна была в шоке: С одной стороны – подтверждение незримых взаимоотношений ей было приятно, с другой стороны – огорчение от метода. Она долго не могла успокоиться и в разговоре с подругой выяснила, что в духовной семинарии изучают метод воздействия при успокоении толпы гипнозом:

Как мне хочется узнать,
Между нами что опять?
Твоё чудо появленья
Восхитило удивленье.
Службу вёл не ты, другой,
Подарив душе покой.
Потупив свой взгляд неволью
С отрешённостью достойно
Встала я пред алтарём
С моим ангелом вдвоём.
Справа было причащенье,
Прихожанам – очищенье.
Подняла я вдруг глаза,
Но не вижу образá.
В двух шагах глаза, как море,
Утопили взгляд мой вскорее.
Ты сознание моё
Перенёс в небытиё,
Заколдованной стояла
Среди храма, как средь бала.
Взор насквозь меня пронзил,
Чары много взяли сил.
Мне казалось будто вечность,
Три шага и бесконечность.
Я не видела лица.
Брови и твои глаза
Приковали так надолго,
Что «Уйди» сказала колко.
Я не помню твой уход,
Дал защиту Божий свод.
Объясни, что происходит?
Твой гипноз наркоз наводит.

Золотое Слово - 9

Всё бы так и продолжалось, но в церкви, как в армии: куда пошлют.

Да и сон, который приснился, показывал на уход Отца Сергия из этой церкви:

*Видно, вещим был тот сон,
Солнцем ярким освещён.
Много лет в душе живёт
Посреди дверей двойных,
Ты подпёр косяк резных
Вдруг на корточки присел
Букет роз в руках лелел.
Я из церкви выходила
И цветы те получила.
Но сон дарит вдруг горшок,
Где герань в земле с вершок.
Радость озадачила,
Тяжесть напортила.*

Его отправили в пригородное село и Жан Павловна без встреч как-то сникла. За это время утекло не только много воды, но и здоровья и у Жан Павловны, и у Отца Сергия. Его оперировали чуть раньше, а Жан Павловне всё ещё предстояло, поэтому перед операцией она решила причаститься. К исповеди она тщательно готовилась, записывая все приходящие на ум грехи. Ей немного было не по себе открывать тайну, связанную с женатым человеком, поэтому она пошла в другой храм, где её не знают. Было очень много желающих причаститься. В ожидании Батюшки Жан Павловна в душе просила Бога, чтобы ОН её допустил до причастия. Вскоре появился священник с тяжелой, грузной походкой. Пряди седых волос зачесанных назад, держал ободок. Всё это дало образ незнакомца.

Жан Павловна стала повторно читать каноны и, оторвавшись от книги, вскользь глянула на священника. Какая-то сила заставила удержать взгляд на его склонившейся голове. Внезапный поворот головы открыл висок, который показался ей очень знакомым. Мгновенная мысль ударила током по сознанию: «Это же Отец Сергий! Что делать?! Разве можно это ему говорить?!».

*Осложнение обстоятельств
Привело однажды в храм.
Средь грехов много ругательств*

*Плюс ещё телесный срам.
Прочитала все каноны,
Пропостившись в суете.
И, услышав, души стоны,
Вижу исповедь в нужде.
Причём нет другого хода,
Время выбора прошло,
И в толпе, среди народа,
Чистку жду прогнать всё зло.
Но оно ошеломленье
Подарило в один миг
И внесло одно смятенье:
Исповедник - не старик!
Присмотревшись, я открыла
В нём опального тебя,
Время лик твой изменило,
Тяжесть с проседью дая.
Что могло тебя состарить?
Как тебе открыть мой грех
От стыда в бега ударить
И погибнуть от утех.
Только ангел держал крепко:
Снять грехи должна с души,
И твой фартук своей меткой,
Даст ей выйти из глуши,
Потому что ты свидетель,
И твой крест над ним печать,
Скрыта в таинстве радетьель,
Должен Свят Отец молчать
Боже мой, прости мне ужас,
Сохрани симпатий след,
Страхи пусть в глуши все кружат,
Подари здоровью свет.*

Силой воли она заставила себя открыть все грехи. Что чувствовал Отец Сергий, ей было неведомо, шестое чувство молчало. Он спросил её:

- Давно ли причащались?

Её ответом было:

- Да.

И накинув на её голову фартук, перекрестив, сказал:

- Целуй крест и Евангелие.

Ватные ноги её еле держали, шатающейся походкой она прошла в другой предел, где причащали. Вот такая была последняя встреча, с ней прошли и чудеса с надуманными сюжетами, как потом казалось Жан Павловне, а мне, как автору, сюжеты кажутся реальными.

удар по моим планам, оставляя мне 50 рублей на обратную дорогу и сущий мизер на еду. Но выбора не оставалось, надо было решаться. Я заплатил за одни сутки, на минуту зашел в уныло-пустой двухместный номер, оставил в нем свою небольшую дорожную сумку и поспешил на улицу. После свежего озерного воздуха печальный, уныло-казенный дух этого временного пристанища действовал на меня угнетающе.

Выйдя на главную улицу районного городка, я глубоко вздохнул, осмотрелся и, не спеша, как если бы родился и вырос здесь, пошел по ней вверх, в сторону довольно высокой горы, на которой, я это заметил сразу, возвышалась небольшая, довольно красивая католическая церковь, почему-то увенчанная православными крестами. Немного впереди этой церкви была видна невзрачная запущенная колокольня. Обе эти старинные постройки, красуясь на вершине наиболее возвышенной части городка странно сочетались друг с другом и с окружающими их деревянными и каменными домами. За всем этим по загадочно-влажному, взволнованному небу угадывалось все то же огромное Озеро, уже отчасти виденное и предугаданное мной. Все это ужасно заинтриговало меня, во мне шевельнулся азарт живописца, и мне незамедлительно захотелось подняться на эту вдохновительную гору и воспарить над этим городком, как это изображено на холстах Шагала.

Настроение мое резко улучшилось, и я с воодушевлением зашагал к намеченной цели. Пройдя пару кварталов и взглянув направо, я опять увидел снежный простор Озера, на сей раз, оно предстало во всей своей вдохновляющей прелести. Так вот она, моя Псковская Швейцария, невольно вспомнилось мне, когда-то слышанное эффектное определение этих мест. Пожалуй, это действительно похоже на правду, подумалось мне, хотя я вряд ли когда-нибудь побываю в Швейцарии. Меня осенила догадка, что все это сияющее озерное великолепие облегает мысовидную часть городка, по которой я шел, и я был уже абсолютно уверен, что этот чудный городок и впрямь возникает как бы из воды, устремляя себя к Небу! Это маленькое открытие привело меня в восторг, и необъяснимым образом восхитившая меня догадка решительно смыла из памяти весь негатив

первых нелестных впечатлений, еще час назад омрачивших мою встречу с мечтой. Радостное ликование, как в детстве, затопило меня. Я неожиданно почувствовал себя желанным гостем, а может даже героем на каком-то волнующем событии – может быть, бенефисе или премьере чего-то Нового в моей жизни. Запах тающего снега и несказанный волнующий аромат пробуждающейся озерной воды, смешанный с чуть внятным пряным ароматом далеких, оживающих к лету безбрежных хвойных лесов на едва видимом, тонущем в голубой дымке, далеком берегу неохватного глазом озера, подняли в моей душе такой ворох болезненно-сладких воспоминаний и смутных чувств, что я едва справился с разбушевавшимся сердцем. Да, кажется, все это начинает набирать обороты и, не дай, бог сдетонирует...

Только я успел подумать об этом, как новое обстоятельство внезапно овладело моим вниманием. Впереди меня торцовой оштукатуренной стеной возник приземистый косоватый двухэтажный особнячок, окрашенный охрой, с узкими окнами, в который невозможно было не влюбиться с первого взгляда. Что-то было в нем интригующее. На торцовой стене крупными фанерными буквами значилось: «Себежский краеведческий музей».

И почти тотчас же какая-то неподвластная мне, тугая пружина любопытства втокнула меня в узкий проход между домами, и я очутился в узком тесном дворике, заваленном штабелями дров. Древний запах отсыревшего дерева чудным образом перенес меня в мое детство, в 50-е годы, в послевоенный Ленинград, на мрачный Крестовский остров, где прошло мое детство и где из сырых затопленных подвалов тянуло острым запахом прокисших дров. Мне мгновенно захотелось побывать внутри этого старинного строения и, хотя бы мельком, обозреть его внутренность.

Местный краеведческий музей был открыт, и, поднявшись на второй этаж этого приземистого, литой кладки старинного дома, по крутой каменной лестнице, я оказался в небольшом мрачноватом коридоре и, только было принялся разглядывать одну из привлечших мое внимание картин, написанную в наивном ключе с запоминающимся названием «Первая бомбардировка Себежа в 1941 году», как дверь

Золотое Слово - 9

одной из комнат открылась и из нее вышла невысокая миловидная женщина. Она поздоровалась со мной и представилась директором местного краеведческого музея. Почувствовав во мне приезжего человека, она проявила ко мне подчеркнутое внимание. И то сказать, я был, похоже, единственным посетителем в этот будний мартовский день.

Узнав, что я – художник из Петербурга, она пригласила меня в узкий и скромный кабинет с двумя казенными письменными столами, с громоздящимися на них бумагами и книгами. Было видно, что я своим появлением прервал ее чаепитие. Чайная чашка, две домашние булочки и открытая банка варенья красноречиво указывали на это. Она предложила мне чашку чая. Я не отказался, поскольку сразу почувствовал смертельный холод, проникший в меня в этом толстенном кирпичном саркофаге начала века. Поинтересовавшись, почему здесь так холодно и мрачно, я с удивлением узнал, что лучший в области районный краеведческий музей расположен в бывшей тюрьме. Помню, что это произвело на меня сильное впечатление. Садясь на предложенный мне стул, я обратил внимание на черно-белую фотографию, висевшую в простенке между двумя шкапами. На ней был изображен мужчина средних лет с красивыми интеллигентными чертами лица. Его благородный облик не мог не притягивать к себе внимания. На мой вопрос, кто этот человек, женщина, просветлев глазами, с теплыми интонациями в голосе поведала, что это Константин Михайлович Громов – бывший директор музея, отдавший ему 30 лет жизни. Кроме этого он является оригинальным самодеятельным художником, широко известным в этом качестве не только в Псковской области. Константин Михайлович, по ее словам, великий патриот своего города, бесконечно влюбленный в Себеж и знающий очень много о городе и всем Себежском крае. Так вот, стало быть, чья картина привлекла мое внимание, как только я поднялся на второй этаж. На мой тревожный вопрос, жив ли он, и если, да, то где он живет, я получил утвердительный ответ.

Почувствовав мой скрытый интерес к этому человеку и как бы уловив мое желание познакомиться с ним, она предложила мне обязательно встретиться с Громовым:

- Константин Михайлович исключительно яркая личность, в полном смысле местная знаменитость, и Вам обязательно нужно с ним познакомиться, – уверенно заявила она. – Я дам Вам его телефон, и звоните ему сейчас же.

Она указала на старый телефонный аппарат на подоконнике. Все это оказалось довольно неожиданно, но мне понравилась такая категоричность, все это невероятно заинтриговало меня, поэтому я не стал возражать, и она сама набрала номер. В переданной мне трубке зазвучал негромкий, характерного тембра, пожилой голос, исполненный неподдельного ко мне интереса. Представившись, я, может быть, несколько эмоционально рассказал Громову о себе и цели своего приезда в Себеж. Мне показалось, что мой краткий, но взволнованный рассказ произвел впечатление на моего заочного собеседника, ибо он сразу предложил мне встретиться с ним. Мы договорились о встрече на городской площади, недалеко от гостиницы, где я только что остановился. Я поймал себя на мысли, что меня приятно удивила столь искренняя и прямодушная готовность познакомиться со мной и рассказать мне о Себеже. Все это сильно воодушевило меня.

Забегая вперед, скажу, что так оно и произошло. Именно ему, этому скромному, почти никогда не покидавшему свой родной город, провинциальному интеллигенту я обязан тем, что по-настоящему влюбился в Себеж и смог открыть для себя вещи очень значимые для меня, если не сказать больше...

Идя на встречу с Громовым и пытаясь представить себе облик этого неизвестного мне прежде человека, я подумал о том, как еще пару часов назад, ощущая свою отдельность и одиночество в новом и незнакомом мне городе, я представлял себе человека, который бы самим фактом своего присутствия в этом месте оправдал бы все нетерпение моих надежд на столь ожидаемую встречу с мечтой и рассеял бы всю серость поверхностно-зримой действительности. Ту неизбежную оболочку случайного, которая закрывает собой живую душу вещей...

В сумерках медленно гаснущего мартовского дня, подходя к главной площади городка, еще недавно отпугнувшего меня своей безликостью, я уже издали увидел ожидающего меня

пожилого человека достаточно высокого роста, одетого в темное, довольно изношенное демисезонное пальто и старенькую меховую шапку, косовато сидящую на его голове. Подойдя вплотную, я, наконец, смог хорошо разглядеть лицо незнакомца. Передо мной стоял статный пожилой человек с благородными чертами лица, осененного болезненной тенью своего возраста (ему в ту пору было 80 лет). Глаза его светились спокойной добротой, когда он не сильно пожал мою руку. Это и был Константин Михайлович Громов – человек знаменитый в Себеже, что, впрочем, внешне абсолютно не было заметным.

Его фамилия странным образом контрастировала с его более чем скромным обликом провинциального интеллигента. Первым вопросом его после нашего рукопожатия было, где я остановился, и, услышав в ответ, что в местной гостинице, категорически дал понять, что я должен обязательно поселиться у него. Я осведомился, насколько это удобно, и, узнав, что он живет вдвоем с хозяйкой, не заставил себя долго упрашивать, сбегал в гостиницу за своими вещами, и мы не спеша отправились к нему домой.

Дом Константина Михайловича находился сравнительно недалеко от центра городка. Тихая и живописная Красноармейская улица, когда-то, до революции называвшаяся Батарейной, пролегла по его возвышенной части, окруженной огромным озером с поэтическим названием Орно и была обставлена удивительно живописными разноокрашенными деревянными домами, среди которых попадались и весьма древние постройки, необычайно выразительные с виду. Как правило, возле этих старых, потемневших от времени, домов высились не менее старые деревья – могучие столетние тополя или древние ивы. За домами и заборами, нервно перебирая ветвями в потоках озерного ветра, стыли голые фруктовые сады.

Одноэтажный, окрашенный в небесно-голубой цвет, деревянный с белыми узорными наличниками, домик (точнее полдома) Константина Михайловича был просто блеск! С протяжным скрипом раскрывшаяся калитка впустила нас в небольшой, уютный дворик, с расположенной тут же, довольно просторной

рубленой баней. Небольшой участок сырой, оттаявшей земли с несколькими искривленными старыми яблонями посередине, был пустынно-выразителен, отзываясь в душе какой-то щемящей Ван-Гоговской нотой. Все на этом скромном весеннем подворье показалось мне восхитительным и красноречивым, как на экспрессивных рисунках великого голландца. Так вот куда привел меня мой удивительный проводимый в ранних сумерках этого насыщенного эмоциями дня.

...И вот уже холодный мартовский вечер, плавно растворившийся в синих ночных сумерках чудным образом превратился в душевное застолье в гостеприимном доме Громовых. Мы собрались за небольшим круглым столом на крохотной кухоньке под желтым абажуром.

Пока Александра Степановна, жена Константина Михайловича, маленькая пожилая и подвижная женщина с добрыми глазами хлопотала около стола, стараясь угодить нам с Громовым, я, пропитанный флюидами этого нешумного семейного гостеприимства и совершенно растворившись в атмосфере этого доброго дома, прямо-таки впился глазами в чарующую живопись Константина Михайловича, пылко и победно цветущую на белых стенах скромной кухоньки. Сердце мое трепетало восторгом, переполняясь тихой радостью при мысли, что я оказался в доме настоящего Художника-чародея.

Внутренность этого дома заслуживает более тщательного описания. Это был дом, где могли жить только такие люди, как Громовы. Художник и его состарившаяся муза, верная спутница его подвижнической и многотрудной жизни. Благородный дух самоограничения безраздельно властвовал в двух небольших, попровинциальному уютных комнатках. В этом доме не было ничего лишнего всякого рода, ерунды, которая засоряет быт городского жителя, который, как краб пригребает к себе все, что попадает под руку.

Я был поселен в большей комнате, вся меблировка которой состояла из дивана, на котором я спал, комода со старой швейной машинкой, небольшого овального столика и двух стульев. В углу, впрочем, громоздился старый ламповый телевизор. На двух окнах, застав-

Золотое Слово - 9

собой нашу древнюю историю. Иначе говоря - я не могу быть не РУССКИМ! Абсолютно, устрашающе РУССКИМ!

...Казалось, весь городок от мала до велика знал в лицо моего спутника. Помнится, меня поразило тогда, как много людей знают и любят моего доброго друга и поводыря. Какой добротой и сердечностью загорались их глаза, когда они попадались нам навстречу! А ведь это не была какая-нибудь важная начальственная шишка. Ровно наоборот. Громов был внешне незаметный, скромный до застенчивости человек, спокойно, если не равнодушно, относящийся к своей доброй популярности, при всем том, что известность его как выдающегося знатока-краеведа давно уже добежала до обеих столиц, а как самобытного и оригинального художника - даже до самого города Парижа.

Случалось, сидел я в доме Константина Михайловича, разглядывая старые советские газеты с публикациями о себежском художнике и внимая его неторопливому рассказу о своей жизни. Вдруг телефонный звонок. Беру трубку.

- Можно Константина Михайловича?

Выясняется: две дамочки из Питера, не то историки, не то археологи, хотят увидеть себежскую достопримечательность - Громова.

Или в другой раз. Звонок из районной администрации:

- Константин Михайлович, примите такого-то или такую-то. Хотят с Вами познакомиться...

Конечно, в провинции яркая личность всегда на виду, ее знают в глаза, о ней говорят, в отличии, скажем, от Москвы или Питера. И все же природная скромность и не шумная известность Константина Михайловича заставили меня задуматься вот о чем... Конечно, можно с шумом пробивать себе дорогу к известности. Кто сейчас не занимается этим. Как правило, эти люди, охотники за славой, готовы добыть ее любой ценой. Подкупом, саморекламой - здесь все средства идут в дело... Однако, подлинная весомость сделанного для людей такими соискателями славы слишком часто вызывает большое сомнение. Я знал таких людей в большей или меньшей степени и, поневоле, задумывался о несоизмеримости сделанного и декларируемого ими. Мне трудно понять это самовыпячи-

вание. Справедливости ради признаюсь, что и во мне присутствует эта несоизмеримость...

В лице старого Художника я понял (может, слишком поздно) простую вещь. Как можно любя людей и, посылно и убежденно, привнося в их жизнь красоту и истину, совсем незаметно для себя, вопреки себе, сделаться не столько известным, сколько любимым и нужным.

Я часто думаю об этом и сейчас, когда моего дорогого Константина Михайловича вот уже три года нет на свете.

Нести людям Добро, не думая об этом и оставаться всегда собой - этот простой урок негромкой бескорыстной любви, быть может, и был самым главным, самым бесценным, самым сокровенным, что привез я тогда из своей первой поездки в Себеж и моей, в общем-то не случайной, встречи с Константином Михайловичем, простым и мудрым провинциальным интеллигентом.

В год нашей встречи ему шел 81 год, он был фактически слеп и продолжал стремительно терять зрение, с трудом передвигался и все-таки, не показывая виду, шел, преодолевая отдышку и старческую слабость, чтобы, быть может, в последний раз показать мне, приезжему человеку, близкому ему по духу, сокровенные уголки своей духовной Родины - своего Себежа, и не думая об этом, незаметно и красноречиво раскрывался сам, обнажая передо мной свою сущность, распахнутость и щедрость своей большой души.

...А тогда, в первую нашу прогулку по городу, налюбовавшись восхитительной панорамой городка и его окрестностей с самой высокой точки - Замковой горы, мы еще раз обошли бывший костел Святой Троицы и, спустившись вниз на какую-то сотню шагов, подошли к старой, заброшенной колокольне. Порыжевшие от времени ее стены были обезображены шрамами войны, но в большей степени похабными надписями. Из-под обвалившейся штукатурки кровоточила оголенная кирпичная кладка... Характерный силуэт этой колокольни был хорошо виден из многих точек города, особенно издали, и вместе с бывшим костелом Святой Троицы несомненно украшал эту, самую возвышенную часть городка. Я обратил внимание на заброшенный, пугающе-запущенный вид этого сооружения. Ее соседство с действующим при-

ходом как-то особенно удручало. В ответ на мое недоумение Константин Михайлович поведал мне грустную историю о своей безнадежной борьбе с местной властью двадцать лет назад за спасение колокольни от полного разрушения. В общем банальная, предсказуемая история о чиновничьем равнодушии и вечной нехватке денег. В итоге Константин Михайлович, убежденный атеист, на собственную скромную зарплату директора местного краеведческого музея покрыл железом островерхую разрушенную кровлю изувеченного войной и оставленного людьми храма.

...Так что же такое подвижничество сегодня, в наши горькие дни, в наше разрушительное и так жестоко трансформирующее само себя время? Возможно ли Подвижничество в эпоху сугубого прагматизма и глобальной борьбы за выживание, в эпоху противостояний, религиозной, этнической и социальной вражды и нетерпимости? Есть ли они в миру, эти люди, думающие не о себе, а обо Всех? И что такое подвижник сегодня, если вообще существует эта редчайшая драгоценная россыпь высокой человеческой породы?

...Подвижник, в моем представлении, - это уникал, хрупкая и материально уязвимая человеческая единица, олицетворяющая возврат к Человеку, задуманному Богом и воплощенному им в золотой век человечества. Когда Все, все без исключения, были любимы, возлюблены им... Когда Все, имевшее родиться и появиться на этот свет было осенено высоким человеческим Предназначением, ибо все были равны и одинаково любимы...

Бескорыстность или то, что понимается под этим словом, была в высшей степени характерна для Константина Михайловича. Иногда, как рассказывала мне Александра Степановна, жена Художника, у них часто не хватало денег, чтобы дожить до пенсии. Их более чем скромных пенсий едва хватало на жизнь (часть их они тратили на внука, пятнадцатилетнего подростка, жившего с ними, помогая тем самым младшему сыну, работавшему в милиции).

В такие критические моменты Константин Михайлович не позволял себе, используя свою известность, идти и просить кого-либо об одолжении. И тем более он чувствовал себя

беспомощным, когда возникал вопрос о продаже своих картин, что было естественно в такой ситуации. Новые времена, начавшиеся после развала Союза, Громы переносили с высоким стоицизмом духа, не прогибаясь и не прося. А властям предрержащим, в горячке приспособления к новым порядкам, естественно, было безразлично, чем и как живет семья старого Художника.

Иногда, думая о Громе и о том, что так притягивало меня к этому старому скромному интеллигенту из русской глубинки, я вспоминал своего умершего отца и чувствовал какую-то глубинную схожесть, связь характеров этих двух людей, общее родство их душевной природы. Может, в этом и состоит тайная суть моего тяготения к старому Художнику? Ведь и моему отцу были свойственны те же черты характера, которые так притягивали меня к Грому: врожденная интеллигентность, мягкость, доброжелательность и скромность, простодушие, готовность бескорыстно помочь людям... А также терпение и тихая стойкость перед лицом жизни и судьбы.

...Как-то в одну из наших прогулок Константин Михайлович рассказал мне о трагической гибели своего старшего сына. Это было, когда мы по пути к святому Источнику проходили мимо одного из местных кладбищ. Это кладбище находилось недалеко от дома старого Художника между узкой асфальтированной дорогой и озером - строгий прямоугольник вечного упокоения. Над тесными рядами могил сумрачно шумели кроны высоких сосен, пахло озером, сырой землей, прелью прошлогодних листьев и вечным покоем. Между могилами еще лежал голубой снег, было холодно и сыро. Мы остановились у входа возле старой, иссеченной временем, полузасохшей сосны, казалось, вознесшей в слепой мольбе свои измученные ветви-руки.

Константин Михайлович попросил меня отыскать могилу своего первого сына. Сам он почти не видел и с трудом передвигался. Я выполнил его просьбу и, хотя и не сразу, но отыскал его могилу. Тяжелые это были минуты - стоя в тесной ограде видеть, как с овальной эмалированной фотографии смотрят тебе в душу смелые молодые глаза с характерным отцовским прищуром. Это был первый сын

Золотое Слово - 9

старого Художника – Юрий, его неутрачиваемая отцовская боль и память.

Его убили уже после службы в армии, в начале девяностых годов, вдали от родительского дома, в Карелии, где он работал не то егерем, не то лесником. Обстоятельства его смерти так и остались непроясненными.

Мы не раз проходили мимо этого печального места, по пути к Святому источнику, и можно только догадываться о чем думал старый слепнувший Художник, которого мне приходилось держать под руку, чтобы встречные машины не заделали его по неосторожности.

...Но я не сказал еще о главном, собственно о Громе-художнике и о моем личном восприятии его творчества. Не раз и не два, уже позднее, я думал о том, что его яркое самобытное искусство абсолютно индивидуально, автопортретно. Я не один раз видел его пейзажи маслом и не переставал удивляться особой загадочно-отрешенной и тихой их поэтичности. Я постоянно задавался вопросом: откуда это исходит? Трепет чувства, состояние души художника как-то естественно и органично одухотворяли его неискушенную в технических приемах, спокойно-созерцательную живопись. Откуда эта безыскусственная естественная поэтичность, это тихое и завораживающее присутствие души? И какая сила должна питать эту трепетную душу? Какой святой водой должна быть напоена душа творца, чтобы, не взирая ни на что, ни на какие трагедии, тяготы и мерзости переменчивой жизни изливаться добротой и любовью к миру и человеку? Где он таится, Этот Святой Источник Веры в окончательное добро и всепобеждающую красоту жизни, творящей это чудо поэтической правды на холстах старого Художника? Эти, возможно, наивные вопросы до сих пор остались во мне безответными, как та тайна человеческой души, которая еще никем не разгадана.

...Позднее, уже в последний год жизни старого Художника, предчувствуя его уход, я не раз приезжал в Себеж на своей машине в поисках заказов. И каждый раз мое сердце учащенно и тревожно билось, когда я останавливал машину возле родного для меня дома Громовых

и с трепетом подходил к знакомой голубой калитке. Случалось, что я не заставал старого Художника дома. Он по-прежнему, отмахиваясь на запреты жены, ходил в одиночку к Святому источнику, чтобы наполнить смешной двухлитровый бидончик магической водой. Я довольно скоро понял, что это был ритуал, священное таинство ежедневной молитвы, которую носил в себе старый Художник. Благодарной молитвы о неиссякаемой живой воде из Святого источника. Высокий, сутуловатый, с трудом передвигающий ноги, практически слепой...

Четыре километра туда и четыре километра обратно. Мимо кладбища, приютившего сына, мимо спецучреждения, приютившего малолетних преступников со всей Псковщины, мимо заброшенного песчаного карьера, мимо особняков местной знати, мимо парящих над извилистым узким шоссе могучих и красивых сосен, столько раз изображенных им на своих холстах.

Мимо проезжали дорогие иномарки. Сидевшие в них люди с большими белыми канистрами также спешили запастись целебной святой водой, они отводили глаза от еле бредущего больного старика и никому из них не приходило в голову подвезти его... Четыре километра туда и четыре километра обратно. И так пока держат ноги и бьется больное измученное сердце!

Однажды, спускаясь с драгоценной водой по крутой лестнице, Константин Михайлович упал. Со звоном покатился вниз по деревянным ступеням скромный двухлитровый бидончик, разбрызгивая вокруг святую воду...

Его привезли домой на машине и вызвали скорую. Он пролежал более месяца, сначала дома, потом в больнице. Это случилось без меня, и я узнал об этом позднее.

...Смогу ли забыть я последнюю нашу встречу, больше похожую на прощание... Это было в августе 2001 года. Приехав на два дня в Себеж, я остановился в родном для меня громовском доме. Я знал, что старый Художник был совсем плох. Лежа среди ночи в белой светелке, среди громовских холстов, теснимый тяжелыми предчувствиями, я с тревогой в сердце слышал за стеной сдавленное, хриплое дыхание Константина Михайловича. Часто он вставал среди ночи и тихо, чтобы не разбудить меня, с трудом проходил мимо, чтобы выйти во двор

Золотое Слово - 9

и подышать свежим ночным воздухом. Какие мысли обуревали его? Что теснило его большую грудь и сжимало сердобольное сердце?

Я лежал в темноте небольшой светелки, освещенной безжизненным лунным светом и снова (в который раз за эти годы) вспоминал своего отца, умершего в больнице, несколько лет назад в Сестрорецке, в таком же, как Себеж, небольшом городке под Санкт-Петербургом. Так случилось, что я не смог быть рядом с ним в те страшные дни и часы его Ухода и хотя бы своим присутствием облегчить его боль и душевные муки. Он не ожидал смерти и не хотел умирать, и смерть пришла к нему неожиданно и вероломно. Я знаю, что в последний свой час он думал о нас, о тех, кого он оставлял без своего участия и заботы, и это было для него страшнее самой смерти. Так он был устроен. И я часто вижу во сне и наяву, как по его родному осунувшемуся лицу текут светлые молчаливые и бессильные слезы непередаваемой муки за нас, за наше будущее...

Родившийся на Рязанщине в крестьянской семье в том же году, что и Громов, осиротевший вместе с двумя младшими братьями в раннем детстве, он прошел тяжелый земной путь по Русской земле. Воевал, падал со своим горящим самолетом на эту тяжелую землю. Потом трудно и стойко, с потрясающей скромностью и терпением преодолевал время своей жизни, заботясь о своей семье и сердцем страдая за государство...

Он много лет прослужил прокурором. Говорили, что его уважали даже осужденные преступники. Наверное, он был самый гуманный прокурор в мире... Его убила не война, не ранения и жизненные невзгоды, не десятилетия работы с преступниками – его убило жестокое и циничное время и собственное доброе сердце...

И вот снова судьба грозит мне непоправимым. В другом городе и в другом доме, как бы переселившись в судьбу другого, ставшего мне незаменимо родным человека, я будто возвращаюсь в те трагические дни и мучительно остро чувствую всю хрупкость, всю непоправимость надвигающегося. И черная тень старой, не затянувшейся вины моей перед моим отцом опять неотвратимо надвигается на меня и нещадно полосует мне сердце. И я, почти физиче-

ски, чувствую всю невероятную тяжесть жизненного пути Старого Художника, так похожего на крестный путь моего отца...

...Стремительно, вьюжно пролетел еще один год моей бестолковой городской жизни.

Как и всегда, последние двадцать лет, в июне, я, отрезав себя от города, вернулся в свое псковское убежище, откуда год назад, весной, отправился на рейсовом автобусе в Себеж. Подходя к покинутому, прожившему здесь без меня всю зиму, опустевшему дому, я по привычке задержался взглядом на скворечнике, водруженном мной в ту весну перед окнами дома, в буйных зарослях сирени. Тогда в нем впервые поселились прилетевшие с далекого юга молодые скворцы. Каждый раз, возвращаясь в ту весну из Себежа к себе в деревню, я с тихой радостью наблюдал за суетливыми хлопотами скворчиной пары.

Сейчас скворечник был пуст. Вероятно, я прибил его в свое время слишком низко от земли, и соседский кот, привозимый на лето моими питерскими соседями, не оставлял своим вниманием пугливых претендентов на уютное жилье.

Отперев дом, поднялся я в сени. Зашел в избу. Пахнуло холодком, нежилым, но насквозь родным духом. Машинально окинув взглядом столь знакомую мне обстановку избы, как-бы пытаясь удостовериться, все ли на месте, я, вдруг, увидел на одной из стен, над изголовьем своей кровати, рядом с портретом Пушкина, приколотую к стене репродукцию одной из картин Громова, которую он подарил мне на прощанье в прошлом августе. Она называлась «Аисты». На ней было изображено гнездо аистов на фоне маленького провинциального городка, похожего на Себеж. Большая красивая птица, возвышаясь над гнездом, кормит свое нетерпеливое потомство, умильный выводок аистят. Трогательная до слез, светлая и, одновременно, грустная сцена...

Даря мне эту репродукцию год назад, перед нашим расставанием и, возможно, предчувствуя свою скорую смерть, старый Художник по моей просьбе подписал ее. На пожелтевшей бумаге дрожащими неровными буквами было выведено: «Дорогому Игорю Александровичу Сафронову на память от К.М. Громова. Август

Золотое Слово - 9

2000 г. Себеж». От прощально-щемящей ноты этой простой надписи, как когда-то, знакомо заняло сердце, вновь завладели им тяжелые воспоминания о нашей прошлогодней встрече-прощании.

Несколько раз в течение года я звонил в Себеж из Петербурга, чтобы справиться о Громовете. Но телефон устрашающе молчал. Ближе к Пасхе я позвонил знакомой себежской художнице Татьяне Домбровской, чтобы от нее услышать что-нибудь о старом Художнике. Я знал, что Татьяна стала новым директором себежского музея. Услышав в трубке ее далекий голос, я не сразу спросил ее о Громовете, как будто какая-то сила сопротивлялась во мне и не желала услышать тяжелую правду. Я чувствовал, что и Татьяна, зная, как мы были дружны с Громовым, медлила обрушить на меня эту правду.

И все-таки страшные слова были произнесены, и услышанное было тяжело. как приговор, и глухо, как удар топора о березовую плаху, отозвалось в моей памяти. Он, этот неотвратимый приговор судьбы, лишь подтвердил мои горькие предчувствия, хотя какое это теперь могло иметь значение...

Наш любимый Константин Михайлович умер в феврале, проболев всю зиму и немного недотянув до своей новой возлюбленной весны... Умер тихо и незаметно, как жил и творил...

Его нашли лишь на вторые сутки после того, как он ушел из дома и не вернулся. На обочине одной, из столь хорошо знакомых им улиц своего любимого Себежа, где-то в районе вокзала... Говорили, что он лежал, засыпанный февральским вьюжным снегом, превратившись под ним в безликий сугроб. Когда его обнаружили и откопали, то неподалеку нашли небольшой белый бидончик, с которым он ходил к Святому источнику... Закоченевший, одинокий, осунувшийся и почти слепой, он доверился Смерти с ясным и тихим стоицизмом, с каким шел по жизни... Говорили, что он шел навестить младшего сына и не дошел... Еще говорили, что в нем с трудом признали знаменитого и всеми уважаемого Громова...

...Стоял горячий жизнерадостный июль 2001 года. Полнозвучное и яркое псковское лето медленно вливалось в свою самую благодатную

пору. В ранний розово-дорассветный час, я незаметно выехал из своей деревни и, вырулив на Киевское шоссе, взял курс на Себеж. Мысль о Громовете, о его почти символическом уходе из жизни, о его судьбе, с того телефонного разговора с Татьяной, плотно засела в моей голове, мучила, не отпускала. Тень вины снова стала медленно поглощать освещенную осенним солнцем часть моего догорающего дня.

Я ехал по пустому, влажному от росы Киевскому шоссе в сторону Себежа, и мысли мои беспорядочно наслаивались друг на друга. По обеим сторонам утренней трассы мелькали все красоты нашей псковской природы - благоухающие росными травами луга, искрящийся орган утренне-гулких сосновых лесов, розовые от рассветного солнца поля и прохладное нежно-голубое балтийское небо.

...Внезапно, бог весть откуда возникающая одинокая детская фигурка, белеющая на обочине шоссе, вывела меня из тягостного оцепенения. Совсем маленькая девчушка, лет семи, подняв ручонку явно пыталась привлечь к себе мое внимание. Сбросив скорость, я плавно остановил машину рядом с ней и приоткрыл правую дверь. Озябший до посинения в этот ранний час, совсем бедно одетый ребенок, жалобно попросил взять его до Себежа. Глаза девчушки были грустны какой-то пересохшей грустью, бледное, исхудавшее личико с вздернутым веснушчатым носиком и бледными губами было так моляще-красноречиво, что у меня екнуло сердце. Иссеченные, загрубевшие детские руки, весь запущенный беспризорный облик этого ангельского создания, рождали тяжелые мысли о недетской участи ребенка, я это понял сразу, и вызвали во мне мучительную жалость. На мой вопрос, куда же она отправилась так рано, бедный ребенок посмотрел на меня с легким укором недетски-печальных глаз и произнес, двигая бледными губами:

- К маме...

Я аккуратно посадил свою неожиданную попутчицу на заднее сидение, закрыл за ней дверь, и мы тронулись. По пути выяснилось, что девочку зовут Катя и что она дважды в месяц одна совершает этот путь из дальней деревни, где живет ее тетка, в интернат в Себеже, где живет и учится. На мой вопрос о матери, Катя ничего не ответила и только еще раз,

Золотое Слово - 9

нежность, смешанная с благодарностью, готова была выплеснуться на нее в это мгновение неистовым сочувствием, но я сдержал себя и, лишь невольно прикоснулся рукой к ее золотистым, как спелая рожь, волосам... Она по-женски оценила это прикосновение.

- Ты должен рассказать о нем, - еще раз произнесла она, вытирая слезы. - Ты ведь любил его и он любил тебя – я это видела. Ты должен рассказать о нем, - глаза Татьяны моляще смотрели на меня.

- Я знаю, что должен. Я обещаю тебе и себе... Видишь ли, Константин Михайлович был очень похож на моего отца, которого я тоже не смог оценить при его жизни в той мере, которую он заслуживал, признаюсь тебе, Таня. Я слишком был занят собой, своей, как мне казалось, наиважнейшей жизнью... Только с его мучительным уходом я понял, кого я потерял. Это страшно звучит, но это так... Я только сейчас это понял, только сейчас, как никогда прежде... Когда ушел из жизни другой близкий мне человек... Духовно, мировоззренчески близкий - вот что важно... И спасибо судьбе, что слила воедино, сплавила в моем сознании, душе и сердце этих двух дорогих мне людей - моего отца и Громова...

Озвучив эту, столь невольно излившуюся из меня исповедь, я обратил внимание, что Татьяна перестала плакать и преображенное лицо ее неожиданно просветлело.

- Как дела с твоим музеем? - вдруг спросила она, участливо поглядев на меня.

- А!.. К черту, к черту мой музей! Я должен рассказать о Громе, потом все остальное. Спасибо тебе, Татьяна, что ты есть, что ты знала и по-настоящему любила Константина Михайловича! Спасибо тебе за память о нем! Ведь он в нас, как самое ценное, что мы есть! Ведь так? Или что-то не так? Может, я слишком пристрастен, слишком... как-бы это сказать, доверчив, что ли?..

- Ты абсолютно прав, Игорь. Он будет с нами, пока мы есть! - огромные серые глаза Татьяны пылали неимоверным внутренним огнем, когда она произносила эти слова.

- Спасибо тебе... За все, Таня... Не исчезай из моей жизни! – И - до Встречи! Может стать, что мы нескоро увидимся, но все равно – до Встречи, ибо мы с тобой уже Встреча!

- Не оставляй меня ради памяти о Константине Михайловиче... И помни – это ведь мы с тобой делаем людей зрячими и прозреваем сами!

Мы стали спускаться вниз. Идя по холодной каменной лестнице бывшей тюрьмы, я остановился, чтобы в последний раз посмотреть на одну из ранних картин Громова, висевшую на стене и изображавшую бомбежку на озере Себежском в 1941 году. Как странно, подумалось мне, Художника нет, но Художник есть, потому что остались его картины... Какая простая формула бессмертия...

Мы на минуту задержались на крыльце.

- Поеду на кладбище...

- Если хочешь, я поеду с тобой... - предложила Татьяна...

- Да, нет, Таня... Хочу один...

Я знал, точнее догадывался, где должен лежать старый Художник. Когда-то он сам показал мне это место, рядом с сыном...

Я остановил машину у входа на кладбище на том самом месте, у старой, полузасохшей сосны, где год назад в холодный мартовский день, стоял Громов, отправив меня проведать могилу своего первого сына.

Как неумолимо устроена жизнь, подумал я, входя в узкие каменные ворота местного кладбища. Вот и не стало моего проводника и отныне я сам вожу себя печальными маршрутами нашей недолгой, но нерасторжимой связи. Вот я и здесь, куда так стремил меня моя неспокойная память. Как шумят здесь, в разгаре псковского лета, в знойный полдень, высокие, гривастые сосны, овеянные теплым озерным ветерком. Как все красиво и ярко, если б только не знать, как беспробуден здесь человеческий сон. Сон, который уравнивает всех...

Дорожки кладбища были сухими и чистыми. Тесные ряды могил утопали в венках и цветах. Маневрируя среди этого печального декора, я тщетно пытался отыскать то, что мне было нужно. В какой-то момент я уже пожалел, что не приехал сюда с Татьяной. И все-таки я нашел то, что искал...

Внезапно, в полуметре от меня возникла та самая, однажды виденная мной ограда. Да, вот это печальное место, одно среди тысячи таких

Золотое Слово - 9

же печальных мест этого тихого провинциального кладбища. Продолговатый, просевший песчаный холмик и простой деревянный крест с прикрепленной к нему стандартной эмалированной табличкой.

- Ну, здравствуйте, Константин Михайлович! Здравствуйте, отец! Вот я и приехал, чтобы увидеться... Сказать вам, что я ничего не забыл из того, что мы успели сказать друг другу... Ничего из Ваших уроков. Сказать Вам, что ни я, ни все те, кто Вас знал, ценил и любил – уже никогда не изменят себе и тому, что Вы дали нам как пример... Почему мы не умеем ценить лучших представителей человеческого рода, живущих рядом с нами и во имя нас? А что мы вообще умеем ценить?..

Я подошел к кресту, положил ладонь на его нагретую солнцем перекладину. Погладил эмалевую табличку с фотографией. Это была та самая фотография, под которой еще недавно плакала Татьяна.

...Под ломаное карканье воронья, я вышел из ворот кладбища и сел в машину. Посмотрел на озеро, мерцающее неподалеку осколками солнечного хрусталя. Четыре километра по извилистому асфальту, минута езды - и вот уже я у Святого источника.

Солнечный июльский полдень, абсолютно чуждый моим мыслям на кладбище, обезоружил меня полнозвучным ошеломляющим дыханием счастья. Это было похоже на чудо, а может, и было им: у Источника не было никого! Я был совершенно один!

Я, не спеша, все еще накачанный тяжелой внутренней истощенностью, поднялся по пологой каменной лестнице к небольшой площадке с устроенными на ней скамьями. В центре ее, из отверстия трубы, уходящей в каменную кладку стены, звонко лилась литая, с голубым отливом и мерцающая на солнце струя благословенной воды Святого источника. Над ним победно и горделиво вознесла себя небольшая,

рубленая из светлого дерева часовня, увенчанная изящной шлемовидной маковкой, крытой сверкающей жестью. Она была неотразимо прекрасна. Сзади и с боков к ней подступали высокие и стройные, шумящие теплым солнечным ветерком молодые сосны.

Это было прощанием. Видно, судьбе было нужно оставить меня тет-а-тет с этим сакральным для меня местом. С тем, что томило и мучило меня с тех пор, как я оказался здесь впервые.

Я обошел это сверкающее янтарное чудо, перевитое голубыми тенями июльского полдня, и остановился у резной лесенки, ведущей ко входу. Часовня была заперта. На фронте ажурного крыльца загадочно темнела икона с ликом Святого Николая Чудотворца. Я долго, до рези в глазах, вглядывался в добродушно-сумрачный лик покровителя всех страждущих и путешествующих, прежде чем осенил себя крестным знаменем. Потом я повернулся лицом к огромному озеру, хорошо видимому отсюда. Оно все кипело расплавом сверкающего серебра. В нем было столько летней красоты и силы, что я невольно почувствовал себя титаном. Оно было для меня в эту минуту живым олицетворением всей земной красоты.

Чтобы ощутить вкус этого неотразимо-прекрасного мира, пронизанного бессмертием и красотой, я спустился чуть ниже, взял стоящий на бетонном основании источника полиэтиленовый стаканчик, поставил его под сверкающую на солнце струю и, наполнив его до перелива, поднес к губам.

Вода была глубинно-холодна и, отливая голубизной июльского неба, казалось, вручила мне свою верховную власть над всем этим ослепительным наследством.

*Июнь 2001
Букино*

НАТАЛИЯ СОРОКИНА

Аллерген славы (Из цикла «Пыль кулис»)

Тамара знала, что кабинет главного режиссера ей, конечно, не дадут убирать. Не прошла по конкурсу. У зав. поста, эффектной 24-летней дивы Дарьи Марковны Прокол были на этот участок свои «виды». Право наведения чистоты в «берлоге» у «самого» удостоилась несостоявшаяся студентка Театральной Академии длинноногая блондинка с 5 номером бюста и символичным именем Елена. Для уборки кабинета зав. литературной частью БД театра Ирины Германовны Шмарц был ценз попроще: брюнетка Лариса, но тоже длинноногая неудачница из абитуры прошлого года.

На эту тему уже «прохаживались» аксакалы театра.

Актер Гржелыч, выйдя в курилку из образа Несчастливцева, поведал изумленным обитателям загона для разносчиков сплетен незатейливую байку:

- Иду как-то я по коридору, смотрю - на встречу красавица с длинными ногами, выше тоже все что надо: волосы как у русалки, глаза - озера, ну прямо куколка. Думаю, вот, наконец то красивую молодую актрису в театр взяли. Спрашиваю у коллег, кто такая, откуда поступила?.. Никто не знает. А тетя Тася, кадровая туалетчица из первого яруса мне и говорит: «Это, батенька, наша новая уборщица!» Вот так... уборщицы стали красотой актрис затмевать, глядишь, и на сцену переберутся в удобный момент. А что, я не против с такой сыграть пьеску одну, другую полежим, как говорится, то есть поживем... увидим...

На самом деле, место то было гиблое. Конечно, неудачницы хотели быть поближе к высокому искусству. Но закулисы театра имеет свою оборотную, отравленную сторону. Прикоснувшись к ней, несведущий человек мог горько разочароваться в своих кумирах. А то и навсегда проститься с мечтой о театральном подмостках, отравившись тлетворным аллергеном славы и продуктами ее перегорания, проч-

но засевавшими в складках запыленных временем кулис.

В этот день Тамара попала в аврал. Заболела сотрудник по уборке на участке администрации. Директор цеха технического персонала Дарья Прокол послала Тамару срочно ликвидировать досадный пробел. В халате цвета выцветшего титульного листа школьной тетрадки за 2 копейки, в платке, повязанном куличиком, с дерюжкой в руках, как будто бы взятой у бутафоров из постановки «Три мешка сорной пшеницы», и шваброй наперевес, напоминая персонажа того же спектакля, она двинулась к означенным рубежам. Ловко намотав мешковину на орудие производства и, окунув его в громко звякающее ведро, Тамара начала борьбу с бюрократической офисной пылью, мурлыча себе под нос любимую арию из «Мистера Х». Внезапно перед ее носом распахнулась дверь отдела кадров и на Тамару выскочила полногрудая блондинка, одергивая на себе обтягивающий черно-белый дресс-код.

- Вы почему нарушаете порядок? Кто Вам позволил здесь под дверью распевать песенки в рабочее время? Вы нам мешаете сосредоточиться, - прокричала она, смахивая сахарную пудру с губ.

- А что, разве в театре петь запрещено?

- Вы - уборщица, вот и убирайте, или убирайтесь отсюда. Я позвоню, чтобы вас тотчас же заменили.

- Да ради Бога, убирайте сами. Спектакля сейчас нет. Театральному процессу я не мешаю. А в инструкции по технике безопасности, которую я подписывала, молчать во время уборки не предусмотрено. Так что петь вы мне не запретите!

- Безобразие. Мне еще хамят... Где ваша начальница? Как ее там, Прикол, Прокол? Я доложу о вашем нарушении. Будете писать объяснительную. И вас уволят.

- Объяснительную, да с удовольствием!

Золотое Слово - 9

Уходя со шваброй на плече, - гордо бросила Тамара.

В когорте красавиц-уборщиц, мечтавших стать актрисами, многие под давлением унижений и ежедневной рутины смирились. Как говорится, оставь надежду всяк сюда входящий... Тамара была не из таких. Она твердо знала, что это временное пристанище. Ее цель – пересмотреть весь репертуар театра и, может быть, еще самое заветное: подглядеть репетицию Мастера, на что было наложено строжайшее табу даже для студентов режиссерского курса. Несколько раз ей это удавалось. Она, прикрытая чехлами от бархатных перил, которые надевались на чувствительные мягкие части мебели после спектакля, пробиралась в темноте на первый ярус и, прикинувшись ветошью в полном смысле этого слова, наблюдала, как он вел репетицию новой пьесы.

Объяснительную писать пришлось! Дарья Прокол долго сокрушалась. Ну что же ты, Тамарочка. Не могла промолчать... Ну ладно, я тебя выгорожу, только больше не пой, пожалуйста, на работе...

- Ну, конечно, - недовольно буркнула Тамара, - Вам скоро будет без меня очень скучно!

В Театральном институте был объявлен доп. набор на отделение музыкальной комедии. Видимо, приемная комиссия чересчур строгая в отборе абитуриентов в летний период, поняла, что поразбросалась неограниченными талантами и развязала узелок, дав еще один шанс жаждающим попасть в когорту служителей Мельпомены. Да, синтетических артистов музыкально-драматического жанра не так уж просто распознать в среде неадекватно оценивающих себя самоуверенных подростков.

Ритка дергала Тамару за рукав:

- Ну, что тебе стоит, ну подготовь меня. Ты же у нас поющая... Ну, была не была, хоть на муз. комедию...

Для поступления в жертву была выбрана ария Иоланты из одноименной оперы Чайковского. Прекрасная музыка, из репертуара для студентов - вокалистов 4 курса консерватории. Учить пришлось долго. Ритка фальшивила, причем делала это не специально, а как-то исподволь и внезапно. Такая оказалась у нее осо-

бенность. Но Тамара была непреклонна. И честно пыталась «замазать» дефект. Пели вместе и по-очереди, потом наоборот опять и опять. Как говорится, «до упора».

Через четыре часа зубрежки со звенящими головами они вышли из квартиры. Тамара вспоминала потом, как ее родители, случайно находившиеся дома во время «процесса» обучения, горько пожалели, что вовремя не смылись, и попросили больше эту девушку домой не приводить.

В десятку они пошли вместе. Тамара должна была курировать свою подопечную до конца. Когда Ритка вышла и стала петь Иоланту, голос звучал прекрасно. Тамара сидела гордая за свою протеже. Рита, хоть и вызывающе одетая в желтую плиссированную мини юбку и синюю спортивную курточку, с разъехавшейся на тугой груди молнией, выглядела очень фактурно. Высокая, шатенистая барышня с высокой грудью, ну чем не звезда оперетты? Только вот со слухом были проблемы. Но... комиссия на это даже не обратила внимания.

- Легато, деточка, легато, - пропела педагог по вокалу, благообразная, худощавая, с прямой дворянской выправкой пожилая дама и сделала плавный жест рукой.

Ритка не знала, что такое легато, и стала назойливо повторять жест преподавателя то вправо, то влево, желая соответствовать требованиям.

- Нежнее, деточка! Вы же сопрано!

- Какое сопрано, - с места прокомментировала замечание преподавателя Тамара. - У нее альт.

Действительно у Ритки был широчайший диапазон. И низы звучали густо, как у Кармен. А мелодию она вызубрила на зубок, - в комиссии даже не поняли, что у нее нет слуха. Тамару переполняла гордость от выполненной работы. И она потеряла осторожность.

- Спасибо! Следующий, - в этот момент проговорила ассистентка. - Вы следующая, обратилась она к Тамаре.

В чем она была одета, Тамара не помнила. Кажется, какой-то свитер с дырками, джинсы. Ну точно, как сейчас говорят, - «не формат». Она и не собиралась соревноваться с соискателями на свободную вакансию студентки курса

Золотое Слово - 9

оперетты. Ее безответная любовь была – Драма!

- Что будете петь? - подозрительно прищурившись, с нескрываемым презрением в интонации процедил сидевший в центре преподавательского президиума седовласый, краснолицый гном в щегольском светлом костюме с бабочкой.

- Элегию Масне для баса. Впрочем, это, наверное, слишком серьезно для вас.

Гном покраснел еще больше от возмущения, ведь все в театральном только и шутили на тему несерьезности «легкого» опереточного жанра и почти прокричал:

- Если вы споете хорошо, нам этого будет достаточно!!!

Пела Тамара чисто, и со слезой. Но, видимо, неприятный осадок от диалога с самоуверенной абитуриенткой наложил свой отпечаток.

Когда подруги вышли из аудитории, за ними вскоре просочилась ассистентка и, прикрывая дверь, объявила, что из этой десятки не прошел никто. За дверью слышались возмущенные возгласы, обрывки фраз. Пронзительный тембр Гнома подводил черту под приговором:

- Я не хочу брать людей с улицы, они не уважают жанр! Не понимают, куда пришли...

В очередной раз потерпевшие фиаско девчонки направились к знаменитой мраморной лестнице, готовые вновь спуститься с небес на землю.

Вдруг хлопнула дверь аудитории. Из нее буквально выкатилась полненькая, как колобок женщина в бифокальных очках.

- Тамара????!!!

Тамара обернулась.

- Набокина?

- Да, я. А что?

- Вы не дочка Олега Михайловича Набокина?

- Да!

- Деточка, ну разве так можно... Как вы могли так опрометчиво отнестись к поступлению? - сокрушалась женщина. - И... как вы оделись? Ну-ка давайте телефон родителей, сейчас я Кире задам...

Кира Юлиановна Набокина – жертва, вы-

бранная экзотической незнакомкой - это была мать Тамары. Она и не подозревала, что дочь еще не оставила свои тщетные попытки поступить в Театральный институт. И, когда в ее адрес полетели упреки со стороны одногруппницы по Хору Университета, даже не поняла в чем дело. Она и не подозревала, что Людмила Науменко, волшебница, прервавшая цепь дочерних неудач, стала профессиональной певицей и преподает вокал в ЛГИТМИКе.

- У тебя что, платья нет, туфель? В чем ты дочь отправила поступать? Вышла какая-то замурышка... У нее же голос есть!!! Она же музыкальностью в Олега пошла!

Дальше события развивались еще стремительнее. Фея, взявшись серьезно за Тамару, в течение двух выходных выучила с ней программу из трех опереточных арий и народной песни.

- Ничего, когда ты им это споешь, они не устоят. Только, я тебя умоляю, держи себя скромно!!! И оденься, причешись, как девушка, а не как пацан!

В понедельник был первый тур. Во вторник - второй, в среду - третий. Тамара стремительно прошла, нет, пролетела приемные экзамены без запинки, почти первым номером, как по мановению волшебной палочки. Строгий Гном, то есть мастер курса Изакин Гриншпун, впоследствии любимый преподаватель, в силу своей природной отходчивости, разрешил показаться опальной претендентке вторично. И этот повтор засчитали!!!

В отдел кадров БД театра Тамара пришла с заявлением. Пухлая блондинка, Курохтина И.О., одетая в черно-белый дресскод удивленно вскинула не нее брови:

- Уходите? А куда, если не секрет?

- Я поступила в Театральный институт. На отделение музыкальной комедии...

- Значит, все-таки будете петь, - отходчиво, со смесью нескрываемого любопытства и зависти, спросила она.

- Буду, - ответила Тамара, забрала трудовую книжку с печатью «уволена из БД театра по собственному желанию» и навсегда закрыла за собой дверь прошлой неудачной жизни.

МАКАР АЛПАТОВ

Как я послушался внука

Из цикла «Дедушкины рассказы»

Рассказ первый Знакомое лицо

Этому рассказу 50 лет. Почему я его написал тогда? Почему ни разу не включал в свои сборники? Не могу объяснить. Лежу больной. Ночь. Круто не спится. Перечитываю свою старую папку, случайно оставляю этот рассказ сверху на стуле около дивана и забываю о нём. Вечером внук спрашивает:

- Опять к «Золотому Слово» готовишься?

- С чего ты взял?

- А вот рассказ прочёл. Станный. Ещё на пишущей машинке отпечатанный. Ты теперь так не пишешь.

- Да уж - так... на память остался.

- Дед, а ты его опубликуй: новое - забытое старое - сам меня учишь. Меня зацепил. Да и ты в нём совсем другой.

- Да кому это надо?!

- Вот мне, к примеру. И ещё наверняка найдутся читатели, которых он заинтересует. Только не правь ни слова.

- Подумаю.

И я решил послушаться внука.

...Когда я смотрю на этого старого, много повидавшего в жизни человека, мне делается очень грустно и как-то не по себе. И вот почему...

Я ведь в Тбилиси недавно. И странно именно здесь увидеть с детства знакомое лицо. Да, этот человек почему-то живет теперь здесь. Раньше, много лет назад, я впервые встретил его в Ленинграде. Я был тогда совсем ещё малышом, а он работал учителем пения в школе напротив моего дома. Ходил всегда во всём чёрном, чуть сгорбившись, словно что-то потерял и теперь искал на земле. Дети по-разному относились к нему: одни - с боязнью, другие - постарше - с почтением, а некоторые - вроде меня, даже дразнили его популярной дразнилкой: «Эй, учитель пения, вышел из терпения, залез на потолок и кричит: какой урок?» Он никогда не сердился, а только всегда печально улыбался, что, помнится, очень смущало. Позже, когда я учился в школе, я часто баловался на его уро-

ках, проказничал, на что он, укоризненно качая седой головой, говорил: «Хватит, Гриша!» Меня всегда это удивляло, даже обижало почему-то, и я кричал: «Я не Гриша, я никакой не Гриша, я совсем не Гриша!». «Хватит, хватит», - тихо повторял он, и это случалось не однажды. Он всегда был один, даже на школьные вечера не оставался, готовил их, а перед самым началом, надев своё чёрное потёртое пальто, уходил. Кажется, я не был чёрствым мальчишкой, но этот человек в ту пору совершенно не интересовал меня, хотя, признаться, было в нём что-то таинственное, загадочное...

И вот я увидел его в Тбилиси. Он меня не узнал. Стоял около консерватории в том же самом пальто и смотре на мою афишу старческими слезящимися глазами. Если бы вы знали, как мне почему-то стало жаль этого человека, как захотелось поговорить с ним, расспросить о житье-бытье... Помнится, в детстве я что-то слышал о его истории, но как-то туманно - как и все, он был когда-то молод. Наверное, красивый, был хорошим музыкантом - ему прочили, как говорится, большое будущее. Он встретил девушку, полюбил. Она училась на врача, вроде, хирурга, Поженились. У них родился чудный парень - он был похож на отца и с самого раннего детства жил музыкой. Лет в 10 он отлично играл на фортепиано, очень рано поступил в консерваторию. Жили достойно, отец концертировал-гастролировал, был счастлив... И вдруг... война! Рассказывали, что она унесла у него и жену, и сына, а его самого даже в армию не взяли, как он ни рвался - из-за плохого зрения...

Музыкант опустил, потерялся, начал пить и всё повторял нашему соседу, как тот передавал моей маме: «Пятидесятилетнему старику нельзя уже начинать жизнь сначала!», и говорили, что думал он и жил лишь памятью о прошлом, о жене и сыне, но всё же жил, полезно для людей жил, нас, шалопаев, учил музыке, а мне даже незаметно привил любовь к этой самой музыке, которая стала моей жизнью...

Я подошёл к нему: «Здравствуйте!» - он молчит. Совсем не узнал? Нет, он привычно грустно и ласково улыбается и показывает на

свой рот – оказывается, несколько лет назад его разбил паралич с полной потерей речи. Он молчит, теперь, он уже никогда никому ничего не скажет, он показывает на мою афишу, одобрительно хлопает, а я читаю по его губам: «Как дела, Гриша?» и, наконец, всё понимаю. Или мне это только кажется. Позже, в студгородке один парень сказал мне: «Что ты переживаешь? Он же не один такой. Стольких людей война сломала - миллионы!» Но мне от этого не легче... Я так и не узнал, почему он оказался в Тбилиси... И очень странно: иногда во сне я вижу это знакомое лицо как будто близкого мне человека, перед которым я в чём-то виноват...

Рассказ второй

Не лошадиные фамилии (глупая, но жизненная шутка)

Внук ржал как никогда:

- Дед! Ты когда это написал?

- Да сегодня ночью - не спалось.

- Это надо обязательно всем прочитать!

Это круто!

- Я что, с ума сошёл? Это, просто так, шутка, я даже набирать не хочу.

- Ну дай, я хоть своим в Универе прочту. Тебе что жалко, чтоб у людей настроение поднялось?

- Да бери!

Вечером внук заявил:

- Дед! Ты не прав, это достойно публикации - все говорят!

И я решил снова послушаться внука.

- Так ты скажи мне - жениться или не жениться? В мои годы надо точно всё понимать, а тут такое дело - смеяться ведь надо мной будут, - глядя на обильный стол, где блестели бутылки алкогольных напитков, звали к себе салаты, мясные нарезки и прочие холостяцкие угощения, уныло произнёс Соломоныч, предлагая соседу и испытанному другу садиться.

- Подумаешь, Тригносу! Да фамилие - оно ещё круче бывает, - хрюкнул Василич, наливая в стакан вожделенную, вызывающую возбуждѐж крови жидкость и вылавливая красавец-корнишончик. - Вон Володька - Добрыйвечер в одно слово, или, помню, шофѐр у нас был Постойка - эти хохлы гоголевские вечно что-нибудь с хохмой придумают-учудят, вии чёртовы... Я когда служил, в дивизионе старшины были Небаба да Нехай и срочники - эти уже с

Сухума - сначала Ахсмагулия, а потом и Добигулия, или армяне - Насракян и Сутрапьян, а у соседей, если не врут, ваще был Нематюгайтис - смеху было! Да и у тебя у самого - чего лучше, что ли, фамилие? Цугундер - оборзеть!..

- Не скажи, - откликнулся картавящий на все буквы алфавита Соломоныч, называвший страны бывшего Варшавского договора вслед за незабвенным Леонидом Ильичѐм Брежневым «сосиски сраны», то есть «социалистические страны». - Она ведь моводится, ей юной хоцца быть, да она соседней Манюне пьизналась, что употребляет не только обсиданты эти самые, но и новое екайство – «нестоит» называется, и мне советовала.

- Ну, «нестарит» достать надо - это тебе не аспирин «Упса», да и тебе, абстрактно говоря, как в прошлом солисту нашей долбанной эсрады, песранальному писионеру теперь «нуникак» уж скоро будет нужон, - заржал сосед, речь которого всегда отличалась невнятной дикцией и пропуском или перестановкой букв в словах. - А то «нестарит» - ишь чего захотел!

- Чевовек с янами на душе - не может жить спокойно, - заверещал Цугундер.

- Да чего там, с ранами на душе? Сранные люди, ей-Богу! - стратегию надо выработать, не только тактику - надо её убедить, в крайнем случае, двойное фамилие взять - будет Тригносу-Цугундер, хотя это уже беспердел явно.

- Нет, она не пьѐтив выйти за меня замуж, но настаивает, чтобы я взял её фамилию, но я же Цугундей!

- Если подумать - в мировом пространстве по сра... - Василич икнул, - по сравнению со срашными событиями последнего времени, фамилие значения особого не имеет, тут главное не только хотеть, но и мочь.

- У меня два этого дева – «Нестоит», - восторжествовал Соломоныч.

- Это, конечно, аргумент. Ты, брат, у нас универсал, - подвѐл итог Василич. - Женись и держись. В крайнем случае «Нуникак» доставнем. Настоящего мужа-то никакой коллектив-песронал не заменит.

- Выходит, я тепей буду Тькигносу? - заключил несчастный Цугундер.

- Давай лучше ещё выпьем за законный брак! - чокнулся сосед и опорожнил стакан, приговаривая огурчик. - Желаю, чтобы всегда стоял, - опять икнул Василич, - на своём, в общем, ты прав - три к носу! - и потянулся за бутылкой...

Золотое Слово - 9

душие метаморфозы, Михаил уже не допускал ошибок юности с бурными излияниями и восторгами перед расколдовавшимися принцессами, что быстро влекло скучные осложнения в виде истерических выяснений отношений с отчаянно квакающими со своих кочек обманутыми жабами. Опытный мужчина, он давно умел расставлять четкие вешки с самого начала: ну, во-первых, он женат, «и это навсегда», а во-вторых, любые попытки задушевности поначалу мягко, а потом и грубо, с плавным переходом в хамство, пресекались им в зародыше. Экклезиаст был не дурак, когда сурово советовал не открывать душу женщине, чтобы не давать ей власть над собою – а они так и норовили окопаться именно там, словно тоже читали Ветхий Завет и знали, что ключик от мужчины отнюдь не тот, туго осязаемый, который он им так настойчиво вкладывал в жадные их кулачки...

- Ну, ты идешь? – крикнула Аля из кухни.

Михаил нехотя поднялся в комнате из-за письменного стола, где, отодвинув компьютерную клавиатуру, убивал лишние в жизни минуты тем, что без особого любопытства разглядывал засунутые под стекло семейные фотографии посторонних ему людей. Впрочем, некий будоражащий элемент все же присутствовал: он словно безнаказанно подглядывал в замочную скважину. Вот, например, этот несчастный мальчишка-нахимовец с вымученно бравой улыбкой и понятия не имеет о том, что на его детское непорченное личико глядит сейчас чужой недружелюбный дядя. А Михаил-то прекрасно знает от Альки том, что мать мальчишка, Алькина подружка-разведенка, удобно живущая прямо напротив их издательства невинная сводня, сдала сына-подростка в кадетский корпус на казенный кошт, чтобы сбегать с рук на всю неделю и не особенно на него тратить; зато свою и чужую подлую личную жизнь она может налаживать на освободившейся площади в любое время дня и ночи – плевать, что мальчишечка-то домашний, теплый, плачет по мамке на жесткой солдатской койке, сносит зуботычины от полувзрослых накачанных парней – у той никаких угрызений совести: она ведь ни больше ни меньше как защитника любимой

Родине растит!

- Иду уже, иду, – почти злобно отозвался Михаил, появляясь на пороге кухни.

Это в первый раз (и последний, но она об этом не знала) Аля попыталась обставить их свидание жалкой пародией на семейственность: подогрела в микроволновке какие-то домашние котлеты с клейким картофельным пюре, вывалила из банки в чужую салатницу собственноручно наструганный «оливье» и теперь судорожно давила на него из пакета жирный желтый майонез. Национальный салат из Алькиных рук был забракован Михаилом априори, без снятия должной пробы: все-таки не было на свете хозяйки, умевшей приготовить его лучше Жанны, вечной супруги, получившей недавно от мужа на серебряную свадьбу давно лелеемые тою в мечтах блескучие висюльки. У нее имелся унаследованный от бабки секрет, своеобразное «ноу-хау», ставившее именно ее «оливье» вне конкуренции: Жанна добавляла в уже готовый мясной салат – только с говяжьей, никаких вам колбас-ветчин – банку крабов вместе с соком – и все...

- Сама... ешь, - буркнул Михаил Альке, с умильными глазами совавшей ему под нос хрустальную салатницу, причем лишь в последний момент, быстро одумавшись, смягчил глагол на нейтральный, успев на ходу заменить им первоначально выскочившее на язык «жри»: больше она его сюда не затащит, но раз уж сегодня приволокла, так надо доиграть пристойно.

Он принялся деловито поглощать под ее одобрительным, исполненным вечной бабьей надежды взглядом деликатесные котлеты, неожиданно явившие под шубой коричневатых сухарей изумительное куриное филе с нежнейшей начинкой из протертой цыплячьей печени – только ради них одних стоило сегодня сюда притащиться с этой... Позавчера-то ни до чего было: прямо на пороге вцепились друг в друга не то в страсти, не то в свирепой драке, полетели какие-то пуговицы, шпильки и тряпки, и добратся они сумели только до кресла в прихожей, словно специально для этого буйного дела предназначенного... А вчера – заметил. Заметил, что, открыв белый бельевой комодик, Аля

уверенно взяла синий шуршащий пакет откуда-то сбоку – отдельный какой-то пакет, знающий свое законное место в этом вроде бы чужом комодe – лично ее, Алино место... Оттуда она извлекла две наволочки и простыню – все на вид чистое, но явно не вчера стираное – и какими-то особенно ловкими и привычными движениями застелила бельем гладкую хозяйскую тахту... Перед уходом все отправилось в том же родном пакетике в уютный беленький ящичек. «Не впервые, - сразу понял Михаил. – Ну, еще бы, конечно: пустая квартира близкой подружки прямо у работы, когда дома мать-старуха и сестра-студентка. У воды – да не напиться?» И стало ему так противно, будто она была любимой женщиной, пойманной на измене. «А если бы была? Что бы я тогда почувствовал? - подумал он, и его отчетливо передернуло. – Нет уж, будем вечно придерживаться совету Экклезиаста...»

Весь Ветхий Завет он, конечно, не читал – как и Новый, и Псалтирь, по которым тридцать лет назад на первом курсе Универа они учились читать по-старославянски. Но в отрывках знал и то, и другое, и третье изрядно, а кое-что даже и наизусть – потому что препода по старославу был желчным пунктуальным старикашкой с козлиной бородкой, пытавшим и без того ошалелых от сигматического аориста студентов еще и длинными текстами из Священного Писания, раздавая на занятиях ксерокопии целых страниц и требуя гладкого, беззапиночного чтения и наиточнейшего, без всяких художественных домыслов, перевода.

- Ну-с, уважаемая, - блял он в набыченную от смущения голову толстой девочки, что с бесконечными спотычками и придыханиями уже четверть часа натужно переводила эпизод с Саломеиной пляской. – И на чем же, по-вашему, Саломея просила подать ей голову Иоанна Крестителя? Что же это за таинственная «миса» такая?

- Большая миска? – с тоскливой надеждой вопрошала та (ну, конечно, если маленькая, то миска, а большая – так выросла до целой мисы, следовало по ее убогой девичьей логике).

- Вы сами-то, любезная, гуся жареного го-

стям на чем подаете? – неумолимо дребезжал дотошный профессор.

- Блюдо! – трагически выстанывала пытуемая, словно выдавая государственную тайну, и казуистический допрос продолжался до самого конца страницы, очень часто заканчиваясь жестяночным скрипом: «Садитесь, «плохо»!» - и так однажды наткнулись, помнится, на историю Амнона и Фамари.

Ее бойко перевела записная отличница Ирка – и на том пара успешно закончилась, поэтому горькая судьбина бедной Фамари не успела потонуть для студентов-русистов в дальнейших перипетиях высоких судеб древнееврейского народа, а была страстно обсуждаема в темноватом кафе за фирменными университетскими грибными пирожками, известными тогда многим городским гурманам восьмидесятих, незаконно посещавших со двора студенческий кафетерий. Злокозненный Амнон, поначалу аж заболевший от любви к Фамари, тем не менее, ничтоже сумняшеся заманил ее к себе, пробив на жалость, - и преспокойно изнасиловал. Самое интересное, что девчонки (а учились в группе, кроме Михаила, только они) именно за это не очень-то его и осуждали: дело житейское, влюбился парень да не сдержался, с кем не бывает! А вот за то, что после содеянного возненавидел обесчещенную им же девушку, да так, что ненависть та «была сильнее любви, какую имел к ней», и прогнал вон, велел слугам вытолкать взашей – за то девчонки подвергли Амнона страшным женским проклятьям, и думается, не в первый раз за человеческую ветхую и новую историю – так что кости его, а потом и пыль, в которую они с тех пор превратились, должны были не то что регулярно переворачиваться, а просто смерчем носиться по миру. Этаким разрушительным тайфуном «Амнон», насланным вековой женской ненавистью. Под возмущенный шумок Михаил предусмотрительно выскользнул из кафе, пока не дождался лично в него нацеленного рокового вопроса: «А ты что об этом думаешь?» Потому что нельзя же было в эти двадцать прищуренных в половой солидарности острых глаз ответить прямо и честно, что Амнон ему милей и

Золотое Слово - 9

понятней, чем Фамарь. Кромешная, дремучая дура, на что она была еще мужику нужна? И никакую не ненависть испытал к ней Амнон – много чести, ненавидят врага, а не бабу! Простое отвращение у него появилось, как у любого здорового самца к потребленной самке. А этим как объяснить? Ведь не скажешь же: хорошо, в жаркий день захотела ты мороженого. Съела одно, съела другое... Ну, ладно, третье... А при мысли о четвертом затошнит ведь!

Вот как сейчас, четвертая котлета «де воляй» - или как там они называются – уже ни за что не хотела в него влезать. Тьфу, гадость жирная. А еще с голодухи вкусными показались...

Между тем, до конца обеденного перерыва оставалось лишь около получаса, а успеть предстояло немало: во-первых, наскоро совершить то, ради чего, собственно и существовала в природе эта конспиративная явка, и чем заниматься на сытый гастритный желудок, натужно принявшийся за переработку горелых сухарей, прогорклого масла и сомнительной курятины, не хотелось просто категорически. А потом предстояло лихорадочно одеваться, невольно наблюдая неаппетитные подробности чужого интимного туалета, и трусцой нестись по отдельности обратно в издательство... Бр-р... Михаила, вновь вернувшегося было к столу с фотографиями, передернуло от такой перспективы, и даже мелькнула немужественная идея вот прямо сейчас, пока Алька наскоро догромыхивает на кухне посудой, бесшумно сбежать навсегда из этой поганенькой квартиры... А с бабой можно потом хоть не здороваться: работают в разных отделах, никаких крючков, чтоб за губу его зацепить, у нее нет и быть не может – об этом он всегда с особой тщательностью заботился... Ну что – классический соскок? Он осторожно передвинул обратно клавиатуру, оперся ладонью о стол, тихо подымаясь – и вдруг сквозь его же пальцы глянуло сверху вниз черно-белое женское лицо.

Михаил еще даже не взглянул на него как следует – а уже словно варом обдало голову, а ноги согнулись сами, бережно возвращая хозяина обратно на хлипкий вертящийся стул. Впервые в жизни это произошло с ним наяву,

хотя четверть века случалось только во сне – и тогда он взвивался, задыхаясь и пища, как придавленная мышь, и в тысячный раз рассказывал сонной мятой Жанке, что опять, опять, опять тот растреклятый кошмар.

...Он уверен в себе, потому что прыжок уже семьдесят первый, и привычная высота три тысячи самая надежная, и бесподобно прозрачен зелено-голубой воздух, и дух захватывает радость от непередаваемого ощущения свободного полета, и так гостеприимно ждет мягкая, милосердная земля... Но вот уже вспыхивают слева и справа внизу круглые белые купола товарищей по аэроклубу, значит, пора и ему дергать послушное кольцо... Но в этот миг прямо под ним вместо далекого коричневого поля мгновенно вспучивается тугая белая ткань, и он беспомощно летит прямо в нее, она забивает ему разинутый в смертном крике рот, судорожно тянущие отсутствующий воздух ноздри, проникает во все поры, прошивая насквозь – а он все еще жив, и мука эта никогда не кончится... И тут прямо перед ним возникает искаженное ужасом и болью, словно любовной мукой, лицо – то самое, что сейчас с улыбкой глядит сквозь мутное стекло из-под его похолодевшей ладони.

Хмурая со сна Жанна приносила ему не мужской, а котовий напиток – валерьянку в стопочке – и, раздраженно поворачиваясь спиной, бормотала: «Ну сколько можно, сто лет ведь прошло...» Не сто – двадцать пять. Он считал.

Дрожащими руками Михаил кое-как извлек фотографию и приблизил к глазам в смутной надежде на ошибку. Надежда, разумеется, не оправдалась: будь это не Тамара, его бы так не встряхнуло – стало быть, узнал он ее другим, не обычным человеческим зрением еще до того, как рассмотрел... Счастье, что он не женщина, а мужчина: в свои сорок восемь чувствует себя полным сил привлекательным молодым человеком, у которого все впереди, а женщина «за сорок», как ни крути – а бабка. Сколько бы ни наряжалась, ни мазалась – бабка. Может, роды их уродуют, может, дети все соки выпивают, может, просто природа такая – а женщина после тридцати заканчивается. Это была его

твердая уверенность, ни разу ничем не поколебленная.

Тамара не стала исключением: черты вроде бы те же, даже мелкие кудряшки юности точь-в-точь такие же, как были, а кожа обвисла, вокруг глаз «гусиные лапки», брыли от носа к углам рта чуть не бульдожьей, взгляд потухший... И все равно он смотрел на это когда-то милое девичье, а теперь неумолимо стареющее, некрасиво угасающее лицо с невольным трепетом, почти с умилением... Тогда на тренировках он не отводил от нее восхищенного взгляда – и вот чудо: не было в ней никакой обаятельной не то привлекающей, не то отталкивающей детали, из тех, что мгновенно цепляли его в других девушках вот именно как рыболовный крючок разъявленную губу карася. Тамару он принимал безоговорочно всю: и ловкие ее движения, и тяжеловатую походку, и матовое не улыбочливое лицо, и чересчур низкий для женщины голос, и даже то, что она всегда его в чем-нибудь невольно обставляла: например, укладка парашюта с самого начала была для него сущим наказанием, причем любую помощь принимать категорически не допускалось: если разобьешься – виноват только ты. Так вот, он со своим парашютом справлялся в группе последний, а она – первая. Был бы на ее месте кто другой – возненавидел бы Михаил наглого выскочку лютой ненавистью, а в Тамаре – восхищалось... Все, все восхищало: ее недамская в себе уверенность, недевичья основательность, светлый вдумчивый взгляд из-под строгих и четких каштановых бровей... Оглядываясь назад, он потом с изумлением вспомнил о том, что, несмотря на то, что девушка эта нравилась ему прямо катастрофически, он ни единого раза не посмел чувственно представить себе даже как целует ее, а уж обычные скверные фантазии с последующим брезгливым отмыванием рук и чувством вины никогда не ассоциировались с ней... Ему, темноволосому и синеглазому мускулистому парню, мечте поклонниц Алена Делона, было легче броситься в первый раз в бездну из свистящей квадратной дыры в грохочущем железном чреве, чем, пригладив непослушные вихры и нервно облизнувшись, решиться пригласить

ее в кино... В тот первый раз она отказалась. Но не с уничижительной усмешкой красавицы, отвергающей докучливого ухажера, а мягко и почти печально объяснив, что у ее лучшей подруги – день рождения, и поэтому кино придется перенести на другой раз... Она сумела своим глубоким альтом произнести все слова именно так, чтоб он не отполз в сторону побитым псом, а унес с собой в потеплевшей от разгоравшейся надежды груди ее новый, стремительно родившийся образ. Он едва дождался обещанного «другого» раза, случившегося лишь на следующей неделе, и принял твердое решение повторить отчаянную попытку непосредственно после приземления – оттого и подгадал очередь так, чтобы выпрыгнуть прямо за ней и будто бы стремительно нагнать ее своей любовью и даже некоторой мужественной дерзостью.

...Оба не знали, что практически одновременно почти такой же случай произошел с двумя незадачливыми парашютистами в Австралии. Там обошлось без серьезных последствий, поэтому виноватых и не искали. А в Советском Союзе виноват был именно Михаил – и никто другой, но, поскольку он-то и пострадал настоящим, с него сурово не спрашивали...

Он сделал то, что не пристало и новичку, нарушил одну из важнейших заповедей парашютиста: никогда не хвататься за кольцо, если под тобой кто-то есть. Но, обуреваемый совсем не той страстью, какая предполагалась во время прыжка, он непроизвольно раскрылся, находясь прямо над Тамарой, - и, не зная об этом, она в ту же секунду раскрылась тоже... Ее купол с размаху ударил в еще раскоряченного лягушкой Михаила, и он своим телом смял его, перекрутив стропы, а сам, от неожиданности и довольно сильного удара соскользнув с мятого купола, повис без движения, как отпущенная кукольным марионеткам. Два парашюта спутались, закрутившись друг о друга намертво, и наполненным остался только один, чудом уцелевший верхний купол. Волей сорванца-случая Михаил застрял чуть ниже Тамары, попавшей в стропы, как в сети, и нескончаемо долгие минуты, что один парашют на двоих кое-как нес их к уже не гостеприимной и ласковой, а ошетилив-

Золотое Слово - 9

шейся тысячами острых камней беспощадной земле, он из тумана полуобморока беспомощно смотрел прямо перед собой на ее затертую меж тугих строп почерневшую руку, лишенную перчатки, а чуть выше видел сначала мученическое девичье лицо, а потом – уже страдальческий оскал жестоко убиваемого хищника... Тамара так и не издала ни одного звука... Потом страшный, потрясающий удар, во время которого он отчетливо услышал треск собственных костей, – и все надолго для него погасло...

В Универе пришлось брать академку перед самым дипломом – ну, да это была наименьшая из всех неприятностей, хотя и говорили вокруг, что повезло им обоим сказочно: Михаил отделался несколькими не критичными переломами – ребра без смещения плюс три конечности из четырех – а позвоночник и череп парадоксально не пострадали совсем. Тамара же и вовсе, как ему ребята из клуба рассказали в больнице, родилась в рубашке: в гипсе только одна рука, полтела – сплошной синяк, но зато этим и кончилось, через неделю уж домой обещают выписать... Он шепотом простонал: «Все». После такого героического, навечно во все анналы аэроклуба вошедшего невольного «тандема», к ней путь-дорога заказана... Он и глаз на эту девушку теперь поднять не посмеет... И действительно, Тамару ему так больше увидеть в жизни и не пришлось.

Другие, гораздо более осязаемые страдания отодвинули на задний план так и не успевшие начаться муки несостоявшейся любви. Сначала боль была, как искренне считал Михаил, адская. Когда на короткие минуты удавалось забыться тонким, как медицинская марля, сном, ему снилось, что на него напала и рвет на куски свора бродячих псов. Он отчетливо видел хищные окровавленные пасти, терзающие в грязи откушенные куски его увечных конечностей, корчился среди рыка и воя – и просыпался с тем, чтобы встретиться наяву с грызущей, рвущей, выкручивающей, тянущей, выматывающей болью *везде*. Она была как живое существо без сердца, без разума, недоступное мольбам, не падкое на взятки, да и дать их было нечем. Делала, помнится, старая

одышливая медсестра – вся в коричневых бородавках – какие-то редкие уколы, притуплявшие страдания на некоторое, очень незначительное время – и опять то бешеные собаки в мучительном полусне, то невидимая многоглавая гидра, впивавшаяся в него зубами, клешнями и когтями наяву... Кто мог бы облегчить его страдания? Уже лет десять как умершая мать – но не докричаться теперь до нее, не дохрипеться... Отец приходил в больницу после работы и сурово, нарочито «по-мужски» пытался взбодрить, убеждал «держаться», порываясь даже похлопать по плечу – правда, ума хватало отдернуть вовремя руку, наткнувшись на отчаянный взгляд обездвиженного сына.

И тогда, как солнечный зайчик в склепе заживо замурованного, появилась в самом пекле боли красавица Жанна, дочь отцовского товарища по рыбалке – Михаил видел ее несколько раз, когда в добровольно-принудительном порядке мужики мобилизовывали летом обоих подростков чад для береговых нужд – а может, и в тайной надежде на то, что те вдруг возьмут – и друг дружке понравятся. Жанна не понравиться не могла: высокая грудастая блондинка со спокойными карими глазами и медлительной речью, она могла бы, конечно, украсить собой уже к тому времени внушительную Михайлову коллекцию, но под ободряюще-благожелательными взглядами обоих отцов сама мысль о каком-либо уходе за ней даже мимоходом сверкнуть у юного ловеласа в голове. Еще бы: тут и слезть с нее не успеешь, как марш Мендельсона заиграет!

Но, когда открылась обшарпанная палатная дверь и в проеме показалось знакомое, приятное и, главное, по-человечески сочувствующее лицо, Михаил обрадовался ему несказанно, точно только эту чудную девушку и ждал в своей жизни, только из ее рук чаял принять облегчение. И оно пришло.

- Бо-оже мой, что же они с тобой здесь делают! – простонала Жанна с порога и, склонившись над его пытошным ложем, добавила шепотом те самые слова, что бесстрашные медсестры говорили под пулями смертельно раненым бойцам: - Сейчас, сейчас, потерпи,

миленький...

И он поверил, что скоро его вынесут из боя, уймут так измотавшую его боль – да хотя бы просто дадут напиться и вытрут пот и грязь с покрытого испариной лба...

Она обтирала его влажными салфетками, пропитанными чем-то неуловимо душистым. Она с ложки поила его настоящим, золотым и ароматным, а не серым больничным бульоном. Она без всякой брезгливости выносила из-под него вонючее железное судно. А после того как дело медленно и со скрипом повернуло на улучшение, то чесала принесенной из дома спицей нестерпимо зудевшую кожу под гипсом, в залитом солнцем коридоре учила его ходить на костылях, подставляя мягкое надежное плечо, если он лишался последних сил, и, ни на секунду не возроптав, волокла в палату на себе, когда, позволяя себе вполне законный каприз выздоравливающего, он заявлял, что больше не может пошевелиться.

- Женись, дурак. Как за каменной стеной за ней будешь, - без всяких обиняков порекомендовал ему в палате матерый мужик с пробитой было, но быстро, как на боевом коте, заживавшей башкой.

Остальные зареготали, а Михаил озлобился и на следующий день встретил Жанну нарочито грубым:

- Приперлась?

Но она не обиделась, даже лицом не потемнела – и, все так же ясно глядя ему в глаза, начала стрекотать, как ни в чем ни бывало, о каких-то своих студенческих пустяках...

Они расписались, на радость обоим своим рыбакам, вскоре после больничных мытарств, и ровно через девять приятных месяцев, жарким черныбыльским летом Жанна без всяких мучений, легко и радостно подарила ему их первенца-наследника, отличного розового сына Вовку, а еще через полтора года точно так же, словно между делом, родила такую же крепкую дочку Катеньку.

Жанна оказалась из той, лет сто назад цены не имевшей породы женщин с экстагическим первобытным взглядом, для которых животное материнство является болезненной целью,

на пути к которой до кровожадности жестоко сметаются все остальные человеческие чувства и стремления, включая сюда и любую другую любовь, кроме той, что жадно направлена на потомство. Роль мужа при одержимой великой целью жене походя низводится сначала до осеменителя, а потом – до вечно понукаемого добытчика и, по совместительству, исполнителя традиционно тяжелых и грязных работ. Сопротивляться такой жене невозможно в принципе, потому что все ее действия освящены вековой правотой создательницы и хранительницы очага – обязанность уважать ее доводится порой до культа, и спасения нет. По природе своей Жанна могла и хотела приносить ежегодный здоровый приплод, потому что обладала замечательной ветхозаветной способностью зачинать при каждом супружеском соитии, в любой день, невозмутимо попирая самые тщательные предосторожности – а в суровые девяностые растить и двоих считалось делом неподъемным. Рыдая, она ходила на аборт по четыре раза в год, исторически обвиняя мужа, мужа, мужа, и только его – и в конце концов Михаил стал попросту бояться торжественного супружеского ложа. Впрочем, Жанна и не настаивала: бесперспективные соития, не имеющие перспектив вновь наполнить младенческим теплом вечно тоскующие руки, не имели для нее ровно никакой самостоятельной цены.

Она знала, конечно, что муж ее периодически бывает гуллив, но проявляла похвально-проницательную снисходительность. «А-а, не смылитесь. Лишь бы все в дом нес», - такова была ее несокрушимая в своей жестокой правде нравственная позиция. Сгубленная на корню его жизнь – да что там жизнь, крушение цивилизаций, потрясение исторических основ – все это ровно ничего не значило по сравнению с одним прохуdivшимся Катенькиным или Вовкиным башмачком. В прямом смысле – не в переносном. Когда в первые годы брака Михаил еще надеялся разбудить в жене какие-то общечеловеческие чувства, она бесхитростно пресекла все попытки в навеки памятные дни августовского путча:

- Баррикады на Невском! – тогда еще

Золотое Слово - 9

юным корреспондентом несерьезного журнальчика вбежал он домой проведать семью перед грядущим, как втайне надеялся, геройским подвигом. – Чего ждать – неизвестно! Может быть, к ночи начнется стрельба...

- Знаю! Ужас! – взволнованно прервала его молодая жена, и он весь устремился к ней в ту минуту, решив, что горести страны могут теперь негаданно сблизить их, но она продолжала с досадой: - Там прямо у баррикад этих дурацких – хороший обувной магазинчик. Я на той неделе еще ботиночки для детей присмотрела – загляденье. Ты знаешь, что у них с обувью делается – кошмар! Думала, с полочки твоей куплю, а теперь действительно неизвестно... Вообще неизвестно, скоро ли удастся достать им какую-то обувь! И в чем им осенью ходить?! В чем им ходить, ты подумай!

А у него и полной уверенности в том, что эта осень вообще наступит для них, в тот момент не было...

Так Михаил постепенно превратился в Амнона – и ничего, не жалел, приспособился. Так даже лучше: по крайней мере, ничего выдающегося давно уже не ждешь...

Сзади на плечи ему легли две жесткие руки с твердыми острыми ногтями, щеку обожгло противно-теплое металлическое дыхание:

- Ну, чего ты, у? Соскучился? Карточки Риткины разглядываешь? У? – Аля терлась увядающей напудренной щекой о его напряженное, исподволь стремившееся книзу плечо. – Это кто тут у тебя? А, Томка, сестра Риткина, сухоручка... Ну, чего ты, милый, у? У-у? – Аля

уже властно разворачивала его, ласково бодаясь кудлатой стриженной головой.

Михаил замер на секунду, но вдруг сглотнул и облизнулся:

- Сухо... что? Не понял...

Она нехотя отстранилась, досадливо выдохнула через нос и скороговоркой объяснила:

- Ну, рука у ней отсохла. Чего-то там в молодости в парашютном клубе случилось, я толком не знаю... Запуталась, что ли, в парашюте этом, и сухожилия как-то перерезало... Вроде, оперировали несколько раз – без толку. Рука вся скрюченная и не шевелится... Старая дева, конечно, кому такая нужна... Короче, не спрашивала я подробностей... Мне-то какое дело... - Аля снова потянула его к себе, уже настойчивей, с обиженными нотками, мурлыча: – Ну, давай, ну, чего ты... Двадцать минут осталось на все про все... У? У-у?

За ее спиной уже пригласительно пестрело на тахте веселенькое цветастое бельишко.

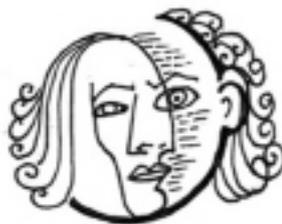
Михаил быстро поднялся, грубо стряхивая с себя ее цеплочки, как у большой шелудивой кошки, когти.

- Да чтоб тебе... - процедил сквозь стиснутые зубы и, не разменявшись более ни на звук, зашагал к дверям, на ходу прихватывая сумку и куртку.

В благословенные незапамятные времена Амнон находился в несколько лучшем, чем он сейчас, положении: «Встань, уйди», - с полным правом мог он сказать своей ненавистной Фамари.

26-30 марта 2014

Букино

АЛЕКСЕЙ ВОРОНОВ

Гиена и Пифагорыч

История, о которой я хочу вам рассказать, случилась в те годы, когда в Эстонию, Латвию, Грузию, Молдавию и другие братские республики Советского Союза можно было запросто поехать без всяких виз и загранпаспортов. Буханка хлеба стоила тогда всего четырнадцать копеек, прокатиться в метро - пятак, а килограмм колбасы можно было купить за каких-нибудь три рубля с копейками. Вернее - не купить, а достать, потому что как раз тогда водка, колбаса, селёдка и другие товары первой необходимости с молниеносной быстротой исчезали из свободной продажи, оставляя изумлённым советским гражданам одни лишь пустые прилавки.

Впрочем, то печальное обстоятельство, что даже мыло, спички и соль приходилось доставать «с чёрного хода», по знакомству с нужными людьми, было ещё цветочками по сравнению с тем, что творилось тогда на просторах нашей необъятной родины. В результате объявленной Кремлём «перестройки», большинство граждан трудоспособного возраста побросали свои рабочие места и принялись устраивать отчаянные разборки на всевозможных митингах, съездах и пикетах. Коммунисты с пеной у рта сражались с демократами, комсомольцы с неформалами, националисты с интернационалистами, милитаристы с пацифистами – и так далее, до плюс бесконечности.

Всю страну отчаянно трясло и колбасило, как пассажиров переполненного трамвая, и только в научно-исследовательском институте, где я в то время трудился, по-прежнему царил тишь да гладь. Официально его сотрудники неустанно занимались проблемами античного и средневекового искусства, а фактически – целыми днями торчали в магазинах, парикмахерских и ателье. Только в конце квартала они, как птицы на зимовку, слетались на свои рабочие места, быстренько нацарапывали отчёты о якобы проделанной работе – и снова разлетались кто куда, появляясь в институте лишь в дни выдачи зарплат и премий.

И вот, в один далеко не самый прекрасный

день, из министерства поступил приказ – незамедлительно провести сокращение штатов. Собственно говоря, такие «сюрпризы» случались и раньше. Обычно директор института в таких случаях отправлял на заслуженный отдых сотрудников, достигших пенсионного возраста, после чего с чистым сердцем отчитывался наверх о выполненном указании. Однако на этот раз требовалось сократить десять штатных единиц – а пенсионеров в наличии было только девять. Значит, надо было пожертвовать кем-то из более молодых пролетариев умственного труда. После напряжённых раздумий, наш великий и всемогущий директор принял решение избавиться от Геннадия Акрилова – младшего научного сотрудника, бездетного и недавно разведённого.

Откровенно говоря, Генка Акрилов был не самым плохим работником в этой шарашкиной конторе. Звёзд с неба не хватал, но лямку свою тянул исправно. Однако он оказался единственным сотрудником, у которого не было ни одного могущественного покровителя среди родственников или близких знакомых. Именно это обстоятельство сыграло решающую роль при выборе сакральной жертвы. Поздним вечером директор приказал секретарше включить Акрилова в список лиц, подлежащих увольнению по сокращению штатов, а уже на следующее утро об этом знали все в институте. Кроме Генки, конечно.

Впрочем, он и без того целый день ходил как в воду опущенный. Дело в том, что накануне с Геннадием случилась беда на семейном фронте. Да не просто беда, а самая настоящая катастрофа. Чтобы до конца прояснить ситуацию, расскажу всё по порядку.

Со своей будущей женой Генка познакомился ещё в институте. Они обожали друг друга и, поженившись, жили душа в душу. А вот тёща с самого начала невзлюбила Геннадия, хотя, в сущности, он не сделал её ничего плохого. Просто она свято верила в то, что её ненаглядная дочурка заслуживала в качестве мужа

исключительно лорда, принца, или, в крайнем случае, директора «Гастронома», - но никак не очкарика-замухрышку с нищенской зарплатой в восемьдесят пять рублей. Она буквально не давала молодожёнам прохода, бесконечно устраивала им ссоры, скандалы – и, в конце концов, добилась своего. Бесперспективный Генка и её обожаемая красавица-дочь официально развелись, после чего его бывшая жена осталась в маменькином гнёздышке, а сам он переселился в коммуналку, на самый конец города.

Развестись-то они развелись – но любить друг друга не перестали, и продолжали встречаться тайком от бдительной мамы. Однако приводить возлюбленную в коммуналку, где обитал незадачливый Генка, было опасно из-за большого количества сплетников-соседей. Поэтому местом для тайных свиданий была выбрана квартира их бывшего однокурсника, уехавшего в длительную командировку на север и оставившего друзьям свои ключи с единственной просьбой – раз в неделю поливать фикус, стирать пыль с люстры и не забывать проветривать за собой помещение.

Всё было прекрасно до тех пор, пока тёща не обнаружила, что её ненаглядная дочушка слишком часто куда-то отлучается по вечерам. Заподозрив неладное, она начала за ней шпионить, пока не выяснила истинную причину её отлучек – а, выяснив, незамедлительно приступила к решительным боевым действиям. Подкараулив обманщицу-дочь у самого порога конспиративной квартиры, она ворвалась следом, точно разъярённая фурия – и устроила форменный погром, в завершении которого вырвала из горшка с корнем несчастный фикус, вдребезги расколошматив им люстру. При этом она, не стесняясь дочери, крыла несчастного Геннадия площадной бранью, обзывая его извергом, насильником и маньяком, грозясь немедленно вызвать милицию и составить протокол, после чего его наверняка упекут в тюрьму и сгноят на каторге.

В конце концов, обычно тихий и кроткий Генка не выдержал такого издевательства и в сердцах назвал бывшую тещу гиеной, чем окончательно вывел нервную даму из себя. Последовала новая порция угроз и проклятий, завершившихся тем, что разъярённая мама оплевала бывшего зятя с головы до ног как за-

правская верблюдица. После этого она с торжествующим видом покинула поле битвы, унося в одной руке плачущую дочь, а в другой – прихваченный со стола пирожок с капустой (очевидно, для восстановления душевного равновесия и придания сил для новых баталий).

Ничего удивительного, что после таких событий Генка вышел утром на работу бледный как покойник, с трясущимися руками и огромными чёрными кругами под глазами, совершенно утративший способность адекватно воспринимать окружающую действительность. Он молча сидел за рабочим столом, бессмысленно уставившись куда-то вдаль, когда в отделе появилась его сослуживица Олимпиада Панфиловна. В отличие от Геннадия, она была в превосходном настроении, поскольку накануне получила подарок от мужа, вернувшегося из заграникомандировки – кулон, по случаю приобретённый им специально для благоверной на распродаже то ли в Гонконге, то ли в Сингапуре, то ли на Филиппинах. Он был сделан в виде позолоченной гиены, на морде которой зловеще блестел алый рубиновый глаз.

Откровенно говоря, кулончик был так себе - обычный ювелирный ширпотреб, которого у теперешних щеголих видимо-невидимо. Однако в те времена он казался верхом красоты и роскоши. Поэтому блистательной Олимпиаде не терпелось перед кем-нибудь похвастаться своей ослепительной драгоценностью. Как нарочно, никого из дам не оказалось на рабочем месте. Один только Генка сиротливо маячил в самом углу большой комнаты. К нему-то, за неимением лучшего собеседника, и направилась наша модница. Усевшись на свободный стул, она почти вплотную придвинулась к Геннадию, изящно повертела перед его носом ценным приобретением, отливавшим дутым золотым блеском, после чего осведомилась у него – то ли, с глубоким придыханием:

- Геночка, а Геночка... Как тебе моя гиеночка?.. Правда, хороша?

- Нет слов, - машинально пробормотал Генка, не вполне уразумевший, чего от него хотят.

- Шедевральное, правда?! Другой такой симпатичной гиенушки ни у кого больше нет – ни у Стрекозовой, ни у Трясогузкиной, ни даже у самой Фёфёловой! – весело щебетала Олимпиада Панфиловна, не обращая внимания на странно

Золотое Слово - 9

изменившееся выражение Генкиного лица. - Геншечка, пупсик, признайся мне, только честно – ты хоть раз видел такую чудесную, восхитительную гиену?

- Видел... - горестно вздохнул Геннадий. - Сейчас только что от неё.

- Ой, правда?! – восторженно подхватила неистовая модница. – И откуда же её привезли – из Токио или из Шанхая?

- Из Муходранска. – простодушно отозвался собеседник. - Там её когда-то воспитали, вырастили, а потому замуж выдали за рабочего парня из нашего города. Теперь здесь живёт, зверюга.

Услышав такие неожиданные откровения, несчастная Олимпиада на несколько мгновений лишилась дара речи. В конце концов она снова открыла рот и, с трудом подбирая нужные слова, осторожно переспросила:

- Простите, а эта ваша... гиена... она с кем живёт?.. Случайно не с вами?

- А с кем же ещё? Два года с ней оттарабанил на одной жилплощади – так мне ни днём, ни ночью покоя не было. Каждую минуту ждал, что вот-вот вцепится и разорвёт в клочья. Теперь разъехались – а это ненасытное чудовище всё равно меня преследует, житья не даёт. Одно слово - хищница! Понимаете?..

- Прекрасно п-понимаю... - заикаясь от страха, пролепетала собеседница, медленно вставая со стула. - Но... может быть... если это ж-животное вам не даёт п-покоя, то его лучше... пристрелить?

- Что вы, Олимпиада Панфиловна! – горестно вздохнул несчастный Геннадий, - Какое там пристрелить... А милиция? Она же мне за такие художества прохода не даст. Ведь моё чудовище – член профсоюза с тридцатилетним стажем. У неё и документ на руках имеется, с подписью и печатью. Такое сокровище только тронь – неприятностей не оберёшься. Будешь потом всю оставшуюся жизнь доказывать, что ты не верблюд...

Тем временем вконец ошалевшая от страха модница тихонько пятилась в сторону входной двери. Увидев, что Генка замолчал, она поспешно спросила его:

- Скажите, а вы не пробовали отдать вашу зверюшку куда-нибудь... Ну, скажем, в зоопарк? Может быть, в условиях, максимально

приближенных, так сказать... к естественной природной среде... удалось бы несколько смягчить её злобный нрав?

- Да была она уже там! – досадливо отмахнулся Генка. - И в зоопарке, и в кочегарке... И посудомойкой в ресторане работала, и уборщицей в гостинице – и нигде подолгу не задерживалась. Всех сослуживцев до инфарктов доводила.

- Но... Что же она, в таком случае делает? – тихонько осведомилась Олимпиада Панфиловна, добравшаяся почти до самой двери.

- Да ничего! Только и делает, что валяется у себя на диване и в телевизор пялится с утра до ночи. Да ещё кляузы на соседней строчит, целыми тоннами... В общем, нормальному человеку с этой мерзопакостной зверюгой совершенно невозможно жить вместе. Вы меня понимаете?..

- Да-да, конечно!.. – торопливо пролепетала Олимпиада Панфиловна, после чего быстро выскользнула в коридор, плотно закрыв за собой дверь. Осторожно сняв босоножки, она на цыпочках отошла на безопасное, как ей казалось, расстояние от кабинета – и вдруг стремглав помчалась по коридору, отчаянно визжа и голося что есть мочи:

- Карау-ул!.. На помощь!.. Убивают!.. Спасите, кто может!!!

Сейчас же со всех сторон набежала толпа не в меру любопытных кумушек-квохтушек. Они плотным кольцом обступили обалдевшую от страха Олимпиаду и принялись, точно клещами, вытягивать из неё все подробности. В результате, уже через полчаса в институте только и говорили о том, что Генка Акрилов сошёл с ума, несёт какое-то бред о гиене, которая якобы живёт у него дома вместе с верблюдом, ходит бледный, как призрак замка Морисвиль, и вот-вот начнёт бросаться на людей с ножом. Во всём богоугодном заведении лишь двое не знали эту сногшибательную новость. Одним из них был директор института, поскольку находился вместе с секретаршей на показе мод немецкой фирмы «Бурда» (для жены – был срочно вызван на совещание в министерство).

Вторым был я, поскольку с утра был занят важным делом – чинил прохудившуюся трубу в умывальнике. Вообще-то, официально я там числился завхозом - но сантехник и плотник

Золотое Слово - 9

постоянно находились то на больничном, то в запое, а уборщица каждый день отпрашивалась домой, к внукам. Вот и приходилось быть в каждой бочке затычкой.

Итак, я уже почти закончил работу и как раз собирался вытирать мокрый пол, когда в умывальную комнату ворвался главный бухгалтер Жлоб Жлобич и завопил во всю глотку:

- Пифагорыч!.. Беги скорей, вызывай «псих-помощь»!.. Генка Акрилов с катушек слетел!

Генка был моим добрым приятелем, и за всё время нашего знакомства ни разу не давал повода усомниться в его умственных способностях. Поэтому я спокойно продолжал делать свою работу, деликатно осведомившись:

- Вот как! И давно с ним это случилось?..

- Сегодня, с самого утра! – с готовностью затараторил Жлоб Жлобич, то и дело разводя руками в сторону, отчего его нарукавники колыхались как вороньи крылья. - Как пришёл на работу, так и озверел. Сейчас бегаёт по кабинету, ревёт, кусается, и на всех с ножом бросается. Вдобавок лает, как гиена, и плюётся как верблюд!

- Бред! – ответил я, отжимая тряпку над раковиной. – Генка абсолютно нормальный парень.

- Да какое там нормальный! – истошно взвизгнул бухгалтер-паникёр. - Ему только дай волю – так он мигом нас на куски порвёт и весь институт в клочья разнесёт!.. А если ты, Пифагорыч, мне не веришь, так спроси у Олимпиады Панфиловны. Этот придурок только что набросился на неё прямо в кабинете, опрокинул на пол, и чуть не задушил... Еле живая вырвалась!

- Ах, вот откуда ветер дует! – резюмировал я, ставя в угол ведро и тряпку. – Теперь понятно, кто поднял эту дикую панику. Давай-ка, Жлобич, распорядись, чтобы эту сплетницу доставили сюда, в умывалку. Будем проводить с ней разъяснительную работу.

Сейчас же трясушаяся от страха Олимпиада Панфиловна предстала пред моими грозными очами – однако к этому времени она так обезумела от охватившего её вселенского ужаса, что и сказать-то толком ничего не могла. Пришлось мне принимать экстренные меры – схватить паникёршу за свежевыкрашенные патлы, сунуть её голову под кран с холодной водой и держать

там до тех пор, пока она не смогла более-менее внятно пересказать краткое содержание их с Генкой разговора.

Поскольку о личной жизни Геннадия я был осведомлён гораздо лучше своих сослуживцев, то сразу же догадался, что упомянутая им «гиена» была вовсе не хищным зверем, а, наоборот - двуногим человекоподобным млекопитающим, по имени Семирамида Степановна Кузькина. Когда мне, пусть и не с первой попытки, но всё-таки удалось донести эту простую истину до ушей Олимпиады Панфиловны – она хохотала до упаду весь оставшийся рабочий день, а за ней и остальные сотрудники. Даже директор, к тому времени успевший добраться до своего кабинета, весь в шоколаде и губной помаде – и тот не сумел в тот день подписать ни одной бумаги, поскольку то и дело извивался и корчился от дикого хохота.

Откровенно говоря, после этого досадного недоразумения во мне затеплилась слабая надежда на то, что руководство института пересмотрит своё решение о Генкином увольнении, чтобы не добивать несчастного парня до конца. Однако мои надежды оказались напрасными. Генку всё-таки сократили.

В последний раз мы встретились в тот день, когда Геннадий приходил в бухгалтерию за расчётом. Он стоял рядом со мной в куртке, и лицо у него было какое-то странное. По его выражению нельзя было определить, сожалеет ли он о своём увольнении - или, наоборот, радуется тому, что вырвался из этого бумажного царства. Мы молча выкурили по «Беломорине» и, крепко пожав друг другу руки, разошлись в разные стороны. Больше я его не видел.

А через некоторое время и вся наша тихая научная обитель прекратила своё существование. В стране сменилась власть, в город пришли новые хозяева, и один из них решил забрать себе великолепный старинный особняк, в котором располагался наш институт – с тем, чтобы переоборудовать его в элитный отель класса «люкс» с саунами и джакузами в каждом апартаментах. В результате, уже через несколько дней входы в здание оказались наглухо перекрытыми, а весь научный и технический персонал, включая дирекцию, просто-напросто вышвырнули на улицу. Но это уже совсем другая история...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

- Александр Шемников 5
Владимир Данилевский 6
Галина Парасова 10
Нина Озерова 13
Юлий Шагера 14
Юрий Пейсахович 17
Валентина Федорова 19
Патьяна Николаева 20
Софья Дубовская 23
Геннадий Серов 24
Людмила Ильина 28
Василий Денисюк 31
Елена Белкина 32
Евгений Смоляков 34
Вера Кулемина 36

ПУБЛИЦИСТИКА

- Николай Епишев 41
Антонина Липина 44
Юрий Пейсахович 49
Геннадий Серов 52
Нина Озерова 61

- Марина Каменева 63
Сергей Псарев 66
Ольга Сафарова,
Дина Панасенкова 68
Ольга Полякова 70
Наталья Веселова 76
Иван Ильин 91
Сергей Новиков 92
Патьяна Космынина 95

ПРОЗА

- Сергей Псарев 100
Юлий Шагера 114
Мария Орфанудаки 117
Галина Ковальская 119
Марина Каменева 123
Лев Горянин 130
Нина Озерова 137
Наталья Реморенко 139
Светлана Панова 142
Ольга Сафарова 148
Анна Скворцова 163
Игорь Сафронов 167
Наталья Сорокина 181
Макар Алпатов 184
Наталья Веселова 186
Алексей Воронов 194

Полиграфическое предприятие "Палитра"

Высококачественная полиграфия - быстро и недорого.

Типография "Палитра" успешно работает на рынке полиграфии более 12-ти лет
Зарегистрируйтесь на сайте и получите скидку 5% на все виды услуг

Наша фирма оказывает полиграфические услуги самого широкого спектра:

Дизайн-студия

Разработка макетов полиграфической продукции, соответствующих всем требованиям дизайна и технологии печати, создадим Ваш фирменный стиль и логотип.

Офсетная печать

Многоцветные бланки, фирменные папки, листовки, каталоги, рекламные буклеты, брошюры, книги, календари, плакаты, этикетки, стикеры на самоклеющейся бумаге и пленке, отрывные блоки, коробки из любого вида картона и т.д.

Цифровая печать

Печать на полноцветной цифровой машине (оперативное изготовление небольших тиражи полноцветной продукции: визитки, листовки, карманные календарики, рекламные проспекты...).

Ризография

Оперативная печать до формата А3 включительно, используя черный, красный, синий или зеленый цвета. Ризография это несложные и недорогие фирменные бланки, конверты, приглашительные билеты, флайеры, рекламные листовки, этикетки, квитанции, ярлыки, ценники, прайс-листы, бухгалтерские и товарно-транспортные документы (возможно на самокопирующейся бумаге), брошюры, отрывные блоки для записей и т.д.

Шелкография

Шелкографии - печатать на любых видах материалов: кожа, кожзаменитель, пластик, полиэтилен, самоклеющаяся пленка и бумага, любые виды картона, этикеточные бумаги, ткань. Визитные карточки, приглашения, фирменные бланки, папки, конверты, наклейки любого размера на самоклеющейся пленке или бумаге, этикетки, полиэтиленовые пакеты от 100 штук.

Горячее тиснение

Изготовление визитных карточек, приглашений, фирменных бланков и прочей рекламной продукции методом горячего тиснения с использованием широкой гаммы цветной фольги (матовой и глянцевой).

Плоттерная резка

Любые вывески, таблички, большеформатную рекламу (стенды, плакаты), стрит-лайны, оформим Ваши грузовые или легковые машины рекламной информацией и т.п.

Постпечатные работы

Ламинированию до ф. А1. Вырубка до ф.А1. Переплетные работы (на металлическую пружину, на пластмассовую пружину, на скрепку, термопереплет).

Надеемся, что, ознакомившись с информацией о нашей фирме, Вы придете к нам и станете нашими постоянными клиентами.

С уважением,
Коллектив типографии "Палитра".

Золотое Слово № 9
Литературно-художественный журнал

Санкт-Петербург
Издательство «Гамма»
2014 г., 200 стр.

Выпускающий редактор: Ефимова Е.С.
Оригинал-макет: Сафронова Н.А.

Под общей редакцией
Е.П. РАЕВСКОГО

Редактор-составитель Н.А. Веселова

Издание Российского Межрегионального союза писателей

Официальный сайт: **www.rmssp.pro**

Адрес для писем: 199178, Санкт-Петербург,

В.О., 11-я линия, д. 48, кв., 10

Контактный тел.: 8-921-908-97-16

8-921-441-75-84

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Палитра»

Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 87

Печать офсетная. Формат 60x84/8 Печ.л. 15

Заказ № 145 Установочный тираж 900